

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ

Annotation

Мифы и легенды народов мира — величайшее культурное наследие человечества, интерес к которому не угасает на протяжении многих столетий. И не только потому, что они сами по себе — шедевры человеческого гения, собранные и обобщенные многими поколениями великих поэтов, писателей, мыслителей. Знание этих легенд и мифов дает ключ к пониманию поэзии Гёте и Пушкина, драматургии Шекспира и Шиллера, живописи Рубенса и Тициана, Брюллова и Боттичелли. Настоящее издание — это попытка дать возможность читателю в наиболее полном, литературном изложении ознакомиться с историей и культурой многочисленных племен и народов, населявших в древности все континенты нашей планеты.

В данный том вошли мифы, легенды и предания народов Центральной и Южной Европы, многие из которых стали основой бессмертных произведений мировой литературы.

- [Мифы и легенды народов мира](#)
 -
 - [ЛЕГЕНДЫ И СКАЗАНИЯ ФРАНЦИИ](#)
 - —
 - [ПРЕДАТЕЛЬСТВО ГАНЕЛОНА](#)
 - [КОРДОВА. ВОЕННЫЙ СОВЕТ У КАРЛА ВЕЛИКОГО](#)
 - [ПОСОЛЬСТВО. ПРЕСТУПЛЕНИЕ ГАНЕЛОНА](#)
 - [АРЬБЕРГАРД. РОЛАНД ПРИГОВОРЕН К СМЕРТИ](#)
 - [НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ БИТВЫ](#)
 - [ГОРДОСТЬ РОЛАНДА](#)
 - [БИТВА](#)
 - [РОГ](#)
 - [БЕГСТВО](#)
 - [СМЕРТЬ ОЛИВЬЕ](#)
 - [КАРЛ ВОЗВРАЩАЕТСЯ](#)
 - [ПОСЛЕДНЕЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЕПИСКОПА](#)
 - [СМЕРТЬ РОЛАНДА](#)
 - [ВОЗМЕЗДИЕ САРАЦИНАМ](#)
 - [КАЗНЬ ГАНЕЛОНА](#)
 - - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)

- [Глава III](#)
- [Глава IV](#)
- [Глава V](#)
- [Глава VI](#)
- [Глава VII](#)
- [Глава VIII](#)
- [Глава IX](#)
- [Глава X](#)
- [Глава XI](#)
- [Глава XII](#)
- [Глава XIII](#)
- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [Глава XVI](#)
- [Глава XVII](#)
- [Глава XVIII](#)
- [Глава XIX](#)
- [ПРОЛОГ](#)
- [КНИГА ПЕРВАЯ](#)
 - [О ТОМ, КАК РЕНАР НОЧЬЮ ПОХИТИЛ ОКОРОКА ИЗЕГРИМА](#)
 - [О ТОМ, КАК РЕНАР ЗАБРАЛСЯ НА ФЕРМУ КОНСТАНА ДЕНУА, КАК ЗАХВАТИЛ ПЕТУХА ШАНТЕКЛЕРА\[1\] И О ТОМ, КАК НЕ УДАЛОСЬ ЕМУ ЕГО СЪЕСТЬ](#)
 - [О ТОМ, КАК ВОРОН ТИСЕЛИН УКРАЛ У СТАРУХИ СЫР И КАК РЕНАР ОТНЯЛ ЕГО У ТИСЕЛИНА](#)
 - [О ТОМ, КАК РЕНАРУ НЕ УДАЛОСЬ ПОЛУЧИТЬ ОТ СИНИЦЫ ПОЦЕЛУЯ МИРА](#)
 - [О ТОМ, КАК РЕНАР ВСТРЕТИЛ РЫБАКОВ И ДОБЫЛ И НА СВОЮ ДОЛЮ СЕЛЕДОК И УГРЕЙ](#)
 - [О ТОМ, КАК РЕНАР ПОВЕЛ СВОЕГО КУМА ЛОВИТЬ УГРЕЙ](#)
 - [О ТОМ, КАК ЗАШЛИ РЕНАР С КОТОМ ТИБЕРОМ В ДОМ КРЕСТЬЯНИНА И КАК ТИБЕР ОСТАВИЛ ТАМ В ЗАЛОГ СВОЙ ХВОСТ](#)
 - [О ТОМ, КАК РЕНАР ВСТРЕТИЛ БЛАГОРОДНОГО КОРОЛЯ И ИЗЕГРИМА И КАК](#)

ЭТИ ДВА БАРОНА ОБМЕНЯЛИСЬ ПОЦЕЛУЕМ МИРА

- О ТОМ, КАК БЛАГОРОДНЫЙ КОРОЛЬ, ИЗЕГРИМ И РЕНАР ОТПРАВИЛИСЬ НА ОХОТУ И КАК ИЗЕГРИМ НЕ СУМЕЛ ПОДЕЛИТЬ ДОБЫЧИ ТАК ХОРОШО, КАК РЕНАР
- О ТОМ, КАК ПОПАЛ РЕНАР В КОЛОДЕЦ И БЛАГОПОЛУЧНО ИЗ НЕГО ВЫБРАЛСЯ И КАК ИЗЕГРИМ, ПОПАВ ТУДА, СПАССЯ ЛИШЬ ЦЕНОЮ УВЕЧЬЯ

■ КНИГА ВТОРАЯ

- О ТОМ, КАК КОННЕТАБЛЬ ИЗЕГРИМ ЯВИЛСЯ В КОРОЛЕВСКИЙ СУД С ЖАЛОБОЙ НА РЕНАРА
- О ТОМ, КАК МЕССЕР[4] ВЕРБЛЮД, ПАПСКИЙ ЛЕГАТ, ПРОИЗНЕС ПО ПОВОДУ ЖАЛОБЫ ИЗЕГРИМА УЧЕНУЮ РЕЧЬ, ПОНЯТУЮ ВЕСЬМА НЕМНОГИМИ, О СЕКРЕТНОМ СОВЕЩАНИИ БАРОНОВ И О ТОМ, КАК ГРИМБЕРТУ БЫЛО ПОРУЧЕНО ПЕРЕДАТЬ РЕНАРУ ПРИГЛАШЕНИЕ ЯВИТЬСЯ В СУД
- О СОВЕЩАНИИ ИЗЕГРИМА С РОДИЧАМИ И ДРУЗЬЯМИ И О ПОЯВЛЕНИИ ОБОИХ БАРОНОВ В СОПРОВОЖДЕНИИ ИХ СТОРОННИКОВ ПЕРЕД ДОБРОДЕТЕЛЬНЫМ РУНИО
- О ТОМ, КАК РЕНАР ПОЧУВСТВОВАЛ УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ И НЕ ПОЖЕЛАЛ ПОКЛЯСТЬСЯ ЗУБОМ РУНИО
- О ТОМ, КАК БЛАГОРОДНЫЙ ЛЕВ СОЗВАЛ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ, НА КОТОРОМ ИЗЕГРИМ ЕЩЕ РАЗ ПРИНЕС ЖАЛОБУ НА РЕНАРА
- О ТОМ, КАК ПЕТУХ ШАНТЕКЛЕР СО СВОЕЮ ЖЕНОЮ ПИНТ И ЕЕ ТРЕМЯ СЕСТРАМИ ЯВИЛИСЬ ИСКАТЬ СУДА НА РЕНАРА ЗА УМЕРЩВЛЕНИЕ БЕЗВИННОЙ КУРИЦЫ КОПЕТ
- О ПРИБЫТИИ ГОСПОДИНА БРИОНА В МОПЕРТЮИ И О ТОМ, КАК ГОРЬКО ПОКАЗАЛОСЬ ЕМУ УГОЩЕНИЕ РЕНАРА
- О ТОМ, КАК БЛАГОРОДНЫЙ ЛЕВ ВО ВТОРОЙ РАЗ ПОСЛАЛ ЗА РЕНАРОМ КОТА ТИБЕРД И О

- МЫШАХ, СТАВШИХ ТОМУ ПОПЕРЕК ГОРЛА
- О ТОМ, КАК ГРИМБЕРТ В ТРЕТИЙ РАЗ ПОШЕЛ ЗВАТЬ РЕНАРА
- О ПУТЕШЕСТВИИ РЕНАРА И ГРИМБЕРТА И О ТОМ, КАК ОНИ ПРИБЫЛИ КО ДВОРУ КОРОЛЯ
- О ТОМ, КАК РЕНАР, БЛАГОРОДНЫЙ ЛЕВ И ГРИМБЕРТ ПРОИЗНЕСЛИ РЕЧИ, НИКОГО НЕ УБЕДИВШИЕ, И О ТОМ, КАК БЛАГОРОДНЫЙ ЛЕВ САМ СТАЛ ЧИТАТЬ РЕНАРУ ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ
- О ТОМ, КАК РЕНАР БЫЛ ПРИГОВОРЕН СУДОМ ПЭРОВ К ПОВЕШЕНИЮ, КАК ОН НЕ БЫЛ ПОВЕШЕН И КАК ВЕРНУЛСЯ В МОПЕРТЮИ
- ИСПАНСКИЙ ЭПОС
 -
- СКАЗАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ ГЕРМАНИИ
 - - I
 - II
 - III
 - IV
 - V
 - VI
 - VII
 - VIII
 - IX
 - X
 - XI
 - XII и XIII
 - XIV
 - XV
 - XVI
 - XVII
 - XVIII
 - XIX
 - XX
 - XXI
 - XXII
 - XXIII

- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)
- [XXX](#)
- [XXXI](#)
- [XXXII](#)
- [XXXIII](#)
- [XXXIV и XXXV](#)
- [XXXVI](#)
- [XXXVII](#)
- [XXXVIII](#)
- [XXXIX](#)
- ■ [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)
- [X](#)
- [XI](#)
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)
- [XVI](#)
- [XVII](#)
- [XVIII](#)
- [XIX](#)
- [XX](#)
- [XXI](#)
- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)

- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)
- [XXX](#)
- [XXXI](#)
- [XXXII](#)
- ■ [I](#)
- ■ [II](#)
- ■ [III](#)
- ■ [БЕГСТВО ДИТРИХА](#)
- [БИТВА ПРИ РАВЕННЕ](#)
- [СМЕРТЬ ЭРМЕНРИХА](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Мифы и легенды народов мира

Центральная и Южная Европа

УДК 931 ББК 63.3(0)3 М68

М68

Художник И. Е. Сайко

Мифы и легенды народов мира

Центральная и Южная Европа: Сборник. — М.: Литература; Мир
книги, 2004. — 464 с

ISBN 5-8405-0585-0

ISBN 5-8405-0645-1

© ООО «РИЦ Литература» состав, оформление серии, 2004

© ООО «Мир книги», 2004

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗАНИЯ ФРАНЦИИ

Песнь о Роланде

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции И. Токмаковой

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ГАНЕЛОНА САРАГОСА. ВОЕННЫЙ СОВЕТ У КОРОЛЯ МАРСИЛИЯ

Семь долгих лет провел в Испании король Карл. Великий император завоевал ее от края и до края, аж до самого моря. Непокоренным оставался только город Сарагоса; владел им король Марсилий, не веровавший в истинного Бога и служивший Магомету.

Марсилий возлежал на мраморном крыльце своего дворца в тени деревьев и держал совет со своими приближенными. Как спастись ему от Карла, как избежать смерти и позора? Пожалуй, один лишь Бланкандрин, мудрейший из язычников, мог дать ему разумный совет.

— Пошли Карлу побольше драгоценных подарков, — сказал он Марсилию, — чтобы было ему чем расплатиться с войском. Уговори его, чтобы вернулся он к себе во Францию, в свой Ахен. При этом обещай, что ко дню святого Михаила ты последуешь туда за ним и примешь христианство. Чтобы Карл легче поверил этому обещанию, надо дать ему знатных заложников, и я первый жертвую своим сыном. Конечно, может статься, что, когда наступит день святого Михаила и Карл не увидит тебя в Ахене, он в гневе велит казнить наших заложников, они погибнут лютой смертью, но зато Испания будет избавлена от бед и страданий.

Совет Бланкандрина был принят, и король Марсилий, приказав оседлать десять мулов, полученных им в подарок от короля Сицилии, отправил к Карлу послов с масличными ветвями — знаком покорности и мира. Так должны они были явиться к Карлу и обмануть его, несмотря на всю его мудрость.

КОРДОВА. ВОЕННЫЙ СОВЕТ У КАРЛА ВЕЛИКОГО

У императора было достаточно причин для радости и веселья: он взял Кордову и разрушил ее стены и башни; воинам его досталась богатая добыча, а неверные либо погибли от меча, либо крестились.

В саду, в тени деревьев, на белых коврах расположились воины Карла и забавлялись игрою в кости и шахматы. Сам же Карл сидел в своем массивном золотом кресле под сосной, около куста шиповника. В это время явились к нему послы короля Марсилия с масличными ветвями в руках и, сойдя с мулов, выказали ему всяческое почтение.

Бланкандрин заговорил первым. Он сказал Карлу:

— Привет тебе во имя великого Бога, которому ты поклоняешься! Вот что велел передать тебе храбрый король Марсилий: хорошенько разузнав о твоей вере, ведущей к спасению души, он захотел поделиться с тобою своими сокровищами. Ты получишь львов, медведей и собак, семьдесят верблюдов и тысячу ястребов, четыреста мулов, навьюченных золотом и серебром, и пятьдесят повозок. Но довольно долго оставался ты в нашей стране, и пора тебе возвращаться в Ахен. Мой повелитель последует за тобою ко дню святого Михаила, примет твою веру, признает себя твоим вассалом и из твоих рук получит Испанию.

Император не привык говорить наспех, и теперь он опустил голову и задумался.

— Хорошо сказано, — отвечал он наконец послам, — но король Марсилий — мой заклятый враг: как могу я положиться на ваши слова?

— Мы дадим тебе сколько угодно знатнейших заложников, — отвечали послы.

— Ну, так, пожалуй, Марсилий еще может спастись, — сказал Карл. Однако он не стал торопиться с решением.

Вечер был тих и ясен. Карл приказал отвести в конюшню мулов, раскинуть в саду шатер и поместить в нем на ночь послов, приставив к ним двенадцать слуг. На заре послы отправились в обратный путь.

Император, проснувшись очень рано, присутствовал на обедне, а затем, с удовольствием усевшись под сосной, созвал на совет своих графов и

баронов.

— Безумие верить Марсилию, — обратился Роланд к своему дяде, королю, — Марсилию, успевшему уже доказать нам свое вероломство! Вспомни, что сделал он с твоими послами Базаром и Базилем, которых ты отправил к нему, поверив его миролюбию? Он отсек им головы! Нет, прошу тебя, продолжай войну, веди свое войско к Сарагоссе и не снимай осады, пока не отомстишь за тех, кого убил этот негодяй Марсилиий!

Глубоко задумавшись, император молча теребил усы и бороду. Безмолвствовали и остальные, и только Ганелон обратился к Карлу с взволнованной речью.

— Остерегись верить безумцам! — воскликнул он. — Тот не думает о своем смертном часе, кто советует тебе отвергнуть предложение Марсилия, готового стать твоим вассалом, из твоих рук получить Испанию и принять нашу веру!

И герцог Нэмский, преданнейший из вассалов, согласился с Ганелоном.

— Марсилиий побежден, — сказал он, — и молит о пощаде. Остается только послать к нему одного из твоих баронов, чтобы прекратить эту бесконечную войну.

— Но кого же мы пошлем в Сарагоссу? — спросил император.

Мудрый советчик герцог Нэмский, храбрый Роланд, его благородный друг Оливье и даже реймский епископ Тюрпин вызвались принять на себя поручение к сарацину. Но Карл остановил их и приказал выбрать только одного из баронов.

— В таком случае пусть отправится мой отчим Ганелон, — сказал Роланд, — лучше него не найдете!

— Да, да, он справится с этим делом! — подтвердили остальные. — Пусть идет Ганелон.

Ганелон, услышав, что первым назвал его Роланд, вспыхнул от гнева.

— Это Роланд посылает меня на гибель? — воскликнул он. — Что ж, тем самым он навсегда утратил мою любовь, так же как и его друг Оливье, и все двенадцать пэров, так ему преданных. Ну хорошо же, я пойду, но, если Господь приведет мне вернуться, пусть он будет готов к моей «благодарности». Он не забудет ее до своего смертного часа.

Император подал Ганелону перчатку в знак возложенного на него поручения. Нехотя протянул за ней Ганелон руку, и перчатка упала на землю.

— Дурной знак... дурной знак, — пронесся шепот среди присутствующих. — Это поручение, видно, причинит нам большие беды.

ПОСОЛЬСТВО. ПРЕСТУПЛЕНИЕ ГАНЕЛОНА

Ганелон, подвигаясь по дороге, осененной высокими маслинами, настиг послов Марсилия, нарочно замешкавшихся в пути в ожидании ответа от короля Карла. Они продолжали путь вместе с Ганелоном. Дорогой Бланкандрин разговорился с Ганелоном, желая выведать истинные намерения императора.

— Удивительный человек ваш Карл! — сказал он. — И сколько земель успел он покорить! И зачем ему преследовать нас даже в нашей собственной стране? Ваши герцоги и бароны напрасно советуют ему продолжать войну: они готовят только гибель как ему самому, так и многим другим.

— Никто не дает ему таких советов, за исключением разве Роланда, да и тот советует на свою же погибель, — отвечал Ганелон. — Надо бы смирить его гордость! Одна его смерть может возвратить нам мир.

Ох, как ухватился за это Бланкандрин! Всю дорогу раздувал в Ганелоне злобу против Роланда, точно тлеющие угли. Уговаривал предать Роланда в руки сарацин, обещал несметные сокровища. Не устоял Ганелон, согласился в конце концов предать пасынка.

Король Марсиль сидел на своем троне под сосной, окруженный двадцатью тысячами сарацин, с затаенным дыханием ожидавших вестей, привезенных Ганелоном и Бланкандрином. Бланкандрин представил Ганелона Марсилию как посла Карла, присланного с ответом. Собравшись с духом, Ганелон повел искусную речь.

— Привет тебе во имя Бога, — сказал он королю, — вот что возвещает тебе Карл Великий: ты примешь христианство, и Карл милостиво пожалует тебе половину Испании: другую же получит барон Роланд. (Ну, приятный же будет у тебя товарищ!) Если же ты не согласишься на это условие, император возьмет Сарагосу, а ты сам будешь схвачен, связан и доставлен в Ахен, столицу империи. Там устроят над тобою суд, и ты погибнешь бесславно и позорно.

При таких словах король Марсиль задрожал от гнева и схватился за лук, но Ганелон, взявшись за рукоять меча, выступил вперед, бесстрашно закончил свою речь и подал письмо, присланное Карлом.

Марсиль взломал печать, одним взглядом прочел письмо и помертвел от ярости.

— Владелец Франции Карл советует мне попомнить Базара и Базиля и ради спасения моей собственной жизни послать ему калифа, моего дядю!

— Ганелон за столь необдуманную и дерзкую речь заслуживает смерти! — воскликнул в негодовании сын Марсилия. — Отдай его мне, отец, я с ним расправлюсь!

Тут Ганелон выхватил из ножен свой меч и прислонился к сосне. Поднялся страшный шум, однако наиболее благоразумным удалось скоро успокоить Марсилия. Бланкандрин увел его в сад. Там он поведал о том, что Ганелон на его стороне. Марсилиий призвал к себе Ганелона.

— Извини мне мою несдержанность, — сказал он, — и в знак прощения прими этот дорогой мех куницы.

Затем он повел такие речи:

— Ваш Карл, вероятно, уже очень стар, а ведь ему, кажется, более двухсот лет, и тело его изнурено бесчисленными битвами. Когда же перестанет он воевать?

— Не в Карле дело, — отвечал Ганелон, — он выше всех похвал, и я скорее готов умереть, чем покинуть его.

— Да, удивительный, необыкновенный человек ваш Карл! Но когда же, право, прекратит он свои войны?

— Ну, этого не случится, пока жив его племянник: Карлу некого бояться, имея в авангарде Роланда с его другом Оливье и двенадцатью пэрами во главе двадцати тысяч всадников.

— Благородный Ганелон! — сказал тогда Марсилиий. — Нет народа отважнее моего, и я могу выставить сто тысяч всадников против Карла и его французов.

— И не думай победить его! — возразил Ганелон. — Ты только погубишь своих людей. Продолжай так же умно, как начал: дай императору столько сокровищ, чтобы у наших французов разбежались глаза, дай ему двадцать заложников — и Карл вернется в милую Францию, оставив за собою арьергард, в котором, я уверен, будет и Роланд со своим другом Оливье. Поверь мне, тут найдут они могилу, и у Карла навсегда пропадет охота воевать.

— Благородный Ганелон, — опять обратился к нему Марсилиий, — что же мне делать, чтобы погубить Роланда?

— Я научу тебя, если хочешь. Когда Карл минует горы и в узких проходах останется один арьергард, напади на него со ста тысячами своих воинов. Много погибнет там французов, но и ваших бойцов погибнет не меньше, зато Роланд не минует смерти, и вы навсегда избавитесь от войны.

Услышав это, Марсилиий от радости бросился на шею Ганелону, а затем осыпал его щедрыми дарами и предложил закрепить их уговор клятвой. И они поклялись: Ганелон — мощами, заключенными в рукояти его меча, в

том, что Роланд будет в арьергарде, а Марсилий — над книгой Магомета, что не выпустит Роланда живым.

Тут сбежались все приближенные Марсилия, с радостью обнимали они Ганелона и старались перещеголять друг друга роскошным подарком, и даже королева подарила ему золотые запястья для жены.

Тогда Ганелон, забрав с собою заложников и подарки, предназначенные Карлу, отправился в обратный путь.

* * *

Между тем Карл был уже на пути домой и подходил к городу Вальтиерра, когда-то взятому и разрушенному Роландом. Тут он должен был ожидать вестей от Ганелона и дани с испанской земли. И вот, в одно прекрасное утро, на рассвете, в лагерь явился Ганелон.

Рано проснувшись и помолившись, император расположился на зеленой травке перед своею палаткой. Рядом были Роланд, Оливье, герцог Нэмский и остальные. Коварный Ганелон передал королю ключи от Сарагосы, сокровища, присланные Марсилием, и двадцать заложников: калифа же он не мог привезти, так как тот будто бы на его глазах погиб со своим кораблем в море у испанского берега: недовольный решением Марсилия принять христианство, он навсегда покидал Испанию.

— Слава Богу! — воскликнул Карл. — Ты хорошо исполнил свое поручение, Ганелон, и я щедро награжу тебя.

Затрубили в трубы; французы снялись с лагеря, навьючили своих лошадей и направились к милой Франции.

АРЬЕРГАРД. РОЛАНД ПРИГОВОРЕН К СМЕРТИ

Карл возвращался во Францию победителем. Он сумел покорить Испанию, забрать замки, захватить города.

— Война моя кончена, — сказал король и направился к милой Франции.

День угасал, наступил вечер. Надо было подумать о ночлеге. Граф Роланд водрузил свое знамя высоко на вершине холма. Вокруг него французы раскинули свой лагерь.

Между тем войско неверных подвигалось глубокими долинами — в кольчугах и шлемах, вооруженное щитами, саблями и копьями. На покрытых лесом горных вершинах мусульманские воины устроили привал.

Четыреста тысяч человек затаившись ждут восхода солнца. А французы между тем даже и не догадывались об их присутствии.

Свет померк, наступила черная непроглядная ночь. Император Карл заснул, и снится ему странный сон. Он видит себя в тесном ущелье со своим ясеневым копьём в руках. И вот граф Ганелон выхватывает у него это копьё и потрясает им с такой силою, что искры летят к небу.

Но Карл спит, не просыпаясь.

Тогда другой сон приснился ему: он во Франции, в своем Ахене. Медведь прокусывает ему руку до самой кости. Затем со стороны Ардена появляется леопард и с яростью нападает на него. Но из залы выбегает борзая собака, со всех ног мчится к Карлу, отрывает правое ухо у медведя и накидывается на леопарда. «Ну, будет битва!» — восклицают французы и не знают, кто победит.

А Карл спит, не просыпаясь.

Минует ночь, сменившись ясною зарей, и император гордо продолжает свой путь. По воздуху несутся звуки труб.

— Господа бароны! — говорит Карл. — Взгляните, какие перед нами горные проходы и узкие ущелья, и решите, кого поставлю я в арьергард? Кто-то должен охранять наше войско!

— Роланда, моего пасынка Роланда! — восклицает Ганелон. — Нет более доблестного барона! В нем спасение твоих людей.

С презрением взглянул на него Карл:

— Ты — олицетворение самого черта, и душа твоя полна смертельной вражды. Кто же будет тогда в авангарде?

— Ожье из Дании, — ответил Ганелон, — лучше него никто не справится с этим делом!

Граф Роланд, услышав, что Ганелон предложил дать ему арьергард, поспешил поблагодарить отчима и выразить королю свою готовность до последней капли крови прикрывать войско Карла и защищать обоз.

Но император молчал, опустив на грудь голову и теребя свою бороду: он не мог удержаться от слез. Наконец он обратился к своему племяннику, предлагая ему половину всего французского войска. Но граф отвечал, что он не может изменить чести своего рода и оставит при себе только двадцать тысяч храбрых французов.

— Смело иди узкими ущельями, король. Пока я жив, тебе некого опасаться.

Граф Роланд поднялся на вершину холма, надел свою самую крепкую броню, шлем, пристегнул свой меч Дюрандаль с золотою рукоятью и закинул за спину колчан, расписанный цветами, сел на своего коня

Вейллантифа и взял в руки копье с прикрепленным к нему белым знаменем. К нему присоединились Оливье и многие другие любимцы короля, даже епископ Тюрпин.

— Пойду и я, — сказал Готье, — я вассал Роланда и не могу оставить его.

Когда они выбрали себе двадцать тысяч воинов, Роланд подозвал к себе Готье и сказал:

— Возьми тысячу французов из нашей собственной французской земли и займи с ними все ущелья и высоты, чтобы императору не пришлось терпеть урона.

— Я обязан это сделать для тебя, — отвечал Готье и с тысячью французов углубился в горы. Он вернется не раньше, чем потеряет семьсот бойцов. Король Бельферна Альмарис в тот же день даст ему отчаянную битву.

Карл вошел в долину Ронсевалья. Барон Ожье вел авангард, и никакой опасности не предвиделось с этой стороны; в тылу же был Роланд с Оливье, двенадцатью пэрами и двадцатью тысячами природных франков. Помогите им Бог! Их ждет страшная битва! И Ганелон знает это, негодай и изменник, но он за золото продал свое молчание и не скажет ни слова.

Высоки горы, и темны долины; скалы черны, и страшны узкие ущелья. В тот же день не без труда прошли по ним французы. Но когда они увидели, наконец, Гасконь, землю их повелителя, они вспомнили свои земли и дома, своих жен и дочерей и заплакали от радости. Но всех больше волновался Карл, покинувший своего племянника в ущельях испанских гор; с Роландом остались двенадцать пэров и двадцать тысяч французов. Они не знают страха и не боятся смерти. И Карл тоскливо теребит свою бороду, из глаз его катятся слезы, и он закрывается своим плащом. Рядом с ним едет герцог Нэмский.

— Что так заботит тебя? — задает он вопрос королю.

— Нужно ли спрашивать об этом? — отвечает Карл. — Мое горе так велико, что я не могу не плакать: Франция погибнет через Ганелона. Сегодня ночью я видел во сне, что Ганелон сломал копье в моих руках, тот самый Ганелон, что заставил меня оставить в арьергарде моего племянника. Мне пришлось покинуть Роланда во вражьей земле. Что будет, если я потеряю его? На свете нет ему подобного!

Карл Великий, томимый дурным предчувствием, не может удержаться от слез, и сто тысяч французов тронуты его горем и объаты странным страхом за Роланда. Хотя они еще и не знают, что его предал этот негодай

Ганелон: что он получил от короля неверных щедрые подарки — золото и серебро, ткани и шелковые одежды, лошадей и мулов, верблюдов и львов...

И вот Марсилий сзывает своих испанских баронов, графов и герцогов с эмирами и графскими детьми. Он собирает их в три дня до ста тысяч, и по всей Сарагоссе раздаётся бой барабанов. На вершине высочайшей башни воздвигают статую Магомета: ни один мусульманин не проходит мимо, не поклонившись ей. Затем неверные нескончаемым потоком устремляются через всю страну, по горам и долинам. Наконец они видят знамена французов. Это аррьергард двенадцати товарищей, и сарацины не упустят случая сразиться с ним!

Впереди всех двигается племянник Марсилия верхом на муле и погоняет его палкой. Со смехом обращается он к дяде, прося в награду за службу поручить именно ему поразить Роланда. И Марсилий передает племяннику свою перчатку. Племянник Марсилия с перчаткою в руке просит дать ему еще одиннадцать баронов, чтобы помериться силами с двенадцатью пэрами.

— Вперед, племянник, — говорит ему брат Марсилий, — идем вместе, и горе аррьергарду Карла Великого!

Король варварской земли Корсаблис, с душою предателя, вещает, однако, как истый вассал:

— За все золото мира я не соглашусь показать себя трусом и сражусь с Роландом, если только мне удастся его обнаружить!

За ним, пеший, несется быстрее конного Мальприм Бригальский и, с Марсилием поравнявшись, восклицает:

— Идем в долину Ронсеваля, и смерть Роланду, если он мне попадется!

Спешит к ним и эмир из Бадагера, красавец собой, с лицом гордым и ясным, истый барон, будь он христианином. Все бегут к племяннику Марсилия и грозят Роланду смертью.

Так собрались двенадцать пэров короля Марсилия; они берут с собой сто тысяч сарацин, стремящихся в битву, и вооружаются, удалившись в сосновый лес. Они надевают свои сарацинские доспехи, все на тройной подкладке; на головы надевают сарацинские шлемы и пристегивают к поясу каленые сабли. Ярko блестят их щиты и копья; по воздуху развеваются трехцветные знамена.

Спешившись со своих мулов, они пересаживаются на коней и движутся плотными рядами... День был ясный, и оружие неверных сверкало в солнечных лучах. От звука тысячи медных труб дрогнул воздух.

— Друзья мои, — воскликнул Оливье. — Сдается мне, не миновать нам боя с сарацинами!

— Дай Бог, — отвечает Роланд, — наша обязанность отстаивать здесь короля: всё мы должны сносить ради нашего повелителя, надо терпеть нам и зной, и стужу, и раны, и увечья. Наше дело — наносить молодецкие удары, чтобы не сложили о нас дурной песни. И уж, конечно, не я подам пример трусости.

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ БИТВЫ

Оливье, взобравшись на поросшую мхом скалу, окидывает взором зеленую долину, видит все мусульманское войско и зовет Роланда.

— Какой шум доносится до меня со стороны Испании! — говорит он. — Сколько сверкающих доспехов и блестящих щитов!.. Плохо придется нашим французам! Все это по милости негодяя Ганелона: он заставил поручить нам это дело.

— Молчи, Оливье, — отвечал Роланд, — Ганелон — мой отчим, и я не хочу слышать о нем ничего дурного.

Стоит Оливье на высокой скале. Оттуда открывается ему все испанское царство и великое полчище сарацин; блестят их золотые шлемы, усыпанные драгоценными камнями, расшитые доспехи, щиты и копья, развеваются знамена; не сосчитать их батальонов, не окинуть глазом всего войска! Оливье, ошеломленный, спустившись со скалы, подошел к французам.

— Столько нехристей увидел я, как никто на свете, — сказал он, — их по меньшей мере сто тысяч. Битва, великая битва предстоит вам! Дай вам Бог силы, французы! Держитесь крепче и не сдавайтесь!

— Да будет проклят тот, кто побежит, — отвечали французы, — мы все готовы лечь до последнего!

ГОРДОСТЬ РОЛАНДА

— Велико мусульманское войско! — сказал Оливье. — А наших французов очень мало. Друг Роланд, затруби в свой рог. Карл услышит его — и повернет с войском назад.

— В глупом же виде прибуду я тогда в милую Францию, — отвечал Роланд, — на том и конец моей славе! Нет, мой Дюрандаль не устанет наносить удары и обогрится кровью по самую рукоять. Не отстанут и наши

французы. Негодяям нехристям пришла плохая мысль сражаться в этих ущельях. Клянусь тебе, они сами пришли сюда на смерть.

— Друг Роланд, труби в свой Олифант! Услышит Карл — и приведет большое войско. Сам придет он к нам на помощь со своими баронами.

— Избави Бог, — отвечал Роланд, — не положу я хулы на свой род, не погублю я чести милой Франции! Нет, буду я рубить Дюрандалем, моим добрым мечом, и, клянусь тебе, себе же на горе явились сюда мусульмане!

— Друг Роланд, труби в свой Олифант! Звук достигнет Карла, не вышедшего еще из ущелий; клянусь тебе, французы тут же вернутся!

— Избави Бог, — отвечал Роланд, — не скажут обо мне, что я искал помощи против мусульман. Не посрамлю я своих предков. В великой битве стану наносить я тысячи ударов, и меч мой весь выкупается в крови. Покажут себя наши французы, и сарацины не избегнут смерти.

— Не вижу я тут бесчестья, — отвечал Оливье. — Видел я сам испанских сарацин: долины и горы, песчаные степи и зеленые равнины — все покрыто ими. Велико и могуче чужеземное войско, и как же мала горсть наших людей!

— Тем лучше, — отвечал Роланд, — тем сильнее разгорается во мне жажда боя. Ни Господь, ни Его свя-тые ангелы не допустят, чтобы Франция из-за меня утратила свою доблесть. Смерть лучше бесчестья!

Роланд отважен, Оливье же мудр, но ни один не уступит другому в храбрости.

Между тем войско неверных стремительно надвигается.

— Посмотри, Роланд, — говорит Оливье, — они уже близко, а Карл уже слишком далеко. Ах, если бы ты согласился тогда затрубить в свой рог, король был бы уже тут, и нам не грозила бы такая опасность. Но некого винить! Взгляни вниз, в ущелье Айры, на медленно движущийся арьергард: никто из находящихся в нем не увидит завтрашнего дня.

— Не говори пустяков, — резко отвечает Роланд, — мы будем, не отступая, держаться в этом ущелье, и им придется только принимать наши удары.

В виду битвы в Роланде просыпается гордость льва или леопарда. Он обращается с речью к французам и к Оливье:

— Перестань так говорить, друг и товарищ, император сам отобрал нам эти двадцать тысяч французов. Между ними нет ни одного труса, сам Карл это знает. Работай копьем, Оливье, как я Дюрандалем, моим добрым мечом, полученным мною от самого короля; тот, кто получит его после моей смерти, может смело сказать: «Вот меч благородного вассала!»

И епископ Тюрпин, со своей стороны, пришпоривает коня, въезжает на холм и держит речь:

— Благородные бароны! Сам Карл оставил нас здесь: он наш король, и за него должны мы сразиться с сарацинами. Беда грозит христианскому миру — поддержите его! Не миновать вам битвы, это верно. Покайтесь же в грехах и просите милости у Бога. Ради спасения ваших душ я отпускаю вам все ваши прегрешения. Если смерть суждена вам, вы умрете святыми мучениками, которым уготовано место в светлом раю.

Французы спешили, преклонили колена, и епископ благословил их во имя Господне и добавил:

— Вот вам епитимья: поражайте неверных.

Французы вскочили на быстрых коней, вооружились и приготовились к битве. Роланд в сопровождении Оливье подвигается по ущелью на Вейллантифе, на своем быстром коне. Граф Роланд очень красив в своем оружии, лицо его светло, и он смеется. Гордо смотрит он на сарацин, кротко и ласково на французов.

— Благородные бароны, — говорит он, — не торопитесь! Эти нехристи, право, пришли искать здесь смерти. Вот так добыча достанется нам сегодня! Ни один король Франции не видал еще такой!

При этих словах оба войска сходятся.

— Уж лучше молчи, — говорит Роланду Оливье, — не согласился ты тогда затрубить в свой рог — не будет нам помощи от Карла. Конечно, он не виноват. Он ничего не подозревает, так же как и его спутники. Нам же остается только подвигаться вперед. Не отступайте, благородные бароны! И, ради Бога, думайте лишь о двух вещах: о том, чтоб наносить и получать удары.

Гордо скачут они, пришпоривая коней, и нападают на врага. Но не трусят и мусульмане, и завязывается страшная схватка.

БИТВА

Впереди всего мусульманского войска скачет в богатом вооружении на гордом коне любимый племянник Марсилия Эльрот.

— Мошенники французы! — кричит он. — Сегодня вы сразитесь с нами. Тот, кто должен был вас защищать, вас предал! Ваш император обезумел, оставив вас в этих проходах! Сегодня померкнет слава Франции, Карл лишится своей правой руки, а Испания наконец успокоится!

Услыхал его Роланд и, пришпоря коня золотыми шпорами, вмиг настиг Эльрота, разрубил его кольчугу и шлем, отделил его мясо от позвонков, а

пикой пронзил его насмерть и мертвого сбросил с коня, приговаривая:

— Вот тебе, несчастный, знай, что Карл не обезумел, оставив нас в этих ущельях! Слава Франции сегодня не погибнет! Рубите, французы, рубите! За нами первый удар, за нас правда!

Есть у мусульман еще князь царского рода, брат Марсилия, Фоссерон, владетель Датана и Абирона; нет на свете нахальнее и презреннее человека! Глаза его на полпяди отстоят друг от друга. Увидя, что Эльрот убит, он кинулся вперед с громким криком, в ярости грозя французам.

— Сегодня, — кричал он, — погибнет честь вашей «милрой Франции»!

Услыхал его Оливье, пришпорил он коня золотыми шпорами, вмиг настиг Фоссерона, ударил его истинно баронским ударом, разбил его кольчугу и шлем и всадил в его тело пику с прикрепленным к ней знаменем.

Видя Фоссерона мертвым, Оливье вышиб его из седла и обратился к трупам с надменной речью.

— Рубите, французы, рубите, мы их победим! — воскликнул он.

Был у неверных король по имени Корсаблис, из далекой варварской страны; стал он ободрять мусульман:

— Нам легко биться с французами: их ведь так мало, и те, что стоят перед нами, не идут в счет. Ни один из них от нас не уйдет: Карл не может защитить их, и сегодня настал день их гибели.

Епископ Тюрпин услышал его: нет для епископа человека на свете ненавистнее этого короля. Тонкими золотыми шпорами шпорит Тюрпин коня и, настигнув Корсаблиса, наносит ему смертельный удар. Щит короля разбит, кольчуга в кусках, и сам он, мертвый, падает на землю. Наклонился над ним епископ Тюрпин со словами:

— Ты солгал, низкий сарацин: наш король Карл остался нашим защитником, и наши французы не думают бежать: твоих же товарищей всех ждет смерть! Рубите, французы, рубите! За нами первый удар, слава Богу! Монджой! Монджой! — ибо был то призыв короля.

Так сражался небольшой отряд французов с несметными вражьиими полчищами. Десять пэров Марсилия уже погибли, в живых только двое — Шернюбль и граф Маргарис. Маргарис — воин храбрый, красивый и сильный, легкий и ловкий наездник. Он нагоняет Оливье, наносит удар, разбивает щит, но Бог хранит Оливье, и он остается невредимым. Маргарис же мчится дальше и трубит, сзывая своих.

Бой в полном разгаре. Граф Роланд в самых опасных местах: копье его уже разбито, и он вынимает из ножен Дюрандаль, свой добрый меч, прищипоривает коня и кидается на Шернюбля. Он разбивает в куски его шлем, сверкающий драгоценными камнями, разрубает его голову, лицо и — одним ударом — все тело, седло и спину коня. На землю упали мертвыми и конь, и всадник.

— Несчастный, — смеется Роланд, — напрасно пришел ты сюда: твой Магомет не может помочь тебе!

По полю едет граф Роланд с Дюрандалем в руке: он рубит направо и налево, и сарацины падают кругом него. Роланд красен от крови, красна его кольчуга, красны его руки, красны даже плечи и шея коня. Оливье не отстает от него, а также все двенадцать пэров. Все французы рубят, все французы убивают, а сарацины гибнут или бегут.

— Слава нашим баронам! — говорит епископ. — Монджой! — восклицает он.

— Монжеуа! — это клич императора.

По полю едет Оливье, копье его разбито, у него в руках только обломок, но он убивает им Моссерона и еще семьсот его соплеменников.

— Что с тобой, друг мой? — вопрошает Роланд. — Не палка нужна в такой битве, а железо и добрая сталь! Вынь же из золотых ножен свой меч Готеклэр с хрустальной рукоятью!

— Руки не дошли! — отвечает Оливье и вынимает свой добрый меч.

Битва, однако, разгорается все сильнее и сильнее, французы и мусульмане бьются, не уступая друг другу: одни нападают, другие защищаются. Сколько разбитых копий, красных от крови, сколько изорванных знамен. Сколько добрых французов погибло во цвете лет! Не видать им своих матерей, и жен, и товарищей, ожидающих их там, за горами. Карл Великий плачет и сокрушается; но напрасно — он им не поможет. Ганелон сослужил им плохую службу, продав в Сарагосе своего родича. Но за то он поплатится жизнью: в Ахене его приговорят к четвертованию, а с ним и тридцать его родственников тоже не избегнут смерти.

Между тем король Альмарис со своим войском узким, скрытым проходом настигает Готье, охраняющего горы и ущелья со стороны Испании.

— Ганелон — изменник! — догадывается Готье. — Ганелон продал нас сарацинам!

Король Альмарис поднялся на гору с шестидесятитысячным войском и решительно напал на французов: он рубит, убивает, гонит их. В ярости Готье вынимает свой меч, плотнее прижимает щит и рысью подъезжает к мусульманской рати. Не успевает он поравняться с нею, как сарацины окружают его справа, слева — со всех сторон. Его щит разлетелся на тысячу кусков, его броня разорвана, и он сам пронзен четырьмя копьями. Ему не выдержать долее: четыре раза теряет он сознание и волей-неволей принужден покинуть битву. Кое-как сходит он с горы и зовет Роланда:

— Ко мне! На помощь, доблестный Роланд, скорее — на помощь!

Битва кипит по-прежнему: Оливье и Роланд рубят без усталости, епископ Тюрпин наносит тысячи ударов, двенадцать пэров не отстают от них. Французы бьются в страшной схватке, и мусульмане гибнут тысячами или бегут. Но французы теряют тут своих лучших защитников — свои щиты и острые копья: клинки их мечей разбиты; голубые, красные и белые их знамена изрублены в куски. И скольких храбрецов лишились они! Не увидят они ни своих отцов, ни своих семейств, ни Карла, поджидающего их.

Между тем во Франции совершаются чудеса: бушуют бури с ветром и громом, с дождем и крупным градом; поминутно ударяет молния, сотрясается земля, и рушатся дома на огромном пространстве. Полный мрак наступает в полдень, и свет мелькает лишь по временам, когда разверзается небо. Ужас нападает на всех, видящих эти чудеса. «Наступил конец света», — говорят они в страхе, но они ошибаются — это небо и земля оплакивают Роланда.

Бой ужасен! Мечи французов красны от крови. «Монджой!» — восклицают они, — это имя славного знамени. Со всех сторон бегут сарацины, а французы преследуют их. Битва ими выиграна, но это далеко не окончательная победа. Боже мой. Боже мой! Сколько тревог суждено им еще пережить! Карл потеряет лучшую часть своего войска, свою гордость, и великое горе ожидает Францию!

Французы рубят, и неверные гибнут без числа: из ста тысяч их войска едва ли уцелело две. Епископ ободряет воинов; долина покрыта телами их товарищей, и они горько оплакивают своих павших родичей. Но им предстоит еще встретиться лицом к лицу с Марсилием и несметным числом его воинов.

Битва продолжается. Роланд со своим другом Оливье и двенадцатью пэрами дают себя знать неверным, не отстают от них и другие. Из ста тысяч мусульман спасся один Маргарис, только потому, что сбежал с поля боя. Иссеченный саблями и пронзенный четырьмя копьями, явился он к королю Марсилию и, рассказав ему все, как было, упал к его ногам.

— На коня, государь, на коня! — воскликнул он. — Ты найдешь французов изнуренными. Они так рубили и убивали наших, что оружие их сломано, большая часть их убита, а оставшиеся в живых ослабли от ран и потери крови и не имеют оружия, чтобы защищаться.

По долине приближается король Марсиль с собранною им огромною армией, разделенною на двадцать колонн. На солнце блестят украшения их шлемов, их пики и знамена. Какой шум по всей окрестности!

— Оливье, товарищ! — кричит Роланд. — Изменник Ганелон хочет нашей смерти, его измена очевидна. Но жестоко отомстит ему император; нас же ждет жаркая битва, невиданная до сих пор. Но не устанут работать наши добрые мечи, сослужившие уже нам не одну службу и одержавшие столько побед, и не будут хулить нас в песне!

Между тем французы, завидя короля Марсилия, пришли в смятение и стали звать Роланда, Оливье и двенадцать пэров:

— Помогите нам, помогите!

Но епископ предупредил всех:

— Не теряйте мужества, Божьи избранники! Наступает день, когда мученический венец возложится на ваши головы и врата рая откроются перед вами!

Тогда французы стали прощаться друг с другом, и товарищ оплакивал товарища, как мертвого, обнимаясь с ним в последний раз.

Коварен король Марсилий.

— Могуч граф Роланд, — говорит он своим, — и трудно его победить; мало двух нападений, нападём на него лучше три раза! Десять наших колонн пойдут на французов, а десять — останутся со мною. Наступает наконец день, когда Карл утратит свою силу и увидит позор Франции!

Грандуану даёт Марсилий знамя, вышитое золотом, и велит ему вести отряд в битву. Марсилий остался на горе, а Грандуан спускается в долину. Смутились французы, видя эти несметные полчища.

— Боже! — восклицали они. — Что нам делать? Проклят тот день, когда дождались мы Ганелона из Сарагосы, Ганелона, продавшего нас неверным. Помогите же нам, двенадцать пэров, помогите!

И опять ободрял их епископ, обещая им блаженство мучеников после смерти, и французы кинулись в смертный бой с неверными.

Климорин из Сарагосы, мусульманин богатый, но с подлою душой. Он тогда первый столкнулся с Ганелоном, целовал его в знак дружбы, подарил даже предателю свой меч.

— Я хочу, — заявил он, — отнять корону у Карла и опозорить великую землю!

Климорин оседлал своего коня Барбамуша и кинулся на одного из пэров, пронзил его насквозь своею пикой и сбросил мертвого на землю.

— Рубите, — воскликнул он, — рубите! Нетрудно пробить их ряды!

— Какое горе! — восклицали французы. — Какого храброго воина мы потеряли!

Но Оливье поспешил отомстить за своего пэра: на всем скаку налетел он на сарацина, вышиб его душу из тела, и дьяволы подхватили ее. Досталось тут же и другим неверным.

— Рассердился—таки мой товарищ! — сказал Роланд.

— Нет лучшего воина! Рубите, французы, рубите!

В свою очередь, сарацин Вальдебрун, хитростью взявший когда-то Иерусалим, с быстротою сокола кинулся на второго пэра, могучего герцога Самсона, разбил его щит и мертвого вышиб его из седла. Взыграло сердце Роланда; одним взмахом меча снес он голову могучего Вальдебруна вместе со шлемом, украшенным драгоценными камнями.

Так бьются они, и один за другим гибнут французские пары; товарищи их воздают неверным сторицей. Но лучшие люди—то гибнут. Гибнут лучшие воины...

— Горе нам! — восклицают французы. — Сколько наших убито!

Граф Роланд держит в руках своих красный от вражьей крови меч, но он слышит плач французов — самых отважных уже нет в живых — погибли, — и сердце его готово разорваться на части. И снова скачет он и рубит своим мечом, и тысячи падают со всех сторон. Храбро дерутся французы, и покрывается поле телами; кони, утратившие своих всадников, бродят по полю битвы, поводья их волочатся по земле. Но неверные теряют силы, они не в силах держаться и обращаются в бегство, французы летят на своих скакунах рысью, галопом, в крови, с изломанными пиками и мечами: гонят они врагов вплоть до Марсилия. Но тут теряют они последнее оружие, и им нечем уже сражаться.

Марсилий видит гибель своего войска: при звуке рогов и труб выступает он с другой половиной армии. Во главе сарацин идет Абим. Нет большего негодяя на свете! Жизнь его полна черных дел и преступлений: не верит он ни в Бога, ни в Сына Пресвятой Девы. Лицом он черен, как деготь; никогда он не смеется, не шутит, но храбрость его бесконечна, и за нее—то и любит его король Марсилий. Тюрпин ненавидит этого нехристя.

— Лучше умереть, чем оставить его в живых! — говорит он и начинает битву на коне короля Гроссайля, убитого им когда-то в Дании.

Скачет епископ прямо к Абиму и ударяет его в щит, осыпанный аметистами и топазами, и разбивает его на части. Но Абим остается в седле. Вторым смертоносным ударом епископ сбрасывает его на землю.

— Монжеуа, монжеуа! — восклицают французы: это клич Карла. — Дай Бог императору иметь побольше таких епископов!

На помощь к епископу мчатся Роланд и Оливье, и бой разгорается с новой силой. Но гибнут христиане, и их остается не более трехсот человек, вооруженных одними мечами. Они рубят ими направо и налево, разрубая сарацинские шлемы и кольчуги. Не выдержали тут мусульмане: с рассеченными и окровавленными лицами снова бегут они к королю Марсилию, призывая его на помощь.

Марсилий слышит их крики и именем Магомета проклинает французов, французскую землю и Карла с седой бородой, и еще сильнее разгорается в нем ненависть к Роланду. С новыми силами нападает он на остатки французов, и с новой силой разгорается битва. С тоскою смотрит Роланд на гибель лучших вассалов, вспоминает он о французской земле, о своем дяде, добром короле Карле, и сжимается его сердце при этих мыслях.

Снова устремляется он в битву вслед за Оливье, наносящим врагу удар за ударом. Видит его Оливье и пробивается к нему сквозь толпу.

— Друг и товарищ, — говорят они друг другу, — будем биться вместе и вместе умрем, если будет на то Божья воля!

Бьются вместе Роланд и Оливье своими мечами, не отстает со своим копьём и епископ Тюрпин, и не перечесть тел, падающих под их ударами. Пало здесь более четырехсот тысяч неверных, говорит песня, и число это занесено в летописи. Дорого достался французам пятый натиск мусульман, погибли тут все французские воины, кроме шестидесяти, — но дорогою ценою купят их жизнь сарацины.

РОГ

Видит Роланд, как один за другим гибнут его воины, и говорит он Оливье:

— Взгляни, ради бога, дружище, сколько пало наших добрых вассалов: стоит пожалеть милую, прекрасную Францию, лишившуюся таких баронов! О король, наш верный друг! Отчего нет тебя с нами? Брат Оливье, нет ли способа дать ему знать о нашем положении?

— Я не знаю такого способа, — отвечает Оливье, — но, во всяком случае, смерть лучше позора.

— Я затрублю в свой рог, — говорит Роланд, — король услышит его в ущельях, и французы, клянусь тебе, вернутся.

— Ты опозоришь тогда на вечные времена весь свой род, — отвечает ему Оливье. — Помнишь, как ты в самом начале не послушался моего совета? Трубить же в рог теперь — значит показать себя трусом, а между тем твои руки обагрены кровью врагов.

— Правда, — отвечает Роланд, — я не тратил даром ударов!

— Тяжелая для нас битва, — говорит опять Роланд, — я затрублю в свой рог, и Карл услышит его.

— Не так поступают храбрые, друг, — отвечает ему Оливье, — ты сам тогда гордо отверг мой совет. А если бы император был тут, мы не потерпели бы такого урона. Но это не его вина и не вина его спутников. Клянусь бородой, если мне суждено видеть еще сестру мою Оду, ты никогда не будешь ее мужем!

— За что же ты сердишься? — спрашивает Роланд.

— Ты один во всем виноват, — отвечает Оливье. — Разумная храбрость далека от безумства, и умеренность лучше горячности. Посмотри, сколько французов погубило твое безрассудство! Это наша

последняя служба императору. Если бы ты послушался меня тог—да, наш государь был бы уже здесь, мы выиграли бы битву, и король Марсилий был бы взят в плен и убит. Много вреда причинила нам твоя безумная отвага, Роланд! Сегодня наступил последний день нашей верной дружбы: тяжкая разлука ожидает нас прежде, чем скроется солнце.

Так горько оплакивали друг друга Роланд и друг его Оливье.

Услыхал их спор епископ Тюрпин, прищпорил он своего коня, подлетел к ним и стал им выговаривать.

— Благородный Роланд и ты, благородный Оливье, — говорил он, — умоляю вас не приходить в отчаяние. Взгляните на наших французов: им суждена смерть, и рог твой, Роланд, уже не спасет их — далеко ушел Карл и не успеет вернуться. Но все же труби, Роланд, — может быть, Карл успеет за нас отомстить, и сарацинам не удастся торжествовать победы. Воины Карла найдут нас здесь мертвыми и изрубленными: они разыщут наших вождей и подберут наши тела, положат их в гробы и повезут с собой на своих конях; со слезами похоронят они нас в стенах монастыря, и тела наши не будут добычей прожорливых кабанов, собак и волков.

— Это правда! — сказал Роланд. Поднес он к губам свой рог Олифант и затрубил что было силы.

Далеко разносится звук, повторяемый эхом в высоких горах, и достигает Карла и его войска.

— Это наши бьются в бою? — говорит король.

И отвечает ему Ганелон:

— Скажи это другой, его называли бы лгуном.

Изо всех сил трубит Роланд в свой рог: кровь струится из его рта и из лопнувшей жилы виска, и еще дальше разносится звук его рога. Слышит его Карл среди тесных ущелий, слышат его герцог Нэмский и все французы.

— Это Роландов рог, — повторяет король. — Он не трубил бы в него, если бы не был вынужден позвать на помощь.

— Какая там помощь! — возражает ему Ганелон. — Ты стар и сед, а говоришь как младенец. Кому не известна гордость могучего, отважного, великого Роланда! Удивительно, как это еще терпит ее Господь. Конечно, он теперь шутит со своими пэрами. Подумай, кто решится напасть на Роланда? Разве не брал он один сарацинских городов без твоего приказанья? Пойдем же вперед, государь, не к чему останавливаться! Великая земля еще далеко.

Льется кровь изо рта Роланда, лопаются жилы на его висках — с отчаянным усилием трубит он в свой рог Олифант. Слышат его Карл и все французы.

— Какой протяжный звук! — замечает король.

— Это Роланд! — говорит герцог Нэмский. — Роланду плохо! Клянусь честью, он бьется в смертельной схватке с сарацинами. Роланда предали, и изменник отводит тебе глаза. Вооружайся, государь, подай свой военный клич и помоги своему родичу: ты слышишь жалобу Роланда.

Император велит трубить в рога и трубы, французы вооружаются и во весь опор мчатся ущельями.

«Если бы застать Роланда живым, — говорят они друг другу, — славно бы сразились мы рядом с ним! Но что толку? Уж поздно, слишком поздно!»

Рассеялся мрак, и настал день: оружие засверкало на солнце, заблестели щиты и брони, золоченые пики, и копья, и расписанные цветами

колчаны. Император кипит гневом, а французы печальны и полны опасений: все они проливают горячие слезы, все дрожат за жизнь Роланда!

Император велит схватить Ганелона и отдает его на потеху своей дворне. Карл призывает старшего из них, Бегона, и приказывает ему стеречь изменника. Бегон, выбрав сотню самых злых и бездушных своих товарищей, передает в их руки Ганелона. Они выдергивают по волоску его усы и бороду, наносят ему удары, всячески издеваются и мучают его: надевают ему на шею толстую цепь, сковывают его, как дикого медведя, взваливают на выючную лошадь и не спускают с него глаз, пока не настанет время передать его Карлу.

Высоки и мрачны громады гор, стремительны потоки, и темны глубокие долины. Со всех сторон гремят в них трубы Карла, отвечая рогам Роланда.

Мчится Карл ущельями, полон отчаяния и гнева.

— Помогите нам, Пресвятая Дева! — восклицает он. — Приготовил мне Ганелон великое горе! Недаром говорится в старой песне, что предки его были негодяи, ничего не знавшие, кроме низких дел. Большую подлость учинили они в Капитолии, убивши древнего Цезаря. Но зато они кончили жизнь на костре. Не уступает им в вероломстве и Ганелон. Он погубил Роланда и чуть не лишил меня моего царства, лишив Францию ее защитников.

И плачет Карл горькими слезами, и в смущении теребит император свою седую бороду.

БЕГСТВО

Окинул взором Роланд горы и долины, покрытые телами французов, и стал оплакивать своих товарищей.

— Не было у меня лучших вассалов, — говорил он, — и много лет служили вы мне верой и правдой! Прекрасная французская земля лишилась своих лучших баронов! По моей вине погибли они, и не мог я их ни защитить, ни спасти! Пойдем же, Оливье, неразлучный мой товарищ! Будем биться вместе. Не переживу я тебя, если и избегну смерти от врага: умрешь ты — умру и я от горя!

Снова разгорается отчаянная битва. Сам Марсилья принимает в ней участие и убивает одного за другим славных французских бойцов. Но Роланд настигает его, отсекает ему правую руку и убивает его сына. Потеряв сына и лишившись руки, Марсилья бросает на землю свой щит и во весь опор мчится к себе, на свою испанскую сторону. Вместе с ним

обращается в бегство и большая часть мусульманского войска, призывая на помощь Магомета.

Но не покинул поля битвы дядя Марсилия, калиф, вождь черного племени с толстыми носами, огромными ушами и блестящими белыми зубами. Он ведет их более пятидесяти тысяч.

— Недолго остается нам жить, — говорит Роланд, — приходит наш конец, но дорого продадим мы свою жизнь и не допустим позора Франции! Когда наш государь, великий Карл, придет на поле битвы и увидит его покрытым телами сарацин, он насчитает их не менее пятнадцати на каждого из наших воинов — и благословит нас за наши подвиги.

СМЕРТЬ ОЛИВЬЕ

Видит Роланд полчища эфиопов и сзывает своих товарищей на последний бой. Калиф же скачет на рыжем коне и настигает Оливье; он замахивается острым копьём и пронзает его насквозь.

— На тебе одном отомстил я за всех своих! — говорит он.

Знает Оливье, что ранен смертельно, и спешит отплатить сарацину; ударом меча рассекает он его заостренный шлем, разрубает череп и сбрасывает калифа на землю. Зовёт Оливье Роланда и спешит наносить удары, пока смерть не остановит его руку. Роланд встречает Оливье, бледного, помертвевшего: кровь потоком струится из его раны и разливается по земле. Видя это, Роланд теряет сознание. Между тем мрак застилает глаза Оливье, ничего не видит он перед собою, но продолжает рубить направо и налево. Наталкивается он на своего друга Роланда и наносит ему тяжкий удар, разрубает он его шлем, но, к счастью, не касается головы.

— Не узнал ты меня, товарищ, — ласково говорит ему Роланд, — ведь я Роланд, твой верный друг.

— Прости меня, — отвечает ему Оливье, — только теперь узнаю я тебя по голосу. Не видел я сам, на кого нападал.

Оливье чувствует приближение смерти. Ничего не видя и не слыша, слезает он с коня, громко исповедует свои грехи и молит Бога дать ему место в раю и ниспослать свою благодать на императора Карла, на милую Францию и на верного его товарища Роланда. Тут он мертвый падает на землю.

В отчаянии оплакивает его Роланд — земля не видала еще такого горя; еще раз теряет он сознание и только благодаря туго натянутым стремям не падает с коня.

Придя в себя, Роланд видит, что из всех французов живы только он с епископом, да еще Готье спускается к ним с горы и зовет его к себе на помощь. Быстро скачет навстречу ему Роланд.

— Где мои всадники, которых я тебе дал? — говорит он. — Веди их сюда, они мне очень нужны!

— Все погибли! — отвечает Готье. — Бились мы с хананеями, великанами, армянами и турками и уложили их целых шестьдесят тысяч. Но зато погибли все мои французы, и сам я покрыт ранами и истекаю кровью. Я твой вассал, Роланд, и считаю тебя своим повелителем и защитником. Не вини же меня за то, что я бежал!

— Нет, нет! — отвечал Роланд и, разорвав на себе платье, перевязал его раны, и снова втроем кинулись они в схватку.

КАРЛ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Граф Роланд, Готье и епископ бьются плечом к плечу. Тысяча пеших сарацин и сорок тысяч всадников, не смея подойти к ним, издали мечут в них копья, стрелы и пики. Один из первых ударов настиг Готье, а за ним был повергнут на землю и епископ Тюрпин, покрытый множеством ран. У него, однако, еще хватает силы обратиться к Роланду со словами:

— Я еще не побежден: хороший вассал живым не сдастся!

Он вынимает из ножен свой темный стальной меч и опять бросается в схватку, раздавая направо и налево тысячи ударов. Карл удостоверился потом, что Тюрпин не пощадил никого, найдя кругом него четыреста человек раненых и убитых. Так рассказывает песня и барон Сент-Жиль, бывший сам на поле битвы. Рассказ свой записал он в Люкском монастыре.

Храбро бьется граф Роланд, но все тело его в поту и в огне, страшную боль чувствует он в виске: но все же хочется ему получить ответ от Карла, и снова берет он свой рог и трубит, но звук его рога очень слаб и едва достигает императора.

— Бароны, — говорит Карл, — дело плохо: мой племянник Роланд погибает! По звуку его рога я узнаю, что недолго осталось ему жить! Если вы хотите прибыть вовремя, гоните ваших коней и трубите во все свои трубы!

Шестьдесят тысяч труб затрубили разом, и эхом ответили им горы и долины. Смутились мусульмане, заслыша эти звуки, и стали говорить друг другу:

— Это Карл, это Карл возвращается! Мы слышим французские трубы. Что теперь будет с нами? Если Роланд останется в живых, война

возобновится и погибнет прекрасная Испания!

Тогда четыреста лучших воинов мусульманской армии еще раз, но уже в последний, отчаянно нападают на Роланда. При их виде он чувствует себя сильнее и опять готов биться с сарацинами. Садится он на своего коня Вейллантифа, прищипоривает его золотыми шпорами и кидается в самую густую толпу врагов, а следом за ним и епископ Тюрпин.

— Бегите, друзья! — говорят друг другу мусульмане. — Бегите: мы слышим французские трубы! Он возвращается, могучий король! Карл возвращается!

Граф Роланд не любит ни трусов, ни гордецов, ни злодеев, ни дурных вассалов, и обращается он к епископу Тюрпину со словами:

— Ты пеший, а я на коне, но я не покину тебя, и мы разделим и горе, и радость — вдвоем будем защищаться от нападений неверных. Дюрандаль еще сослужит мне службу.

— Стыдно нам будет в последний день нашей жизни плохо работать мечом, — ответил Тюрпин. — Карл скоро придет и отомстит за нас.

— Горе нам! — говорили мусульмане. — Наши вожди и пэры погибли. Карл возвращается со своей армией, мы слышим звуки его труб и клики французов. Никто не в силах одолеть Роланда в поединке — отойдем и будем стрелять в него издали!

И мечут они в него пики, копья и ядовитые стрелы: они разнесли в куски щит Роланда, разорвали его доспехи, но сам он остался невредим. Вейллантиф, получив тридцать ран, пал мертвый. Неверные бежали, и Роланд остался один, пеший.

ПОСЛЕДНЕЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЕПИСКОПА

Мусульмане бегут, полны ужаса. Граф Роланд, потерявший своего коня, не стал их преследовать: идет он к епископу Тюрпину, снимает с него золотой шлем и легкую броню, осторожно перевязывает раны и тихо-тихо опускает его на траву, говоря ему нежным голосом:

— Прочитай нам отходную: наши милые товарищи умерли, но нельзя же их покинуть! Я соберу их тела и в ряд положу перед тобою, а ты благослови их в последний раз.

— Хорошо, — сказал епископ, — но возвращайся скорее. Слава Богу, поле битвы осталось за тобой и за мной!..

Роланд один, совсем один проходит поле вдоль и поперек, ищет на горах, ищет в долинах и находит тела десяти пэров, приносит он их одно за другим к епископу, а Тюрпин поднимает руку и благословляет их.

— Да примет ваши души Всемогущий, — говорит он, — да упокоит вас в раю Господь. Моя смерть также близка, и я более не увижу великого императора!

Обыскивает Роланд долину. И вот, под сосной, у куста шиповника, находит он тело своего друга Оливье и, прижимая его к своему сердцу, едва-едва доносит до Тюрпина, укладывает на щит рядом с другими пэрами, и епископ еще раз благословляет их, разрешивши все их грехи. Заплакал Роланд над телом своего друга, которому он не находил равного, и горе Роланда так велико, что силы оставляют его, и он теряет сознание. Увидел Тюрпин, что упал граф Роланд, встал он и пошел было ему на помощь, но силы покинули епископа, он упал на землю и, исповедав перед Богом свои грехи, умер. Роланд пришел в себя, подошел к Тюрпину и, сложив его белые руки на могучей груди, по обычаю своей родины произнес над ним последнее слово:

— Храбрый и благородный воин! Передаю тебя в руки Всевышнего! Не было у Него со времен апостолов и пророков более верного слуги и работника на пользу христианства. Да упокоится дух твой в раю!

СМЕРТЬ РОЛАНДА

Роланд чувствует, что смерть его близка, берет он в одну руку свой рог, а в другую Дюрандаль, свой добрый меч, и идет на испанскую землю, где под двумя прекрасными деревьями возвышаются четыре мраморных камня, и падает тут Роланд на зеленую траву и теряет сознание, потому что смерть его близка.

Под высокими деревьями, покрывающими вершины гор, там, где возвышаются четыре блестящих мраморных камня, лежит на траве граф Роланд, и подстерегает его здесь сарацин: притворился он мертвым, окрасил кровью лицо и тело и лежит среди трупов. Видя, что Роланд теряет последние силы, подбегает он к нему, полный гордой отваги и гнева, и хватает его оружие.

— Побежден, побежден племянник Карла! — восклицает сарацин. — Вот его меч, который увезу я в Аравию!

И в радости дергает Роланда за бороду. Но Роланд приходит в себя и, чувствуя, что нет при нем его меча, открывает глаза.

— Ты, кажется, не из наших! — восклицает он и наносит врагу удар своим рогом, с которым еще не расстался, разбивает им шлем, украшенный золотом и драгоценными камнями, и разбивает в куски сталь, голову и кости нехристя. Тот падает на землю. Он мертв.

Чувствует близость смерти Роланд, с трудом поднимается с земли, берет он Дюрандаль, свой добрый меч, и с отчаянным усилием ударяет им десять раз по скале. Но сталь крепка, она скрипит, но не ломается.

— Помоги мне, Святая Дева! — говорит он. — О мой добрый меч Дюрандаль! Даже теперь, в смертный час, дорога мне твоя честь! Много битв выиграл я с тобою, много царств покорил я для императора Карла! Никому не достанешься ты, пока я жив: добрый вассал владел тобой, и Франция, свободная земля, никогда уже не увидит такого слуги!

Еще раз ударяет по камню Роланд, но сталь скрипит, но не ломается. Видит он, что не сломать ему своего меча, и скорбь охватывает его душу.

И в третий раз ударяет он им по камню, сталь скрипит опять и не ломается. Тогда в последний раз обращается Роланд к своему мечу:

— О Дюрандаль, мой светлый меч! Много святых мощей заключено в твоей золотой рукояти — не должен ты служить неверным: владеть тобой могут только христиане, и Господь не допустит, чтобы ты попал в недостойные руки!

Чувствует Роланд приближение смерти и спешит к сосне, бросает на траву свой меч и рог и ложится на них, повернув голову в сторону врагов, чтобы Карл и все французское войско знали, что он умер победителем. Лежит граф Роланд под сосной и в последние минуты своей жизни вспоминает Карла, своего повелителя, и своих преданных добрых друзей и не может удержаться от слез, а затем обращается с молитвой к Богу.

— Боже праведный, — говорит он, — воскресивший Лазаря и защитивший Даниила ото львов, спаси и сохрани мою душу и прости мне все мои прегрешения!

С этими словами протягивает он к небу свою перчатку с правой руки, и архангел Гавриил принимает ее, а ангелы несут душу графа Роланда в рай.

ВОЗМЕЗДИЕ САРАЦИНАМ

Умер Роланд, и душа его вознеслась на небеса. Император достиг Ронсевальской долины, где вся местность была сплошь покрыта телами французов и мусульман. Зовет Карл своего племянника, зовет он епископа, графа Оливье и двенадцать пэров — но напрасно: никто не отзывается, и Карл в отчаянии рвет свою бороду и плачет, и плачут с ним все французские воины, оплакивая сыновей, братьев, племянников, друзей и сюзеренов. Герцог Нэмский первый приходит в себя и говорит императору:

— Смотри, сколько пыли поднимается там по дороге! Это неверные бегут огромной толпой — постараемся догнать их и отомстить за наши утраты.

— Господи! — вскричал Карл. — Как они уже далеко! Надо их непременно догнать и отомстить за погубленный ими цвет Франции.

Выбирает император четырех из своих баронов и велит им остаться здесь до его возвращения:

— Охраняйте поле битвы и эти долины и горы, оставив мертвых лежать, как они лежат, не допуская к ним ни диких зверей, ни чужих людей, ни конюхов, ни детей, чтобы никто до нашего возвращения не прикасался к ним.

Бароны ответили Карлу, что останутся охранять долины и горы, и мертвых, лежащих там, как он приказал, и оставили с собой тысячу всадников.

Император велел трубить в трубы и со своим войском ринулся преследовать неверных.

Видит Карл, что не догнать ему мусульман до ночи, что наступает уже вечер. Спешившись, на зеленом лугу молит он Всевышнего остановить солнце, чтобы дать французам время настичь неверных. И сошел к нему ангел с неба и велел ему продолжать путь, обещая, что Господь продлит для него день. Бегут мусульмане, и преследуют их французы, и гонят их до Сарагосы: со всех сторон отрезают они им дорогу и принуждают переправляться вплавь через реку Эбро. Нет там ни парома, ни лодок, а воды глубоки: тяжелые всадники тонут в пучине, и лишь немногие достигают берега.

— Вы убили Роланда, — кричат им французы, — но это не принесло вам счастья!

Карл, видя, что все сарацины погибли и что французским воинам досталась богатая добыча, сошел с коня и возблагодарил Бога. В эту минуту закатилось солнце. Карл приказал раскинуть лагерь, так как возвращаться было уже поздно. Все заснули. Лег и император, положив под голову свое копье и меч: не хочет Карл разоружаться в эту ночь.

Взошла луна, осветила землю. Карл лежит и оплакивает Роланда, вспоминает с горечью гибель Оливье, смерть всех двенадцати пэров и всех погибших в Ронсевале французов — и молится Богу о спасении их душ. Но король устал, силы его ослабевают — и погружается он в глубокий сон. Все спят в армии Карла, и даже кони щиплют траву лежа. И послал тогда Господь архангела Гавриила охранять сон императора, и стал архангел у изголовья Карла, и во сне возвестил ему битву, ожидающую французов, и

показал ему в небе великое знамение: гром, вихрь и огонь, низвергающиеся на его войско. И видит Карл, как загораются ясеневые копья, как пылают щиты и пики; медведи и леопарды кидаются на его воинов, змеи, драконы и чудовища, похожие на дьявола, и тридцать тысяч грифов. Зовут его на помощь французы, и стремится к ним Карл: но из леса выскакивает лев, огромный, ужасный, дикий, и кидается на него, и схватываются они в страшном поединке. Кто одолел, кто побежден — неизвестно. Карл спит, не просыпаясь.

И видит он другой сон. Снится ему, что он во Франции, в Ахене, на крыльце своего дворца, и держит он медведя на двойной цепи. Но вот со стороны Арденского леса бегут к нему тридцать других медведей, и говорят они человеческим голосом: «Отдай его нам, государь, он нашего рода, и мы должны заступиться за него». Но из дворца выбегает прекрасная борзая собака и кидается на самого большого медведя, и начинается ужасная схватка. Кто победил, кто побежден — неизвестно. Карл спит, не просыпаясь, до утренней зари.

Между тем король Марсилий, потерявший правую руку и обратившийся в бегство, достиг Сарагосы, остановился под тенью масличных деревьев, слез с коня и, передав слуге свой меч, шлем и броню, с жалобным видом улегся на траве. Громко плакала и сокрушалась около него его жена Брамимонда; вместе с нею проклинала Карла и прекрасную Францию и его двадцатитысячная свита. Они повалили статую своего бога Аполлона и бросили ее в пещеру, осыпая упреками и бранью: сняв с него корону и вырвав из его рук скипетр, они привесили его за руки к столбу и били палками, пока не разбили в куски. Досталось также и их богу Тервагану, а Магомета они стащили в яму, где могли разгуливать по нему собаки и свиньи.

Несколько оправившись, Марсилий велит перенести себя в свою комнату, стены которой расписаны картинами. Туда, вся в слезах, следует за ним и королева Брамимонда; в отчаянии рвет она на себе волосы и громко причитает, жалуясь на судьбу.

* * *

Семь лет провел король Карл в Испании, захватывал замки и покорял города, и немалую заботу причинил он этим Марсилию. Семь лет тому назад послал Марсилий просить помощи у Балигана, престарелого эмира. В случае отказа Марсилий грозил покинуть своих старых богов, отказаться

от идолопоклонства и, приняв христианство, заключить мир с Карлом Великим... Далеко лежат владения Балигана, и очень запоздал он с ответом. Он кликнул клич во всех своих четырех царствах, снарядил легкие суда, барки, лодки, галеры и корабли, собрал весь свой флот в своем порте Александрии и в мае, в первый летний день, вышел в море. Велико его войско, и быстро несется его легкий флот, по ночам озаряя море светом фонарей и блестящих карбункулов, прикрепленных к верхушкам мачт. Но вот флот подошел к Испании, и яркий свет залил всю испанскую землю. Ни минуты не медлит мусуль-майское войско, и флот, покинув море, подымается вверх по течению Эбро и в тот же день достигает Сарагосы.

При ярком солнечном сиянии эмир, сопровождаемый семнадцатью королями и несметною толпою графов, герцогов, высаживается на берег. Под тенью лаврового дерева расстилают на траве белый шелковый ковер,

ставят кресло из слоновой кости, и садится в него Балиган, окруженный почтительно склоненной перед ним свитой.

— Король Карл слишком уж долго не дает покоя Испании, — говорит он, — теперь наступает моя очередь заставить его плясать под мою дудку. Я нападу на него в его собственной земле, Франции, и не успокоюсь, пока не увижу его побежденным или мертвым.

Эмир выбирает двух послов, Кларифана и Клариена, и посылает их в Сарагосу передать Марсилию свою правую перчатку и золотой жезл и известить его, что Балиган пришел к нему на помощь в борьбе против французов и направляется с войском во Францию.

Послы достигают Сарагосы, проходят десять ворот, четыре моста, минуют все улицы, населенные мещанами, и направляются к верхней части города, откуда, со стороны дворца, до них доносится страшный пгум. Это кричит и плачет толпа мусульман, жалуясь на своих богов Тервагана, Магомета и Аполлона.

Оставив коней в тени маслин, послы, держа друг друга за платье, пробираются в верхние покои дворца и, найдя Марсилию в комнате с низкими сводами, приветствуют его, как подобает мусульманам, передают ему перчатку и жезл и извещают о намерении Балигана встретиться с Карлом во Франции.

— Незачем ходить так далеко, — замечает королева, — вы и тут найдете достаточно французов. Уже семь лет не покидают они Испании, и их император так храбр, что скорее согласится умереть, чем бежать.

— Не обращайтесь на нее внимания, — прерывает ее речь Марсилией, — ведь вы ко мне посланы, правоверные. Вы застаете меня в полном отчаянии: вчера был убит мой сын, и я остался без наследника. Ваш господин имеет право на Испанию, и я охотно уступлю ему страну под условием защищать ее от французов. Я готов помогать ему советами, и, может быть, ему удастся покончить с французами в один месяц. А пока отнесите ему ключи от Сарагосы и передайте мой совет не ходить далеко! Карл стоит теперь лагерем на берегу Эбро, не более как в семи милях отсюда, и эмир найдет христиан у себя под рукой: пусть он хорошенько приготовится к битве — французы и не подумают избегать ее.

Получив ключи от Сарагосы и выслушав рассказ послов о Ронсевальской битве и о преследовании му-сульман Карлом, Балиган вскочил с кресла и поклялся немедленно отомстить за Марсилию и взамен руки, которой тот лишился, доставить ему голову самого императора.

Арабы высадились на берег, сели на своих коней и мулов и двинулись в поход. Балиган поручил командование армией своему другу Жемальфину,

а сам сел на своего рыжего коня и в сопровождении четырех герцогов отправился в Сарагосу. Брамимонда встретила его во дворце с громким плачем и жалобами на Роланда, ранившего ее мужа.

Увидя Балигана, Марсильи потребовал, чтобы ему помогли встать, и уцелевшею левою рукою подал эмиру свою перчатку в знак того, что передает ему всю свою землю вместе с Сарагосой.

— Я всего лишился! — восклицал он. — Я погубил свой народ!

— Велико мое горе, — отвечал ему эмир, — но я не могу долго оставаться с тобой: я знаю, Карл не ждет, и принимаю твою перчатку.

Весь в слезах, вышел он от Марсильи и, вскочив на коня, поспешил нагнать свое войско.

* * *

Рано-рано на заре проснулся император Карл и, сняв оружие, вместе со своими воинами отправился в Ронсевальскую долину, на место битвы.

— Не торопитесь, — обратился он к своей свите, — я сам должен найти тело Роланда.

И Карл пошел вперед и поднялся на холм. Вся трава и цветы на его пути покрыты кровью французских баронов, и Карл не в силах удержаться от слез. Наконец взбирается он на вершину и останавливается под деревьями. На трех камнях узнает он удары Роланда и видит своего племянника лежащим на траве. Соскочив с коня, спешит он к тому месту, обнимает тело Роланда и от горя лишается сознания.

Придя в себя, видит Карл, что стоит у сосны, а поддерживают его герцог Нэмский и другие бароны: у ног императора лежит Роланд, и на лице Роланда — печать смерти. И громко оплакивает его Карл, и в отчаянии рвет свои волосы, и снова теряет сознание. И плачут вместе с ним окружающие его французы.

— Велико горе Карла! — восклицает герцог Нэмский.

— Государь, — говорит ему Жоффруа Анжуйский, — не следует так предаваться горю. Лучше прикажи собрать тела наших воинов, убитых испанскими нехристями, и перенести их в усыпальницу.

— Так подай сигнал, труби в свой рог, — отвечает ему король.

Жоффруа Анжуйский затрубил в рог. Французы спешили и пошли искать тела своих друзей. В войске Карла было много епископов, аббатов и монахов, и они похоронили мертвых при дыме кадил.

Император приказал положить отдельно тела Роланда, Оливье и епископа Тюрпина. При нем их вскрыли, обернули сердца в шелковые ткани, тела их, обмывая вином и настоем индийского перца, зашили в оленьи кожи и в мраморных гробах поставили на колесницы и повезли в город Блуа. Император собирался уже покинуть поле, как вдруг заметил мусульманский авангард. Двое посланных от имени эмира возвестили Карлу битву.

— Ты не минуешь наших рук, надменный король! — сказали они. — Сам Балиган идет следом за нами и ведет из Аравии огромное войско. Сегодняшний день покажет, кто тут истинно смел и могуч.

Вспоминает Карл, что потерял он в Ронсевальской битве, и беспокойно теребит свою бороду; затем, гордо обведя взором свое войско, он восклицает громким и твердым голосом:

— На коней, французские бароны! На коней, и к оружию!

Строит Карл свое войско, разделяет его на десять колонн. Не одни французы в его войске, много там и баварцев, норманнов, бретонцев, фламандцев и фризов. Десятая колонна вся состоит из лучших французских баронов, с головы до ног одетых в броню. Император, сойдя с коня, повергается ниц на зеленой траве и молит Бога оказать ему великую милость — дать возможность отомстить за Роланда.

Окончив молитву, Карл бодро вскочил на коня, спокойным и ясным взором окинул войско и затрубил в свой рог, и при звуках труб французы, с горем поминая Роланда, пошли вперед. Величаво сидел на коне император, расправив на груди свою седую бороду. То же сделали и все французы. Это знак, по которому они узнают друг друга. Проходят они горы, неприступные скалы, глубокие долины и страшные ущелья, выходят наконец на равнину и останавливаются, поджидая мусульманское войско.

Не заставляет себя ждать и эмир: с виду он истый барон, так же как и его сын Мальприм. И просит Мальприм:

— Позволь мне, отец, первому напасть на французов!

Ни в чем не в силах отказать ему Балиган и посылает его вперед, обещая ему часть своего царства, если удастся сломить гордость Карла и заставить умолкнуть его победный рог. Арабы разделили свою армию на тридцать колонн, громко зазвучали мусульманские трубы, и войско эмира двинулось против христиан.

При ярком солнечном сиянии сошлись враждебные армии, и закипела горячая битва.

Мальприм скачет на белом коне и раздает удары направо и налево. Видит его эмир в самом пылу схватки и посылает ему на помощь своих

баронов. Звонят мечи, ломаются копья, падают люди: уже вся трава пропиталась кровью, и много французов погибло от руки Мальприма. Видит это герцог Нэмский, и глаза его сверкают гневом. Мигом настигает он сына эмира, разбивает его щит, пикой пронзает его тело и мертвого бросает на землю, а вслед за ним и еще семьсот мусульман.

Но спешит на помощь Мальприму его дядя, брат эмира, и одним ударом разбивает герцогский шлем. Пошатнулся Герцог Нэмский и едва усидел в седле, ухватившись рукою за шею коня, и уже ждал второго удара. Но подоспел к нему сам император, разбил щит сарацина, прорвал его броню, пронзив копьем, мертвого сбросил на землю.

С тоской смотрит Карл на раненого герцога и дает ему добрый совет.

— Не отходи от меня больше, — предлагает он, — я буду твоим защитником.

И бьются они рядом, и бьются вместе с ними двадцать тысяч французов, и падают под их мечами проклятые сарацины. И молит эмир о помощи против Карла своих богов — Аполлона, Тервагана и Магомета, обещая воздвигнуть им золотые статуи, как вдруг приносят ему известие о гибели его сына. И опускает эмир забрало своего шлема, склоняет на грудь голову и готов умереть от горя.

Сзывает он свои последние колонны, выстраивает турок, арабов, великанов, громко трубит он в боевую трубу и сам кидается в сечу. Французы, видимо, одолевают. Близится вечер. С громкими кликами носятся по полю битвы эмир и император. Издали по голосам узнают друг друга и встречаются в разгар общей схватки. Отчаянно бьются они, разбивают щиты, ломаются подпруги их седел, и оба падают на землю, но, вскочив на ноги, продолжают биться мечами, и ни один не хочет уступить другому.

— Ты убил моего сына, — говорит Балиган, — бесправно завладел ты моей землею — сдайся же теперь, и я дарую тебе ее лен.

Но Карл не сдается, и снова обрушивают друг на друга они удар за ударом.

— Хорошенько подумай, Карл, — опять говорит эмир, — ты убил моего сына, ты бесправно завладел моей землею, — признай же себя моим вассалом, и я отдам тебе ее всю, от Испании вплоть до моего восточного царства!

— Это было бы для меня позором! — восклицает Карл. — Не могу я ни дружить, ни мириться с нехристом. Прими нашу веру, обратись в христианство, и, поверь мне, я сейчас же прекращу битву и обещаю тебе свою дружбу!

— Нет, скорее смерть! — отвечает Балиган.

Страшно силен эмир. Ударом меча рассекает он стальной шлем императора, рассекает кожу на его голове, но не успевает раздробить череп. Карл чуть не падает, но еще раз спускается к нему с неба архангел Гавриил. Присутствие ангела ободряет Карла и возвращает ему силы. Он разбивает блестящий шлем эмира и разрубает ему череп.

— Монжеуа! — восклицает он, давая знать о своей победе. Герцог Нэмский под уздцы подводит ему коня. Мусульмане наконец обращаются в бегство, преследуемые по пятам французами.

Солнце так и палит, густая пыль поднимается клубами, но французы преследуют мусульман до самой Сарагосы.

У окна высокой башни своего дворца стоит королева Брамимонда, окруженная языческими жрецами, знающими истинного Бога, не получившими церковного посвящения. Видит она поражение мусульман и спешит с этою вестью к Марсилию. Выслушал ее Марсиль, отвернулся к стене, закрыл лицо, заплакал — и умер от горя, и дьяволы завладели его некрещеной душой.

Перед Карлом распахнулись ворота Сарагоссы: он знает, что уже некому защищать город, и без опасения вводит в него свое войско и располагается на ночлег. Брамимонда сдает ему все городские башни — десять больших и пятьдесят малых.

Миновал день, наступила ясная лунная ночь, в небе загорелись яркие звезды. По приказанию императора французы обыскивают город, врываются в мечети и синагоги и вдребезги разбивают идолов и статуи Магомета. От чародейства и лжи не остается и следа: король верит в истинного Бога и Ему одному желает служить. Епископы благословляют воду и крестят неверных, а тех, кто отказывается исполнить волю Карла, он приказывает вешать, казнить и сжигать на костре.

С наступлением утра император занимает своим гарнизоном башни Сарагосы, оставляет в ней тысячу отважных всадников, а сам со своими людьми отправляется в обратный путь. С ним едет и пленная Брамимонда: но Карл не желает причинять ей зла и надеется кротостью обратить ее в христианство.

Быстро миновали победители Нарбонскую землю и достигли Бордо, где Карл возложил на алтарь в храме Святого Северина свой рог, наполненный золотом: пилигримы и теперь могут его там видеть. Переправившись через Жиронду, Карл похоронил своего племянника Роланда, его друга Оливье и епископа Тюрпина.

И опять пошло войско Карла горами и долинами, пока не достигло Ахена.

Прибыв в свой высокий дворец, Карл потребовал к себе всех придворных судей, саксов, баварцев, фриз, бургундцев и аддеманов, бретонцев и норманнов, мудрейших во всей Франции, и начался суд над Ганелоном.

КАЗНЬ ГАНЕЛОНА

Вернулся Карл из Испании, прибыл он в Ахен, лучший город Франции, и вошел в залу своего дворца. Там его встретила красавица Ода.

— Где Роланд? — спросила она короля. — Роланд, обещавший перед Богом быть моим мужем?

Карл плачет от горя и жалости и теребит свою седую бороду.

— Милая сестра, — говорит он, — того, о ком ты спрашиваешь, нет уже в живых. Но я постараюсь найти для тебя другого мужа. Мой собственный сын заменит для тебя Роланда.

— Удивляет меня твоя речь, — отвечает прекрасная Ода, — ни Бог, ни Его святые ангелы не допустят, чтобы я осталась жить, когда Роланд умер!

Побледнела она и замертво рухнула к ногам Карла. Упокой, Господи, ее душу! Горько оплакивают Оду и сожалеют о ней французские бароны.

Умерла прекрасная Ода. Но король думает, что ей только дурно: он плачет от жалости, берет ее за руки и старается приподнять, — но голова ее откидывается назад, и видит Карл, что Ода мертва.

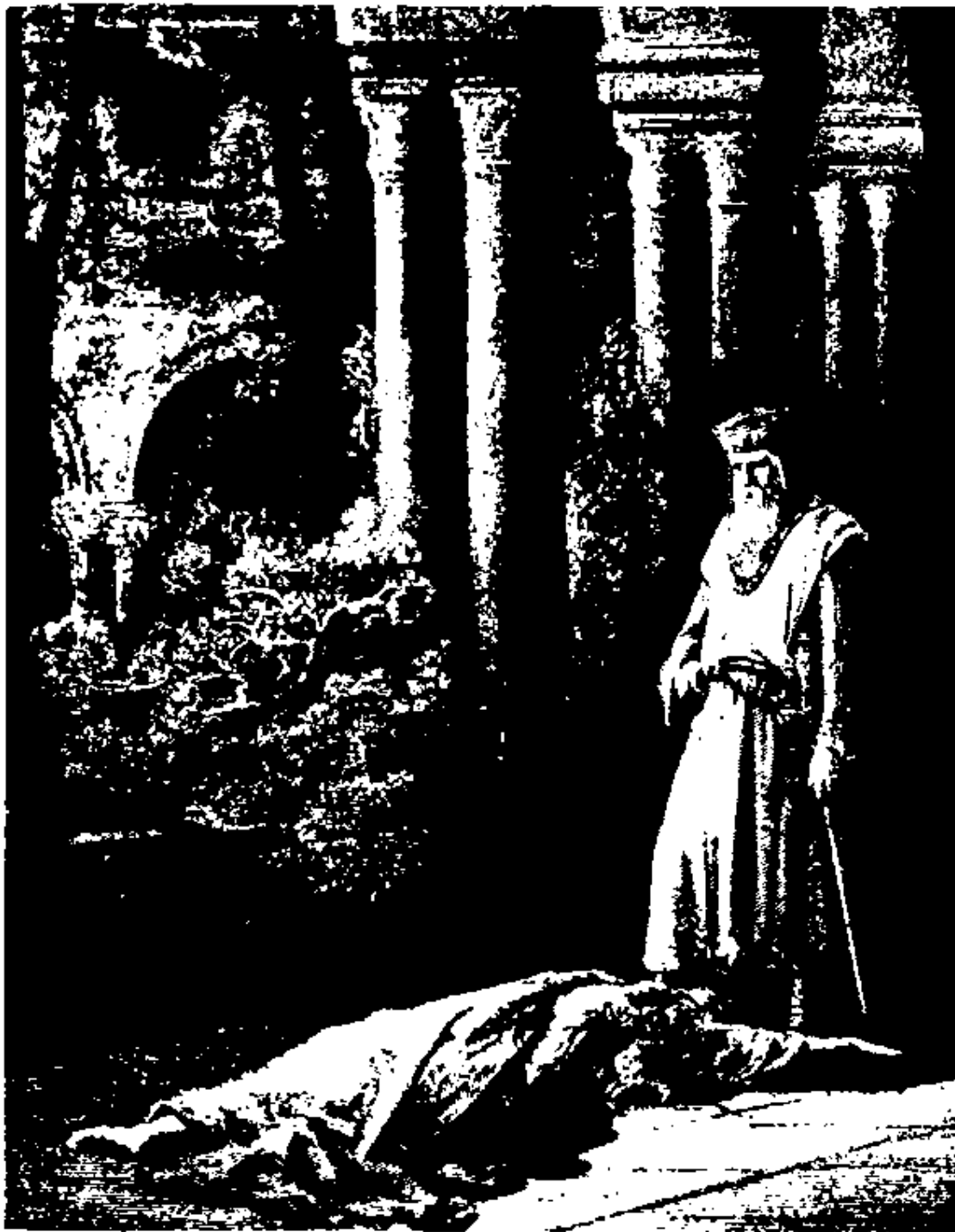
Тогда призывает он четырех графинь: они переносят ее в женский монастырь и до утра остаются там с покойницей. На другой день с великою честью хоронят ее вблизи алтаря. Вернулся император в свой Ахен. На площадь перед дворцом привели закованного Ганелона. Стража привязывает его к столбу, ему связывают руки ремнями и бьют его палками и бичами. Так ожидает он себе суда и, конечно, не достоин лучшей участи.

Суд собрался в день праздника святого Сильвестра, и император приказал привести Ганелона.

— Господа бароны! — сказал император. — Судите Ганелона по всей правде. С моим войском пришел он в Испанию и погубил двадцать тысяч моих воинов, моего племянника, которого вам не суждено уже видеть, и благородного Оливье. За золото и серебро продал он двенадцать пэров.

— Я признаюсь в этом! — воскликнул Ганелон. — Однако много зла сделал мне Роланд. Именно за это я и приготовил ему гибель. Свершенное мною я не согласен называть предательством.

— Погоди. Мы выясним это дело, — отвечали французы.

Ганелон с молодцеватым видом стоит перед королем, с лицом свежим и румяным. Он окидывает взором присутствующих, видит тридцать своих родичей и начинает говорить громким голосом:

— Ради Бога, выслушайте меня, бароны! Когда я был в войске императора, я служил ему верой и правдой. Но возненавидел меня его племянник Роланд и послал меня на мученическую смерть. Да, я был отправлен послом к королю Марсилию и спасся лишь благодаря моей хитрости. И тогда обратился я с открытой угрозой к Роланду, Оливье и их товарищам. Сам Карл и его благородные бароны тому свидетели. Это месть, а не предательство.

— Мы обсудим это дело, — отвечают французы.

Ганелон, видя, что начинается суд, собрал тридцать своих родичей и обратился к самому могущественному из них — Пинабелю, мастеру говорить и отличному солдату. И сказал Ганелон Пинабелю:

— Тебе доверяюсь я: ты спасешь меня от бесчестья и смерти.

Отвечал ему Пинабель:

— Я буду твоим защитником. Стальным мечом отвечу я первому же соотечественнику, который вздумает осудить тебя на смерть или с которым заставит меня биться император.

И Ганелон поклонился ему до земли.

Собрались бароны на совет.

— Не прекратить ли нам это разбирательство? — говорят они друг другу. — Отменим суд и попросим на этот раз простить Ганелона: ведь он будет вперед служить ему верой и правдой. Никакое золото на свете не вернет уже Роланда к жизни. Затевать же поединок было бы глупо.

Согласны на это все бароны, кроме одного Тьерри, брата герцога Жоффруа Анжуйского.

Вернулись бароны к Карлу и известили его о своем решении.

— Так, значит, вы такие же изменники! — закричал на них король.

Видя, что все отступились от него, Карл со вздохом опустил голову. И вот явился перед ним Тьерри, худой, высокий, но слабый, с черными волосами и карими глазами.

— Не огорчайся, государь! — сказал он королю. — Я по рождению своему имею право участвовать в суде и думаю, что, какова бы ни была вина Роланда перед Ганелоном, племянник твой верно служил твоей короне. Ганелон предатель и клятвопреступник — и за это я осуждаю его на смерть. Пусть его повесят и бросят его тело собакам. Слова свои я готов защищать мечом.

Тогда выступил вперед Пинабель, высокий, сильный, проворный и отважный.

— Государь, — сказал он, — мы здесь на суде. Не позволяй же так шуметь! Тьерри произнес свой приговор, и я готов биться с ним, чтобы

опровергнуть его.

И он подал императору свою кожаную перчатку с правой руки.

— Хорошо, — отвечал император, — приведите ко мне солидных заложников.

Тридцать родственников Пинабеля послужили заложниками, и император приставил к ним стражу до окончания суда.

И Тьерри передал Карлу свою правую перчатку, и сам император дал за него заложников; затем приказал он поставить на площади четыре скамейки и посадить на них бойцов, чтобы все могли их видеть. Пинабель и Тьерри перед боем исповедались, получили отпущение грехов, причастились и пожертвовали щедрую лепту на церковь. Потом они вооружились, сели на коней и появились перед Карлом.

За Ахеном простирается обширная долина, послужившая местом поединка. На всем скаку налетели они друг на друга и начали биться, и наконец сбросили друг друга на землю. Но, быстро вскочив на ноги, продолжали битву пешие.

— Сдавайся, Тьерри, — говорит Пинабель, — я буду твоим вассалом, стану служить тебе верой и правдой и дам тебе столько сокровищ, сколько пожелаешь. Помири только короля с Ганелоном!

— Об этом нечего и думать, — отвечает Тьерри, — пусть судит нас Сам Господь.

И они продолжают битву.

— Пинабель, — говорит Тьерри, — ты настоящий барон, высокий, сильный, ловкий; твои пэры знают твою храбрость. Прекрати же бой! Я помирю тебя с Карлом, а с Ганелоном расправятся так, что не будет о нем и слуху.

— Избави Бог, — отвечает Пинабель, — я должен защищать своих родичей и не отступлю ни перед кем из смертных!

И снова раздались удары мечей о золотые шлемы, так что искры полетели к небу. Тьерри уже ранен в лицо, но он все же поднимает свой меч, рассекает шлем и череп Пинабеля и мертвым швыряет его наземь.

— Господь совершил чудо! — восклицают французы. — И Ганелон должен быть повешен вместе с родными!

Карл спешит на место поединка, обнимает Тьерри и вытирает на лице его кровь своим куньим мехом, который тут же сбрасывает с плеч. Осторожно сажают Тьерри на арабского мула и везут в Ахен, где на площади казнят тридцать родичей Ганелона. Самого же Ганелона привязывают за руки и за ноги к четырем диким коням, и тело его разрывается на части.

Покончив с мусульманами и Ганелоном, Карл призвал к себе епископов.

— В моем доме, — сказал он им, — живет благородная пленница. Она так много слышала об истинной вере, что сама хочет принять христианство. Прошу вас окрестить ее.

— Охотно, — отвечали епископы.

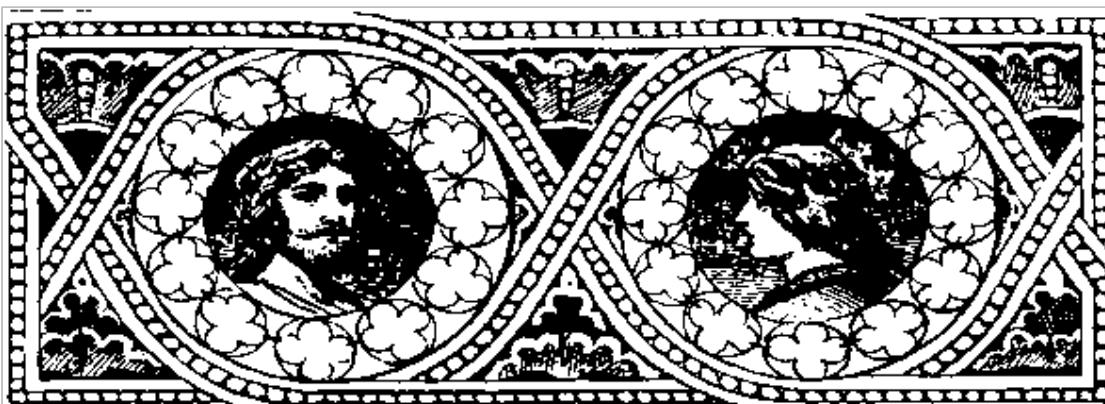
Так крестилась в Ахене по собственному своему желанию королева Испании.

После суда над Ганелоном и крещения Брамимонды императору во сне явился архангел Гавриил и от имени Господа приказал собирать свое войско и идти на помощь королю Вивиену, осажденному неверными в своей столице.

Неохота идти императору; он плачет и рвет свою бороду.

— Боже мой! — восклицает он. — Как тяжела моя жизнь!

Тут кончается песнь о Роланде.

Тристан и Изольда

Пересказ Т. Чесноковой

Глава I

ДЕТСКИЕ ГОДЫ ТРИСТАНА

Не желаете ли, добрые люди, послушать прекрасную повесть о любви и смерти? Это повесть о Тристане и королеве Изольде. Послушайте, как

любили они друг друга к великой радости и к великой печали, как скончались в один и тот же день — он из-за нее, она из-за него. Такова была сила их любви. В былые времена царствовал в Корнуэльсе король Марк. Но ополчились на него враги. Ривален, король Лоонуа и друг Марка, проведал об этом и переправился через море ему на помощь. Он служил ему верно и мечом, и советом, и Марк наградил его рукою своей сестры, красавицы Бланшефлёр, которую Ривален полюбил несказанной любовью.

Но вскоре отправился он на войну, а королеву оставил на попечение маршалу своему Роальду, которому за его верность дали славное прозвище: Роальд Твердое Слово.

Долго ждала Бланшефлёр Ривалена. Но не суждено ему было вернуться. Однажды она узнала, что пал король в сражении. И стала Бланшефлёр таять на глазах. Вскоре родила она сына и, взяв его на руки, сказала:

— Сын мой, в печали родила я тебя, и грустно мне теперь умирать, не дождавшись дорогого Ривале-на. И так как ты явился на свет от печали, Тристан будет тебе имя, что значит — печальный.

Так сказав, поцеловала она ребенка и скончалась. А Роальд Твердое Слово взял на воспитание сироту. Когда мальчику исполнилось семь лет, он вверил его мудрому наставнику, славному конюшему Горвеналу. И тот обучил Тристана всем искусствам, какие приличествовали баронам: как владеть копьем и мечом, щитом и луком, научил его ненавидеть всякую ложь и вероломство, помогать слабым, держать данное слово, обучил его пению, игре на арфе и охотничьему делу. Когда мальчик ехал верхом, то казалось, что его конь, оружие и он сам составляли одно целое и нельзя было их разделить. Все восхваляли этого прекрасного, храброго, мужественного, сильного и верного юношу, а Роальд любил Тристана, как сына.

Случилось так, что радость его омрачилась в тот день, когда норвежские купцы, заманив Тристана на свой корабль, увезли его, как славную добычу. Но море не любит корабли вероломных и не помогает похищениям и предательствам. И поняли моряки, что разгневалось море и разбушевалось из-за похищенного ими Тристана. Тогда они дали обет отпустить его на волю и оснастили лодку, чтобы высадить его на берег. Тотчас же стихли ветры и волны, просияло небо. И воды отнесли лодку Тристана к песчаному берегу.

С большим трудом взобрался юноша на утес и увидел, что за пустынными холмами простирается бесконечный лес. Он сокрушался, сожалея о Горвенале, Роальде и о земле Лоонуа, как вдруг услышал

далекий звук охотничьего рога. На опушке показался прекрасный олень, а за ним по следам неслись охотники и свора собак. Один из охотников ударил оленя копьем, а потом достал нож и собрался отсечь ему голову.

Тристан остановил его. Разве так подобает разнимать это благородное животное, как свежуют заколотую свинью? Удивились охотники словам юноши и дали ему нож, чтобы он научил их охотничьему обычаю. Любовались они на то, как Тристан снял с оленя драгоценную шкуру.

— Если вы примете меня в число своих охотников, я с удовольствием пойду с вами и обучу вас и другим утехам охоты, — сказал Тристан незнакомцам. А они отвечали:

— Добро пожаловать, мы отведем тебя к королю Марку, нашему повелителю.

И вот отправились они в путь и ехали, беседуя, пока не очутились перед прекрасным замком. Его окружали луга, плодовые сады, пахотные поля и пруды. Множество кораблей заходило в гавань. Замок возвышался над морем, а главная его башня была построена из каменных глыб, хорошо обтесанных и расположенных, как зеленые и голубые клетки на шахматной доске.

Тристан спросил, как зовется замок.

— Зовут его Тинтагель.

Здесь, добрые люди, некогда в великом веселии отец его Ривален сочелся браком с Бланшефлёр. Но, увы, Тристан не знал об этом!

Понравился благородный юноша королю Марку и остался служить у него как охотник, певец и ленник. Днем Тристан сопровождал Марка в залу суда или на охоту, а ночью в королевском покое, где он спал вместе с другими ближними и верными людьми, играл на арфе, чтобы утолить горе короля, когда тот бывал печален.

А Роальд Твердое Слово, долго проблуждав по морям и странам, пристал наконец к Корнуэльсу, нашел Тристана и поведал Марку:

— Король Марк, этот юноша — Тристан из Лоонуа, — ваш племянник, сын вашей сестры Бланшефлёр и короля Ривалена! Герцог Морган несправедливо владеет его землей, пора вернуться ей к законному наследнику.

Приняв от своего дяди посвящение в рыцари, Тристан поехал за море на корнуэльских кораблях, вызвал на бой убийцу Ривалена, герцога Моргана, убил его и вступил во владение своей землей. А потом сказал Роальду:

— Отец мой, вы будете владеть моей землею, а я покину эту страну, хотя она и дорога мне, и пойду в Корнуэльс служить королю Марку.

Взял Тристан с собой одного Горвенала и направился к своему господину Марку.

Глава II

МОРОЛЬД ИРЛАНДСКИЙ

Когда Тристан вернулся, Марк и все его бароны были в глубокой печали, ибо король Ирландии снарядил флот, чтобы опустошать Корнуэльс, если Марк откажется платить дань, которую некогда платили его предки. Король Ирландский послал в Тинтагель со своим требованием исполинского рыцаря Морольда, которого никто никогда не мог победить в бою.

Король Марк собрал ко двору всех баронов своей земли, чтобы держать с ними совет. А рыцарь Морольд сказал им так:

— Если кто-то из твоих баронов, король Марк, захочет доказать единоборством, что король Ирландии взимает эту дань незаконно, я приму его вызов. Кто из вас, сеньоры Корнуэльса, желает вступить в бой за свободу своей страны?

Переглядываются бароны друг с другом, не зная, что сказать. Ведь Морольд Ирландский будет сильнее четырех здоровенных бойцов. И все знают, что меч его заколдован, что он сносил головы смелым рыцарям с тех самых пор, как король Ирландии посылает этого великана с вызовом в подвластные ему земли. Сразиться с Морольдом — все равно что пойти на верную смерть. И все молчали.

Тогда Тристан преклонил колена перед королем Марком и сказал:

— Властитель и государь, если будет на то ваша милость, я выйду на бой.

Тщетно пытался отговорить его король Марк. Рыцарь он молодой, к чему послужит его отвага? Но Тристан бросил Морольду перчатку, и тот ее поднял. Будут биться они на острове Святого Самсона.

В назначенный день Тристан велел вооружить себя для великого подвига. Надел он панцирь и шлем из вороненой стали. Бароны плакали от жалости к храбрецу и от стыда за себя.

Зазвонили в колокола. Тристан сел в лодку один и направился к острову Святого Самсона. Морольд натянул на мачту своей ладьи роскошный пурпурный парус и первым прибыл на остров. Он привязал свое судно у берега, а Тристан, причалив, ногой оттолкнул свою лодку в море.

— Что ты делаешь? — спросил его Морольд. — Почему ты не привязал лодку канатом ?

— К чему это? — ответил ему Тристан. — Лишь один из нас возвратится отсюда живым. Или мало ему будет одной ладьи?

И оба они направились в глубь острова.

Никто не видел жестокой битвы. Но трижды всем почудилось, будто морской ветер донес до берега яростный крик. Наконец, около полудня увидели вдали пурпурный парус: ладья ирландца отчалила от острова. И раздался крик ужаса: «Морольд! Морольд!» Ладья все приближалась, и вот на носу ее увидели рыцаря, в руках которого было два поднятых меча. Это был Тристан.

— Сеньоры ирландцы! Славно сражался Морольд! Смотрите, меч мой зазубрен. Кусок лезвия засел глубоко в его черепе. Возьмите же этот кусок стали: то дань Корнуэльса.

Так сказал Тристан, упал на руки к королю Марку, и кровь потекла из его ран.

В великом унынии вернулись в Ирландию спутники Морольда. Бывало, возвращаясь в родную гавань, Морольд радовался, что снова увидит своих людей, которые толпой будут приветствовать его, увидит королеву, сестру свою, и племянницу, белокурую Изольду, с волосами цвета золота, чья краса уже сияла, как занимающаяся заря.

Но теперь он лежал бездыханный, и белокурая Изольда извлекла из его головы обломок вражеского меча и спрятала в ларец из слоновой кости. Склонившись, без конца повторяя хвалы умершему и беспрестанно посылая проклятия его убийце, мать и дочь поочередно руководили погребальным причитанием женщин над телом Морольда. С этого дня белокурая Изольда научилась ненавидеть имя Тристана из Лоонуа.

Между тем в Тинтагеле Тристан хирел: зараженная кровь сочилась из его ран. Врачи поняли, что Морольд вонзил в его тело отравленное копье, и так как их снадобья и противоядия не могли его спасти, они предоставили его Божьему милосердию.

По желанию Тристана король Марк отнес его в лодку без весел и паруса. Рядом же с раненым положили одну только арфу. Так захотел Тристан. К чему паруса, когда его руки не могли их распустить? К чему весла, к чему меч? И море унесло лодку.

Семь дней и семь ночей оно тихо несло Тристана. Порой он играл на арфе, чтобы утолить свою муку. Наконец море незаметно пригнало его к берегу. Как раз в эту ночь рыбаки вышли из гавани, чтобы закинуть в море

сети, и плыли на веслах. Вдруг они услышали нежную мелодию, скользившую по поверхности вод. Они принялись грести, чтобы догнать ладью. Так подобрали рыбаки Тристана и вернулись в гавань, чтобы поручить раненого своей милосердной госпоже в надежде, что она, может быть, сумеет его излечить.

Увы, в гавани той покоился прах Морольда, а госпожа их была белокурая Изольда! Она одна, сведущая в целебных зельях, могла спасти Тристана, но из всех женщин она одна желала его смерти.

Когда, оживленный ее снадобьями, Тристан пришел в себя, он понял, что волны выбросили его на землю, исполненную для него опасностей. И тогда он пошел на хитрость и рассказал, будто морские разбойники напали на его корабль. Но когда спустя сорок дней златовласая Изольда его почти уже излечила, когда в его теле, снова ставшем гибким, начала возрождаться прелесть юности, он понял, что ему надо удалиться. Он бежал и после многих опасностей однажды снова предстал перед королем Марком.

Глава III

ПОИСКИ ЗЛАТОВЛАСОЙ КРАСАВИЦЫ

При дворе короля Марка были четыре барона, вероломнейшие из всех людей. Они ненавидели Тристана жестокой ненавистью за его доблесть и за нежную любовь, которую питал к нему король. Их можно назвать по именам: Андрет, Генелон, Гондоин и Деноален. Из них герцог Андрет приходился королю Марку племянником, как и Тристан. Зная, что король намеревался умереть бездетным, чтобы завещать свою землю Тристану, эти бароны распалились завистью и стали наветами и клеветой подстрекать против Тристана других баронов Корнуэльса.

Тогда заволновались бароны и стали требовать от короля Марка, чтобы он взял себе в жены какую-нибудь принцессу, которая дала бы ему наследников. Они грозили, что, если он будет отказываться, они удалятся в свои крепкие замки, чтобы вести с ним войну. Долго противился король и наконец назначил баронам срок: через сорок дней он объявит им свое решение.

В назначенный день, один в своем покое, он ожидал их прихода и думал с грустью: «Где бы мне найти королевскую дочь, столь далекую и недоступную, чтобы я мог притвориться, будто желаю ее себе в жены?»

В этот миг в открытое на море окно влетели две ласточки, строившие себе гнездо, и стали биться друг с другом. Потом они улетели, но одна из своего клюва выронила длинный женский волос, тоньше шелка, сиявший,

как солнечный луч. Подняв его, Марк позвал баронов и Тристана и сказал им, что возьмет себе в жены ту, которой принадлежит этот золотой волос. Тристан же, разглядев волос, вспомнил о белокурой Изольде и сказал:

— Я отправляюсь на поиски златовласой красавицы. Поиски эти опасны, и мне труднее будет возвратиться из ее страны, чем с острова, на котором я убил Морольда. Но либо я умру ради короля, либо привезу в замок Тинтагель златовласую королеву.

Тристан оснастил доброе судно, нагрузил его пшеницей, вином, медом и другими припасами и посадил на него, кроме Горвенала, сто юных рыцарей знатного рода, выбранных из самых храбрых. Судно держало путь в Ирландию. И Тристан уверил жителей Ирландии, что его спутники — купцы из Англии, приехавшие сюда для мирной торговли.

В то время гнусное чудовище нападало на ирландцев. Король пообещал, что выдаст дочь свою, белокурую Изольду, за того, кто убьет это чудовище. И решил Тристан сразиться с драконом.

Он вооружился и выехал прямо ему навстречу. Голова у чудовища была медвежья, глаза красные, как пылающие уголья, на лбу два рога, уши длинные и мохнатые, когти как у льва, хвост змеиный, тело чешуйчатого грифа.

Страшным было это сражение. Сломалось копье Тристана, панцирь почернел, как потухший уголь, конь его пал... Но наконец удалось Тристану вонзить свой добрый меч в пасть чудовища. Он проник в него весь и рассек пополам сердце. В последний раз испустил дракон свой ужасный крик — и издох.

Тристан отрезал у него язык и спрятал в карман. Но яд, сочившийся из языка дракона, нагрелся от его тела и отравил его. И упал храбрец в высокую траву.

Тем временем трусливый рыцарь Агингерран Рыжий, который домогался руки белокурой Изольды, увидел, что дракон мертв. Тогда он отсек голову чудовища, отнес ее королю и потребовал обещанную прекрасную награду. Король не поверил его храбрости.

Не поверила и белокурая Изольда. Взяв свою служанку Бранжьену, она тайком направилась к логову чудовища. И в высокой траве нашли они незнакомого рыцаря. Он еще дышал. Перевезли его в женские покои дворца и увидели, что в кармане — отрезанный язык. Так поняла Изольда, кто победил дракона. И стала она с матерью выхаживать Тристана.

Решила Изольда вычистить доспехи рыцаря, потускневшие от яда. Взглянула она на шлем из доброй стали, на крепкий панцирь, а потом взяла в руки меч. Она вынула из драгоценных ножен окровавленный клинок, чтобы обтереть его. Видит, он сильно зазубрен... Смотрит на форму зазубрин. Уж не этот ли клинок сломался о череп Морольда? Бежит Изольда к ларцу, где хранила осколок стали, и прикладывает этот осколок к зазубрине. Нет больше сомнений!

Тогда она бросилась к Тристану и, занеся над его головой огромный меч, вскричала:

— Ты — Тристан из Лоонуа, убийца Морольда, милого моего дяди! Умри же!

Тристан сделал усилие, чтобы удержать ее руку, но тщетно: тело его было разбито. Однако ум сохранил свою живость, и он сказал находчиво:

— Да, ты имеешь право на мою жизнь, так как ты мне дважды ее сохранила и возвратила. Но не красней, девушка, что ты излечила эти раны: разве не получил я их в честном бою? Разве я вероломно убил Морольда? Разве не он меня вызвал и я не должен был защищать себя?

Изольда отбросила меч и долго молчала. Потом поцеловала в уста своего гостя в знак мира и одела его в богатые одежды.

Предстал Тристан перед королем Ирландии и сказал так:

— Сеньоры, я убил Морольда, но я подверг себя и смертельной опасности, освободив вас от чудовища, и таким образом добыл себе белокурую Изольду. Получив ее, я увезу ее на своем корабле. Но чтобы в землях Ирландии и Корнуэльса не пылала больше взаимная ненависть, а только любовь, да будет вам ведомо, что король Марк, мой повелитель, возьмет ее себе в супруги. Вот сто знатных рыцарей, готовых поклясться в этом.

Так из любви к королю Марку хитростью и силой Тристан выполнил наказ: достал златовласую королеву.

Глава IV

ЛЮБОВНОЕ ЗЕЛЬЕ

Когда наступило время поручить Изольду корнуэльским рыцарям, мать ее набрала трав, цветов и корней, положила их в вино и сварила волшебный напиток. Она вылила его в кувшин и тайно сказала Бранжъене:

— Девушка, ты последуешь за Изольдой в страну короля Марка. Ты еелюбишь верной любовью. Когда наступит брачная ночь, налей в кубок этого вина и поднеси королю Марку и королеве Изольде, чтобы они выпили вместе. Да смотри, дитя мое, чтобы никто больше не отведал этого напитка, ибо такова его сила, что те, которые выпьют его вместе, будут любить друг друга всеми своими чувствами и всеми помыслами навеки: и в жизни, и в смерти.

Рассекая глубокие волны, судно уносило Изольду от родных берегов. Однажды ветры стихли, паруса повисли вдоль мачт. Пекло солнце, Тристана и Изольду мучила жажда. Они попросили напиться, девочка—служанка стала искать какой—нибудь напиток и нашла кувшин, доверенный Бранжъене матерью Изольды.

— Я нашла вино! — крикнула она им.

Нет, то было не вино — то была страсть, жгучая радость, бесконечная тоска и смерть.

Девочка наполнила кубок и поднесла Изольде. Та сделала несколько больших глотков, потом отдала кубок Тристану, который осушил его до дна.

В это время пришла Бранжъена и увидела, что они переглядываются молча, как бы растерянные, очарованные. Она увидела перед ними почти опорожненный кувшин. Схватив сосуд и подбежав к корме, она бросила его в волны и жалобно воскликнула:

— Несчастная я! Да будет проклят тот день, когда я вошла на это судно! Изольда, дорогая моя, и ты, Тристан, вы испили вашу смерть!

Так полюбили друг друга Тристан и Изольда. Она хотела ненавидеть его, но не могла, ибо сердце ее было охвачено тем нежным чувством, которое острее ненависти.

А корабль снова понесся к Тинтагелю.

Глава V

БРАНЖЪЕ НА ОТДАНА РАБАМ

Король Марк встретил белокурую Изольду на берегу. Тристан взял ее за руку и подвел к нему, и король принял ее, взяв тоже за руку. С большими почестями повел он ее в замок Тинтагель, и, когда они появились в зале среди вассалов, красота ее так все осветила, что стены засияли, словно

озаренные восходящим солнцем. Похвалил тогда король Марк милую услугу ласточек, которые принесли ему золотой волос, похвалил и Тристана, и сто рыцарей, которые отправились на корабле добывать ему радость его очей и сердца. Увы, славный король, корабль принес тебе великое горе и жестокие терзания!

Изольда стала королевой и живет как будто бы в радости. Изольда стала королевой и живет в горе. Изольду нежно любит король Марк, бароны ее почитают, а народ обожает. Она проводит дни в своих покоях, пышно расписанных и устланных цветами. У нее драгоценные уборы, пурпурные ткани и ковры. А между тем Изольда трепещет. К чему трепетать? Разве не хранят они с Тристаном свою любовь втайне? Кто заподозрит Тристана? Кто ее видит, кто за ней следит? Кто свидетель?

Да, свидетель следит за ней: Бранжъена, одна Бранжъена подсматривает за ней, Бранжъена знает ее жизнь, Бранжъена держит ее в своих руках. Боже, что, если она выдаст их королю? И Тристан умрет от ее вероломства? Так от страха сходила с ума королева.

И вот однажды, когда Тристан и король охотились где-то далеко, Изольда позвала к себе двух рабов и посулила им волю и шестьдесят золотых, если они поклянутся, что исполнят ее желание. Они поклялись.

— Я поручу вам девушку, — сказала она. — Вы отведете ее в лес, близко или далеко, но в такое место, чтобы никто никогда не узнал о случившемся. Там вы ее убьете и принесете мне ее язык. Запомните, чтобы повторить мне, слова, которые она вам скажет. Ступайте, и по возвращении вы будете свободны и богаты.

Рабы увели Бранжъену. Они завели ее в лес и обнажили свои мечи.

— Девушка, нам придется убить тебя. Если королева Изольда хочет твоей смерти, то, без сомнения, ты сильно перед ней провинилась.

Бранжъена упала на траву, пытаясь руками отклонить острия мечей, и жалобно сказала:

— Если уж она хочет моей смерти, то скажите, что я посылаю ей привет и любовь и что благодарю ее за честь и добро, которое она оказывала мне с самого детства.

Рабы сжалились и, посоветовавшись между собой, решили, что девушка не заслуживает смерти. Они привязали ее к дереву, а вместо нее убили щенка и отрезали ему язык. Затем оба явились к Изольде.

— Говорила ли она что-нибудь? — тревожно спросила Изольда.

— Да, государыня, говорила. Она благодарила вас за все благодеяния, оказанные ей с детства, молила Бога сохранить вашу честь и жизнь. Она шлет вам привет и любовь. Вот, государыня, ее язык: мы принесли его вам.

— Убийцы! — вскричала Изольда. — Отдайте мне Бранжъену, мою дорогую служанку! Она была моим единственным другом!

— Знайте же, королева, что она жива, — сказал один из рабов. — Мы приведем ее к вам здоровой и невредимой.

Явившись к Изольде, Бранжъена встала на колени, умоляя простить ее, но и королева пала на колени перед ней. И обе, обнявшись, надолго лишились чувств.

Глава VI

БОЛЬШАЯ СОСНА

Не верной Бранжъены, а самих себя должны остерегаться любящие. Но как могли быть бдительными их нежные сердца? Любовь гонит их, как жажда гонит раненого оленя к реке. Увы, любовь нельзя укрыть!

Уже при дворе четыре барона—предателя, ненавидящие Тристана за его доблесть, бродят вокруг королевы. Они уже знают правду о ее прекрасной любви. Снедаемые алчностью, ненавистью и злорадством, они понесут эту весть к королю и увидят, как нежность его сменится яростью и как Тристан будет изгнан или предан смерти, а королева будет терзаться.

И вот Андрет сказал королю Марку:

— Великий государь! Сердце твое, несомненно, будет страдать, и нам четверым это очень прискорбно, но мы обязаны объявить тебе то, что нечаянно открыли. Ты отдал свое сердце Тристану, а он хочет тебя опозорить. Тщетно мы тебя предупреждали: из любви к одному племяннику ты пренебрег своей родней и всеми своими баронами. Знай же: Тристан любит королеву. Это верно, и об этом уже много говорят.

Возмутился благородный король и призвал Тристана:

— Тристан, покинь этот замок и, покинув его, не отваживайся более перебираться через его рвы и ограду. Низкие люди обвиняют тебя в большом предательстве. Не спрашивай меня: я не сумею передать тебе их обвинений, не пороча нас обоих. Но все же не верю я предателям. Если бы я им верил, разве я не предал бы тебя позорной смерти? Однако их злокозненные речи смутили мое сердце, и только твой отъезд меня успокоит. Уезжай! Нет сомнения, я вскоре тебя призову. Уезжай же, сын мой, всегда мне дорогой!

Нет, Тристан не в силах уехать. Когда он переступил ограду и рвы замка, он почувствовал, что далее уйти не в состоянии. Он поселился вместе с Горвеналом у одного горожанина. За плотно запертыми башнями изнемогала и белокурая Изольда, еще более несчастная, чем прежде, одна среди чужих людей.

Скоро любящие умрут, если никто не придет к ним на помощь. А кто же может спасти их, если не верная Бранжьена? С опасностью для жизни она прокралась к дому, где остановился Тристан. Радостно открыл ей двери Горвенал. И ради спасения любящих она обучает Тристана уловке.

За замком Тинтагель простирался огромный плодовый сад, окруженный крепким частоколом. Без числа росли в нем прекрасные деревья, отягощенные плодами и благоуханными гроздьями. В самом отдаленном от замка месте, рядом с изгородью, возвышалась высокая и прямая сосна, могучий ствол которой поддерживал широко раскинувшуюся вершину. У ее подножья протекал ручей. Вода вначале разливалась широкой полосой, светлая и спокойная, в мраморном водоеме, а потом, заключенная в тесные берега, неслась по саду, проникая даже внутрь замка и протекая по женским покоем.

И вот, по совету Бранжьены, Тристан каждый вечер искусно строгал кусочки коры и мелкие сучья.

Подойдя к сосне, он бросал их в источник. Легкие, как пена, они плыли по поверхности, а в женских покоех Изольда следила, когда они появятся. После этого вечером, если Бранжьене удавалось удалить короля Марка и предателей, Изольда направлялась к своему любимому. Увидев ее,

Тристан бросался к ней, простирая объятия. Для них это был чудесный сад, о котором под звуки арфы говорят песни. Здесь деревья всегда в цвету, и почва напоена благоуханием.

Изольда обрела свою радость. И предатели догадались, что королева видится с Тристаном. Но Бранжьена сторожила так хорошо, что все их старания выследить любящих были тщетны. Тогда герцог Андрет сказал другим баронам:

— Сеньоры, посоветуемся с Фросином, горбатым карликом. Он сведущ во многих искусствах, в магии и во всякого рода волшебстве. И он откроет нам хитрости белокурой Изольды.

Из ненависти к красоте и доблести маленький злой человечек начертил волшебные знаки, а потом пошел к королю. Неохотно последовал король за карликом Фросином. Потайным ходом они проникли в сад, и карлик привел его к большой сосне.

— Государь, вам надо взобраться на ветви этого дерева. Возьмите туда с собой ваш лук и стрелы. Они вам, может быть, пригодятся. Да держитесь потише; долго ждать вам не придется.

И карлик ушел. Он сказал правду. Король ждал недолго. К сосне подошел Тристан и стал бросать в воду стружки и сучья. Но так как, бросая, он наклонился над ключом, то увидел образ короля, отраженный в воде. Ах, если бы мог он остановить мчавшиеся стружки! Но увы, вода быстро уносит их по саду. Там, в женских покоях, Изольда следит за их появлением. Она, несомненно, уже увидела их и спешит сюда. Да защитит Господь любящих!

Она явилась. Тристан стоит неподвижно и глядит на нее. Он слышит на дереве скрип стрелы, вправляемой в тетиву.

Удивлена Изольда неподвижностью своего возлюбленного. Она останавливается, хочет проникнуть взглядом в темную чащу. Внезапно при свете луны она тоже замечает тень короля, отраженную в ручье. Она проявила свою женскую сообразительность тем, что не подняла глаза на ветви дерева. И тогда она придумала уловку и опередила Тристана:

— На что ты отважился? Звать меня в такое место и в такой час! В чем твоя просьба? Чего ты от меня ждешь?

И Тристан отвечал ей так:

— Просить милости, королева, чтобы ты успокоила короля. С тех пор как король прогнал меня, я чувствую себя несчастным. Ты, может быть, знаешь, за что он возненавидел меня.

— Нет, Тристан, тебе не следует обращаться ко мне с такой просьбой. Я одна в этой стране, одна в этом дворце, где меня никто не любит. Если я

замолвлю за тебя хоть одно слово, разве ты не понимаешь, что я могу навлечь на себя позорную смерть? Бог да сохранит тебя, друг! Неправедно ненавидит тебя король, но во всякой земле, куда бы ты ни пришел, Господь Бог будет тебе верным другом.

Сказав это, Изольда убежала, трепеща, вся в слезах. Она рассказала Бранжъене, что случилось под сосной.

— Изольда, госпожа моя! — воскликнула Бранжъена. — Бог явил тебе великое чудо. Он не хочет, чтобы пострадали невинные.

А король, сидя на сосне, слышал все и разгневался на карлика. Фросин почернел от страха и стыда, надулся от злости и быстро пустился бежать по направлению к уэльской земле.

Глава VII

КАРЛИК ФРОСИН

Король Марк примирился с Тристаном. Он позволил ему возвратиться в замок, и Тристан по-прежнему ночует в королевском покое, среди приближенных и доверенных людей. Когда ему хочется, он может входить и выходить. Короля это более не заботит. Но кто же может долго скрывать свою любовь?

Марк простил и своим предателям. А когда бароны нашли однажды в дальнем лесу горбатого карлика, блуждающего и жалкого, они привели его к королю, который сжалился над ним и простил ему его проступок.

Но его доброта только усилила ненависть баронов. Снова застав Тристана с королевой, они поклялись, что, если король не выгонит своего племянника из страны, они удалятся в свои крепкие замки и будут с ним воевать.

— Вели, государь, позвать сюда карлика Фросина, — сказали они. — Ты ему не доверяешь из-за того, что случилось в саду. Однако разве не угадал он, что королева придет в тот вечер под сосну? Он сведущ во многом; посоветуйся с ним.

Проклятый горбун поспешил явиться на зов короля и научил Марка такому предательству:

— Прикажи, государь, своему племяннику, чтобы завтра на заре он поскакал в Кардуэл к королю Артуру с грамотой на пергаменте, хорошо запечатанной воском. Государь, Тристан спит возле твоего ложа. Когда все уснут, выйди из своего покоя. И если Тристан любит Изольду, он захочет прийти поговорить с ней перед отъездом.

Согласился король Марк на эту хитрость.

И вот Тристан в большом волнении. Им овладело страстное желание поговорить с королевой, и он замыслил в сердце, что на заре, если Марк будет спать, он приблизится к Изольде. Боже, что за безумная мысль!

Увы, накануне в лесу клык огромного кабана ранил Тристана в ногу, и, по несчастью, рана не была перевязана и раскрылась. Тристан не видел, что кровь льется из раны, обагряя простыни, когда он пробрался тайком к Изольде. И тут услышали они, что входят король, четыре барона и карлик со светильником. Тристан прыгнул на свое ложе и притворился спящим. Но король уже увидел, что на постели Изольды — кровь из раны Тристана.

— Тристан, — сказал король, — всякие оправдания бесполезны. Завтра ты умрешь!

И четыре барона связали веревками его и королеву.

Глава VIII

ПРЫЖОК ИЗ ЧАСОВНИ

По городу темной ночью бежит молва: Тристан и королева схвачены, король хочет их казнить. Богатые горожане и мелкий люд — все плачут.

— Увы, как нам не плакать! Тристан, смелый воин, неужели ты умрешь от такого подлого предательства? А ты, благородная, почитаемая королева! В какой земле еще родится когда-либо принцесса столь прекрасная, столь любимая? Это плод твоего колдовства, горбун-карлик! Ты, Тристан, убил Морольда, он поразил тебя копьем, и от этой раны ты едва не умер за нас. И нынче, памятуя обо всем этом, допустим ли мы твою смерть?

Тем временем король Марк повелел сложить костер из терновника для Тристана и королевы, ибо они преступили закон. Все готово для казни.

Послушайте же, каково милосердие Божие! Не желая смерти грешника, Господь внял слезам и воплям бедных людей, которые молили Его за мучимых любящих. У дороги, по которой Тристана вели на казнь, на вершине скалы возвышалась над морем часовня. Стены задней ее стороны были расположены на краю утеса, высокого, каменистого, с острыми уступами. И над самой пропастью было расписное окно искусной работы какого-то святого человека. Тристан сказал тем, кто его вел:

— Видите ли вы эту часовню, добрые люди? Позвольте мне войти в нее. Смерть моя близка, я помолюсь Богу. У часовни всего один выход, и я могу выйти только этой дверью.

Они дали ему войти. Он кинулся внутрь часовни, подскочил к окну, схватился за него, открыл и прыгнул наружу... Лучше это падение, чем

смерть на костре, да еще перед сборищем врагов!

Знайте, добрые люди, что Бог смиловался над ним: ветер надул его одежду, подхватил его и опустил на большой камень у подножия скалы.

До сих пор еще корнуэльцы зовут этот камень «Прыжок Тристана».

Когда до короля дошла весть, что Тристан бежал через окно часовни, он побледнел от гнева и приказал своим людям привести Изольду.

Ее влекут. Она появляется на пороге залы, протягивая свои нежные руки, из которых сочится кровь. Крик несется по всей улице: «Боже, смилуйся над ней! Благородная, достойная королева! В какую печаль ввергли нашу страну те, что предали тебя!»

Привели королеву к костру из пылающего терновника. Случилось так, что сто прокаженных, обезображенных, с источенным телом, приковывали на костылях под звуки своих трещоток и столпились у костра. Из-под распухших век их налитые кровью глаза любовались зрелищем.

Ивен, самый отвратительный из больных, закричал королю Марку пронзительным голосом:

— Ты хочешь, государь, предать огню свою жену? Наказание справедливое, но слишком скорое. Я могу научить тебя худшему наказанию, такому, что она будет жить, но с великим позором, вечно желая себе смерти. Отдай Изольду нам, прокаженным. Никогда женщина не будет иметь худшего конца.

И король согласился. Изольда уходит, ведут ее Ивен и сто прокаженных. Ужасный сонм вышел из города. Они направились по дороге, но здесь в засаде их поджидали Тристан с верным Горвеналом.

Тристан отбил королеву у Ивена, впредь ей больше никакого зла не будет. Он разрезал веревки, связывавшие ее руки, и они углубились в лес Моруа. Там, в густой чаще, Тристан почувствовал себя в безопасности, как за стеной крепкого замка.

Он нарубил ветвей, устроил шалаш и покрыл его листвою. Изольда густо устлала его травой. Тогда в глубине дикого леса началась для беглецов жизнь суровая, но милая им.

Глава IX

ЛЕС МОРУА

В глуби глухого леса, с великим трудом, словно преследуемые звери, они бродят и редко осмеливаются к вечеру возвратиться на ночлег в шалаш. Питаются они только мясом диких зверей, вспоминая с сожалением о вкусе соли и хлеба. Их изможденные лица по-бледнели, одежда,

раздираемая шипами, превращается в лохмотья. Но они любят друг друга — и не страдают.

Однажды, когда они скитались по густой чаще, никогда не знавшей топора, случайно набрали они на хижину отшельника Огрин. Старик прогуливался тихими шагами, опираясь на посох.

— Сеньор Тристан! — воскликнул он. — Узнай, какой великой клятвой поклялись жители Корнуэльса. Король велел объявить во всех приходах: кто тебя поймает, получит в награду сто марок золотом. И все бароны поклялись выдать тебя живым или мертвым. Покайся, Тристан! Бог прощает грешников.

— Раскаяться мне, друг Огрин? Но в каком преступлении? — отвечал Тристан. — Я предпочел бы скорее нищенствовать всю мою жизнь по дорогам и питаться травами и кореньями вместе с Изольдой, чем без нее быть королем славного государства. Она более не принадлежит королю Марку. Он отдал ее своим прокаженным, у прокаженных я ее и отнял. Теперь она навсегда моя. Расстаться с ней я не могу, как и она со мной.

И они простились с Огрином. Взявшись за руки, они вступили в высокие травы. Вереск, деревья сомкнули за ними свои ветви, и они исчезли за листвой.

Послушайте, добрые люди, о славном приключении. Тристан воспитал собаку—ищейку, красивую, живую, легкую на бегу. Звали ее Хюсден. Преданный пес оборвал привязь и убежал в лес, ища своего хозяина. Тристан с королевой и Горвенал услышали издалика лай собаки. Это Хюсден! Они испугались, что король, должно быть, преследует их. Опечалился Тристан: наверное, придется убить собаку, иначе она их выдаст. Но Изольда сказала ему:

— Мне приходилось слышать об одном уэльском леснике, который приучил свою собаку бегать без лая по кровавому следу раненых оленей. Вот была бы радость, дорогой Тристан, если бы удалось, потрудившись, выучить тому и Хюсдена.

Не прошло и месяца, как Тристан научил собаку охотиться молча. Когда, бывало, он ранит стрелой косулю или лань, Хюсден, никогда не подавая голоса, выслеживает ее по снегу, льду или траве.

Прошло лето, наступила зима. Любящие жили, приютились в пещере, на земле, отвердевшей от мороза, и льдинки щетинили их ложе из опавших листьев. Ни он, ни она не чувствовали горя — такова была сила их любви. А когда вернулось светлое время года, они вновь построили себе шалаш из зазеленевших ветвей. Тристан с детства умел искусно подражать пению лесных птиц, и порой к шалашу слетались на зов иволги, синицы, соловьи.

Случилось, однако, что один из четырех предателей, Генелон, увлеченный охотой, осмелился забрести в лес Моруа. В то утро на опушке

леса, в глубоком овраге Горвенал, расседлав своего коня, пустил его пастись на молодой траве. Поблизости, под навесом из ветвей, на гряде цветов и зелени покоился Тристан, крепко обняв королеву, и оба спали.

Внезапно Горвенал слышал лай своры. Вдали на лугу показался охотник, и Горвенал узнал его. Это был Генелон, барон, которого больше всего ненавидел его господин. Выскочив из засады, Горвенал схватил его коня под уздцы. И в одно мгновение припомнив все то зло, которое сделал этот человек, он валит его с коня и мечом отрубает ему голову. Когда другие охотники нашли обезглавленный труп, они бросились бежать подальше от этого места. И с тех пор никто уже больше не охотился в лесу Моруа.

Но вот что случилось летним днем, в пору жатвы, вскоре после Троицына дня. Тристан отправился на охоту, но прежде чем настанет вечер, великое горе постигнет его. Нет, никогда любящие не любили так сильно и не искупили этого так жестоко!

Когда Тристан вернулся с охоты, утомленный изнуряющим зноем, он захотел лечь и поспать. На ложе из зеленых ветвей, устланном свежей травой, первой легла Изольда. Тристан лег возле нее, положив между нею и собой обнаженный меч. На их счастье, были они одеты. У королевы на пальце сиял золотой перстень с чудным изумрудом, который подарил ей Марк в день их свадьбы. Так спали они.

Случилось, что лесник набрел на их жилище. Он увидел их спящими, узнал и пустился бежать, боясь грозного пробуждения Тристана. Прибежав в Тинтагель, лесник оповестил короля о находке.

Король велел оседлать коня и незамеченным выехал из города. Он сам умрет, если не убьет их. Он проник в шалаш один, с обнаженным мечом, и уже занес его... Какое будет горе, если он нанесет этот удар! Но он увидел, что губы Тристана и Изольды не соприкасались, и обнаженный меч разделял их тела.

— Боже! — сказал король Марк. — Что я вижу? Могу ли я убить их? Они так долго жили в этом лесу, и если бы любили друг друга грешной любовью, разве положили бы этот меч между собой? И разве не знает каждый, что обнаженное лезвие, разделяющее два тела, служит порукой и охраной целомудрия? Нет, я их не убью: это было бы большим грехом. Но я устрою так, что, проснувшись, они узнают, что я застал их спящими и не пожелал их смерти и что Бог сжалился над ними.

И Марк осторожно снял перстень с изумрудом, который подарил королеве. Вместо него король надел ей свой, подаренный ему Изольдой.

Затем он взял меч, который разделял любящих. Он узнал его: то был меч, который зазубрился о череп Морольда. Вместо него король положил свой.

Проснувшись, Изольда увидела на своем пальце перстень Марка.

— Горе нам, — воскликнула она, — король нас застал!

— Да, — сказал Тристан, — он унес мой меч. Король был один, испугался и пошел за подкреплением. Он вернется и велит нас сжечь перед всем народом. Бежим!

И большими переходами, сопровождаемые Горвеналом, они устремились к Уэльсу, до границ леса Моруа. Сколько мучений принесла им любовь!

Глава X

ОТШЕЛЬНИК ОГРИН

Три дня спустя Тристан долго выслеживал раненого оленя.

Наступила ночь, и в темном лесу он задумался: «Нет, вовсе не из страха пощадил нас король. Он взял мой меч, когда я спал и был в его власти. Он мог поразить меня. К чему было звать подкрепление? Чтобы взять меня живым? Если он желал этого, зачем было, обезоружив меня, оставить мне свой собственный меч? О, я узнал тебя, отец! Не из страха, а из нежности и сострадания ты пожелал простить нас. Простить! И вот своим состраданием он пробудил во мне нежность и отвоёвывал королеву. Королеву!.. У него она была королевой, а в этом лесу она живет как раба. Что сделал я с ее молодостью? Вместо покоев, убранных шелковыми тканями, я предоставил ей этот дикий лес, шалаш вместо роскошного полога. И ради меня идет она по этому страдному пути. О Господи Боже, Царь вселенной, помилуй меня и дай мне силы, чтобы я мог вернуть Изольду королю Марку! Разве не его она жена, повенчанная с ним по закону перед всей знатью его страны?»

Опершись на свой лук, Тристан долго тосковал в ночи.

А белокурая Изольда ждала возвращения Тристана. При свете месяца она увидела сияющий на своем пальце золотой перстень, который надел ей Марк. Она подумала: «Кто подарил мне так великодушно этот золотой перстень? Это тот сострадательный государь, который принял меня и покровительствовал мне с того дня, как я явилась в его страну. Как любил он Тристана! Но я пришла — и что я сделала? Тристану подобало жить во дворце короля с сотней юношей, его дружиной, которые служили бы ему. Ему следовало разъезжать по замкам и баронствам, ища себе подвигов и

славы. Из-за меня забыл он рыцарское дело, изгнан от двора, преследуем в лесу...»

Тогда решили Тристан и Изольда вернуться к отшельнику Огрину, который жил в своей рощице. Утром они пустились в путь, пока не достигли хижины отшельника. На пороге Огрин читал книгу. Он заметил их издали и ласково приветствовал.

— Послушай, сеньор Огрин, — промолвил Тристан, — помоги нам примириться с королем. Я отдам ему королеву. Сам я уйду далеко, в Бретань или к фризам, и если когда-нибудь король согласится принять меня к себе, я вернусь и стану служить ему, как должно.

Отшельник дал им мудрые советы, потом взял чернила и пергамент и написал послание, в котором Тристан предлагал королю примирение. Тристан сам вызвался отвезти послание.

Оставив королеву в хижине отшельника, он вместе с верным Горвеналом поскакал ночью к Тинтагелю, перескочил через острый частокол сада, снова увидел мраморное крыльцо, ручей, большую сосну и приблизился к окну, за которым спал король. Он тихо окликнул его и оставил послание на решетке окна.

Король бросился к порогу и громко позвал Тристана, любимого своего племянника, но тот был уже далеко. Они доехали, наконец, до хижины, где нашли поджидавших их — отшельника за молитвой и Изольду в слезах.

Глава XI

ОПАСНЫЙ БРОД

Марк велел разбудить своего капеллана и подал ему письмо. Капеллан взломал печать и сначала приветствовал короля от имени Тристана, затем прочитал то, что писал королю Тристан. Марк слушал, не говоря ни слова и радуясь в своем сердце, ибо он еще любил королеву. И он отправил отшельнику Огрину свой ответ. Король соглашался принять Изольду, но не желал оставить Тристана на своей службе. Придется ему уехать за море через три дня после того, как он передаст королеву в руки Марку у Опасного брода.

— Боже! — воскликнул Тристан, когда отшельник Огрин прочитал ему королевское послание. — Какое горе потерять тебя, дорогая Изольда! Но это необходимо, ибо теперь я могу избавить тебя от муки, которую ты выносила из-за меня. Когда настанет время разлуки, я дам тебе подарок — залог моей любви. Из неизвестной страны, куда я направлюсь, я пошлю к

тебе посланца. Он передаст мне твоё желание, дорогая, и при первом же зове я примчусь издалека к тебе.

Изольда вздохнула и сказала:

— Оставь мне Хюсдена, милый Тристан. Никогда ни одна собака не будет холена с большей почестью. Глядя на нее, я буду вспоминать тебя, и это облегчит мою печаль. Есть у меня перстень из зеленой яшмы — возьми его из любви ко мне, носи его на пальце. А если когда-нибудь посланец станет утверждать, что он явился от твоего имени, я ему не поверю, пока он не покажет мне этот перстень. Но лишь только я его увижу, никакая власть, никакой королевский запрет не помешает мне сделать то, о чем ты меня попросишь, будет ли это мудро или безумно.

Между тем король велел провозгласить по Корнуэльсу, что через три дня у Опасного брода он примирится с королевой. Дамы и рыцари толпой явились в то место. Всем хотелось снова увидеть королеву Изольду.

Все ее любили, кроме трех предателей, которые еще оставались в живых. Но один из них умрет от меча, другой будет пронзен стрелой, а третий утоплен. Так Господь, ненавидящий всякое неистовство, отомстит за любящих их врагам.

В назначенный день Тристан ехал с Изольдой по лесу к Опасному броду. Их кони шли рядом.

— Дорогой мой, — сказала Изольда, — выслушай мою последнюю просьбу. Скоро ты покинешь эту страну. Погоди же несколько дней, спрячься и не уезжай, пока не узнаешь, как со мной обойдется король, гневно или ласково. Я одна: кто защитит меня от предателей ?

И Тристан обещал ей остаться.

Наконец подъехали они к Опасному броду. Тристан, держа под уздцы коня Изольды, приветствовал короля и сказал:

— Государь, возвращаю тебе белокурую Изольду. Перед людьми твоей земли я прошу тебя дозволить мне защитить себя. Дай мне оправдаться поединком.

Никто не принял вызова Тристана. А предатели-бароны подъехали к королю и сказали:

— Послушайся, государь, совета, который мы даем тебе по чести. Королева была оклеветана понапрасну, мы это признаем. Но если Тристан и она возвратятся вместе к твоему двору, все снова станут говорить об этом. Пусть лучше Тристан удалится на некоторое время. Когда-нибудь ты, без сомнения, призовешь его снова.

Марк так и поступил. Он велел передать Тристану через своих баронов, чтобы тот удалился немедленно.

При известии о примирении стар и млад, мужчины, женщины и дети выбежали толпой из города навстречу Изольде. Сильно сокрушаясь об изгнании Тристана, они радостно приветствовали вернувшуюся к ним королеву. При звоне колоколов, по улицам, усыпанным тростниками и изукрашенным шелковыми тканями, король, графы и принцы сопровождали Изольду. Ворота дворца были открыты для всех. Каждый мог садиться и пировать, богатый и бедный. Чтобы отпраздновать этот день, король Марк отпустил на волю сто рабов и посвятил в рыцари двадцать конюших, вручив им меч и панцирь.

Между тем с наступлением ночи Тристан, согласно обещанию, данному им королеве, прокрался к леснику Орри, который тайно приютил его в разрушенном подвале.

Глава XII

СУД РАСКАЛЕННЫМ ЖЕЛЕЗОМ

Вскоре Андрет, Гондоин и Деноален сочли себя в безопасности. Без сомнения, думали они, Тристан влачит свою жизнь за морем, в стране, слишком отдаленной, чтобы он мог до них добраться. И вот однажды они снова явились к королю с коварными речами:

— Король Марк, выслушай нас. Ты раньше приговорил королеву к смерти без суда, и это было против закона. Но теперь ты оправдал ее без суда — опять же это против закона. Ведь она так и не оправдалась, и бароны твоей страны осуждают вас обоих. Посоветуй ей лучше, чтобы она сама потребовала Божьего суда: что ей стоит, невинной, подержать в руках раскаленное железо и доказать, что она ни разу не согрешила? Так требует обычай, и этим навсегда бы рассеялись старые подозрения.

Возмущенный Марк отвечал им:

— Да покарает вас Господь, корнуэльские сеньоры, за то, что вы беспрестанно домогаетесь моего позора! Из-за вас я изгнал своего племянника. Чего же еще вы требуете? Чтобы я изгнал королеву в Ирландию? Какие у вас жалобы? Разве Тристан не предлагал поединок, чтобы защитить ее от старых наветов? Вон из моей земли, предатели! Не будет вам больше милости! Ради вас я изгнал Тристана, а теперь ваша очередь: вон из моей земли!

— Хорошо, государь. Замки наши крепки, с надежным частоколом, на неприступных скалах.

И, не попрощавшись с королем, они повернули коней.

Видит Изольда, что гневен король, и обратилась к нему:

— Я вправе узнать, государь, в чем меня обвиняют. И от кого, кроме вас, узнать мне об этом? Я одинока в этой чужой стране, и нет у меня никакого защитника, только вы, государь.

Тогда рассказал ей король, что три предателя, которых он изгнал, предлагают Изольде суд раскаленным железом, чтобы доказать свою невинность.

Изольда содрогнулась и взглянула на короля.

— Государь, прикажи им вернуться к твоему двору. Я оправдаю себя судом.

— Когда?

— На десятый день.

— Срок очень близок, дорогая.

— Наоборот, он слишком далек. Но я прошу вас до его наступления пригласить короля Артура со ста рыцарями. Пусть они будут моими поручителями на суде.

В то время как глашатаи, посланные Марком, спешили к королю Артуру, Изольда тайком направила к Тристану своего верного слугу Периниса Белокурого. И тот сообщил ему о случившемся, о новом коварстве, назначенном сроке, часе и месте суда.

— Моя госпожа просит вас, чтобы вы были в назначенный день на Белой поляне, переодевшись паломником и без оружия, чтобы никто не узнал вас. Чтобы добраться до места суда, ей надо переправиться через реку на лодке. Ждите ее на противоположном берегу, где будут рыцари короля Артура. Тогда, без сомнения, вы сможете оказать ей помощь. Моя госпожа страшится дня суда, но полагается на милость Господа, сумевшего вырвать ее из рук прокаженных.

В назначенный день суда король Марк, Изольда и корнуэльские бароны, доехав до Белой поляны, появились у реки в прекрасном строе, и собравшиеся вдоль другого берега рыцари короля Артура приветствовали их своими блестящими знаменами.

Перед ними, сидя на откосе, протягивал деревянную чашку для подаяний жалкий паломник. Завернувшись в свой плащ, он просил милостыню унылым голосом.

Люди корнуэльцев приближались на веслах к другому берегу. Когда они готовились пристать, Изольда спросила рыцарей:

— Как мне, сеньоры, ступить на твердую почву, не замочив длинной одежды? Надо бы, чтобы мне помог какой-нибудь перевозчик.

Один из рыцарей окликнул паломника:

— Друг, подбери—ка свой плащ да сойди в воду и перенеси королеву, если не боишься упасть. Я вижу, ты очень немощен.

Тот взял королеву на руки. Она сказала ему тихо: «Милый!» А потом так же тихо: «Упади на песок!»

Достигнув берега, он споткнулся и упал, крепко обнимая королеву. Рыцари хотели накинуться на бедняка.

— Оставьте его, — сказала им королева, — он, видно, ослабел от долгого паломничества.

Помолившись Богу, Изольда сняла драгоценности с рук и шеи и раздала их нищим, скинула свою пурпурную мантию, другую одежду и оставила на теле только тунику без рукавов. Дрожа, протянула она руки вперед и сказала:

— Ни один человек, рожденный от женщины, не держал меня в своих объятиях, кроме Марка, моего повелителя, да еще этого бедного паломника, который только что упал на ваших глазах. Пусть же Господь явит свой правый суд!

Бледная, она приблизилась к костру. Все молчали. Железо было накалено. Она погрузила свои обнаженные руки в уголья, схватила железную полосу, прошла десять шагов, неся ее, потом отбросила железо и простерла крестообразно руки. И все увидели, что ладони ее здоровы. Тогда из всех уст поднялся благодарственный возглас к Господу.

Глава XIII

ТРЕЛИ СОЛОВЬЯ

Когда, войдя в хижину лесника Орри, Тристан отбросил свой посох и снял паломнический плащ, он ясно понял в своем сердце, что настал час сдержать данную королю Марку клятву и удалиться из корнуэльской земли. Чего он еще медлит? Королева оправдалась, король ее боготворит и почитает, Артур возьмет ее под свою защиту в случае клеветы, и отныне зло не восторжествует над ней. К чему дольше блуждать по окрестностям Тинтагеля? Тристан попрощался с лесником, приютившим его, и сказал Горвеналу:

— Дорогой мой наставник, наступил час отправиться в далекий путь. Мы поедem в Уэльс.

Ночью, печальные, они пустились в путь. Дорога пролежала мимо сада, окруженного частоколом, где когда-то Тристан поджидал свою возлюбленную. Ночь стояла ясная. На повороте дороги недалеко от

изгороди он увидел могучий ствол высокой сосны, выделявшийся на лунном небе.

— Обожди меня у ближайшего леса, дорогой наставник, я скоро вернусь.

— Куда идешь ты? Безумец, ты без устали ищешь смерти!

Но Тристан уверенным прыжком уже перескочил через частокол. Он подошел к высокой сосне близ водоема из белого мрамора. К чему бросать теперь в воду искусно нарезанные стружки? Изольда больше не придет! Легкими, осторожными шагами отважился он приблизиться к замку.

А в покоях бодрствовала Изольда. Внезапно в открытое окно влетели трели соловья. Изольда печально слушала его пение, зачаровывавшее ночь. И вдруг она поняла: «О, это Тристан! Так в лесу Моруа он подражал певчим птицам, чтобы повеселить меня. Он уезжает, и это его последнее «прости»! Как он печалует! Таков соловей, когда на исходе лета он прощается с ним в великой печали. Никогда более, дорогой, не услышу я твоего голоса! Но ты меня зовешь, и я иду!»

В эту ночь они были вместе в саду, и в последующие дни Тристан, вернувшийся к Орри, отваживался приближаться к замку, чтобы увидеть Изольду.

Один слуга застал его и пошел сказать Андрету, Гондоину и Деноалену:

— Зверь, которого вы считаете прогнанным, вернулся в свою берлогу.

— Кто это?

— Тристан.

Узнала Изольда, что предатели открыли убежище Тристана, и сказала ему:

— Теперь беги, милый! Беги из этой страны ради твоего спасения и ради моего!

— Как мне жить? — говорит ей Тристан.

— Да, милый Тристан, жизни наши связаны и вплетены одна в другую. А мне как жить? Тело мое здесь, а сердце мое у тебя.

— Изольда, милая, я уезжаю, не знаю куда. Но если когда-нибудь ты увидишь перстень из зеленой яшмы, исполнишь ли ты то, о чем я тебя попрошу?

— Да, ты это знаешь. Если я увижу перстень из зеленой яшмы, то ни башня, ни крепкие запоры, ни королевский запрет не помешают мне исполнить волю моего возлюбленного.

Так простились они друг с другом.

Глава XIV

ВОЛШЕБНАЯ ПОГРЕМУШКА

Тристан удалился в Уэльс, в страну благородного герцога Жилена. Герцог был молод, могуществен, добр. Он принял Тристана как желанного гостя. Чтобы почтить и развеселить его, он не жалел никакого труда. Но ни подвиги, ни празднества не могли утолить тоску Тристана.

Однажды, когда он сидел возле молодого герцога, сердце его так заболело, что, сам того не замечая, он начал вздыхать. Желая смягчить его горе, герцог велел принести в покои свою любимую забаву, которая в печальные минуты радовала его глаза и сердце. Это была маленькая собачка Пти-Крю. Шерсть ее отливала столь чудесно расположенными цветами, что нельзя было назвать ее масти. Шейка казалась белее снега, один бок — красный, точно пурпурный, другой — желтый, как шафран, живот — голубой, как лазурь, а спина — розоватая. На шее у собачки подвязана была на золотой цепочке погремушка такого веселого, ясного и нежного звона, что от звуков ее сердце Тристана умилилось, успокоилось, и горе его растаяло. Исчезли из памяти все беды, вынесенные ради королевы, — такова была волшебная сила погремушки. Сердце, слыша ее звон, такой нежный, веселый и ясный, забывало всякое горе.

И подумал Тристан, что это был бы хороший подарок для Изольды. Но как получить его? Герцог Жилен любит Пти-Крю более всего на свете, и никто не был бы в состоянии получить собачку от него ни хитростью, ни просьбами.

Однажды Тристан сказал герцогу:

— Что бы вы дали, государь, тому, кто освободил бы вашу страну от косматого великана Ургана, который требует от вас тяжелой дани?

— Сказать по правде, я предложил бы его победителю выбрать из моих богатств то, что он сочтет наиболее ценным. Только никто не отважится напасть на великана.

Решил Тристан попытать счастья. Настиг он косматого Ургана в его логовище. Долго и яростно бились они. Наконец доблесть восторжествовала над силой, ловкий меч — над тяжелой палицей, и Тристан, отрубив правую руку великана, отнес ее герцогу.

— В награду, государь, согласно вашему обещанию, дайте мне Пти-Крю, вашу волшебную собачку.

И герцог, сдержав слово, отдал собачку победителю.

Тристан передал ценный подарок уэльскому жонглеру — певцу и рассказчику, — умному и хитрому, а тот доставил ее в Корнуэльс. Прибыв в

Тинтагель, он тайно вручил ее Бранжьене. Сильно обрадовалась королева, щедро наградила жонглера, а королю сказала, что подарок прислала ей мать, королева Ирландии.

Звуки волшебной погремушки веселили печальное сердце Изольды. Но однажды она подумала: «Хорошо ли, что я нахожу утешение, тогда как Тристан несчастен? По великому своему благородству он предпочел послать мне Пти-Крю, отдать мне свою радость, чтобы самому по-прежнему терпеть горе. Но тому не бывать! Тристан, я хочу страдать, пока ты страдаешь».

Она взяла волшебную погремушку, позвенела ею в последний раз, тихо отвязала ее и бросила через открытое окно в море.

Глава XV

БЕЛОРУКАЯ ИЗОЛЬДА

Любящие не могли ни жить, ни умереть друг без друга. Жить им в разлуке было ни жизнь, ни смерть, но то и другое вместе.

Тристан хотел бежать от своего горя, носясь по морям, островам и странам. Снова увидел он свою страну Лоонуа, где Роальд Твердое Слово встретил своего сына со слезами нежности. Но, не будучи в состоянии спокойно жить в его земле, Тристан отправился по герцогствам и королевствам, ища приключений. Из Лоонуа — к фризам, от фризов — в Германию и Испанию. Служил он многим государям и совершил множество подвигов, но в течение двух лет не было ему никакой вести из Корнуэльса — ни друга, ни послания.

Тогда он подумал, что Изольда разлюбила его и забыла.

И вот случилось однажды, что, странствуя вдвоем с Горвеналом, прибыли они в Бретань. Они проехали опустошенную равнину. Повсюду обрушившиеся стены, деревни без жителей, поля, выжженные огнем. Тристан задумался: «Я истомлен и устал. К чему мне эти приключения? Госпожа моя далеко, никогда я ее не увижу. Ни одной весточки от нее! В Тинтагеле король ее почитает, ей служит, живется ей радостно. Веселит ее

погремушка волшебной собачки. Изольда меня забыла, и ей мало дела до прежних печалей и радостей, мало дела до несчастного, который скитается по этой опустелой стране. Неужели никогда не забуду я ту, которая меня забыла? Неужели не найду никого, кто бы утешал мое горе?»

Наконец попался им на пути отшельник и рассказал, что страна эта — Бретань и владеет ею герцог Хоэль. Была она некогда богата пастбищами и пашнями. Здесь были мельницы, яблоневые сады, фермы. Но граф Риоль Нантский произвел это опустошение.

Тристан с Горвеналом поскакали дальше и выехали прямо к герцогскому замку. Принял их Хоэль с сыном своим Каэрдином. И Тристан обратился к герцогу:

— Я — Тристан, король Лоонуа. Марк, король Корнуэльса, мне дядя. Я узнал, сеньор, что граф Нантский притесняет вас, и пришел предложить вам свою помощь.

Они приняли его с почетом. Каэрдин показал гостю замок, крепкие стены и главную башню. А потом они поднялись в залу, где сидели мать и сестра Каэрдина и вышивали золотом. Герцогский сын гордо сказал Тристану:

— Смотри, дорогой друг, какая искусница моя мать, как она умеет украшать ризы и облачения, чтобы потом принести их в дар бедным монастырям! Как быстро руки моей сестры продевают золотые нити в эту ткань! Тебя, сестрица, по праву прозвали Изольдой Белорукой.

Услышав, что ее зовут Изольдой, Тристан улыбнулся и посмотрел на нее нежнее.

А на следующий день Тристан, Каэрдин и двенадцать юных рыцарей выступили из замка в панцирях и шлемах и проехали сосновой рощей до рвов неприятельского лагеря. Затем, выскочив из засады, они разбили графа Риоля. С той поры Тристан и Каэрдин стали питать друг к другу такое доверие и дружбу, что поклялись во всем помогать друг другу. Ни разу они не нарушили этого слова.

И сказал Каэрдин своему отцу:

— Позови Тристана и удержи его при себе. Нет лучше его рыцаря, а твоя страна нуждается в воине, исполненном такой доблести.

Посоветовавшись со своими людьми, герцог Хоэль призвал Тристана и сказал ему:

— Друг, не знаю, как выразить тебе мою любовь. Ты мне сохранил эту страну, и я хочу отблагодарить тебя. Дочь моя, белорукая Изольда, происходит из рода герцогов и королей. Возьми ее, я отдаю ее тебе.

— Я принимаю ее, сеньор, — ответил Тристан.

Ах, добрые люди, зачем сказал он эти слова! Ведь из-за них он и умер.

Выбрали день, назначили срок. При всех, перед церковными воротами, по закону Святой Церкви, Тристан сочетался браком с белокурой Изольдой. Свадьба была пышная и богатая. Но когда наступила ночь и слуги Тристана стали снимать с него одежды, случилось так, что они потянули за слишком узкий рукав и стащили с его пальца перстень из зеленой яшмы, подарок белокурой Изольды. С громким звоном ударился он о каменные плиты. Тристан взглянул и увидел его. И тут проснулась в нем старая любовь. Он понял свою ошибку. По какому безумию он обвинил свою любимую в измене? Ведь она продолжает терпеть из-за него горе.

Глава XVI

КАЭРДИН

Прошло немного времени, и стал замечать Каэрдин, что Тристан холоден с его сестрой. И сказал он Тристану:

— Ты нарушил верность и опозорил наш род. И если ты не оправдаешься передо мной, то знай, что я вызову тебя на поединок.

Но Тристан печально отвечал ему:

— Да, я явился к вам на ваше несчастье, но узнай и мое горе, славный, милый друг, брат и товарищ, и, мо-жет, сердце твое успокоится. Знай, что у меня есть другая Изольда, красивейшая из всех женщин, которая выстрадала за меня много бед и теперь еще страдает. Поедем в лес, и я расскажу тебе про горе моей жизни.

Не обменявшись ни одним словом, домчались они до самой чащи леса. Там Тристан рассказал свою жизнь Каэрдину. Он поведал ему, как на море испил любовь и смерть, рассказал про предательство баронов и карлика, про королеву, которую вели на костер и отдали прокаженным, и про свою любовь с нею в глухом лесу Моруа. Рассказал, как он вернул ее королю Марку и как, удалившись от нее, он хотел полюбить белокурую Изольду. Как он отныне и навсегда знает, что не может ни жить, ни умереть без королевы.

Каэрдин молчал и дивился. Он чувствовал, что гнев его невольно угасает.

— Друг, — сказал он наконец, — чудные слова я слышу. Ты разжалобил мое сердце, ибо такие беды ты выстрадал, от которых избави Господь всех и каждого.

В своем покое в Тинтагеле белокурая Изольда вздыхает по Тристану, зовет его. Нет у нее другой мысли, другой надежды, другого желания, как

любить его всегда. В нем вся ее жизнь, а в течение двух лет она ничего о нем не знает. Где он? В какой стране? Жив ли он еще?

В своем покое сидит белокурая Изольда и поет грустную песню любви. Тихо поет королева, играя себе на арфе. Прекрасны ее руки, хороша песня, тих ее напев и нежен голос.

В комнату вошел Кариадо, богатый граф с дальнего острова. Он приехал в Тинтагель, чтобы служить королеве, и много раз со времени отъезда Тристана пытался добиться ее любви. Но королева неизменно отвергала его ухаживания. На этот раз Кариадо принес ей плохую весть:

— Ваш друг Тристан погиб для вас, королева Изольда, он женился в другой стране. Распоряжайтесь же вашим сердцем свободно, потому что он презрел вашу любовь. Он женился на знатной девушке, на белокурой Изольде, дочери бретонского герцога.

Кариадо вышел из комнаты, а белокурая Изольда поникла головой и заплакала.

А тем временем Каэрдин, поразмыслив в сердце своем, позвал Тристана и сказал ему:

— Друг, я принял решение. Если ты сказал мне правду, жизнь, которую ты ведешь в этой стране, — безумие, и не будет от нее никакого добра ни тебе, ни сестре моей, белокурой Изольде. Итак, слушай, что я задумал. Мы вместе отправимся в Тинтагель, ты снова увидишь королеву и узнаешь, тоскует ли она еще по тебе и верна ли тебе. Если она тебя забыла, возможно, ты более полюбишь сестру мою Изольду, простодушную и прекрасную. Я поеду с тобой, ведь я тебе друг.

— Брат, — обратился к нему Тристан, — правду говорят люди: сердце человека стоит золота целой страны.

Вскоре Тристан и Каэрдин взяли посохи и паломничьи одежды, будто собрались поклониться святыням в дальней стране. Они попрощались с герцогом Хоэлем. Тристан взял с собой Горвенала, а Каэрдин — одного конюшего. Тайно снарядили они судно и направились в Корнуэльс. Еще до зари пристали они неподалеку от Тинтагеля, в пустынной бухте, поблизости от замка Лидана, где жил добрый друг Динас.

Грустные вести сообщил им о королеве Динас из Лидана. Король любит ее и хочет, чем только может, порадовать. Но она беспрестанно тоскует и плачет по Тристану. Зачем тебе снова видеться с ней, Тристан? Или ты снова стремишься к своей и ее смерти? Пожалей королеву, Тристан, оставь ее в покое.

— Друг, — сказал на это Тристан, — сделай мне одолжение: укрой меня в Лидане, отнеси ей мое послание и устрой так, чтобы я увидел ее раз,

один только раз.

И дал Тристан Динасу свой перстень из зеленой яшмы и поручение, которое он должен передать королеве словесно.

Глава XVII

ДИНАС ИЗ ЛИДАНА

Итак, Динас вернулся в Тинтагель, поднялся по ступеням замка и вошел в залу. Под балдахином король Марк и белокурая Изольда сидели за шахматной доской. Динас сел на скамью возле королевы как бы для того, чтобы наблюдать за ее игрой, и, два раза притворившись, будто указывает ей ход, положил свою руку на шахматную доску. На второй раз Изольда узнала на его пальце перстень с яшмой. Тогда удалилась она в свой покой и велела позвать к себе Динаса.

— Ты послан Тристаном, друг?

— Да, королева, он в Лидане, скрывается в моем замке. Через два дня двор должен покинуть Тинтагель, чтобы направиться в Белую поляну. Тристан просит передать вам, что он спрячется в терновом кустарнике около дороги. Он умоляет вас сжалиться над ним.

— Ни башни, ни крепкие запоры, ни королевский запрет не помешают мне исполнить волю моего возлюбленного, — сказала Изольда.

Но потом вспомнила королева, что Тристан женился в Бретани, и отказалась увидеться с ним.

От горя Тристан решил изменить свою внешность, чтобы увидеть свою любимую вблизи и поговорить с ней. Он надел на себя большой плащ в лохмотьях, покрасил лицо киноварью и зеленой шелухой ореха, так что стал походить на больного, изъеденного проказой. В руки он взял деревянную чашку для сбора подаяний и трещотку прокаженного. Потом он вышел на улицу и начал бродить по городу, выпрашивая измененным голосом милостыню у каждого встречного. Только бы ему удалось повстречать королеву!

Она выходит, наконец, из дворца. Бранжъена, слуги и стража сопровождают ее. Она направляется в церковь. Прокаженный идет за слугами, вертит свою трещотку и молит жалобным голосом:

— Королева, подайте мне что-нибудь! Вы не знаете, как я нуждаюсь!

По мощному телу и осанке Изольда его признала. Она вся трепещет, но не достаивает его взглядом. Зовет королева слуг и стражу.

— Прогоните этого прокаженного, — говорит она им.

Слуги толкают его и бьют. Он жалобно молит:

— Сжальтесь, королева!

Но Изольда, не оборачиваясь, вошла в церковь. И здесь ноги ее ослабели, и она упала на плиты, потеряв сознание от горя.

В тот же день Тристан распрощался с Динасом и с разбитым сердцем отплыл обратно в Бретань.

Глава XVIII

ТРИСТАН-ЮРОДИВЫЙ

Вновь увидел Тристан герцога Хоэля и жену свою, белорукую Изольду. Все его ласково встретили, но белокурая Изольда его прогнала — и для него ничего не осталось в мире. Долго томился он вдали от нее, но однажды решил снова повидать свою возлюбленную, готовый даже на то, что она снова велит страже позорно избить его. Он знал, что вдали от нее его неизбежно и скоро постигнет смерть. Так лучше уж умереть сразу, чем медленно умирать каждый день без любимой.

Он ушел из замка, не сказав никому ни слова — ни родным, ни друзьям, ни даже своему дорогому товарищу Каэрдину. Ушел нищенски одетый, пешком. Никто не обращал внимания на бродяг, что странствуют по большим дорогам. Он шел до тех пор, пока не достиг берега моря.

В гавани снаряжалось в путь большое торговое судно. Уже моряки натягивали паруса и поднимали якорь, чтобы отплыть в открытое море.

— Да хранит вас Господь, добрые люди, и счастливый вам путь! В какие края направляетесь?

— В Тинтагель.

— В Тинтагель? Добрые люди, возьмите меня с собой!

Корабль принес его к Тинтагелю. Здесь Тристан обстриг свои светлые кудри, вымазал свое лицо снадобьем из чудодейственной травы, и тотчас цвет лица и облик его изменились так разительно, что ни один человек на свете не смог бы его узнать. Он отломил сук каштанового дерева, сделал себе палку, повесил ее на шею и босиком отправился прямо к замку.

Когда Тристан вошел в замок, играя своей дубинкой, слуги и конюшие столпились вокруг него и стали травить его, как волка.

— Поглядите на помешанного, у-гу-гу!

Они кидали в него камнями, колотили его палками, но он терпел это. Среди смеха и крика, увлекая за собой беспорядочную толпу, он добрался до порога залы, где под балдахином рядом с королевой сидел король Марк.

— Зачем ты пришел сюда? — спросил его король.

— За Изольдой, которую я так любил, — отвечает незнакомец.

Король засмеялся.

— Если я отдам тебе королеву, что станешь ты с ней делать, куда ее уведешь?

— Туда, навверх, где между небом и облаками находится мое прелестное хрустальное жилище. Солнце проникает в него своими лучами, ветры не могут его поколебать. Туда понесу я королеву, в хрустальный покой, цветущий розами, сияющий утром, когда его освещает солнце.

Король и бароны говорят промеж себя:

— Забавный дурень, на слова мастер!

Тристан сел на ковер и нежно глядит на Изольду.

— Друг, — сказал ему Марк, — откуда явилась у тебя надежда, что моя жена обратит внимание на такого безобразного дурака, как ты?

— У меня есть на то право: много для нее я потрудился, из-за нее и с ума сошел.

— Кто же ты такой?

— Я Тристан, кто так любил королеву и будет любить ее до смерти.

При этом имени Изольда вздохнула, изменилась в лице и гневно сказала ему:

— Ступай вон! Кто тебя привел сюда? Вон отсюда, злой дурак!

Он заметил ее гнев и сказал:

— А помнишь ли ты, королева Изольда, тот день, когда, раненный отравленным мечом Морольда, увозя с собой в море свою арфу, я случайно пристал к ирландским берегам? Ты меня исцелила. Неужели ты не помнишь этого больше?

Изольда покраснела и сказала:

— Прогоните этого безумца, государь!

А тот продолжал своим странным голосом:

— А помнишь ли ты, королева Изольда, большого дракона, которого я убил в твоей стране? Я ждал смерти, отравленный ядом, когда ты пришла мне на помощь.

— Умолкни, злой рассказчик! — воскликнула в гневе Изольда. — Зачем явился ты сюда со своими бреднями?

И королева удалилась, задумавшись, в свою комнату, села на постель и сильно загоревала:

— Несчастливая я! Для чего я родилась? На сердце у меня тяжело и печально. Бранжьена, дорогая сестра, жизнь моя так сурова и жестока, что лучше было бы умереть. Там какой-то помешанный пришел в недобрый час. Этот юродивый — волшебник или знахарь, он в точности знает все обо

мне, о моей жизни. Знает такое, чего никто не ведает, кроме тебя, меня и Тристана.

Бранжьена ответила своей госпоже:

— Не сам ли это Тристан?

— Нет, Тристан прекрасен и лучший из рыцарей, а этот человек уродлив и мерзок. Будь проклят корабль, привезший его сюда, вместо того, чтобы утопить далеко в море!

— Успокойтесь, королева, — сказала Бранжьена, — нельзя никого проклинать. Но, может быть, этот человек — посланец Тристана?

— Не думаю, я его не признала. Но пойди за ним, дорогая, поговори с ним, посмотри, не признаешь ли ты его.

Бранжьена направилась в залу, где оставался юродивый. И показалось ей, что она узнает его. Взволнованная, бросилась Бранжьена в комнату Изольды. А юродивый побежал за ней с криком: «Сжалесь!»

Он вошел, увидел Изольду и протянул к ней руки. Изольда смотрит на него, недоумевает, не знает, что сказать и чему верить. Она отлично видит, что он про все знает, но было бы безумием признать в этом помешанном Тристана. А он говорит ей:

— Помните ли вы тот день, когда я отдал вам свою собаку, славного Хюсдена? О, он меня всегда любил и ради меня покинул бы белокурую Изольду. Где он? Что вы с ним сделали? Он, по крайней мере, узнал бы меня.

— Он бы узнал вас? Вы говорите пустяки. С тех пор как Тристан уехал, он все время лежит там, в своей конуре, и бросается на всякого, кто подходит к нему. Бранжьена, приведи его ко мне.

Бранжьена привела собаку.

— Поди сюда, Хюсден, — сказал Тристан. — Ты был моим, я возьму тебя снова.

Когда Хюсден услышал его голос, он вырвался с привязью из рук Бранжьены, подбежал к своему хозяину, стал вертеться у его ног, лизать ему руки, лаять от радости.

— Хюсден! — воскликнул юродивый. — Благословен тот труд, который я затратил, воспитав тебя! Ты меня лучше принял, чем та, которую я так любил. Она не хочет признать меня. Узнает ли она хоть этот перстень из зеленой яшмы, который когда-то мне подарила, плача и целуя меня, в день расставания?

Изольда увидела перстень. И бросилась к Тристану:

— Ты вернулся, возлюбленный! Мудро это или безумно — я твоя!

И она упала без чувств на грудь своего милого.

Чтобы позабавиться юродивым, слуги приютили его под лестницей залы, как собаку в конуре. Он смиренно выносил их насмешки и удары, потому что порой, приняв свое прежнее обличье и красоту, шел к королеве.

Но спустя несколько дней две служанки заподозрили обман и предупредили Андрета. И стража накинулась на Тристана, когда он входил в покои Изольды. Тристан замахнулся палкой. Слуги испугались и дали ему пройти. Он заключил Изольду в свои объятия.

— Надо бежать, дорогая, ибо вскоре меня узнают. Надо бежать, и я уже никогда не смогу вернуться к тебе. Смерть моя близка. Вдали от тебя я умру от тоски. Когда приблизится срок и я позову тебя, Изольда, придешь ли ты?

— Зови меня, друг. Ты знаешь, что я приду.

Глава XIX

СМЕРТЬ

Вернулся Тристан в Бретань, и пришлось ему помочь своему дорогому брату Каэрдину воевать с бароном по имени Бедалис. Они попали в засаду, устроенную бароном и его людьми. Тристан убил семерых, но сам был ранен ударом копья, которое было отравлено.

С большим трудом добрался он до замка и велел перевязать свои раны. Лекари явились в большом числе, но ни один не мог вылечить его от яда, ибо им не удалось даже распознать его. Тщетно они собирают травы и готовят настои. Тристану все хуже и хуже, яд разливается по его телу.

Почувствовал доблестный воин, что жизнь его угасает, понял, что приходит время ему умирать. Тогда захотел он снова повидать белокурую Изольду. Но как добраться до Корнуэльса?

Он позвал к себе тайком Каэрдина, чтобы поведать ему свое горе. И пожелал он, чтобы никого не было в комнате при их разговоре. Удивилась жена его, Изольда, такому странному желанию. И припав в соседней комнате к стене, у которой стояла постель Тристана, она прислушалась.

А Тристан обратился к дорогому товарищу:

— Каэрдин, перед смертью я хотел повидаться с белокурой Изольдой. Прошу тебя во имя нашей дружбы и твоего благородного сердца: отведи ей мое послание. Возьми этот перстень из зеленой яшмы: это условный знак между нами. Торопись, друг мой, и возвращайся ко мне скорее. Если ты замешкаешься, ты меня больше не увидишь. Назначь себе срок в сорок дней и привези белокурую Изольду. Да возьми с собой два паруса: один

белый, другой черный. Если ты привезешь ко мне королеву Изольду, натяни на обратном пути белый парус, а если не привезешь, плыви с черным.

За стеной белорукая Изольда услышала эти речи и едва не лишилась чувств. Опасен женский гнев, каждый должен его остерегаться! Она так любила Тристана, и вот теперь узнала про его любовь к другой. Белорукая Изольда удержала в памяти все слышанное. Если ей это удастся, как отомстит она тому, кого любила больше всего на свете!

Каэрдин плыл без остановок, пока не бросил якорь в гавани Тинтагеля. Выдав себя за купца, он явился в замок короля Марка. Узнала Изольда перстень из зеленой яшмы, и Каэрдин быстро шепнул ей:

— Королева, Тристан ранен отравленным копьем и должен умереть. Он велел сказать вам, что вы одна принесете ему облегчение. И он напоминает вам великие горести и печали, пережитые вами вместе. Оставьте у себя этот перстень, он дарит его вам.

Изольда в испуге ответила:

— Друг, я последую за тобой. Завтра поутру пусть корабль твой будет готов к отплытию.

А Тристан все хирел. Он страстно желал приезда Изольды. Ничто его не радовало, и жизнь в нем поддерживалась только ожиданием и надеждой. Каждый день посылал он дозорного на берег — посмотреть, не возвращается ли судно и какого цвета его парус. Иных желаний не было у него на сердце.

Тем временем корабль с Изольдой приближался к Бретани. Вдруг налетела буря, и ветер крепко надул паруса.

— Горе мне, несчастной! — воскликнула Изольда. — Не дал мне Господь дожить до того, чтобы увидеть Тристана еще раз. Он хочет, чтобы я утонула в этом море. Я умру одна, без Тристана. Может, ты не узнаешь о моей смерти, любимый, и будешь ждать моего приезда.

Так стонала королева, пока длилась буря. Через пять дней море утихло. На мачте Каэрдин весело натянул белый парус, чтобы Тристан издали различил его.

Но когда корабль показался на горизонте, тут-то и отомстила белорукая Изольда. Она подошла к ложу Тристана и сказала:

— Друг, Каэрдин возвращается. Я видела его судно на море.

Тристан затрепетал.

— А уверена ли ты, дорогая, что это его судно? Скажи, какой на нем парус.

— Я его хорошо рассмотрела. Знай же, что парус — черный.

Тристан повернулся к стене и сказал:

— Я не могу больше удерживать в себе жизнь.

Трижды произнес он: «Изоolda, дорогая!» На четвертый раз он испустил дух.

Тогда в замке заплакали рыцари, верные воины Тристана. Они сняли своего господина с ложа и завернули тело в саван.

Корабль Каэрдина бросил якорь. Белокурая Изоolda сошла на берег. Она услышала, как все шумно рыда-ют на улицах, как звонят колокола в церквях. Спросила она у горожан, что случилось. И один старик ответил ей:

— У нас великое горе, госпожа. Благородный, смелый Тристан скончался.

Слышит это Изоolda, не может вымолвить ни слова. Поднимается она к замку, а бретонцы дивятся, глядя на нее. Никогда они не видели женщины подобной красоты. Кто она такая, откуда она?

А около Тристана белорукая Изоolda, растерявшись от зла, которое она совершила, испускала над покойным громкие вопли. Другая Изоolda вошла и сказала ей:

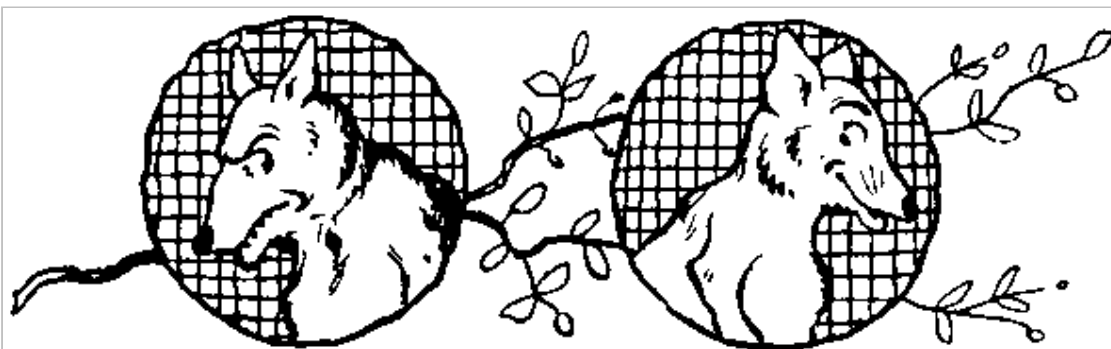
— Встань, дай мне к нему подойти. У меня больше прав его оплакивать, чем у тебя, поверь мне. Я сильнее его любила.

Она повернулась лицом к востоку и помолилась Богу. Потом легла рядом с Тристаном и поцеловала его в уста. Так отдала она Богу душу, умерла подле своего милого с горя по нему.

Когда король Марк узнал о смерти любящих, он переправился за море и, прибыв в Бретань, велел сделать два гроба: один из халцедона — для Изоолды, другой из берилла — для Тристана. Он отвез в Тинтагель на своем корабле дорогие ему тела и похоронил их в двух могилах возле одной часовни.

Ночью на могиле Тристана вырос терновник, покрытый зеленой листвой, с крепкими ветками и благоуханными цветами, и, перекинувшись через часовню, зацвел на могиле Изоолды. Местные жители срезали терновник, но на другой день он возродился, такой же зеленый, цветущий и живучий, и снова углубился в могилу белокурой Изоолды. Трижды хотели его уничтожить, но тщетно. Наконец, сообщили об этом чуде королю Марку, и тот запретил срезать терновник.

Такова эта повесть славных труверов былых времен о прекрасной любви и о всех любящих.

Ренар–лис

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон

ПРОЛОГ

Вы слышали, конечно, господа, много разных историй и о Парисе, и о Тристане, и о превращении доброго молодца в козленка; вы слышали множество басен и песен, но вы, я уверен, никогда не слышали о великой войне, которой и конца не предвидится, — о войне между Ренаром и его кумом Изегримом. Я могу вам рассказать, если вы хотите, как началась она и из-за чего произошла вся ссора. Недавно мне случилось открыть в небывалом месте небывалый секретный шкаф, и в этом шкафу я нашел старую книгу о приключениях охотников — первых вралей в мире. Перелистывая ее, я увидел в самой середине большую красную букву, помещенную там не без намерения каким-то досужим писакой. С этой буквы начиналось описание жизни Ренара. Если бы я не прочел этого сам, не поверил бы! Ну, а раз прочитал — не только верю, но и вам собираюсь рассказывать. Вы знаете, еще старики говаривали: «Тот, кто не верит книгам, кончит дурно».

Много разных животных сотворил Господь и на пользу и на погибель человеку. Полезных Господь сотворил больше, чем вредных, но и последних встречается немало; так, например, много горя чинят человеку кровожадный волк и рыжий лис Ренар, о котором я буду рассказывать, странным образом похожий на того зверя, что слывет у нас первым

мастером всяких мошеннических проделок и которого зовут лисой. Лисой зовут у нас и теперь всех, кто ловко врет, обманы-вает и виляет. Лиса для людей то же, что Ренар для зверей, — они одной породы, одного характера и одних привычек: звать их даже можно одним именем. Ренар звал своим дядей его сиятельство Изегрима, знатного и злого покровителя тех, кто живет всякою неправдой; в нашем рассказе мы часто будем звать его волком: он на него похож как две капли воды. Надо признаться, что родства настоящего между ними не было, но когда им казалось это выгодным, они величали друг друга «прекрасным дядей», «милым племянником», «другом», «кумом» и разными такими сладкими именами.

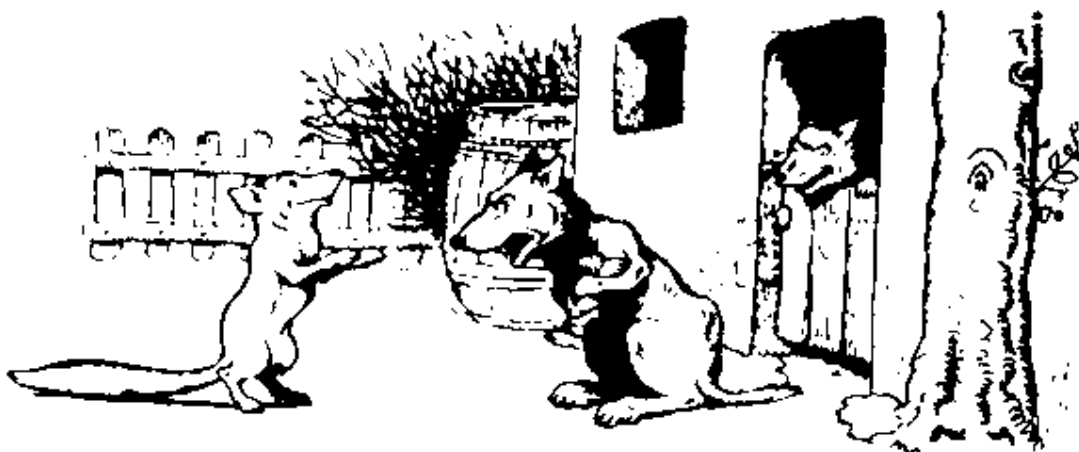
Жена Изегрима, госпожа Херсент, и жена Ренара, мадам Ришё, не уступали своим мужьям в прекрасных качествах, и, по пословице, если один был кошкой, то другая — киской. Трудно было сыскать на свете такую согласную пару.

Вот теперь, когда я вас познакомил с моими случайными знакомыми, слушайте внимательнее, чтобы я сам не запутался и рассказал бы вам все по порядку, как, когда и что было.

КНИГА ПЕРВАЯ

О ТОМ, КАК РЕНАР НОЧЬЮ ПОХИТИЛ ОКOROKA ИЗЕГРИМА

В одно прекрасное утро молодой Ренар пошел к своему дяде Изегриму. Он казался накануне смерти: взор мутный, шерсть взъерошена, сам сгорбленный и угрюмый.

— Что с тобой, прекрасный племянник? — спросил его хозяин. — Ты, кажется, не в своей тарелке. Уж не болен ли ты?

— Да, я не совсем здоров.

— Верно, ты не завтракал?

— Нет, правда, я не ел, но у меня совсем нет аппетита.

— Полно, пожалуйста! Мадам Херсент приготовит тебе славную похлебку из почек и селезенки, и ты почувствуешь себя гораздо лучше.

Но не такого угощения ждал Ренар от дяди: его привлек к нему запах ветчины, и он успел уже высмотреть подвешенные к самому потолку три необыкновенно жирных окорока.

— Какие прекрасные окорока висят у вас, милый дядя! — сказал он Изегриму. — Да еще на самом виду! А что как увидит их кто из соседей?!

— Ну, так что же? Пусть смотрят на них те, кому никогда не знать их вкуса!

— А если они попросят?

— Пускай просят, — я не дам ни кусочка никому на свете, будь то брат, кум или сосед.

— В таком случае я спрятаю их подальше и всем расскажу бы, что у меня их украли.

— Пусть висят, где висят, — никому нет до них дела.

Замолчал Ренар, поел поданной ему похлебки, простился и ушел обдумать на свободе способ завладеть окороками.

Следующая ночь была темная–претемная, бурная и дождливая. Крепко спалось Изегриму и его жене под завывание ветра, и не слышали они, как Ренар, подкравшись тихонько к их замку, раскрыл крышу, побросав доски и

солому на другую сторону рва, и через смастеренное отверстие легко снял с крючков все три окорока и, осторожно ступая со своею драгоценною ношей, вернулся домой. Тут разрубил он окорока на части и спрятал их под соломой своего тюфяка.

Рассвело. Крупные капли дождя упали на нос волку и разбудили его. Протер он глаза и с удивлением увидал над собой серое небо: крыши как не бывало, а с ней и окороков! Возопил волк изо всех сил, вскочила и госпожа Херсент и стала метаться из угла в угол, не помня себя от страха. Едва-едва успокоил ее наконец Изегрим и объяснил в чем дело.

Потолковав, решили они, что в этой пропаже виноват, вероятно, Ренар, — и пошел к нему волк, хоть утро было раннее и все добрые люди еще спали. Застал Изегрим Ренара в постели. Лицо у него было сытое, веселое, а шерсть гладкая, так и лоснилась, — ничто не напоминало вчерашнего голодного лиса.

— А, милый дядя, добро пожаловать! Только что это? Словно бы вы не в своей тарелке! Уж здоровы ли вы?

— Будешь тут здоров! — пробурчал Изегрим. — Знаешь, мои окорока ведь украли!

— Ха, ха, ха! — засмеялся Ренар. — Или соседи надоели вам просьбами угостить их? Взялись-таки за ум, хвалю вас. Но только напрасно вы это мне говорите — лучше кричите громче на улице, чтобы всякий вас слышал.

— Но я говорю тебе правду: окорока украли у меня, без сомнения! И крышу раскрыли, чтобы стащить их!

— Ну, меня-то, вашего советника, вам уверять не нужно! «Жалуется лишь тот, — говорит пословица, — кому не больно». Но напрасно раскрыли вы крышу! Кто вам теперь поверит, что воры были у вас ночью, сотворили такое дело, а вы этого не слышали? Не очень это хорошо вы придумали!

Рассердился Изегрим на Ренара, махнул хвостом и ушел от него, почти убежденный, что лис тут ни при чем, иначе поверил бы он, по крайней мере, пропаже.

О ТОМ, КАК РЕНАР ЗАБРАЛСЯ НА ФЕРМУ КОНСТАНА ДЕНУА, КАК ЗАХВАТИЛ ПЕТУХА ШАНТЕКЛЕРА^[1] И О ТОМ, КАК НЕ УДАЛОСЬ ЕМУ ЕГО СЪЕСТЬ

Вся провизия вышла у Ренара, и пошел он промышлять новой. Долго ли, коротко ли шел он лесом и набрел на прочно огороженную ферму богатого крестьянина Констан Денуа. Знал Ренар, что водилось у него кур, гусей и уток видимо-невидимо, а кладовая ломилась от всякой провизии и разного мяса — свежего, соленого и вареного. Сунулся было лис с одной стороны, заглянул сквозь забор и увидал прекрасный фруктовый сад; сунулся с другой — скотный двор, огород и все прочее. Да злодей Констан не только забором, так еще и колючею изгородью окружил свою ферму. Никак туда не попасть! Улегся лис под изгородью, хвост просунул и машет им, а сам думает: «авось хоть цыпленок какой увидит хвост, удивится и подойдет, а я его и сцапаю». Однако никто не шел, как лис ни вертел хвостом. Но, лежа так, рассмотрел Ренар, что в изгороди один сук сломан и что пролезть, пожалуй, можно, если не побояться двух-трех царапин. Пролез он в эту щель, но, не рассчитав прыжка, так тяжело шлепнулся в огород, что напутал все пернатое царство — и разлетелись в разные стороны куры, утки и гуси. В это время вспорхнул на изгородь петух Шантеклер, возвратившись из далекой экскурсии, и вдруг видит, что его царство, вместо того чтобы радоваться возвращению своего повелителя, удирает от него со всех ног.

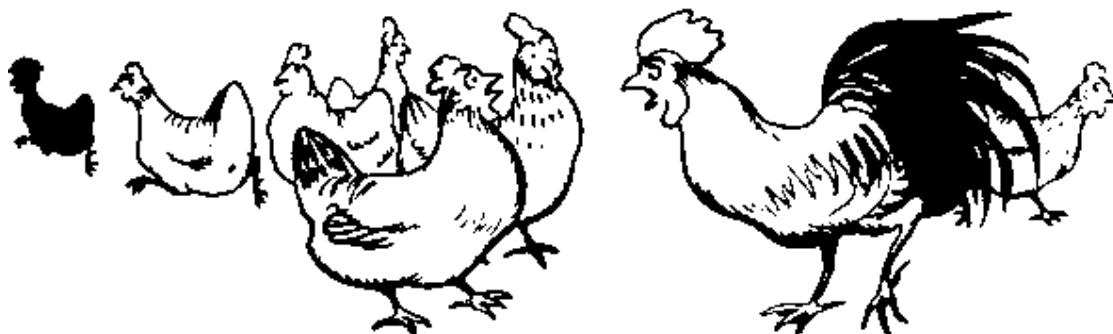
— Куда, куда бежите вы, дуры, распутив крылья и вытянув шеи? — кричит он им и сам стремглав бросается за ними.

Пинт, самая умная из куриц, самая степенная и несущая самые крупные яйца, отвечает ему обиженным тоном:

— Мы не от глупости бежим, а от испуга! Сюда пробрался из лесу зверь и лежит в капусте. Я отсюда вижу, как шевелятся капустные листья.

— Вот вздор! Какой зверь может пробраться через нашу изгородь? Да к тому же разве нет меня с вами, меня — вашего естественного покровителя и защитника? Не бегите же!

И с этими словами он взобрался на навозную кучу и с виду спокойно принялся клевать какие-то зерна. Но в глубине души он не очень-то был в себе уверен, и слова умной жены не выходили у него из головы. Взлетел он на крышу и там, обдумывая это дело, вскоре заснул. И привиделся ему странный сон: кто-то принес ему желтую шубу, мехом наружу, и насильно заставил его ее надеть, но когда он стал выбиваться из нее, ее белая, как слоновая кость, и, как слоновая же кость, твердая опушка жестоко сдавила ему горло. В ужасе проснулся петух и, забыв свое достоинство, побежал отыскивать свою подругу.

Пинт клевала траву как можно дальше от капустных гряд и, когда Шантеклер рассказал ей свой сон, еще раз предостерегла его. Но мужчины иногда храбры невпопад, особенно если они хотят повеличаться перед дамами. И Шантеклер так расхрабрился, что Пинт покачала только головой и сказала:

— Пусть будет, что Богу угодно, но остерегайся сегодня хоть до полудня, потому что лесной зверь все еще находится в нашем парке.

— Ладно, ладно! — нетерпеливо отвечал петух и отправился клевать свою навозную кучу. Но снова сон одолел его.

Лис слышал весь разговор супругов и с удовольствием узнал, что Шантеклер и не думает остерегаться, а потому, как только последний заснул, тихонько вышел из своей засады и одним прыжком очутился на изгороди, отделявшей, к его огорчению, навозную кучу от огорода. Но Шантеклер проснулся от его прыжка и мгновенно очутился по ту сторону кучи.

— Ай, ай, ай, Шантеклер! — заговорил лис самым сладеньким голосом. — Вы убегаете от вашего лучшего друга и кузена! Ведь мы двоюродные, и приятно встретить в вас собрата по ловкости и проворству; это, положительно, наша семейная черта!

Шантеклеру очень польстили слова незнакомца, но он прикинулся равнодушным и запел как можно громче.

— Хорошо, очень хорошо вы поете! — заметил ему Ренар. — Но я зверь откровенный и должен признаться, что мой дядя, а ваш отец, Шантеклер, пел еще гораздо лучше вас. Его голос был так звонок и тонок, что его можно было узнать за целую версту. Особенно удавались ему те песни, что пел он закрыв глаза. Уверяю вас, братец, я не последний знаток музыки и, право, лучшего певца никогда не слыхал!

При этих словах лиса Шантеклеру вспомнились предостережения жены, и в душе его шевельнулось было подозрение, но ему все же не хотелось ударить лицом в грязь перед названным братцем, а потому, закрыв

один глаз и посматривая исподтишка другим, затянул он свое «кукуреку» со всеми известными ему переливами.

— Хорошо, даже очень хорошо! — сказал лис. — Однако далеко вам до вашего отца! Но, конечно, не всем же быть певцами первой величины! Может быть, в чем другом вы оставите его позади, — любезно прибавил он.

Закружилась голова у тщеславного петуха, закрыл он оба глаза, и уже самое звонкое «кукуреку» готово было вырваться из его горла, как лис, вдруг прыгнув на него, крепко стиснул его зубами. Пинт, издали наблюдавшая за беседой своего супруга с Ренаром, подняла тревогу; к ней присоединились и другие куры, и птичница, выбежавшая на этот шум, успела разглядеть Ренара, убежавшего с петухом в зубах. Из всех сил стала она звать на помощь, и, сбежавшись со всех сторон, люди спустили собак. Лис что есть духу мчал по дороге с Шантеклером в зубах, лишь изредка оглядываясь на хозяина фермы и его огромного дога, несшихся впереди всех.

— На вашем месте, — сказал тут петух Ренару, — я воспользовался бы случаем поддразнить их. Пусть только крикнет Констан: «Лис уносит моего петуха!» — отвечайте ему поехидней: «Да еще из-под самого вашего носа и несмотря на погоню!»

Правду говорят, что на каждого мудреца довольно простоты, и хотя лис издавна известен как самый большой мошенник и обманщик, но на этот раз он решил последовать совету Шантеклера и, услышав, что Констан кричит своим людям: «Бегите скорее — лис уносит моего петуха!» — отвечал ему: «Да еще из-под самого вашего носа!»

Но не успел он разинуть рта, как Шантеклер высвободился из его пасти и взлетел на высокую яблоню.

— Ах, прекрасный кузен! — запел он оттуда. — Времена-то, видно, переменчивы!

— Да будет проклят рот, говоривший, когда ему надо было молчать! — отвечал Ренар.

— Да будет проклят глаз, закрывшийся, когда ему нужно было зорко смотреть! А вы, прекрасный братец, все же бегите, если не желаете гулять по морозу без шубы!

Ничего не ответив, Ренар перескочил ров — и был таков, возвращаясь домой голодный.

А Шантеклер вернулся благополучно на птичий двор задолго до охотников и поспешил успокоить свое огорченное пернатое царство.

О ТОМ, КАК ВОРОН ТИСЕЛИН УКРАЛ У СТАРУХИ СЫР И КАК РЕНАР ОТНЯЛ ЕГО У ТИСЕЛИНА

Наступил май. Леса оделись листвою; луга запестрели цветами; птицы запели свои весенние песни, — один лис грустно сидел в своем замке Мопертюи^[2] где истощились уже все припасы и семья его стонала от голода. Наконец отправился он на охоту, обещая не возвращаться без добычи. Он вошел в лес, оставив в стороне большую дорогу, — ведь известно, что дороги проложены не для таких, как он, — и после многих кругов и обходов очутился на цветущем лугу.

— Боже мой, Боже! Как хорошо здесь! — восклицал он. — Суший рай земной! Кажется, не ушел бы с этого места, если бы только была здесь какая-нибудь добыча! «Но нужда и старуху подымет на ноги» — говорит пословица.

С этими словами он перескочил через светлый ручеек, пересекавший луг, и лег у самого берега в тени одиноко росшего бука. Наш Ренар был поэт в душе и не прочь помечтать о суете мирской, особенно на тощий желудок.

Случилось, что как раз в это самое время старый ворон Тиселин, ища чем бы поживиться, залетел на соседнюю ферму и, подметив, что молочница разложила сушить на солнце сыры разных величин и достоинств, выждал, чтобы она отвернулась, и мигом сцапал самый большой. Как ни бранилась старуха, сколько ни бросала в вора камнями, сыра ее — как не бывало. Взлетел ворон на крышу, крепко держа в когтях сыр, каркнул ей насмешливо пословицу: «Дурной пастух кормит волка» — и, отряхнувшись и расправив крылья, высоко поднялся в воздух, отлетел подальше и сел на тот самый бук, под которым мечтал Ренар. Принялся ворон за свой сыр. Клевал, клевал, клевал — и уронил корочку на голову Ренара. Вскочил лис, заметя ворона, — захотелось ему и сыром полакомиться, и главное — скушать самого Тиселина, потому что голод его ужасно мучил.

— Здравствуй, Тиселин, — сказал он ему улыбаясь, — как я рад тебя встретить! У меня ранено колено, и, пока я лежу здесь больной, хотелось бы мне послушать хорошего пения. А ты ведь мастер на это — весь ваш род славится этим искусством.

Очень понравились слова лиса Тиселину, и он сейчас же каркнул весьма увесисто.

— Хорошо! Только ты поешь хуже твоих братьев: верно, много ешь орехов и хрипнешь!

Захотелось ворону отличиться — забыл он о сыре и закаркал на все лады.

Упал сыр около лиса, а тот ни с места и говорит ворону:

— Не могу я встать: очень у меня болит колено; а вот сыр твой упал около меня, и запах его очень меня беспокоит. Это очень вредно для моей раны. Пожалуйста, унеси его подальше!

Ничего не подозревая, ворон слетел на землю, но, увидев лисьи глаза, трусил было и приостановился. Не выдержал голодный Ренар, кинулся на него, но промахнулся: ворон вырвался—таки, и только пучок перьев остался у него в зубах.

— Ага! — сказал ворон, мгновенно взлетев на вершину дерева, — Вот какой ты обманщик!

Лис словно сконфузился и стал уверять ворона, что это от боли его так шибнуло. Но кто бы ему поверил!

Однако лис ворона—то упустил, но сыр все—таки скушал и, оправившись, стал даже дразнить Тиселина, говоря, что сыр—то и полезен для его раны.

— А мне было бы всего полезнее с тобой не знакомиться! — каркнул ему ворон, высоко поднимаясь в поднебесье.

О ТОМ, КАК РЕНАРУ НЕ УДАЛОСЬ ПОЛУЧИТЬ ОТ СИНИЦЫ ПОЦЕЛУЯ МИРА

Не удалось Ренару поживиться и на следующий день. Голод стал его крепко мучить, и, беспокойно слоняясь по лесу, стал он жаловаться на судьбу. Вдруг завидел лис на суку синицу — хоть маленькая птичка, а все на закуску годится. И кричит ей Ренар:

— Здравствуй, кума! Сойди со мной поздороваться!

— Ладно, иди своей дорогой, кто тебя не знает? И когда это мы с тобой покумились?

— За что же ты так сердита? Не кумились так не кумились, а все же я к тебе с доброй вестью, за которую следует меня поцеловать.

— Ну, расскажи, какие такие принес ты вести?

— А вот какие: по приказанию льва все звери поклялись идти на войну в далекую землю, а здешних маленьких и больших зверей больше не трогать, — одним словом, заключить Божий мир, как и люди. Поцелуй же меня за эту хорошую новость!

— Боюсь, обманешь! Целуйся с другими!

— Не обману, даже глаза закрою!

Ренар закрыл глаза, а синица взяла высохшую длинную ветку с сухими листьями и стала водить ею вокруг морды лиса, словно это она сама

порхала. Изловчился лис схватить птичку, — а во рту у него оказались сухие листья.

— Как ты неловок, Ренар! — сказала синица. — Ведь если бы я не отскочила, ты бы меня совсем убил, а между тем ведь заключен Божий мир и звери поклялись не проливать между собою крови. Не так ли?

Засмеялся Ренар и опять закрыл глаза. Но синица не тронулась с места: что ни говорил ей лис, она все молчала и внимательно вглядывалась вдаль, откуда приближались охотники со своими собаками. Уже близко были собаки, а лис их не чувал. И вдруг наскочила на него одна, другая, — и заметался Ренар, не зная, куда деваться.

— Не торопись! — кричала ему синица. — Ведь звери заключили Божий мир, так чего же тебе бояться?

— Да, но эти молодые псы могут не признавать мира, заключенного их отцами, — отвечал лис, — они же тогда были чуть не щенками.

Но спорить было некогда, и Ренар, опасаясь за свою шкуру, влез в глубокое дупло и там притаился, пока собаки и люди не пробежали вперед в погоне за скрывшимся лисом.

О ТОМ, КАК РЕНАР ВСТРЕТИЛ РЫБАКОВ И ДОБЫЛ И НА СВОЮ ДОЛЮ СЕЛЕДОК И УГРЕЙ

Это приключение случилось, господа, в то время, когда зима вступила уже в свои права и все запасы в семье Ренара уже истощились. Большая нужда наступила: нечего было есть, нечего купить, нечего продать. Выгнала эта беда лиса на дорогу; пробрался он придорожными кустами и лег на берегу реки у самого моста: авось, мол, пройдет или проедет кто мимо, и будет чем поживиться. Ждал он добрый час и вот наконец видит на дороге воз с рыбой, а мужики идут и разговаривают. И понял Ренар из их беседы, что рыбаки, отправившись на лов, целую неделю не возвращались на берег, — так много рыбы пригнало в море западным ветром, и что теперь они везли ее в город продавать. Много товару было на возу: были там и корзины с миногами, и ящики с угрями, и много маленькой рыбы в кулях и бочонках. Выскочил Ренар из своей засады, почуяв добычу, забежал перед кустами и лег на дороге, притворившись мертвым. Лежал он там с закрытыми глазами, с оскаленными зубами, затаив дух, ну — околел, да и только! Кому бы пришло в голову такое притворство!

Увидали мужики лиса, подошли, потолковали, взяли его за хвост, со всех сторон осмотрели и решили взять его на воз.

— Славная шкура у лисы, можно продать ее за четыре, не то даже и за пять серебряных су, а то так и себе либо жене пригодится! — сказал старший из них.

На том и решили — бросили лиса на воз, а сами пошли, рассуждая о ценах на рыбу, на меха и хлеб, о хозяйстве и всяких домашних делах. Слушая их, Ренар открыл осторожно корзину, где было, пожалуй, больше трех десятков сельдей, — съел их под шумок с большим аппетитом и, выбрав другую большую корзину, где было много угрей, прогрыз в ней отверстие и, просунувшись в него, выпрыгнул из телеги, ловко унося на шее всю корзину с угрями. Как выпрыгнул он, — сказать не умею, а как не побоялся он замарать около рыбы свою шубу, — и подавно! Однако один из мужиков пошел посмотреть еще раз на подобранного лиса. Глядь—поглядь — ни лиса, ни угрей, и корзина с сельдями — пустая! Догадались тут

мужики, что попались в ловушку, стали искать лиса по дороге, думая: не уйдет он далеко с такою ношей. Куда там! Станет он их дожидаться! Пробрался лис кустами в лес, в свою нору, где ждала его мадам Ришё — верная его подруга и два его сына: Персехэ и Малебранш^[3]. Побежали они навстречу отцу, в восторге от его нового костюма — корзины с угрями, и, впустив его, после обычных объятий крепко-накрепко заперли дверь.

О ТОМ, КАК РЕНАР ПОВЕЛ СВОЕГО КУМА ЛОВИТЬ УГРЕЙ

И стряпня же поднялась у Ренара! — связывали рыбу, жарили, варили; угрей резали на кусочки, нанизывая на нитки, и развешивали коптить над очагом, иных солили впрок, часть отобрали к обеду. Все были заняты, все были в духе и все веселились. И вот голодный Изегрим, прогуливаясь и ища, чем бы поживиться, проходил мимо замка Ренара, заметил дым и почуял вкусный запах. Подошел он к окошку и стал смотреть сквозь ставни и разглядел угрей, висевших над очагом. Как быть? Попросить Ренара поделиться с ним? — Знал он, что лис останется глух к его просьбе. Войти с угрозой? — Но дверь заперта очень крепко, и никто его не впустит. Наконец решил он постучаться. Стучал, стучал, — никто не открывает.

— Отвори, кум! — кричит волк. — Отвори: принес я тебе кучу новостей!

Ничего не отвечал ему лис, сразу поняв, в чем дело. Удивился волк, что никто не отзывается, но запах рыбы так был привлекателен, что он продолжал стучать все громче и громче. Наконец Ренар спросил, кто стучит.

— Свои, — ответил волк.

— Кто свои?

— Твой дядя и кум! Отвори, прошу тебя; очень нужно!

— Потерпи, пожалуйста, пока монахи не отобедают и не уберут со стола.

— Откуда взялись у тебя монахи?

— Да я поступил к ним на службу.

— Будто бы? Что-то это странно! Но если это так, то дай мне чего-нибудь поесть с их стола, — я умираю с голода!

— Надо их попросить. Но что я скажу, если они меня спросят, не пришел ли ты, чтобы вступить к ним на службу?

— Скажи, что я готов им служить!

— Но это будет неправда! А я не могу обманывать их.

— Почему же неправда?

— Не можешь ты братья за это, так как, обещав, ты должен будешь поклясться никогда не есть мяса!

— Что же вы-то едите?

— Сыр, молоко, рыбу; мы ловим здесь же неподалеку жирных и больших угрей.

— Хорошо, я не стану есть мяса, если вы мне покажете, где вы ловите рыбу.

— Нельзя показать, пока ты не принят на службу.

Видит волк, что никак не попасть ему в дом лиса, и стал просить, чтобы тот вынес ему чего-нибудь поесть. Подошел Ренар к очагу, взял два куска угря, один сам съел, а другой отнес волку и просунул ему в щель, говоря: «Жаль, что не пришел раньше, а теперь ничего не осталось, — все съели монахи!» Съел волк, и захотелось ему еще поесть такого сладкого кушанья. И стал он просить Ренара показать, где водится такая чудесная штука. Выбежал лис из норы и побежал вперед, а волку закричал, чтобы тот шел следом. Так дошли они до рыбного садка.

Дело было ночью перед Рождеством, в то время, когда христиане солят ветчину и готовятся к праздникам. На небе звезды так и горели; мороз был жестокий, и сажалка совсем замерзла, — осталась одна только прорубь, у которой мужики оставили ведро.

— Где же тут ловят? — спросил с удивлением волк.

— А вот погоди.

Дошли они до проруби, привязал лис ведро к волчьему хвосту.

— Опусть, — говорит он волку, — хвост в воду и подожди, пока рыба в ведро наберется, — тогда и тащи! Мы всегда так ловим.

Послушался Изегрим, сел на льдину и опустил хвост в прорубь. Сел и лис поодаль и тоже делает вид, что рыбу ловит. Прошло немало времени, и стал волчий хвост примерзать ко льду. Хотел было вытащить его из воды Изегрим, но лис отсоветовал. Прошел час, другой. Говорит лис волку:

— Ну, теперь нам пора убираться подобру-поздорову, а то рассветает: придет хозяин садка, — пожалуй, нам будет плохо!

Волк хотел подняться — не тут-то было! Хвост не пускает.

— Ну, прощай, кум! — закричал лис, убегая. — Долго сидел ты, видно, больно ты жаден! Вот теперь и кайся!

Тут бы волку рвануться сильнее да удрать, хотя бы потеряв десятка три волос, а он ни с места! Кончилось тем, что один охотник, возвращаясь с охоты, увидал его и забил тревогу. Собрались люди и выпустили собак. Стал тут волк метаться, да что поделаешь? В то время как он едва успевал огрызаться от собак, прибежал хозяин с топором и ударил его сзади, да так неловко, что отрубил только хвост. Изегрим словно того и ждал, — почувствовав свободу, кинулся в лес и удрал со всех ног! С этого дня пустая ссора волка с лисом превратилась в ожесточенную войну.

***О ТОМ, КАК ЗАШЛИ РЕНАР С КОТОМ ТИБЕРОМ В ДОМ
КРЕСТЬЯНИНА И КАК ТИБЕР ОСТАВИЛ ТАМ В ЗАЛОГ СВОЙ
ХВОСТ***

Весной вышел лис из своего замка, очень исхудавший и ослабевший от голода.

Встретил он кота Тибера и спросил его:

— Куда ты, прекрасный друг, направляешься ?

— Иду я к соседнему крестьянину, у которого всякого добра много. В погребе, под домом, жена его поставила большой горшок молока, и мне хотелось бы попробовать, каково-то оно на вкус.

— Пойдем вместе!

— Хорошо, пойдем, но с уговором — вести себя честно и помогать мне, а не обманывать; идти следом за мной, а не впереди меня!

Сказано — сделано. Подошли они к ферме. Пролез вперед кот, а за ним лис, и пробрались они таким образом на двор.

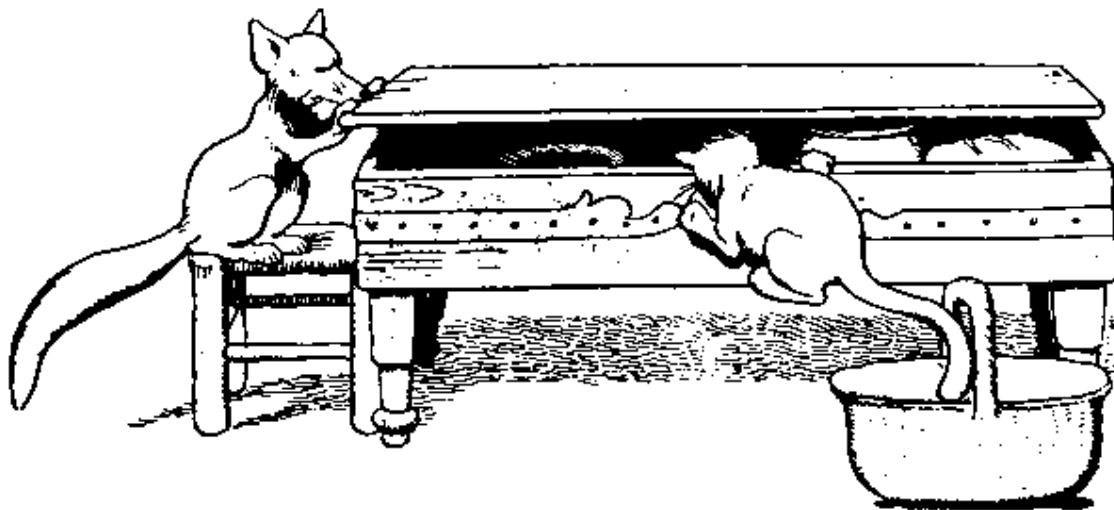
Направился было лис к курятнику, но Тибер попросил его держаться данного слова и повел его прямо в погреб. Тут показал Тибер лису большой сундук.

— Помни же наш уговор! — сказал кот и велел Ренару держать крышку, а сам прыгнул в сундук и стал лакать молоко.

Зло взяло лиса, что он только смотрит, как товарищ его лакомится, и стал он просить Тибера вернуться.

— Устал я держать крышку, очень уж она тяжела! — говорил он.

А кот, не слушая его, все лакал да лакал! Уж и грозил ему лис, что бросит крышку, — все бесполезно!

Наконец-то кот собрался выскочить из сундука, но в этот момент лис выпустил крышку и прищемил коту хвост. Тибер вскрикнул от боли, едва

не лишившись чувств, однако сделал усилие и высвободился из западни, оставив в ней часть своего хвоста.

— Ну, как ты себя чувствуешь, милый друг? — стал расспрашивать его лис самым ласковым голосом.

— Спасибо, товарищ, добрую же оказал ты мне услугу!

— Не сам ли ты во всем виноват? И то сказать — не все ли равно, какой хвост? Короткий еще лучше служит, да к тому же еще и не мешает!

Но кот сердито посмотрел на лиса.

— Ну, будет с меня твоих штук! — сказал он ему на прощание. — С этих пор мы с тобой незнакомы: видно, брат, мы испечены из разного теста.

— Ладно, ладно, я, пожалуй, согласен, — отвечал ему лис. — И правда, вместе делать нам нечего! Прощай!

— До свидания! Встретимся еще на суде королевском!

О ТОМ, КАК РЕНАР ВСТРЕТИЛ БЛАГОРОДНОГО КОРОЛЯ И ИЗЕГРИМА И КАК ЭТИ ДВА БАРОНА ОБМЕНЯЛИСЬ ПОЦЕЛУЕМ МИРА

Пошел лис с фермы не солоно хлебавши и решил порыскать по лесу, не удастся ли чем самому поживиться и малым детушкам отнести. Долго бродил он по лесу и вдруг встретил благородного короля льва с его констеблем Изегримом. Делать было нечего. Подошел лис к королю, низко поклонился и ждал приказаний.

— А, здравствуй! — сказал король и, вспомнив ссору лиса с Изегримом и желая посмеяться, прибавил: — Очень рад тебя видеть. Что ты поделываешь?

— Вышел я, государь, на охоту, чтобы добыть какой-нибудь провизии малым деткам и милой супруге моей.

— На охоту? — сурово заметил король. — Ловко же поделываешь ты свои дела без нашего ведома.

— Ах, государь, — возразил ему Ренар, — мог ли я, такой маленький зверь, подумать, что вы заметите мое отсутствие, имея вокруг себя таких славных, могучих баронов, как бурый медведь, Изегрим и другие?

— Тебе все смешки да потехи! — прервал его лев. — Но на этот раз ты останешься с нами; по крайней мере, сегодня я беру тебя с собой на охоту, и мы вместе поищем, чем бы нам прилично позавтракать.

— Тяжело мне будет, государь, в присутствии Изегрима, — отвечал Ренар. — Он на меня смотрит косо и меня ненавидит, а я ничего ему

дурного не сделал. Все то клевета, что вам обо мне наговорили, клянусь своею головой!

— Я тоже так думаю, — согласился король. — Все это одни пустяки. К тому же против тебя нет ни одной улики! Полно, Изегрим, забудь эту ссору и помирись с Ренаром от чистого сердца!

— Ваша воля — закон, государь! — отвечал Изегрим. — В вашем присутствии я прощаю Ренару и обещаю впредь по-старому быть его товарищем и другом.

Тут обменялись поцелуями дружбы те, что никогда не любили и не полюбят друг друга. Что бы они ни говорили, как бы ни распинались, уверяя в искренности своего примирения, они вечно будут ненавидеть друг друга и все их поцелуи не стоят выеденного яйца. Этот мир — самый лицемерный и фальшивый на свете, мир поистине лисий.

***О ТОМ, КАК БЛАГОРОДНЫЙ КОРОЛЬ, ИЗЕГРИМ И РЕНАР
ОТПРАВИЛИСЬ НА ОХОТУ И КАК ИЗЕГРИМ НЕ СУМЕЛ
ПОДЕЛИТЬ ДОБЫЧИ ТАК ХОРОШО, КАК РЕНАР***

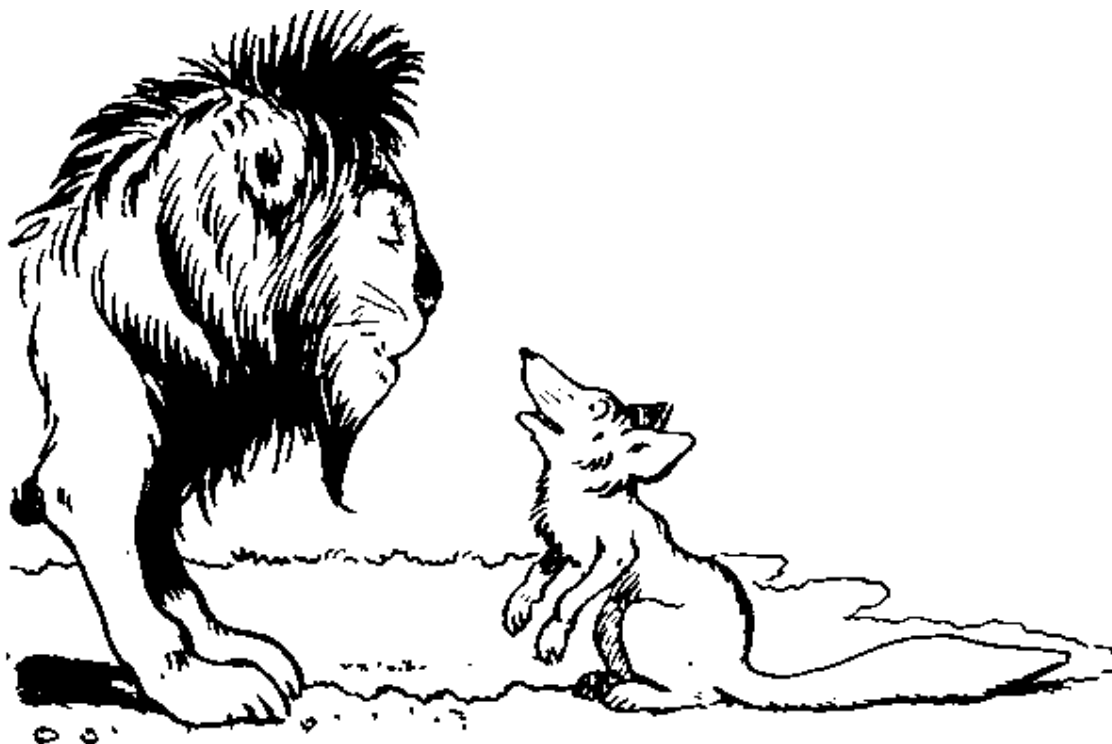
Вместе отправились в путь благородный король, лис и Изегрим, и дошли они до зеленого луга, на котором паслись бык и корова с теленком. От добра добра не ищут! Натолкнувшись на такую поживу, решили не ходить дальше и завладеть тем, что само давалось им в лапы.

В духе был король после удачной охоты и, обратясь к Изегриму, сказал:

— Ну, констебль, надо тебе поделить между нами добычу так, чтобы никого не обидеть!

Подумал Изегрим и сказал:

— Государь, себе возьмите вы быка и корову, мне дайте теленка, а этот рыжий товарищ, принятый вами в вашу компанию, не охотник до мяса и поищет себе другого обеда.

Рассердился король, затопал ногами и, подняв тяжелую лапу, так погладил его по щеке Изегрима, что содрал с нее кожу.

— Не хочу я такого раздела! — зарычал он сердито. — Ты ничего в нем не смыслишь! Ренар и хитрей и умней тебя и, конечно, поделит лучше.

— Да что тут делить, государь, — возразил лис со смиренной ужимкой. — Добыча вся ваша, а не наша! Возьмите, что вам угодно, а остальное пусть будет для нас.

— Я так не хочу, — отвечал лису лев. — Ты дели по закону.

— Хорошо, будь по-вашему! — отвечал лис. — Так возьмите ж быка, как сказал Изегрим: это доля истинно царская; корова пойдет королеве: ее мясо нежно и жирно и достойно послужить пищей супруге короля; теленок же достанется принцу: принц еще невелик, и ему больше теленка не скушать. Мы же и сами для себя промыслить сумеем.

Улыбнулся король, услышав слова лиса.

— Умный ты зверь, очень умный! — сказал он. — А твой дядя пусть держит ухо востро, а то с ним приключится беда! Но скажи на милость, кто мог тебя научить делить так умно и законно?

— Премудрый опыт, — отвечал лис и, смеясь, оглянулся на дядю.

Простился с ними король, захватив с собой теленка, быка и корову, а им разрешил еще поохотиться вместе.

О ТОМ, КАК ПОПАЛ РЕНАР В КОЛОДЕЦ И БЛАГОПОЛУЧНО ИЗ НЕГО ВЫБРАЛСЯ И КАК ИЗЕГРИМ, ПОПАВ ТУДА, СПАССЯ ЛИШЬ ЦЕНОЮ УВЕЧЬЯ

Как охотились они в этот день и когда разошлись — никому не известно. Только знаем, что ночью забрался от голода лис в монастырь, но долго ходил вокруг ограды, пока не нащупал калитки. Он тихонько толкнул ее, и, на счастье, она оказалась открытою. Свободно проник он во двор, где у курятника, на сене, мирно спали три курицы. Подкрался к ним лис и, разом схватив всех трех, задушил их, — двух съел, а третью оставил на утро. Насытившись, он ужасно захотел пить — и видит глубокий колодец. Висят два ведра на бадье: одно, с водой, опустилось глубоко, другое качается в воздухе. Потащил лис бадью, надеясь напиться, но не хватило у него сил. Как ему быть и какой бы придумать фокус? Погадал он, пораскинул умом и решил положить в то ведро, что качалось на воздухе, последнюю курицу и с нею вместе тащить. Но как ни пыхтел, ни старался, ведро все там же оставалось. На последнюю хитрость пустился Ренар и, держась за веревку, сам повис на ведре. И что же? Испорчен ли был блок, или что другое случилось, но неожиданно, разом бултыхнулся Ренар в воду. Тут вдоволь он мог бы напиться и даже развлечься рыбной ловлей. По счастью, воды было мало, и лис наполовину оставался сухим.

Долго он сидел на дне, не зная, как бы спастись из неожиданной ловушки.

В ту же ночь и туда же привел случай Изегрима. Захотелось ему воды напиться и подошел он к колодцу; глянул на дно — и глазам не поверил, увидев там лиса.

— Узнаю я тебя! — закричал он.

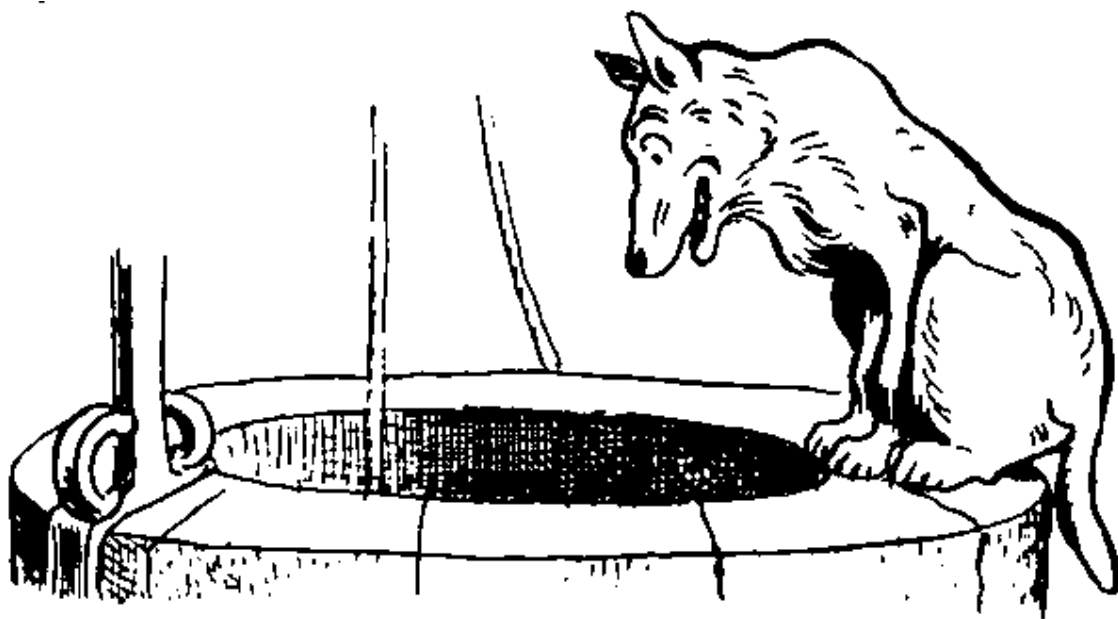
— И я тебя также, — отвечал лис. — При жизни тебе я был племянником; теперь же я уж покойник.

— Как? Неужели ты умер? Когда же?

— Дня два тому назад или три. И теперь я тебе советую, дядя, изменить свои чувства ко мне.

— Разумеется, раз ты умер, я не могу тебя ненавидеть и даже жалею, что тебя уж не увижу в живых.

— Напрасно. Мне и здесь хорошо: в живых я частенько—таки голодал, теперь же всего у меня здесь в избытке. Посмотри сам у колодца: я там даже курицу бросил!

Нашел Изегрим птицу и тотчас ее с жадностью слопал — и думает: «Правду сказал хитрый лис: не житье ему здесь, а раздолье».

— Покойный Ренар, — говорит он ему. — Хорошо тебе жить на том свете. Научи же ты меня по дружбе, как бы и мне за тобой попасть в то

блаженное место?

— Нелегко тебе будет, — отвечал лис. — Всегда был ты зол и завистлив.

— Но я покаюсь, любезный Ренар.

— Ну, если так, то попробуй. Но прежде твое покаяние надо проверить: если ты сядешь в пустое ведро и оно быстро опустится вниз, — твое покаяние искренно, если же нет — ведро не шелохнется. Слышишь?

Трудно было волку усесться в ведре; наконец, всунув задние лапы, передними он крепко обнял веревку. Волк был поувесистей, и когда он всею тяжестью бухнулся в воду, то ведро с лисом взвилось на воздух.

— Куда ты? Куда ты? — кричал Изегрим, повстречавшись с ним по дороге.

— Уж таков здесь обычай, — отвечал лис. — Когда один опускается вниз, другой поднимается кверху. Теперь твоя очередь, милый кум, насладиться загробным довольством!

Тут выпрыгнул лис из ведра и помчал без оглядки.

Не помня себя от досады и гнева, просидел Изегрим по пояс в холодной воде всю ночь и все утро. Когда же узнала братия, что к ним в колодец попал волк, сбегались все помогать тащить его вон. Избитый, израненный, волк насилу от них уплелся и с трудом дотащился до дома.

Долго болел Изегрим и когда стал поправляться, то решил жестоко отомстить лису, притянув его к суду в собрании пэров.

КНИГА ВТОРАЯ СУД НАД РЕНАРОМ

О ТОМ, КАК КОННЕТАБЛЬ ИЗЕГРИМ ЯВИЛСЯ В КОРОЛЕВСКИЙ СУД С ЖАЛОБОЙ НА РЕНАРА

Не теряя времени, Изегрим поспешил в суд с жалобой на Ренара. Быть констеблем — честь немалая, и Изегрим пользовался большим почетом при дворе; особенно уважали его за глубокое знание всех судейских обычаев. Поднялся он в зал, где король с приличным его сану достоинством восседал в кресле, окруженный блестящею свитой своих знаменитых баронов.

— Неужели, государь, негде искать правды на свете? — воскликнул Изегрим, выступая на середину зала. — Неужели правосудие всюду попрано и в мире царит ложь и кривда? Ваши желания и даже ваши

приказания ничто для Ренара, зачинщика всех зол и уособиц, этого воплощения хитрости и лукавства. Мало того, что пришлось мне вытерпеть от него самому, он наконец, забравшись в мое жилище, разграбил запасы и избил моих детей. Не из мести пришел я сюда искать гибели Ренара, — я пришел просить у вас правосудия!

Не любил благородный лев, чтобы его бароны ссорились и судились между собою, и всегда старался покончить дело миром, не допуская огласки. Пытался он было и тут советовать Йзегриму помириться с Ренаром, но недаром прослыл Йзегрим знатоком по части всяких судейских правил и обычаев.

— Государь, — сказал он. — Неприлично вам пока становиться ни на ту, ни на другую сторону. Теперь подлежит только выслушать мою жалобу и передать ее на обсуждение пэров. А мне сдается, что вы уже начинаете тянуть руку Ренара. Вижу я, что вы ни в грош не ставите моей верной службы. Если бы я был таким же хитрым, вероломным пронырой, как этот подлый Ренар, клянусь своею волчьей мордой, мои фальшивые услуги заслужили бы ваше величайшее одобрение! Ну, да что тут толковать! Недаром говорит пословица: каков поп, таков и приход.

С нетерпением выслушал его король.

— Признаюсь, — сказал он. — Я таки действительно готов был извинить Ренара: кто знает, может быть, найдутся и в его пользу достаточно веские доказательства. Но так как вы непременно того желаете, то его вызовут в суд и рассудят это дело с соблюдением всех законных формальностей. Я принимаю вашу жалобу.

***О ТОМ, КАК МЕССЕР⁴¹ ВЕРБЛЮД, ПАПСКИЙ ЛЕГАТ, ПРОИЗНЕС
ПО ПОВОДУ ЖАЛОБЫ ИЗЕГРИМА УЧЕНУЮ РЕЧЬ, ПОНЯТУЮ
ВЕСЬМА НЕМНОГИМИ, О СЕКРЕТНОМ СОВЕЩАНИИ БАРОНОВ И
О ТОМ, КАК ГРИМБЕРТУ БЫЛО ПОРУЧЕНО ПЕРЕДАТЬ РЕНАРУ
ПРИГЛАШЕНИЕ ЯВИТЬСЯ В СУД***

Случилось, что в тот самый день присутствовал между советниками короля мессер верблюд, весьма уважаемый за свою ученость и мудрость. Родом он был из Константинополя и находился при дворе благородного льва в качестве папского легата. Был он весьма ученый законник.

— Мессер! — сказал ему король. — Слыхали ли вы у себя на родине о подобных жалобах? Нам угодно выслушать ваше мнение об этом предмете.

И верблюд тотчас же повел речь.

Много учености было в его речи. Много латинских, итальянских и французских слов сыпалось в ней вперемежку. Трудно было понять ее простым, неученым смертным, но тот, кто был настолько мудр, что умел находить смысл в бессмысленном, понимать непонятное и, когда нужно, читать слова наизусть, тот уловил бы в ученой речи верблюда мудрый совет королю: решать дела по своему усмотрению, не слушая никаких советов.

Выслушали речь верблюда бароны и отнеслись к ней по-разному: большинство смеялось, но были и такие, что подняли ропот. Один благородный лев сохранил серьезность и достоинство и, возвысив голос, водворил тишину, передав дело на предварительное обсуждение своим баронам. Тут мудрейшие из его приближенных поднялись с своих мест и, покинув зал, заперлись в отдельной комнате для секретного совещания.

Олень Бришемер, понимая всю важность возложенного на них поручения, взялся руководить прениями. По правую его руку сел бурый медведь — всем известный заклятый враг Ренара, а по левую — кабан, не способный ни на какое лицепрятие, послушный лишь голосу закона и справедливости.

Когда все уселись и приготовились слушать, Бришемер, перемолвившись с кабаном, стал излагать суть дела.

— Господа, — сказал он. — Все вы слышали жалобу Изегрима на Ренара. Обычай нашего суда требует, чтобы такая жалоба была доказана трижды: иначе каждый мог бы возвести любое обвинение на самого безвинного и безобидного зверя. Изегрим же ссылается лишь на одну свидетельницу — на свою жену, обязанную ему покорностью и послушанием. Можем ли мы признать ее свидетельство правдивым и заслуживающим доверия?

— Клянусь, господа! — сердито забурчал медведь, завожившись на своем месте. — Вы, кажется, забываете, с кем имеете дело! Кажется, его светлость констебль Изегрим не какой-нибудь безвестный пройдоха, и уж на его-то слова можно бы положиться помимо всяких свидетелей!

— Мессер Брион, — вступился кабан, — разумеется, каждый из нас готов верить на слово Изегриму. Но здесь все затруднение в том, что Ренар хотя и ниже чином Изегрима, но по своим личным достоинствам заслуживает не меньшего доверия.

— А я так скажу прямо, — не выдержав, снова вступился Брион. — Стыд и позор тому, кто вздумает защищать Ренара! Позвольте по этому поводу, господа, рассказать вам, как мне самому случилось попасться на удочку этого негодяя. Пронюхал где-то Ренар только что построенное село и облюбовал стоявший у опушки леса двор крестьянина Констана, полный всякого скота и живности, и повадился он забираться туда по ночам. Сытый–пресытый, возвращался он под утро в свою нору с добрым ворохом провизии для своего семейства.

Так шли дела с месяц, пока наконец крестьянин, потеряв терпение, не завел собак и не расставил вокруг своего дома и по лесным дорожкам всевозможных силков и ловушек. Но и тут Ренар нашелся: живо сообразил он, что я, благодаря своему внушительному виду и величественной поступи, скорее привлеку к себе внимание, чем он, при его худобе и крохотном росте, и что если нас вместе поймают, то вся погоня бросится за мной, а он тем временем успеет преспокойно улизнуть; притом же знал негодяй мою слабость к медку — и явился ко мне с такою речью:

— Брион, какой же знатный горшок меду удалось мне открыть!

— Говори скорее, где? — отвечал я.

— Да у крестьянина Констана.

— А как бы мне его раздобыть?

— Ничего нет легче: пойдемте туда вместе!

— На следующую же ночь мы осторожно подкрались к ферме. Найдя калитку открытою, мы пробрались во двор и засели в капусте. Было условлено, что мы прямо пойдем к горшку, разобьем его, поедим мед и не мешкая вернемся домой. Но Ренар не утерпел: проходя мимо курятника, залез туда и поднял страшнейший переполох между курами. От их криков поднялось все село. Со всех сторон сбежались мужики и, признав Ренара, с гиканьем кинулись за ним в погоню. Вы поймете, конечно, что и я в эту минуту почувствовал некоторое беспокойство и, как мог проворнее, направился восвояси. Между тем Ренар, лучше меня знакомый с местностью, принялся задавать такие круги, что сбил с толку погоню. Тут мужики заметили меня и, забыв о лисе, кинулись мне наперерез. Тогда увидал я, что предатель улепetyвает во все лопатки, покинув меня одного на жертву разъяренной толпе.

— Ренар! — закричал я ему вдогонку. — Ты и не подумаешь выручить меня из беды?

— Спасайся, кто может! — крикнул он мне, не останавливаясь. — Напрасно не запасся ты хорошим конем да шпорами поострее. Сам будешь

виноват, если мужики просолят твоё мясо на зиму. Поторапливайся, если твоя шуба не оттянула ещё тебе плеч и ты не чувствуешь желания с нею расстаться.

Не стану рассказывать, как я поплатился за своё легкоеверие и как, избитый, израненный, истерзанный собаками, едва успел скрыться в лесной чаще.

Я рассказал это не в виде жалобы, а лишь только для примера. Сегодня на Ренара жалуется Изегрим, вчера заявлял на него претензию ограбленный им ворон Тиселин; кот Тибер обвиняет его в несчастье с его хвостом; даже собственная его кума, синица, и та рассказывает, что он пытался проглотить её под предлогом поцелуя мира. Надо же наконец положить предел этим проделкам: чем безнаказаннее сходят они ему с рук, тем больше растёт дерзость лиса.

Кончил речь Брион, и поднялись шумные толки и споры, посыпались колкости и даже личные намеки, но олень Бришемер был слишком умен, чтобы допустить неуместные выходки в серьёзном совещании.

— Во всяком случае, господа, — сказал он, — попытаемся примирить враждебные стороны. Но прежде всего следует увериться в том, действительно ли была нанесена обида Изегриму. Ренар изъявляет готовность поклясться в своей невинности. Пусть же он явится и принесет клятву, а до тех пор нам нечего предрешать дела. На случай же, если в то время, когда явится Ренар для принесения клятвы, наш благородный король будет в отлучке, теперь же выберем кого-нибудь, кто мог бы председательствовать на суде! По-моему, надо выбрать верного сторожевого пса — Рунио, всем известного своею добросовестностью и благонравием.

Это предложение заслужило всеобщее одобрение. Затем члены совета отправились к королю, и Бришемер по всей форме доложил ему об исходе совещания. Обрадовался благородный лев такому простому решению неприятного дела и тут же послал к Ренару барсука Гримберта с приказанием явиться в воскресенье для принесения клятвы и для объяснений по жалобе Изегрима. Гримберт сходил в Мопертую и принес ответ, что Ренар ничего лучшего не желает, готов все исполнить в точности и заранее подчиняется приговору суда.

***О СОВЕЩАНИИ ИЗЕГРИМА С РОДИЧАМИ И ДРУЗЬЯМИ И О
ПОЯВЛЕНИИ ОБОИХ БАРОНОВ В СОПРОВОЖДЕНИИ ИХ
СТОРОННИКОВ ПЕРЕД ДОБРОДЕТЕЛЬНЫМ РУНИО***

Пошел Изегрим по лесам, горам и долинам, сзывая своих родных и сторонников. Собрались к нему Бришемер, Брион, кабан, леопард, тигр и пантера и даже приехал из Испании колдун мартышка, сам по себе совершенно равнодушный как к той, так и к другой стороне и ставший на сторону Изегрима лишь ради шутки. Все они обещали Изегриму не покидать его до получения им удовлетворения.

Немало сторонников нашлось и у Ренара. Правда, не все шли за ним охотно: кот Тибер порядком недолголюбил лиса, но как родственник не мог отказаться. По той же причине примкнул к нему и барсук Гримберт. Один лишь заяц не в силах был совладать со своею трусостью и просил уволить его от обязанности сопровождать Ренара на собрание, что и было милостиво ему разрешено.

Когда все собрались на место суда, между двумя партиями произошло некоторое замешательство, и после многих пререканий решено было, что Изегрим со своими спутниками займет долину, а Ренар окрестные горы.

Посередине между двумя сторонами, как мертвый, лежал благородный Рунио, а на некотором расстоянии, в кустах, прятались его друзья–собаки. Все были воодушевлены ненавистью к Ренару.

О ТОМ, КАК РЕНАР ПОЧУВСТВОВАЛ УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ И НЕ ПОЖЕЛАЛ ПОКЛЯСТЬСЯ ЗУБОМ РУНИО

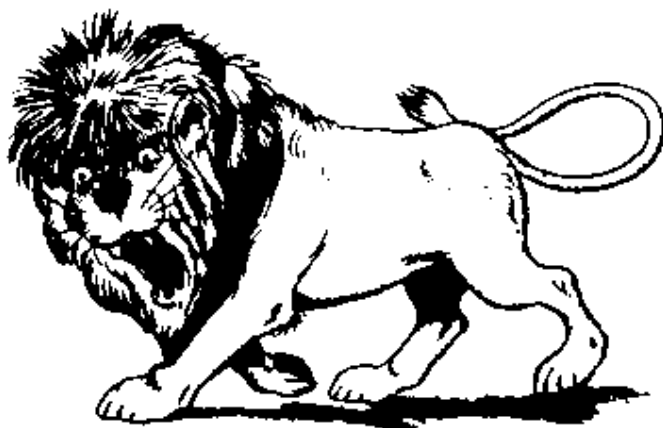
Бришемер, выбранный стряпчим на этом собрании, предложил Ренару первому поклясться зубом Рунио в своей невинности во взведенных на него обвинениях.

С достоинством поднялся с своего места Ренар, расправляя свой пушистый хвост, и готовился произнести клятву, а между тем зорким взором окидывал местность: не укрылись от него притаившиеся в кустах собаки и то, что бока Рунио, казавшегося мертвым, тихо подымались. Подался Ренар назад и остановился. Бришемер же, не допуская отговорок, требовал немедленной клятвы. К счастью для лиса, разглядел западню и барсук Гримберт. Но, не желая навлекать на себя ненависть такого блестящего собрания, прибегнул к хитрости и заявил вкрадчивым тоном, что справедливость требует, чтобы Ренар был защищен от напора толпы, теснившей его со всех сторон.

— Вы правы, — сказал Бришемер, — я об этом не подумал.

И он велел толпе расступиться так, чтобы впереди и по сторонам оставался свободный проход. Только того и нужно было Ренару: одним прыжком скрылся он за толпою и, пробежав горою, где стояли его сторонники, пустился стрелой по дороге, несмотря на крики и завывание друзей Изегрима и на бесплодные старания собак, кинувшихся по его следам.

О ТОМ, КАК БЛАГОРОДНЫЙ ЛЕВ СОЗВАЛ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ, НА КОТОРОМ ИЗЕГРИМ ЕЩЕ РАЗ ПРИНЕС ЖАЛОБУ НА РЕНАРА

Прошла зима, распустился боярышник, начинали уже зацветать и розы. Недалеко было и до Троицы, когда благородный лев созвал всех зверей на общее собрание. Явились все, кроме обманщика лиса. На этом собрании Изегрим еще раз принес королю жалобу на Ренара. Король отвечал:

— Послушай меня, Изегрим, не поднимай ссоры, — не люблю я дразг и сплетен: домашние неприятности не всегда могут разбираться судом!

— Государь, — вступился медведь, — Изегрим жив-здоров и на свободе, а потому при своей силе и могуществе и сам мог бы отомстить Ренару и отнять у него всякую возможность вредить кому бы то ни было. Но он не делает этого из уважения к только что заключенному Божьему миру, и вам, нашему повелителю, следовало бы предупредить малейший повод к возобновлению междоусобиц в среде ваших баронов. Изегрим жалуется на Ренара, — прикажите разобрать эту ссору судом, и виноватый должен будет удовлетворить обиженного и еще заплатить пеню вам, нашему королю. Велите вызвать Ренара из его замка Мопертюи. Я охотно приму на себя это поручение и сообщу ему о решении суда.

Поднялись в собрании споры и раздоры: одни находили, что для Ренара мало даже смертной казни, другие желали во что бы то ни стало избежать скандала.

После долгих пререканий наконец решили вызвать Ренара в суд, а если он не пойдет сам — притащить его силой. Однако король, недовольный таким крутым оборотом дела, выразил твердое намерение простить Ренара, если он только раскается в своих проступках.

О ТОМ, КАК ПЕТУХ ШАНТЕКЛЕР СО СВОЕЮ ЖЕНОЮ ПИНТ И ЕЕ ТРЕМЯ СЕСТРАМИ ЯВИЛИСЬ ИСКАТЬ СУДА НА РЕНАРА ЗА УМЕРЩВЛЕНИЕ БЕЗВИННОЙ КУРИЦЫ КОПЕТ

Очень огорчило собрание такое решение короля, и Изегрим, грустно повесив хвост, отошел в сторону, как вдруг явилась во дворец целая процессия: петух Шантеклер, госпожа Пинт и еще три дамы, ее сестры — Русеет, Бланш и Нуарет. Все они сопровождали траурную колесницу с останками благородной курицы Копет. Не далее как накануне подстерег ее Ренар, оторвал ей крыло, перегрыз ногу и замучил ее до смерти. Король, устав от прений, собирался уже распустить собрание, когда явился этот кортеж. Пинт первая решилась заговорить:

— Господа, волки и собаки, благородные и милые звери, не отриньте жалобы невинных жертв! У меня было пять братьев, — всех их съел Ренар! У меня было четыре сестры во цвете лет и красоты, — все, кроме одной, достались Ренару! Дошла наконец очередь и до тебя, крошка моя Копет! Была ли на свете курица жирнее и нежнее тебя, несчастная моя подруга?! Что будет теперь с твоею неутешной сестрой? Да пожрет тебя огонь небесный, коварный лис! Не ты ли столько раз пугал нас до смерти и портил нам платье, забравшись в курятник?! И вот теперь пришли мы все

искать у вас защиты, благородные бароны, так как сами мы не в силах мстить Ренару!

В конце этой речи, часто прерываемой рыданиями, Пинт упала без чувств на ступеньки трона, а вслед за нею и все ее сестры. Волки и собаки поспешили к ним на помощь и стали брызгать на них водой, после чего, приведенные в чувство, они побежали к королю и кинулись ему в ноги; Шантеклер стоял тут же, орошая слезами королевские колени.

Глубокая жалость наполнила душу короля; с тяжким вздохом поднял он голову и, откинув назад свою гриву, испустил такое рычание, что все звери попятись от ужаса, а заяц — так того потом чуть не двое суток была лихорадка.

— Госпожа Пинт! — воскликнул король, свирепо ударяя хвостом по бокам. — Во имя моего отца, для которого я еще ничего не сделал, обещаю я вам вызвать Ренара. Тогда вы увидите собственными глазами и услышите собственными ушами, как наказываю я ночных воров, убийц и изменников!

О ПРИБЫТИИ ГОСПОДИНА БРИОНА В МОПЕРТЮИ И О ТОМ, КАК ГОРЬКО ПОКАЗАЛОСЬ ЕМУ УГОЩЕНИЕ РЕНАРА

По извилистой тропинке добрался медведь до укрепленного замка Ренара, хозяин которого в эту минуту сладко спал: рано утром он славно позавтракал крылышком каплуна, и теперь еще вблизи него лежала наготове жирная курица. Услышав голос Бриона, вызывавшего его во имя короля, лис сейчас же стал придумывать, какую бы расставить ему западню.

— Напрасно только заставили вас прогуляться, почтеннейший Брион! — крикнул он ему, полуотворяя слуховое окошко. — Я и сам собирался к королю, как только закушу этим прекрасным французским блюдом. Сами вы знаете, Брион, что даже при дворе вокруг богатого и знатного человека все толпятся с предложением услуг и угощения; но иное дело бедняк: для него нет места ни за столом, ни у очага, и есть—то он должен у себя на коленях, отмахиваясь направо и налево от собак. Едва—едва перепадет ему, чем промочить горло! Так—то, почтеннейший Брион, и я перед отправлением в путь произвел генеральный смотр своей провизии и, позавтракав горохом с салом, заел это блюдо свежим медком.

Забыл тут Брион все старые козни Ренара.

— Медком?! — воскликнул он в увлечении. — Да я ничего не знаю заманчивее этого кушанья! Нельзя ли и мне им полакомиться?

Даже сам Ренар удивился, как легко поддался на его удочку почтенный медведь.

— Я был уверен, что найду в вас товарища, — продолжал он. — Мой сын может подтвердить, что я нашел пропасть меду не дальше как при входе в тот лес, что стережет лесничий Ланфруа.

Тут Ренар покинул свою засаду и вместе с Брионом отправился в лес, где лесничий Ланфруа, распилив с одного конца колоду, засунул в отверстие косяк, чтобы помешать дереву сомкнуться.

— Вот, милый мой друг Брион, — сказал Ренар, — запас меду спрятан в этом бревне: просуньте голову и кушайте на здоровье.

Брион поспешил засунуть морду в отверстие, а Ренар, изловчившись из-за его спины, выдернул косяк, и дерево, сомкнувшись, прищемило морду Бриона, огласившего воздух пронзительным криком.

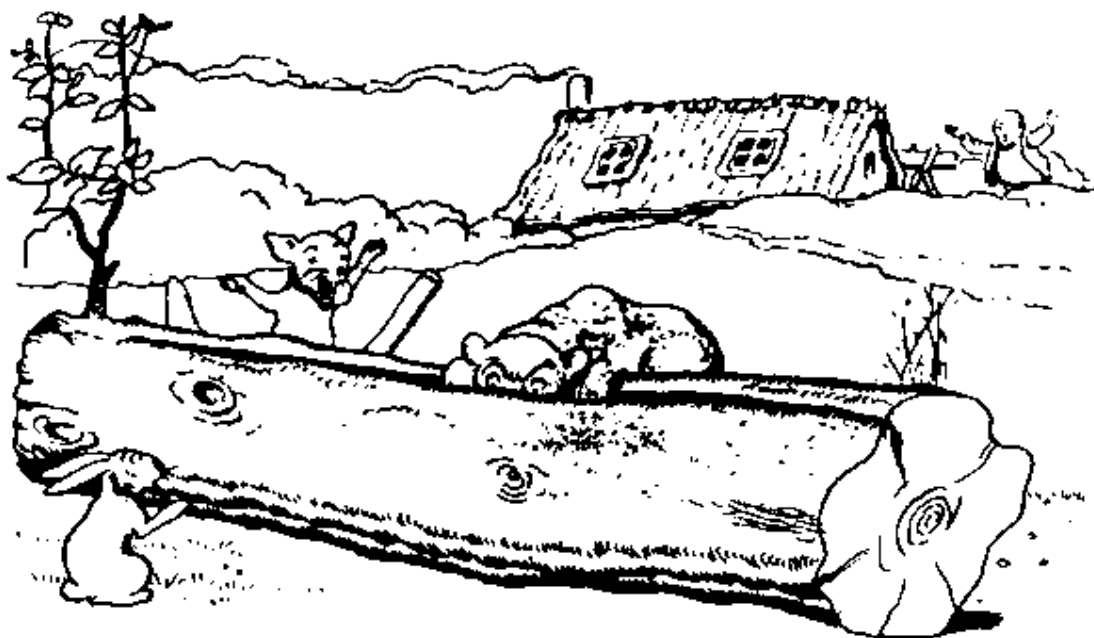
— Видно, вкусен показался вам мед, что вы им так долго лакомитесь? — дразнил его Ренар.

Но при первом появлении Ланфруа рыжий негодяй сделал ноги! Прибежавший тем временем лесник принялся скликать соседей. Брион, видя себя в безвыходном положении, решил пожертвовать мордой и, изо всех сил упираясь ногами, выбрался из щели, оставив там кожу с ушей и щек. Преследуемый мужиками, едва успел он спастись от их вил и рогатин.

Не переводя духа, примчался он ко двору благородного льва и тут же упал на землю от истощения.

— Великий Боже! Брат Брион, — воскликнул король, — кто это тебе так удружил?

— Государь, — с трудом проговорил бедный Брион, — эту услугу оказал мне Ренар!

***О ТОМ, КАК БЛАГОРОДНЫЙ ЛЕВ ВО ВТОРОЙ РАЗ ПОСЛАЛ ЗА
РЕНАРОМ КОТА ТИБЕРД И О МЫШАХ, СТАВШИХ ТОМУ
ПОПЕРЕК ГОРЛА***

Яростно рычал благородный лев и, ошетилив свою ужасную гриву, нетерпеливо бил хвостом по бокам, произнося клятвы и проклятия.

— Брион, — сказал он, — этот ужасный рыжий злодей не может уже рассчитывать ни на какое снисхождение: нет для него достаточно жестокой казни! Я так с ним разделаюсь, что моего суда долго не забудет вся Франция. Где ты, кот Тибер? Ступай к Ренару и от моего имени потребуй его немедленно ко двору. Да посоветуй ему также захватить с собой и веревку, чтобы было на чем его повесить.

Не улыбалось это путешествие Тиберу, но волей-неволей пришлось повиноваться. Подходя к замку Мопертюи, принялся он читать молитвы всем святым и, подойдя к воротам, стал снаружи вызывать Ренара:

— Тут ли вы, господин Ренар? Отзовитесь!

«Тут, и на твою голову», — подумал Ренар.

— Добро пожаловать, Тибер! — продолжал он громко.

— Не сердитесь на меня, товарищ, за то, что я вам скажу: я пришел от лица короля, который вас ненавидит и страшно вам угрожает. Все при дворе на вас жалуются, а больше всех Брион и Изегрим. Один только остался у вас защитник — ваш двоюродный брат Гримберт.

— Послушайте, Тибер, — отвечал Ренар, — угрозы, к счастью, не убивают. Пускай их себе точат на меня зубы: я от этого не меньше проживу на свете. Я твердо намерен побывать у вас при дворе и посмотрю, кто посмеет на меня жаловаться!

— И умно сделаете. Я советую это вам от всего сердца. Но я страшно торопился и умираю от голода. Не найдется ли у вас для меня кусочка каплуна или курочки?

— Очень уже многого вы от меня требуете, друг Тибер! Я могу предложить вам только крыс и мышей, но мышей прежирных. Не хотите ли?

— Как, мышей? С величайшим удовольствием!

Конечно, голод отшиб в этот день память у Тибера: не подозревая предательства, последовал он за Ренаром в село, откуда все куры переселились уже на кухню жены лиса.

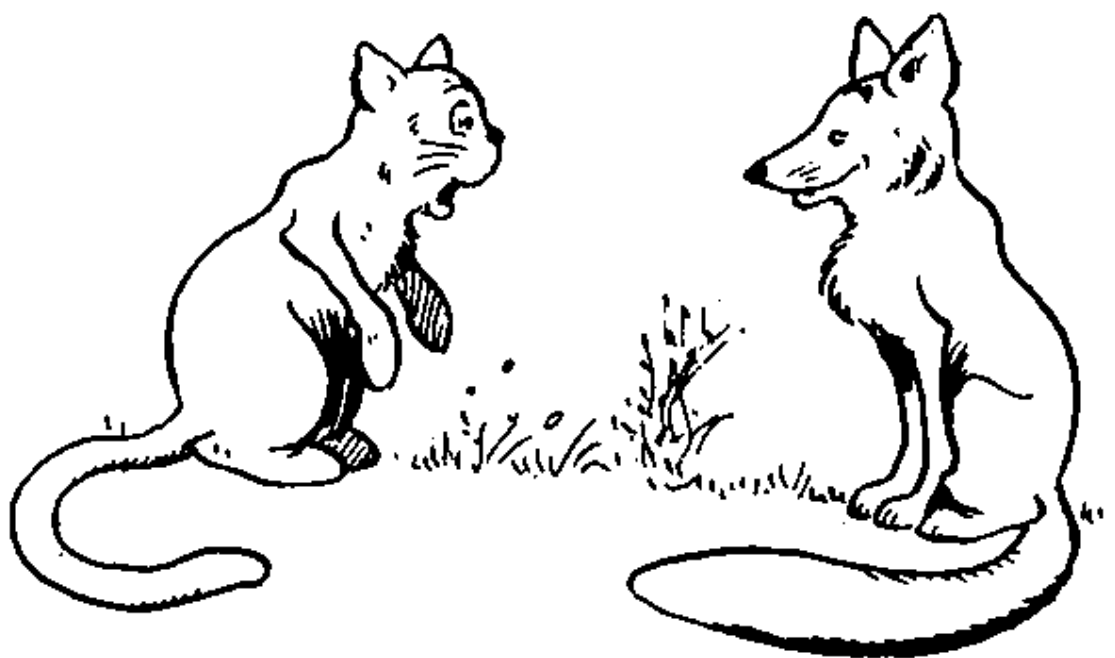
— Попроберемся между этими домами, — сказал лис Тиберу, — мы попадем там на чердак, где сложен овес и приготовлен вечный пир мышам. Вот дверь, через которую вы можете туда пролезть.

Все это были выдумки Ренара, и дыра вела в ловушку, приготовленную для него же самого — на случай, если он еще раз вздумает подбираться к курам. Не успел Тибер последовать совету Ренара, как почувствовал на шее петлю. Чем больше вырывался он, тем сильнее она его душила. В то время как он делал тщетные усилия, чтобы освободиться, сбежались хозяева, и Тиберу досталась добрая сотня ударов.

О ТОМ, КАК ГРИМБЕРТ В ТРЕТИЙ РАЗ ПОШЕЛ ЗВАТЬ РЕНАРА

С громкими проклятиями явился Тибер ко двору короля. Там, упав перед королем на колени, он рассказал ему о своем неудачном путешествии.

— Поистине дерзость и безнаказанность Ренара необычайны! — воскликнул король. — Неужели никому не удастся предать в мои руки этого ужасного карлика? Я начинаю сомневаться в вас, Гримберт. Вы так хороши с ним, что мне сдается, уж не сообщаете ли вы ему обо всем, что здесь происходит?

— Государь, я, кажется, никогда не давал вам повода заподозрить мою верность!

— В таком случае ступайте в Мопертюи и не возвращайтесь без вашего родственника.

— Государь, — сказал Гримберт, — положение моего родственника таково, что он не явится сюда, если я не покажу ему вашей грамоты. Но я знаю, что при виде вашей королевской печати он немедленно отправится в путь.

— Гримберт прав, — сказал король и сейчас же продиктовал кабану послание, а Бришемер скрепил его королевскою печатью.

Гримберт на коленях получил от короля запечатанное послание и отправился в путь.

С радостью бросился Ренар на шею Гримберту и повел его в свой дом. Гримберт со свойственным ему благоразумием передал свое поручение лишь после обеда, когда уже убрали скатерть.

В смущении взломал Ренар печать и, читая письмо, несколько раз менялся в лице. Не надеясь на пощаду, исповедался он в своих грехах и стал готовиться в путь.

О ПУТЕШЕСТВИИ РЕНАРА И ГРИМБЕРТА И О ТОМ, КАК ОНИ ПРИБЫЛИ КО ДВОРУ КОРОЛЯ

На другое утро, на рассвете, обнял Ренар свою жену и детей, которых оставлял в великом горе.

— Не знаю, что со мной станется, — сказал он им на прощанье, — оберегайте наш замок и поддерживайте его: пока он в ваших руках, вам нечего бояться ни короля, ни его баронов. Через шесть месяцев осады они будут стоять перед его воротами с таким же успехом, как и в первый день, а провизии у вас хватит на несколько лет. Поручаю вас Господу Богу! Молите Его, чтобы я скорее вернулся.

Оба барона отправились в путь; перешли реку, прошли ущелье, поднялись на гору, потом спустились в долину и очутились, сами того не ожидая, перед богатою монастырскою фермой. На птичьем дворе спокойно разгуливали куры. При этом виде забыл Ренар и о грозившей ему опасности, и о своем раскаянии и уже готов был пуститься на новые похождения, да посовестился Гримберта и скрепя сердце прошел мимо, но долго оглядывался на оставшееся позади пернатое царство.

Чем дальше шли они, тем больше волновался лис и уже начинал дрожать как в лихорадке. Но вот перевалили они через последнюю гору, и перед их глазами открылась долина, где заседал королевский суд. Когда они прибыли и велели о себе доложить, заседание уже было открыто.

О ТОМ, КАК РЕНАР, БЛАГОРОДНЫЙ ЛЕВ И ГРИМБЕРТ ПРОИЗНЕСЛИ РЕЧИ, НИКОГО НЕ УБЕДИВШИЕ, И О ТОМ, КАК БЛАГОРОДНЫЙ ЛЕВ САМ СТАЛ ЧИТАТЬ РЕНАРУ ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

Появление Ренара и Гримберта произвело сенсацию в собрании пэров. Не было зверя, который не горел бы нетерпением поддержать

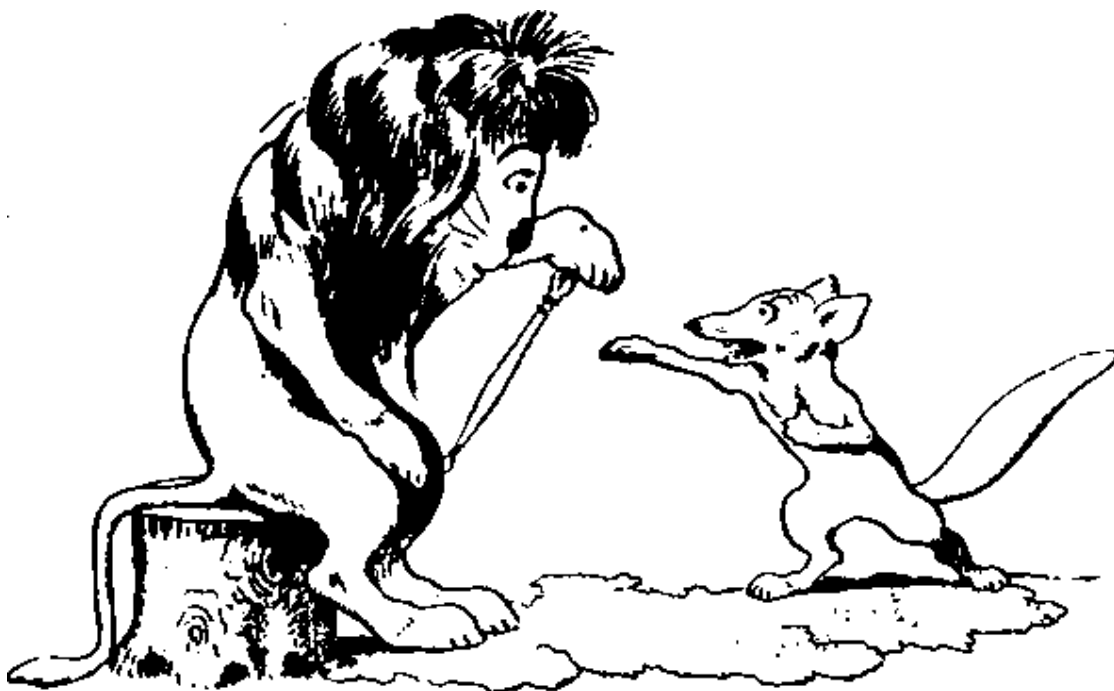
обвинительный акт; даже благородный пес Рунио беспокойно ворчал и лаял. Но среди всех этих шумных демонстраций Ренар с полным наружным хладнокровием и спокойным достоинством зверя, не знающего за собою никакой вины, вышел на середину зала и, окинув собрание гордым взглядом, сказал:

— Государь, вам кланяется тот, кто оказал вам столько услуг, сколько не оказали все присутствующие здесь бароны, вместе взятые. Меня оклеветали перед вами, и я так несчастлив, что до сих пор не мог еще оправдаться. Говорят, что, благодаря советам окружающих вас льстецов, вы хотите приговорить меня к смерти. Это неудивительно после того, как король охотно слушает наветы бесчестных людей и отвергает советы испытанных своих баронов. Но я желал бы знать, на что жалуются здесь Брион и Тибер? Моя ли вина, что Брион был застигнут на месте угощения крестьянином Ланфруа и при всей своей силе не сумел от него защититься? Или что Тибер сам попал в ловушку, охотясь за мышами? Невеликодушно было, государь, призывать меня на суд теперь, когда года подточили мои силы, когда голос мой разбит от старости и мысли плохо вяжутся в моем ослабевшем мозгу, — невеликодушно было пользоваться моею слабостью! Но король приказал, а я повиновался! Беспомощный, стою я перед его троном, и в его власти теперь повесить меня или вести на костер, казнить или миловать. Но прилично ли мстить такому бессильному зверю, как я, и удобно ли казнить меня, не выслушав моих оправданий? Кто знает, к каким разговорам и толкам повел бы такой образ действий?

— Ренар, Ренар! — возразил ему король. — Ты мастер говорить и оправдываться! Но теперь твое время прошло. Сбрось же свою личину! Все это лисьи штуки! Тебя будут судить, раз ты этого требуешь, и мои бароны решат, как надо поступить с таким убийцей, негодяем, вором, как ты. Кто решится утверждать, что ты не заслужил этих названий? Пусть говорит, — мы будем слушать.

Тут Гримберт встал с своего места.

— Государь, — сказал он, — мы ответили на ваш призыв и пришли преклониться перед вашей справедливостью. Зачем же обращаетесь вы с нами так оскорбительно? Зачем не хотите выслушать ни обвинений, ни оправданий? Ренар пришел сюда, чтобы отвечать на возводимые на него жалобы, — предоставьте же ему полную свободу защищаться и всенародно опровергнуть общее обвинение.

При этих словах все собрание в негодовании поднялось с своих мест, но король предупредил беспорядок, приказав всем сесть, и сам стал читать обвинительный акт.

О ТОМ, КАК РЕНАР БЫЛ ПРИГОВОРЕН СУДОМ ПЭРОВ К ПОВЕШЕНИЮ, КАК ОН НЕ БЫЛ ПОВЕШЕН И КАК ВЕРНУЛСЯ В МОПЕРТЮИ

Долго длились допросы свидетелей и разбор дела. Наконец собрание постановило, что Ренар обвинен и уличен в предательстве и заслуживает виселицы. По приказанию короля на высокой скале была приготовлена виселица. Схватили Ренара и поволокли на гору; дорогою вдоволь потешились над ним все звери, все враги и даже те, кто никогда не были ему врагами. На что уж заяц, и тот бросил в него камнем, — правда, издали, когда Ренар почти уже скрылся из виду; но, к несчастью, лис

оглянулся, и заяц со страху запрятался под изгородь и уж больше не появлялся.

У Ренара была в запасе еще одна уловка, и у самой виселицы он вдруг заявил, что должен еще открыть королю нечто очень важное. Король, делать нечего, согласился его выслушать.

— Государь, — сказал тогда лис, — сознаю я вполне, какой великий я грешник! По вашему приказанию ведут меня на казнь, но вы, конечно, не захотите помешать мне искупить свои грехи перед Богом: позвольте мне примкнуть к крестоносцам, — я покину страну и пойду к святым местам. Смертью в Сирии я искуплю свои грехи, и Господь вознаградит вас за ваше доброе дело!

Говоря это, лис припал к ногам растроганного короля.

Подоспел тут с речью и родственник Ренара, Гримберт, и ловко дал понять королю, что при всех своих преступлениях Ренар был все же необходим королю, как ловкий его слуга и помощник.

— Послушай, негодяй, — обратился к Ренару король, — сколько уж раз ухитрился ты вывернуться из петли? Не должен бы я тебе верить! Ну, да уж так и быть. Но, клянусь головою, несдобровать тебе, если дойдет до меня еще хоть одна жалоба.

Даровав прощение, собственноручно поднял король расprostертого у его ног Ренара. Принесли крест; Брион-медведь, ворча на слабость короля, укрепил крест на плече своего врага. Другие бароны, не менее раздосадованные, подали ему перевязь и посох странника.

С крестом на плече, перевязью на шее и ясеновым посохом в лапе, стал прощаться Ренар со всеми баронами и своими врагами, прося у них прощения и сам прощая им все причиненные ему беды и неприятности, и наконец удалился.

Выбрался лис за ограду и пошел вдоль плетня, как раз мимо того места, где укрылся заяц. Увидел заяц, что заметил его Ренар, и не помня себя от страха стал поздравлять его с избавлением от петли и высказывать свою радость по этому поводу. Но Ренар, вместо благодарности, поймал его за уши и, выразив готовность за ужином подкрепить его мясом свое изможденное тело, оглушил его ударом посоха.

Взобрался он со своим пленником на гору, возвышавшуюся над долиной, где находился еще в полном составе весь королевский суд, и крикнул громко, чтобы обратить на себя общее внимание:

— Я побывал уж в Сирии и повидался с султаном, который прислал вам поклон. Язычники так вас боятся, что бегут при одном вашем имени! Вот вам ваши доспехи!

И, сорвав крест, он отбросил его в сторону вместе с посохом странника и перевязью.

Между тем заяц успел у него увернуться, и, израненный, с распоротым боком, опрометью кинулся прочь и, прибежав на суд, упал в ноги благородному льву, жалуясь на Ренара.

— Господи Боже мой! — воскликнул в негодовании король. — Что сделали мы, освободив этого подлого мошенника! Господа бароны, бегите за ним, ловите его, и если вы его не поймаете, я никогда вам этого не прощу!

Надо было видеть, как наперегонки кинулись звери в погоню за Ренаром. Ренар же, видя бегущих к нему баронов, по развернутому знамени сразу понял в чем дело и, не теряя ни минуты, бросился наутек. По дороге удалось ему передохнуть в одном гроте, но королевские бароны, уверенные в успехе, и тут осадили его с кликами победы и радости, и Ренару пришлось покинуть свое убежище и снова бежать, изнемогая от усталости, через силу отбиваясь от настигавших его врагов.

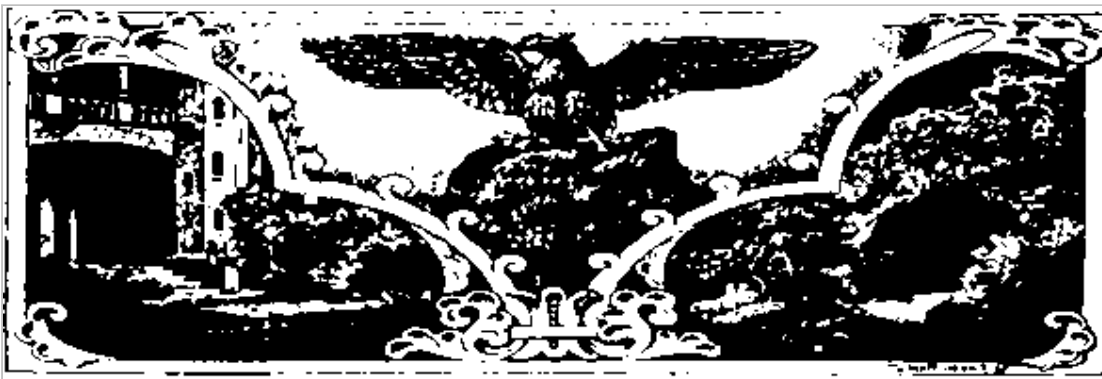
Казалось, все кончено: сейчас его схватят и опять потащат к виселице.

Но тут завидел лис башни своего замка Мопертюи, и этот отрадный вид возвратил ему бодрость и силы. Еще одно отчаянное усилие — и он очутился в своем недоступном замке, где мог жить, ни о ком не заботясь, целые годы, где много было запасено всякой провизии и где радостно встретили его жена и дети и осыпали ласками и поцелуями. Белым вином обмыли они его раны и усадили его на мягкую подушку. Скоро подали и обед. Правда, не хватало в нем жареного зайца, но Ренар был так утомлен, что почти ничего не мог есть и ограничился одним крылышком курицы. На другой день ему пустили кровь, и вскоре он совершенно оправился.

Рассказ о том, что случилось дальше с Ренаром, составил бы еще целую книгу, и я отлагаю его до другого раза. Теперь скажу только, что со времени своего бегства Ренар так боялся королевского правосудия, что не решался иначе выходить из своего замка, как переодетый. То скрывался он под шапкою доктора, судьи или купца, под епископскою митрой и кардинальскою шляпой; то сменял он платье врача на придворный костюм; видали его даже в одежде монахинь, простых городских женщин и владелиц замков. Рассказывают, что побывал он и императором. И во всех этих образах исконный враг Изегрима успел наделать достаточно шума. Глубокомысленный ли политик с виду, мудрец или философ, был он в душе все тот же изменник и лицемер, тот же враг спокойствия и мира, все тот же предатель, обнаруживавший—таки в конце концов краешек своего рыжего хвоста и со всех сторон подвергавшийся травле. Оттого—то и не смеет он более появляться в народе, и слухи о нем совершенно затихли в нашей французской земле. Ушел ли он за горы или серьезно отказался от мира, — ничего не известно. Но если кому—нибудь удастся открыть его убежище, мы покорнейше просим нам о том сообщить, чтобы мы могли прибавить к нашей истории новые рассказы о его приключениях.

ИСПАНСКИЙ ЭПОС

Сид Воитель

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции Н. Будур

Гнев душил дона Диего Лаинеса, владельца имения Бивар, из славного рода Лиана Кальво, первого судьи Кастилии, когда думал он об оскорблении, нанесенном его благородному, богатому и древнему дому, ибо стал он слишком стар, чтобы взять на себя мщение. Не мог он ни спать, ни есть и, не поднимая глаз, сидел у себя в комнате, не смея даже выходить из дома, и избегал разговаривать с друзьями, опасаясь, как бы не оскорбил их позор его.

Наконец позвал он своих сыновей и, не говоря им ни слова, стал по очереди жать им благородные, нежные руки: не для того, чтобы по линиям их прочесть их судьбу — этот дурной обычай колдунов не был тогда еще введен в Испании, а для того, чтобы они сказали ему: «Довольно, государь! Чего желаешь ты? Выпусти нас, или мы умрем, ибо больно нам нестерпимо».

Надежда на успех почти совсем уже погасла в его душе, когда дошел черед до младшего его сына — Родриго. Но часто счастье находишь там, где совсем его не ожидаешь. С горящими глазами, как у тигра, полный гнева и отваги, обратился к нему сын его Родриго с такими словами:

— Выпусти меня, отец! Не ровен час, случится какая беда! Не будь ты отец мой, не стал бы я тратить слов: этою самою рукой растерзал бы на части; пальцы мои пронзили бы плоть, как кинжал или копье!

Обрадовался старик и заплакал от счастья, услышав речи, достойные не мальчика, но мужа.

— Сын души моей, — сказал он, — гнев твой успокаивает и радует меня! Эту угрозу, мой Родриго, исполни ты над нашими врагами: отомсти им за нашу честь, которая погибнет, если ты не восстановишь ее теперь!

И он рассказал об оскорблении, нанесенном его дому, и благословил сына и его меч.

Глубоко задумался Родриго: слишком он еще молод, чтобы отомстить за отца и убить графа Лосано. Слишком силен его враг, и много у него могучих друзей — целые тысячи астурицев в горах! Ему принадлежит решающий голос в кортесах короля Леона—Фердинанда, и рука его не знает себе равной в битве! Но все это ничто перед оскорблением, нанесенным роду Родриго, — первым оскорблением, нанесенным когда-либо потомкам Кальво! И стал Родриго просить справедливости у неба и у бранного поля, и перестал думать о своей молодости, потому что храбрый дворянин со дня рождения уже обречен умереть за свою честь.

Снял он со стены старинный кастильский меч, давно заржавевший без употребления, — и через час, не больше, месть над графом уже свершилась.

Горько плакал дон Диего, сидя за своим столом и подперев руками голову; слезы, горькие слезы текли из его глаз при мысли об оскорблении, нанесенном его роду. Но вот явился к нему Родриго с покрытою кровью головою графа Лосано. Дотронулся Родриго до руки отца и вывел его из задумчивости.

— Открой глаза, отец, и подыми голову! Теперь твоя честь спасена! Она воскресла к жизни, и пятно на ней смыто! Я отомстил за тебя, государь, потому что месть неминуема, когда правда на стороне того, кто бьется за нее!

Не сразу поверил старик и подумал было, что видит он это во сне. Но был то не сон. Поднял дон Диего отуманенные слезами глаза и узнал бледную голову своего врага.

— Убери эту голову с моих глаз, Родриго, сын моей души! — сказал он. — Как бы не стала она второю Медузой и не обратила бы меня в камень! Боюсь, что сердце мое не выдержит этой радости! О бесчестный граф Лосано! Само небо отомстило тебе: правое дело постояло за себя и укрепило руку моего сына! Садись же, сын мой, за этот стол! Садись на почетное место: тот, кто принес эту голову, должен быть господином в моем доме.

Через некоторое время пять мавританских королей с многочисленным войском явились в Кастилию. Прошли они мимо Бургоса и напали на Монтес-Ока, Бельфорадо, Санто-Доминго и другие города провинции Логроньо. Все грабили они на своем пути, уводили скот, забирали в плен христиан, мужчин и женщин, мальчиков и девочек. Совершив все это, с богатою добычей спокойно возвращаются они домой, потому что ни король, ни кто другой не решился выступить против них.

Узнал об этом Родриго, находясь в Биваре. Был он в то время еще очень молод: ему не было еще полных двадцати лет. Вскочил он на своего Бабиека, друзья его последовали за ним, и подал он клич по своим владениям — собралось к нему много народа. Осадил он мавров в замке Монтес-Ока и, победив их, взял в плен всех пятерых королей, отнял у них награбленную добычу и освободил пленников.

Оставшиеся в живых мавританские воины на коленях молили о пощаде, говоря:

— Сид! О Сид! Мой Сид!

Они говорили «Сид», что значит «господин», ибо никто из них не знал имени юного героя. С тех пор и называют Родриго де Бивар Сидом Воителем!

Поделив все отнятое у них между своими людьми, отвел Родриго пленных королей в Бивар и передал их своей матери. Она приняла их с честью, выпустила на свободу, и они признали себя вассалами Родриго де Бивар.

Молва о подвигах Родриго де Бивар разнеслась по всей Испании.

Король Фердинанд находился в Бургосе, когда явилась к нему Химена Лосано. Преклонила она перед ним колена и обратилась со следующей речью:

— Я дочь дона Лосано. Убил его дон Родриго де Бивар, и осталась я одна и беззащитна. Но он убил его в честном поединке, и я прощаю ему смерть отца. Но зато пришла я к тебе просить одной милости: дай мне его в мужья — пусть будет он мне надежной опорой и защитой!

Согласился король на просьбу Химены и вызвал Родриго к себе по важному делу. Получив письмо короля Фердинанда, сел Родриго на коня и отправился в путь с многочисленной свитой. Сопровождали его все дворяне, все его родственники и друзья счетом до трехсот человек; все имели хорошее новое вооружение, все были одеты в одноцветное платье. Сам король вышел к нему навстречу.

— Благодарю тебя за то, что приехал, — сказал он ему, — вот Химена Лосано просит тебя себе в мужья и прощает смерть своего отца. Женись же

на ней, я сам прошу тебя об этом!

— С радостью исполню я приказание своего короля и господина, — отвечал ему дон Родриго, — как в этом случае, так и во всех!

По окончании свадебных празднеств попросил Родриго у короля позволения отправиться поклониться святому Иакову Испанскому: такой обет дал он перед свадьбой. Одарив его, отпустил король дону Родриго, прося вернуться как можно скорее, так как королю была в нем большая нужда.

Простился Родриго с Хименой и поручил ее своей матери. «Люби мою жену и заботься о ней ради меня», — сказал он. Взял Родриго с собою двадцать дворян и раздал много милостыней во имя Бога и Пресвятой Девы Марии.

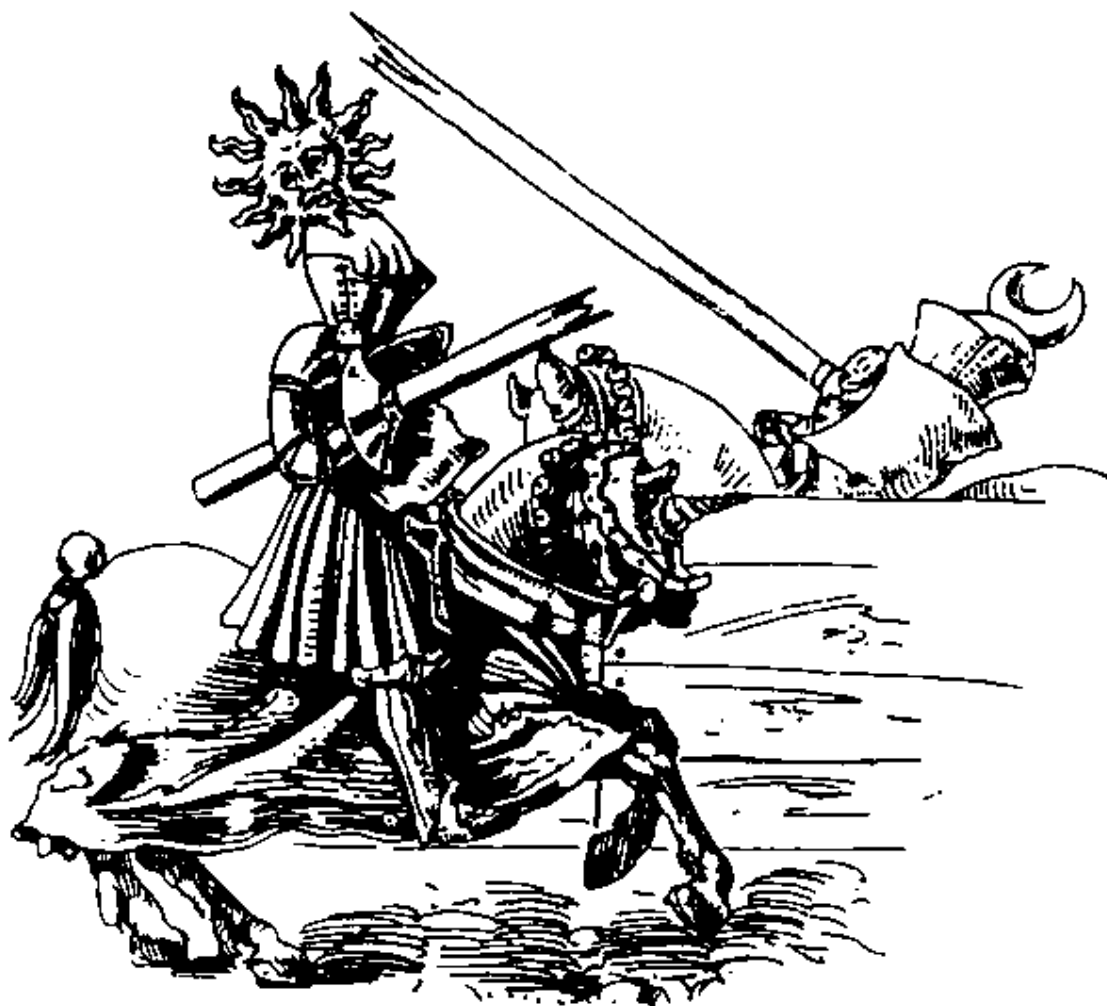
Миновав половину пути, встретил он прокаженного, который сидел в такой глубокой яме, что не в силах был из нее выбраться, и кричал, прося, чтобы его оттуда вытащили. Услыхал его Родриго, слез с коня и помог ему вылезти из ямы; взял он его к себе на коня, привез на тот постоялый двор, где сам остановился на ночь, и разделил с ним свой ужин и свою постель. Но около полуночи, когда Родриго спал крепким сном, прокаженный так дунул ему в спину, что дыхание его, пронзив все тело Родриго, вышло из его груди. В страхе проснулся Родриго и, не найдя около себя прокаженного, стал звать своих людей. Пришли они с факелами, но прокаженного так и не нашли. Снова лег Родриго в постель и с беспокойством стал раздумывать о том, что с ним случилось, как вдруг явился перед ним человек в белых одеждах и сказал ему:

— Спишь ты или не спишь, Родриго?

— Я не сплю! — отвечал он. — Скажи мне, кто ты такой?

— Я Лазарь, Родриго, и пришел к тебе. Я — тот прокаженный, которого ты призрел во имя Господа Бога. Господь возлюбил тебя за это, и все, что ни предпримешь ты в своей жизни, все послужит к твоей славе. Будут бояться тебя все — и христиане, и мавры, и никакой враг не одолеет тебя!

Проговорив это, Лазарь исчез. Родриго встал и молился до утра.

Исполнив свой обет, вернулся Родриго к королю, милостиво принявшему его в своем дворце.

Вскоре произошла большая ссора между добрым королем Кастильским Фердинандом и доном Рамиро Арагонским: спорили они за город Калагарра, и каждый из них считал его своим. Согласились короли решить спор поединком и для того вызвать по рыцарю с каждой стороны: чей рыцарь победит, тому и владеть городом. Выбрал Фердинанд Родриго де Бивар, а Рамиро — храброго Мартина Гонсалеса.

Вооруженные, встретились они в открытом поле, и с первого же удара оба были ранены и оба сломали свои копья. Рассердились рыцари, и сказал Мартин Родриго:

— Будешь ты наказан за свою смелость и нахальство! Плохо кончится для тебя поединок: здесь, на этом поле, сложишь ты свою голову! Не вернуться уже тебе ни в Кастилию, ни в Бивар, и супруге твоей Химене не видать уже тебя около себя, несмотря на всю твою любовь к ней.

Рассердили Родриго эти слова, и с гневом возразил он:

— Правда, храбрый ты рыцарь, Мартин, и речь твоя очень смела! Но дело в том, что поединок поведется и закончится руками, а не злым языком. Победа во власти Божией, и Он дарует славу тому, кому будет Ему угодно.

И, кипя гневом, кинулся он на своего врага и нанес ему столько ударов, что сбросил его с коня. Тогда спешился дон Родриго, обезглавил противника и отер кровь со своего меча. Преклонив колена, вознес он благодарность Богу за эту победу и, обращаясь к судьям поединка, спросил:

— Что еще должен я сделать, чтобы Калагарра, за которую я бился, принадлежала моему королю?

И все отвечали в один голос:

— Ничего, храбрый рыцарь! Этою битвой доказал ты, что дон Рамиро не прав, считая Калагарру своею!

Поцеловал Фердинанд Родриго, который с этого времени стал первым человеком при его дворе. Сам король почитал его и любил больше всех других.

Был Родриго в Саморе, при дворе короля Фердинанда, когда явились туда послы пяти мавританских королей, побежденных доном Родриго де Бивар, и сказали ему, почтительно преклонившись перед ним:

— Добрый Сид, к тебе прислали нас твои вассалы — пятеро мавританских королей, чтобы передать тебе их дань. В знак своей любви посылают они тебе сто коней: двадцать — белых, как горностаи, двадцать — с рыжею гривой, тридцать — гнедых и тридцать — бурых: все навьючены различными дарами для тебя и драгоценностями для твоей жены Химены. Для двух твоих прекрасных дочерей посылают они два драгоценных яхонта, а на одежду двоих из твоих вассалов — два сундука шелковых тканей.

Отвечал им Родриго:

— Друзья, вы ошибаетесь: нет там Сида, где есть король Фердинанд! Все здесь принадлежит ему, так же как и все ваши дары. Ничего здесь нет моего — я сам здесь меньший из его вассалов.

Король был растроган словами и скромностью Родриго, и сказал он послам:

— Скажите вашим государям, что хотя Сид и не король, но он сидит рядом с королем и что все, что я имею, получил я от Сида и очень счастлив, имея такого вассала.

Родриго отпустил мавров, щедро одарив их на прощание.

Почувствовал добрый король Фердинанд наступление последнего своего часа, лег головой на запад и взял в руки восковую свечу. У изголовья

его стояли епископы и прелаты, а в стороне, направо, три его сына, которым и завещал он свои земли.

Едва окончил король Фердинанд раздел своих земель, как в скорбный покой вошла, в траурном одеянии, заливаясь слезами, инфанта Уррака Фернанда. Опустилась она на колени перед постелью отца и стала говорить печальным и тихим голосом:

— Какой закон, Божеский или человеческий, учит тебя, отец, обделять женщин в пользу мужчин? Альфонсо, Санчо и Гарсиа оставляешь ты все свои земли, даже не вспомнив обо мне. А между тем я тоже твоя дочь! Скажи, за что лишаешь ты меня наследства? Когда была я к тебе непочтительна и чем заслужила такое наказание? Если сам отец так поступает со мною, то что же подумают обо мне чужестранные народы, да и твои собственные подданные? Неужели справедливо отдавать земли мужчинам, которые и сами могут завоевать их себе, и лишать наследства женщину, всегда беспомощную, если нет у нее средств и покровителя?

Внимательно выслушал жалобу своей дочери король Фердинанд. Огорчила его ее смелость, и хотел было он отвечать ей, но не мог, потому что смелая женщина заставит замолчать даже короля. Однако не хотелось ему оставить ее без вразумления и без помощи, и, собравшись с последними силами, обратился он к ней, с трудом выговаривая слова:

— Как можешь ты, безрассудная женщина, беспокоить меня делами мира сего, когда мне ничего уже не нужно здесь, кроме савана? Ты завидуешь братьям, но, отдавая им земли, я даю им завет сохранять их. Имея много — они бедны, а ты, не имея ничего, — богата, потому что благородная дама всегда и везде первое лицо. Но в последний свой час не хочу я допустить и тени несправедливости, не хочу я оставить тебя без средств, чтобы не смела ты на меня жаловаться. Оставляю я тебе город Самору, хорошо укрепленный и снабженный всем необходимым. Довольно там для твоей защиты храбрых рыцарей и воинов! Слушайся их совета и не расточай своих сокровищ. Отдавая тебе такую землю, я надеюсь, что ты сумеешь быть достойною как ее, так и своего рода. Да будет проклят тот, кто вздумает отнять у тебя Самору!

И все отвечали на это:

— Аминь!

Один только дон Санчо не сказал ничего.

Дон Санчо царствовал в Кастилии, а брат его Альфонсо в Леоне, и стали они воевать между собой, желая отнять друг у друга владения. Сошлись они у реки де Каррион, и много людей полегло в этой битве. Дон Санчо был побежден и бежал, печальный и бледный.

Храбрый, знаменитый Сид Кампеадор ободрял своего короля, дон Санчо.

— Не беспокойся, государь, — говорил он, — войско твоего брата все набрано в Галлии, а галльские воины после победы становятся беспечны: всю ночь пьют они и веселятся и засыпают под утро, как люди, ни о чем не думающие. А потому останови твоих беглецов, собери остатки своего войска, и, завтра на заре напав на лагерь галлов, ты победишь их и отомстишь им.

Послушался король совета моего Сид и на заре напал на неприятельский лагерь. Многих убил он, многих взял в плен, а остальные обратились в бегство. Захватил он и самого Альфонсо, находившегося в то время во храме Святой Марии де Каррионской.

Когда увидели леонцы своего короля в плену, собрались они с силами и мужественно кинулись в битву, взяли в плен короля Санчо, и четырнадцать рыцарей, окружив его, повели его в безопасное место.

Видя это, добрый мой Сид кинулся им наперерез.

— Отпустите моего короля, рыцари, — сказал он, — взамен его я отдам вам вашего!

— Ступай себе с миром, дон Родриго, — отвечали ему леонцы, — не то и тебя так же возьмем в плен, как и твоего короля!

Рассердился мой Сид и напал на них и так храбро бился, что освободил своего короля, убив тринадцать рыцарей, а последнего обратил в бегство.

Подошел король Санчо к городу Саморе и привел с собой большое войско, потому что очень хотелось ему овладеть этим городом. Проезжая с Сидом под его стенами, сказал он ему:

— Город этот построен на скале и хорошо укреплен; окружен он крепкими стенами со множеством башен; вместо рва сама река Дуэро служит ему защитой. Всего в нем вдоволь, и много надо войска, чтобы взять этот город приступом. Если бы его отдала мне сестра, я предпочел бы его всей Испании. Послушай, мой Сид: отец мой возвысил тебя, он сделал тебя первым грандом своего дома и первым рыцарем своей страны; я сделал тебя первым человеком Испании и наделил тебя городами и замками, которые стоят больше, чем все города и замки Кастилии. Во имя всего этого ступай к сестре моей Урраке и предложи ей уступить мне Самору за большие деньги или же, если хочет, в обмен на другие земли и города — мне это все равно. Я готов отдать ей лучшие города и замки старой Кастилии и Леона. Если же она не согласится, я возьму Самору силою.

Простился мой Сид с королем и в сопровождении пятнадцати рыцарей поехал в Самору. Приехав туда, явился Сид к инфанте Урраке, и она приняла его очень ласково. Но когда передал он ей поручение своего короля, горько заплакала инфанта.

— Злополучный дон Санчо! — воскликнула она. — Прежде когда-то любил он меня, а теперь не хочет даже сдержать клятвы, данной нашему умирающему отцу. И так отнял он у нашего брата Гарсиа все его владения и, заковав самого его в цепи, бросил в темницу, как вора; отнял также царство у брата Альфонсо и заставил его бежать в Толедо, к маврам; отнял город Торо у мачехи нашей, донны Эльвиры, — а теперь и у меня хочет отнять Самору. Знает дон Санчо, что я, слабая женщина, не могу биться с ним.

Тогда встал мудрый Ариас Гонсале.

— Не плачь, государыня! — сказал он. — Мы сумеем защитить тебя в опасную минуту. Посоветуйся с твоими вассалами, скажи им, чего хочет король, и, если они будут согласны исполнить его требование, сейчас же отдай доброму Сиду ключи города; если же они будут не согласны — мы все умрем здесь, защищая его, как и следует бесстрашным грандам.

Согласилась на это инфанта, спросила она своих вассалов, и они выбрали последнее:

— Умрем за Самору, но не сдадимся!

Вернулся мой Сид к королю и сообщил ему ответ инфанты. Рассердился на него дон Санчо.

— Разумеется, это ты не велел им сдаваться, зная, как трудно мне взять город приступом! — воскликнул он в гневе. — Если бы не память отца, я бросил бы тебя в тюрьму! А теперь даю я тебе сроку девять дней, по истечении которых не должно остаться и слуха о тебе ни здесь, ни во всей Кастилии!

Отправился мой Сид в свой замок, а оттуда со всеми своими вассалами в Толедо, к королю Альфонсо. Но испугались графы, рыцари и гранды, и стали они укорять дону Санчо за то, что оскорбил он такого рыцаря, как мой Сид. Испугался и сам дон Санчо, как пораздумал о том, что случилось, и послал за ним вдогонку просить Сиде вернуться и забыть все, что произошло.

Собрал мой Сид совет, и вассалы его сказали ему:

— Раз король извиняется, то уж лучше вернуться к нему!

Согласился Сид вернуться. Узнав об этом, дон Санчо выехал к нему навстречу с пятьюстами рыцарей. Завидя короля, сошел мой Сид с коня; дон Санчо обнял его. Вместе вернулись они к войску, и все кастильцы радовались возвращению Сиде.

Два рыцаря выехали из Саморы и тихо поехали по берегу Дуэро. Оба были с зелеными значками и на конях рыжей масти. Ярко сверкало их оружие — богатые мечи, пристегнутые у бока, щиты и широкие копыя.

Весело проезжают они перед лагерем Санчо, и кони их мчатся быстрее борзых собак. И много людей вышло из лагеря дону Санчо, чтобы посмотреть на приезжих рыцарей. Переправившись через Дуэро, остановили они коней и гордо сказали:

— Если есть между кастильскими рыцарями желающие сразиться с рыцарями из Саморы, мы охотно докажем им, что нечестно поступает их король, желая отнять у донны Урраки то, что дал ей на смертном одре их отец. Не хотим мы подчиняться такому неблагородному королю! Пускай выйдет, кто хочет, с его стороны и бьется с нами. Выходите, хотя бы втроем

против нас двоих, хотя бы вчетвером! Пусть выходит хоть сам черт, только не благородный Сид Кампеадор — он нам брат по оружию, и только не король Санчо — мы не хотим биться с королем!

Услыхали этот вызов двое из рыцарей короля Санчо и закричали в ответ:

— Подождите нас, рыцари! Дайте нам только вооружиться!

Поспешно вооружившись, потребовали они своих коней и пошли в шатер дон Санчо просить у него позволения биться с этими дерзкими рыцарями. Но мой Сид стал их удерживать.

— Рыцари эти известны своею храбростью, — говорил он, — при осаде Саморы вдвоем бились они против семерых — я сам это видел: молодой убил двоих, а старый — четверых; а за то, что упустили они седьмого и дали ему убежать, они сбрили себе бороды. Нет, не советую вам, графы, биться с ними!

Рассердились графы на Сида и грустно повернули было назад, но дон Санчо, видя их огорчение, позволил им вступить в бой, хотя и против своей воли.

В то время как графы вооружались, старый рыцарь сказал молодому:

— Оглянись на Самору, мой сын, на Самору и ее башни. Взгляни на дам и девиц, что смотрят на нас оттуда. Но не на меня, старика с седыми волосами, смотрят они, а на тебя, молодого и сильного юношу. Они прославят тебя, если поведешь ты себя как следует храброму рыцарю; оказавшись же трусом, покроешь себя вечным позором.

Не успел он произнести этих слов, как явились графы короля Санчо: один был в зеленой, другой в красной одежде. Кинулись противники друг на друга. Выбил было граф из седла молодого рыцаря, но старик, успев уже пронзить своего противника, кинулся к нему на помощь, и оставшийся еще в живых граф обратился в бегство.

При общем ликовании вернулись победители в Самору.

Вышел из Саморы Вельидо Дольфос и стремглав бросился бежать, спасаясь от сыновей доброго старика Ариаса Гонсале. Добежал он до лагеря Санчо и укрылся в палатке короля.

— Да сохранит тебя Господь, великий король!

— Здравствуй, Вельидо!

— Я твой вассал, государь, и стою на твоей стороне. А за то, что посоветовал я этому старику Ариасу Гонсале передать тебе ключи Саморы, которой лишили тебя ради твоей сестры, хотел он меня убить, и я только бегством спасся от смерти. Я пришел к тебе теперь, государь, чтобы служить тебе верой и правдой, как прилично это каждому дворянину. Я покажу тебе потаенный ход, который приведет тебя в Самору!

Но тут явился посланный из Саморы.

— Добрый Ариас Гонсале велел сказать тебе, — заговорил он, останавливаясь перед королем. — Обращаюсь к тебе, король всей Кастилии, и предупреждаю тебя, что ушел из Саморы Вельидо, а Вельидо этот — злой предатель! Если он в чем-нибудь обманет тебя, не приписывай этого нам!

Вельидо, стоявший около короля, держа его за руку, выслушал эти слова и возразил:

— Не верь, государь, тому, кто обвиняет меня! Он знает, что я могу показать тебе потайной ход, и боится этого!

— Верю тебе, Вельидо Дольфос, мой добрый служитель, — отвечал ему король, — и в знак моего доверия к тебе я, не медля ни минуты, пойду за тобой, и ты укажешь мне этот ход.

Король пошел вперед по указанной тропинке, а Вельидо сзади него. Когда вышли они из лагеря и король остался один и беззащитен, Вельидо Дольфос сзади насквозь пронзил его копьем, и король пал мертвым.

Издали видел все это Родриго де Бивар и, пришпорив коня, помчался за изменником, но тот от страха мчался быстрее ветра и скрылся за городскими стенами прежде, чем Воитель успел догнать его.

Так умер король Санчо из-за своего легковерия.

Мертвый лежит король Санчо! Убил его Вельидо Дольфос; он насмерть пронзил его длинным копьем. Плачет о нем вся Кастилия, но более всех оплакивает его дон Родриго де Бивар. Со слезами на глазах обращается он к телу короля:

— Добрый король, дон Санчо! В недобрый час решился ты, вопреки моему совету, отнять Самору у твоей сестры! Нарушил ты этим свое рыцарское слово! — Затем, обращаясь к присутствующим, прибавил: — Надо сейчас же выбрать рыцаря, который отомстил бы Саморе за вероломство!

Все были согласны, но никто не вызвался выйти на бой: все боялись Ариаса Гонсале и его четырех сыновей — молодых, сильных, ловких и честных. Все смотрят на Сида, надеясь, что он сам выйдет отмстить за короля. Понял их взоры рыцарь из Бивара и сказал им:

— Рыцари и гранды! Знаете вы, что не могу сам я биться против Саморы, потому что поклялся в этом при смерти короля Фердинанда. Но я могу указать вам рыцаря, готового биться за Кастилию, рыцаря, который ни в чем не уступит мне.

Тогда поднялся с земли дон Диего Ордонес, лежавший у ног короля. Это — цвет Лары и лучший рыцарь Кастилии.

— Если мой Сид поклялся в том, в чем он не должен был клясться, то не нужно нам его указаний! — крикнул он хриплым, сердитым голосом. — Найдутся среди нас рыцари не хуже самого Сида. Если вы согласны на это, я сам буду биться за честь Кастилии и отдам свою жизнь за короля!

Между тем как все гранды, рыцари и полководцы собрались в палатке на совет, дон Диего Ордонес из Лары в полном вооружении подъехал к стенам Саморы.

— Все вы изменники и предатели, жители Саморы! — кричал он, грозно потрясая оружием. — Все вы предатели, если можете терпеть в своих стенах Вельи-до, убийцу короля Санчо! Я проклиная вас всех и ваших предков вместе с вами! Выходите биться со мной, выходите — хотя бы впятером разом, и, по обычаю Испании, я буду биться с каждым из вас или даже со всеми вместе!

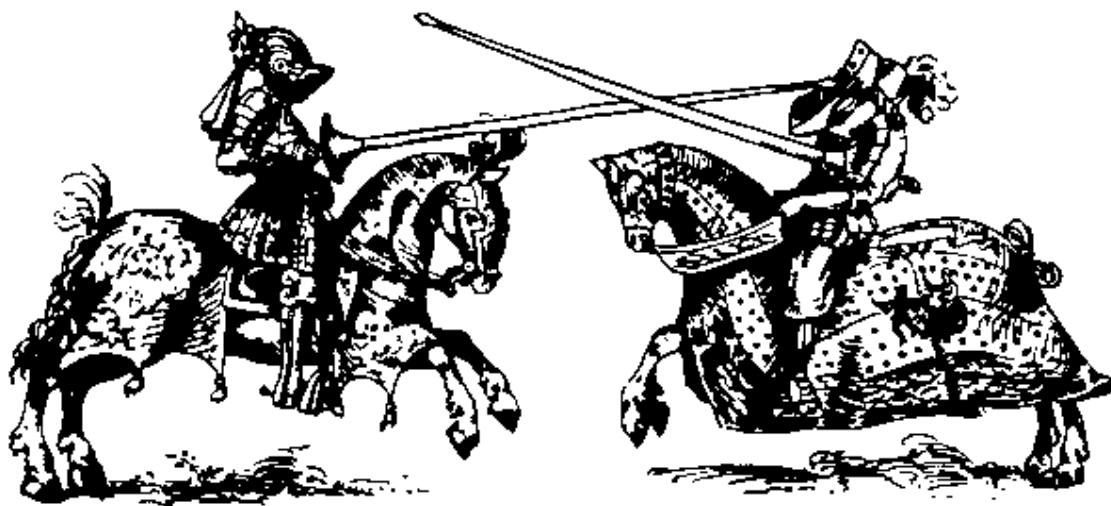
— Я принимаю твой вызов, — отвечал ему Ариас Гонсале, — и докажу тебе, что мы не то, что ты думаешь!

Но прежде чем выйти на бой, обратился он к жителям Саморы, прося сказать прямо, не замешан ли кто из них в этом деле:

— Лучше умереть мне пленником в земле мавров, чем быть побежденным, как злой предатель, в поединке на суде Божиим!

И отвечали ему все, как один человек:

— Своею волею, один, совершил это злое дело предатель Вельидо Дольфос. Не причастен никто из нас к этой смерти. Смело выходи в бой на Божий суд, Ариас Гонсале!

Огорчилась инфанта, донна Уррака, смертью своего брата и, опечаленная обвинением ее подданных в вероломстве, собрала во дворце своем совет. Все собрались там, кроме Ариаса Гонсале и его сыновей, и враги их начали уже было распространять о них клевету, как вдруг с достоинством вошел этот добрый старик со своими четырьмя сыновьями — все в длинных траурных плащах. Поцеловал он руку инфанты и, поклонившись собранию, сказал:

— Пришел я поздно, так как не люблю речей там, где нужны дела!

При этих словах сорвали они с себя длинные плащи и явились перед собранием в полном вооружении. Инфанта заплакала, гранды удивились и приветствовали их, потому что все давали только советы, но никто еще не вызвался биться.

Ариас Гонсале продолжал:

— Дон Диего Ордонес, храбрый рыцарь из Лары, своею кровью смоем с нас пятно такого подозрения. Я сам буду биться пятым после моих сыновей или первым до них. Добрый вассал приносит в жертву своему королю имущество, жизнь и свою славу!

Кончил свою речь Ариас Гонсале, и после его слов все встали и вышли вслед за ним из ворот в поле. Ариас Гонсале хочет биться первым, но плачет донна Уррака и удерживает его: без него не будет у нее надежного советника. Собрались и все рыцари вокруг старика и также стали упрашивать его.

Огорчился граф, но делать нечего. Подозвал он своих четырех сыновей и подал младшему из них, Педро, свой меч, свой щит и свое копье, передал ему своего коня и благословил на бой с врагом. Но перед боем надо было еще посвятить Педро в рыцари. Сам отец посвящал его. Воздвигли алтарь и стали курить ладаном в честь святого Георгия, святого Романа и святого Иакова Испанского. На столе лежало блестящее, как зеркало, оружие.

Епископ после обедни благословил порознь все оружие и передал его дону Педро и надел ему на голову сверкающий, как солнце, шлем, украшенный цветами и белыми перьями. Затем вышел вперед его отец и, обнажив свой меч, ударил им по плечу сына, говоря:

— Теперь, сын мой, ты — рыцарь, благородный гранд, с детства воспитанный в добрых нравах. Да пошлет тебе Господь терпение в трудах и счастье в битвах и да будешь ты грозою твоих врагов, опорой твоих друзей и сограждан! Не дружись, сын мой, с предателями и даже не гляди им в лицо. Да не будет обманут тот, кто доверится тебе: это значило бы обмануть самого себя. Прощай побежденному, когда он не в силах больше держать коня, и щади робкого; но не щади смелого и дерзкого — бейся с ним насмерть. Я посылаю тебя защищать Самору против дона Диего из Лары: кто не защищает своей родины, тот не имеет чувства чести.

И дон Педро поклялся священной книгою исполнить все, завещанное ему отцом. Тогда отец дал ему поцеловать крест и надел ему на руку щит, а донна Уррака пристегнула ему меч.

Вооруженный, выехал тогда дон Педро Ариас Кастилец из ворот Саморы и подъехал к дону Диего из Лары.

— Да сохранит тебя Бог, дон Диего, мой враг и противник! Да пошлет Он тебе счастье и да избавит тебя от предателей! Я вышел сюда на суд Божий, чтобы снять с нас подозрение в измене.

Но дон Диего гордо отвечал ему:

— Все вы до одного — предатели, и я это докажу вам.

Противники съехались и с такою силою напали друг на друга, что копья их разлетелись в куски с первого же удара, но сами они остались целы и невредимы. Тогда дон Диего занес меч над головой несчастного Педро, рассек ему шлем и раздробил череп. Однако дон Педро удержался за гриву коня и, собрав последние силы, хотел было еще раз нанести удар

дону Диего, но кровь застилала ему глаза, и удар его пришелся по коню противника. Круто повернув, умчал конь с поля битвы своего седока, несмотря на все сопротивление дона Диего.

Так кончилась битва, и не оказалось после нее победителя: дон Педро был убит, но и дон Диего бежал, хоть и невольно. Хотел он вернуться и снова биться с другим сыном Ариаса Гонсале, но судьи поединка не допустили этого:

— Нехорошо дважды испытывать Господа Бога.

Через старую потайную дверь, что остается открытою во все времена и века, вышло тридцать рыцарей, неся с собою красное знамя. Окруженная ими, медленно подвигалась разукрашенная погребальная колесница. Стоял на ней деревянный гроб, а в гробу лежало тело дона Педро Фернанда, сына Ариаса Гонсале.

Оплакивало его сто придворных дам. Все они были хорошего рода, все приходились роднею покойнику до третьего и четвертого колена: одни называли его двоюродным братом, другие — братом; одни говорили ему— дядя, другие — зять. Всех больше оплакивала его донна Уррака Фернанда.

Но старик Ариас Гонсале утешал и уговаривал их.

— О чем плакать? Зачем так отчаиваться? — говорил он. — Умер мой сын не в трактире и не за игрою в кости. Умер он, защищая Самору, защищая нашу честь; умер он как рыцарь — в битве!

Послала инфанта донна Уррака двух придворных с письмами к своему брату Альфонсо, бывшему тогда в Толедо при дворе мавританского короля. Ехали они в повозке дни и ночи и скоро приехали в Толедское царство, в малоизвестный город по имени Олис. Там встретили они Перансуреса, верного рыцаря дона Альфонсо. Он отвел послов в уединенное место и, убив их, захватил письма и тихонько пробрался в Толедо, никем не замеченный. Там отыскал он дону Альфонсо, которого очень любил, рассказал ему подробно все, что случилось у стен Саморы, посоветовал ему держать это известие в тайне от мавров. Но дон Альфонсо был мудр и понимал, что король все равно узнает об этом и, пожалуй, не выпустит его из своих владений.

— Хорошо ты сделал, что доверился мне, — сказал ему мавританский король, — потому что много расставлено у меня по дороге сторожей, и конных, и пеших, и если бы ты уехал без моего позволения, то плохо пришлось бы тебе. Но за твою верность я тебя награжу.

Затем сели они играть в шахматы.

Дон Альфонсо так хорошо играл и так много выигрывал, что рассердился на него мавританский король и закричал:

— Убирайся скорее из моих владений!

Дон Альфонсо очень обрадовался и с другом своим Перансуресом вышел из города, будто бы за тем, чтобы пострелять из лука. Там они сели на приготовленных в поле коней и выехали из Толедского царства. Выехали они в полночь, когда все уже спали. Звезды и луна освещали им путь. Они миновали монастырь Святого Августина, служивший украшением берегов реки Таго, спустились в долину, выехали на дорогу и ехали день и ночь, чтобы избежать погони.

Дон Альфонсо очень скоро прибыл в Самору, где с почетом был встречен сестрой и ее вассалами. Донна Уррака сказала ему:

— Тебя провозгласили все королем после смерти брата нашего Санчо, убитого предателем Вельидо. Один только Родриго не хочет признать тебя, пока не поклянешься ты, что Вельидо действовал без твоего ведома и желания.

Рассердился дон Альфонсо, но промолчал и поехал в Бургос. Там встретили его гранды и рыцари. Все они поцеловали руку короля, только Сид отказался, а с ним и его верные кастильцы.

— Вы наследник престола, — сказали они, — но, государь, вы должны произнести клятву, что вы неповинны в смерти короля, вашего брата, — ни вы, ни ваши люди, друзья или союзники.

— Хорошо, — сказал король, — я дам эту клятву в установленном месте и в установленном порядке.

Но в душе он очень сердился на Сиду.

Собралось в Бургосе множество грандов и рыцарей, и Сид потребовал, чтобы король явился в собрание со всеми двенадцатью рыцарями и чтобы и они вслед за ним поклялись, что неповинны они в смерти короля Санчо. Все поклялись, только один король замялся было, но все же сказал—таки под конец: «Аминь!»

Тогда Сид преклонил перед ним колена и признал себя его вассалом.

Поклялся король, что неповинен он в смерти своего брата, но поклялся нетвердым голосом и с гневом обратился затем к Сиду:

— Сегодня я по твоей милости должен клясться, завтра ты должен поцеловать мою руку!

— Я признал себя, государь, вашим вассалом после вашей клятвы, — ответил мой Сид, — но королевскую руку я целую по охоте, а не по приказу.

— Уезжай из моих владений! — вскричал король в гневе. — И чтобы я не видал тебя здесь ровно год и один день.

— Я должен повиноваться своему королю, — ответил на это Сид, — ослушаюсь я его только в одном: уеду не на год и один день, а на четыре года и четыре дня.

Раскланялся добрый Сид и уехал; уехали с ним и его триста храбрых рыцарей. Все они были во цвете лет, не было ни одного не только старого, но хотя бы с сединой в волосах.

Очень сердился король Альфонсо на Сиду и не знал, чем бы донять его. Тем временем мавританский король Али-Маймон стал жаловаться ему на Сиду, который вошел в его царство, дошел до самого Толедо и захватил семь тысяч пленных и много добычи. Уж и раньше король Альфонсо был сердит на Сиду, а теперь рассердился еще больше, а завистливые гранды подливали только масла в огонь. И послал тогда Альфонсо приказ Сиду через десять дней покинуть Бивар и выехать за границы Кастилии, Леона и всей Испании.

Мой Сид показал приказ своим друзьям, и все они вознегодовали на короля, изгнавшего такого храброго рыцаря, служившего верой и правдой его отцу и брату, и все они предложили Сиду служить ему и ехать с ним, куда он пожелает. Поблагодарил их мой Сид, согласился на их предложение и на другой день выехал со своими воинами из Бивара.

— Друзья! — сказал он им, выезжая. — Богу угодно было, чтобы мы покинули Кастилию и всю Испанию, но с Его же соизволения мы вернемся туда и богаче, и с большею славою, чем прежде.

На пути своем добрый Сид остановился в монастыре Сан Педро де Карденья. Донна Химена и его две дочери, донна Эльвира и донна Соль, сопровождали его и сделали богатые вклады. После обедни аббат с монахами подошел благословить знамя Сиды, его знамя с красным крестом. Тогда мой Сид, сняв плащ, взялся за кисть своего знамени и сказал:

— Знамя, освященное святым отцом! Кастилец берет тебя с собою в изгнание. Король изгнал меня, но отечество мое меня не отталкивает. Король Альфонсо! Дай Бог, чтобы ты не нуждался в моей руке! Несмотря на весь свой ум, ты отталкиваешь меня, но даже бесчувственные камни оплакивают меня. Однако, как вассал твой, я обещаю подчинить тебе всех соседей твоих, мавров, и отдать тебе все плоды моих побед! Месть вассала своему королю — есть предательство!

Потом надел он шлем и простился со своею женой Хименой и со своими дочерьми. Жене своей сказал он:

— Ты не должна выказывать огорчения во время моего отсутствия: добрый вассал должен слушаться короля, хотя и несправедливого. Проводи время в заботах о наших владениях и о детях. Главное, избегай праздности:

праздность и смерть одно и то же. Спрячь свои наряды до моего возвращения: жена в разлуке с мужем не должна наряжаться. Не отпуская от себя своих дочерей, будь серьезна со слугами, приветлива с дамами и осторожна с чужестранцами и во всем поступай как полноправная госпожа.

Затем, вскочив на коня, благородный Сид уехал, оставив в слезах донну Химену и своих дочерей. Еще в виду монастыря Сан Педро де Карденья обратился он к своим вассалам и сказал им:

— Вас у меня пятьсот благородных рыцарей, которые вызвались всюду следовать за мной, но теперь я изгнан королем, и пусть тот из вас, кто не захочет делить моего изгнания, спокойно возвратится домой.

Но все отвечали в один голос:

— Мы идем с тобою, Сид, и все, что ни прикажешь ты, мы исполним беспрекословно.

Плакали они и оглядывались, чтобы снова взглянуть на Бивар. Мой Сид вздыхал — было у него много печали. Приехал мой Сид в Бургос. Жители его подошли к окнам: все в слезах были они — так горевали бедные и говорили все одно и то же: «Лучше б не было вассала, если б добрый был король!» Они пригласили бы его к себе, да не смели: так гневался король Альфонсо, что еще до вечерней зари прислал в Бургос свою хартию; пришла она за большой печатью:

«Чтобы никто не оказывал гостеприимства моему Сиду Руй Диасу де Бивар, а кто ослушается меня, тот потеряет свое имущество, лишится глаз и погубит тело и душу».

Христиане были очень огорчены. Они прячутся от моего Сиды и не смеют ничего сказать. Кампеадор направляется к своему дому, подходя к дверям, видит он, что крепко заперты они из страха перед королем Альфонсо. Пока он не разобьет их силой, никто их ему не отперет. Зовет мой Сид своих слуг.

Те, что были внутри, не хотели отвечать. Мой Сид прищипорил коня и подскакал к двери; он высвободил ногу из стремени и толкнул ею дверь. Дверь не отворилась. Крепко была заперта она. Маленькая девочка девяти лет вышла из дому и сказала ему:

— Сегодня пришла хартия короля, запрещающая оказывать тебе, мой Сид, услуги: кто ослушается его, говорится в ней, потеряет свое имущество, глаза и еще свое тело и душу. Мой Сид, ничего не выиграешь ты от нашего несчастья. Пусть же Господь тебя сохранит, да сохранят тебя и все Его Святые!

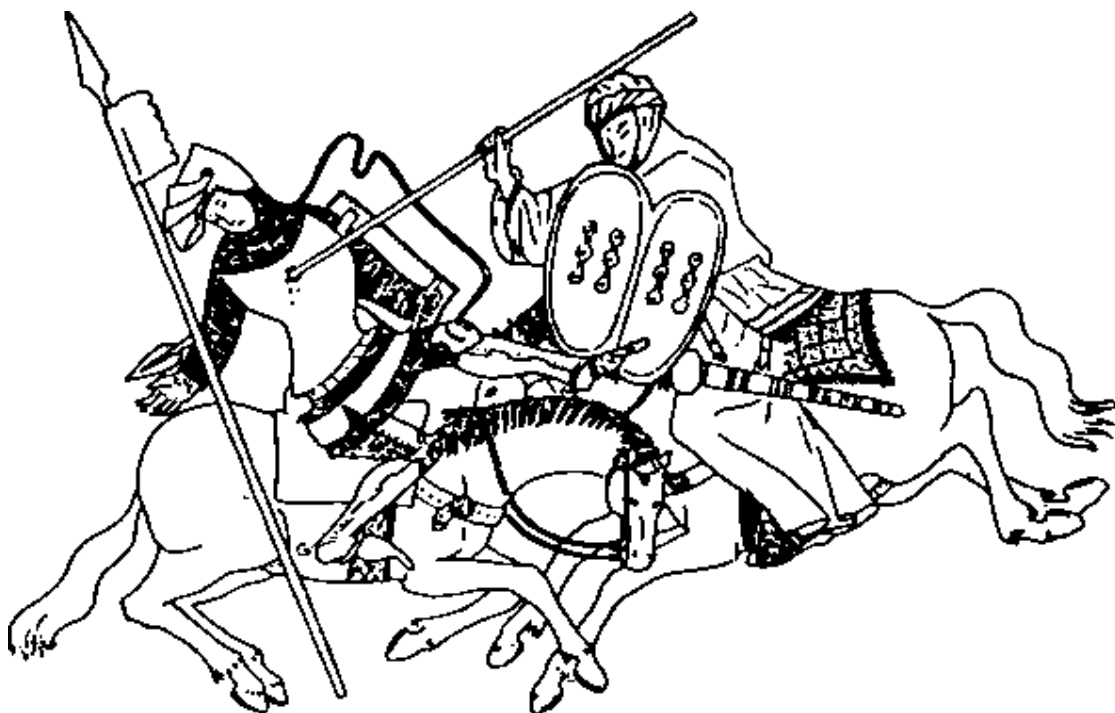
Отъехал Сид от своей двери и промчал через Бургос не оглядываясь.

Пришел мой Сид со своими рыцарями в землю мавров. Много битв выиграл он там, много замков захватил он и подчинил себе многих мавританских властителей. Так дошел он победителем вплоть до Валенсии, где было собрано множество сокровищ, и осадил ее. Каждый день выезжал он со своими рыцарями в поле и каждый день бился с маврами и всех их побеждал. Одних брал он в плен, другие оставались мертвыми лежать на поле битвы.

Валенсия окружена со всех сторон врагами. Она не может больше защищаться, и мавры из Толедо не хотят прийти к ней на помощь.

Видит это один старый мавр, не раз предсказывавший будущее. Взошел он на высокую башню и оттуда стал любоваться городом, и чем больше он любовался им, тем грустнее становилось ему и тем чаще он вздыхал.

— О Валенсия! — говорил он со слезами. — Если Господь не сжадется над тобой, погибнет твоя честь, а с нею исчезнут и все наши радости и утехи. Четыре камня, на которых зиждутся четыре угла твоих стен, хотели бы сдвинуться вместе, чтобы оплакивать твою гибель. Твои крепкие башни выдержали столько натисков, но скоро сыны твои, привыкшие любоваться ими, увидят их низвергнутыми во прах. Твоя река вышла из берегов, твои прозрачные ручейки теперь помутились и смешались с кровью; от твоих богатых и цветущих садов не осталось и следа: все они съедены голодным скотом; твои цветущие луга теперь голы и изрыты копытами коней; твои гавани и дороги служат твоим врагам! Твоя болезнь так опасна и твоя слабость так велика, что люди отчаиваются спасти тебя... О Валенсия! Не раз уже пророчил я то, что теперь оплакиваю здесь!

Взял Сид Валенсию, и позвал он к себе своего родственника Альвара Фаньеса.

— Иди к маврам, Альвар Фаньес, — сказал он, — вели предать земле мертвых и скажи этим несчастным, что наше сердце, ужасное в битве, нежно и мягко в мирное время: не нужны мне их сокровища — я не знаю, куда девать их; не нужны мне их пленники и пленницы — довольно у меня слуг и без них. Возьми ты тридцать серебряных монет и отвези их в монастырь Сан Педро де Карденья, а благородному королю Альфонсо, моему повелителю, отвези двести хорошо оседланных коней. А ты, Мартин Антолинес, поезжай прямо к Химене, дорогой моей супруге, расскажи ей о моих успехах и пропой ей о наших подвигах: любит она пение и гитару.

Покорил добрый король Альфонсо Руду и оставил там часть своего войска. Но без него напали на крепость мавры, взяли ее и засели в ней. Узнал об этом король Альфонсо и послал туда множество войска.

Испугались мавры и, пустившись на хитрость, послали сказать королю Альфонсо, что только ему одному сдадут они город и отдадут его миром, если он сам приедет к ним. Король согласился было, но двое из его рыцарей не допустили его ехать и сами поехали вместо него. Но не успели они въехать в крепостные ворота, как мавры убили их со всеми их провожатыми.

Очень огорчился король и, не зная, что делать, послал за изгнанником Сидом.

Явился Родриго к королю по его зову со всеми своими рыцарями. Увидав его, заплакал король, рассказал ему о своей беде и просил его отомстить.

И сказал тогда Сид, что согласен он опять служить своему сюзерену, но с условием, чтобы король дал ему обещание вперед не изгонять никого из рыцарей и грандов, не дав им тридцати дней срока для приведения в порядок их дел; не изгонять, не выслушав самого обвиненного, и строго соблюдать права своих вассалов.

На все согласился король, и Родриго, осадив коварных мавров, взял их голодом и как их самих, так и всех их сообщников выдал королю Альфонсо. Король велел их судить и казнить, а сам не желал уже расставаться с Сидом, и они вместе вернулись в родную Кастилию.

Не хотелось маврам отказаться от Валенсии, и не раз то тот, то другой из их королей нападали на нее, и Сиду всегда приходилось биться с ними. Но он так дорожил Валенсией, что почти не покидал ее и вызвал к себе туда свою жену Химену и своих дочерей.

Между тем двое родственников короля Альфонсо, два брата, графы де Каррион, видя, как возрастала слава Сиды и как неисчислимы были его богатства и земли, обратились к королю Альфонсо с просьбой посватать за них дочерей Сиды. Согласился Альфонсо и, как сват, обратился к Родриго.

Родриго спросил Химену, так как совет матери необходим в таком деле.

— Не лежит моя душа к этому браку, — сказала Химена, — не хочется мне родниться с графами де Каррион, хоть они и королевского рода. Но поступай в этом деле, как укажет тебе твоя мудрость.

Отправился Сид в Бургос, где находился тогда двор, а король, со своей стороны, вызвал туда обоих графов, чтобы Сид видел их и поговорил с ними. После обедни король отвел Сиды в сторону и торжественно сказал ему:

— Ты знаешь, дон Родриго, какую дружбу питаю я к тебе и как забочусь обо всем, что тебя касается. Теперь вызвал я тебя по важному делу: графы де Каррион, мои родственники, просили меня быть их сватом. Они были бы очень рады, если бы ты согласился выдать за них дочерей; дочери такого отца, разумеется, достойны самых лучших мужей. Графы так любят тебя и твоих дочерей, что я решился замолвить за них слово.

И Сид отвечал тогда королю, что как он сам, так и его семья и все его имущество принадлежат ему, королю, и что он не желает своею собственною властью выдавать замуж своих дочерей и предоставляет это самому государю; пусть он выдает их за кого хочет.

Поблагодарил король Сида за его преданность и велел выдать дочерям его в день их свадьбы из своей собственной казны по восьми тысяч марок серебра, а дяде невест, храброму Альвару Фаньесу, приказал находиться при них неотлучно до наступления того дня.

Тогда позвал он графов де Каррион и велел им поцеловать руку дон Родриго в знак их почтения к нему, что они и исполнили при короле, грандах и при всех придворных. Сид же пригласил на свадьбу всех присутствующих. Затем король отправился в свой замок, а Сида милостиво отпустил домой, и он вернулся в свою Валенсию, куда поехали за ним и графы де Каррион со своими рыцарями.

Там по воле короля дочери Сиды были обвенчаны с графами де Каррион. Сам епископ благословил их брак, и свадебные празднества продолжались целых восемь дней.

Несколько дней спустя после свадьбы задремал добрый Сид после обеда на своей разукрашенной скамье. Его зятя, Диего и Фернандо, охраняли его сон вместе с его племянником Бермудом. Они забавлялись тем, что по очереди рассказывали разные смешные истории, и, чтобы не разбудить Сиды громким смехом, закрывали рты руками.

Вдруг пронесся по замку крик:

— Берегитесь льва! Будь проклят тот, кто его выпустил!

Дон Бермуд не дрогнул, но оба брата забыли о рассказах и, вместо того чтобы броситься на помощь своим женам, в ужасе бросились бежать. Младший, Фернандо, первый кинулся спасаться и спрятался между спинкой скамьи, на которой дремал Сид, и стеной, в узком и очень пыльном углу; а старший нашел себе убежище еще того грязнее — когда его потом оттуда вытащили, то все затыкали носы и шарахались в сторону.

Толпа с криком вбежала в комнату, а вслед за нею и лев. Сид посмотрел на льва ясным и твердым взором и сказал ему что-то, и произошло чудо — лев, опустив хвост, пополз к его ногам, и Сид, поласкав его, обнял за шею и посадил в клетку, между тем как сбежавшаяся толпа была вне себя от удивления. Вернувшись спокойно на свое место, Сид спросил, где же его зятя.

— Один из них спрятался в темный угол, за спинку вашей скамьи, — сказал Бермуд, — чтобы оттуда лучше разглядеть лапы льва.

— Будьте спокойны, государь, — заговорил и Мартин Пельес, — сейчас приведут и другого брата: он от страха спрятался туда, куда и сам нечистый не толкнул бы его.

Немало смеялись тогда над братьями и их нарядным платьем, до того грязным и разорванным, что трудно было узнать их. Рассердился Сид и

стал упрекать их за трусость.

— Хорошо, — сказал он, — что не я выбрал вас себе в зятя, а то я задушил бы вас своими руками. Вот мои зятя, — продолжал он, обращаясь к своим рыцарям, — опора моей старости!

Возненавидели его с тех пор графы де Каррион и решили отомстить ему.

В то время как Сид отдыхал в кругу своего семейства, узнал он, что великий король Туниса, Букар, подошел к стенам Валенсии, чтобы отнять ее у христиан. Много было с ним войска — и конного, и пешего. Сид, как хороший полководец, подумал и о съестных припасах, и о защите стен и башен. Но прежде чем выйти со своими войсками на поле битвы, обратился он к своей жене Химене с такою речью:

— Если, пораженный насмерть, я останусь на поле брани, отвези меня, моя Химена, в наш монастырь Сан Педро де Карденья: попроси монахов похоронить меня у алтаря Иакова Испанского — нашего покровителя в битвах. Не оплакивай меня, чтобы мои храбрые воины, услышав твои жалобы и узнав, что меня нет с ними, не бежали с поля битвы, оставя его нашим врагам; чтобы на одной стороне кричали: «К оружию!», в то время как на другой будут хоронить меня. И если Господь сохранит коня моего Бабиека и он будет ржать у твоей двери —пусти его, приласкай и давай ему до смерти его полное содержание: кто служит доброму господину, должен ждать доброй награды. А теперь сама надень на меня мою кольчугу, пристегни мой шлем. Но торопись — уже светает, и мавры ждут нас. Благослови меня и будь счастлива!

Затем вышел Родриго из стен Валенсии, чтобы биться с королем Букаром, и взял с собою своих зятьев, графов де Каррион.

— Держись, дворянин! Держись на коне! Так скоро мчать — пожалуй, и с коня долой! Бежишь ты, дон Диего де Каррион, от одного слабого мавра, бежишь при всех с бранного поля! — кричит вслед старшему зятю добрый Перо Бермудес, старый оруженосец Сиды. — Если не хочешь ты умереть, как храбрый дворянин, с мечом в руках, то зачем же остаешься ты здесь, с будущими мертвецами? Рано или поздно все мы будем убиты, и в этом наша гордость! Отправляйся—ка лучше в Валенсию и оставайся там с дамами: ты, вероятно, не более их способен сражаться. Бог накажет тебя, трус! Остановись, беглец! Вон стоит мавританский конь без седока — возьми его и скажи, что ты победил его всадника. Для Сиды сделай это — я обещаю тебе молчать. Я же пойду помогать моему старому дяде, награжденному такими храбрыми зятьями.

На младшего из них, Фернандо, напал огромного роста мавр с толстым копьем. Увидав его, зять Сиды прищипорил своего коня — и был таков! Никто не видал его бегства, кроме графа Орданьо, племянника доброго Сиды. Кинулся Орданьо на мавра и пронзил его насквозь своим копьем. Мавр упал мертвый. Захватил дон Орданьо вооружение и коня мавра и поскакал за графом де Каррион.

— Послушай, родственник мой, Фернандо! — закричал он ему. — Возьми этого коня и это оружие и скажи, что это ты убил мавра. Никогда, до последнего моего часа, никому не скажу я, что это было не так!

Пока говорили они, подскакал к ним сам Сид. Он только что убил одного мавританского вождя.

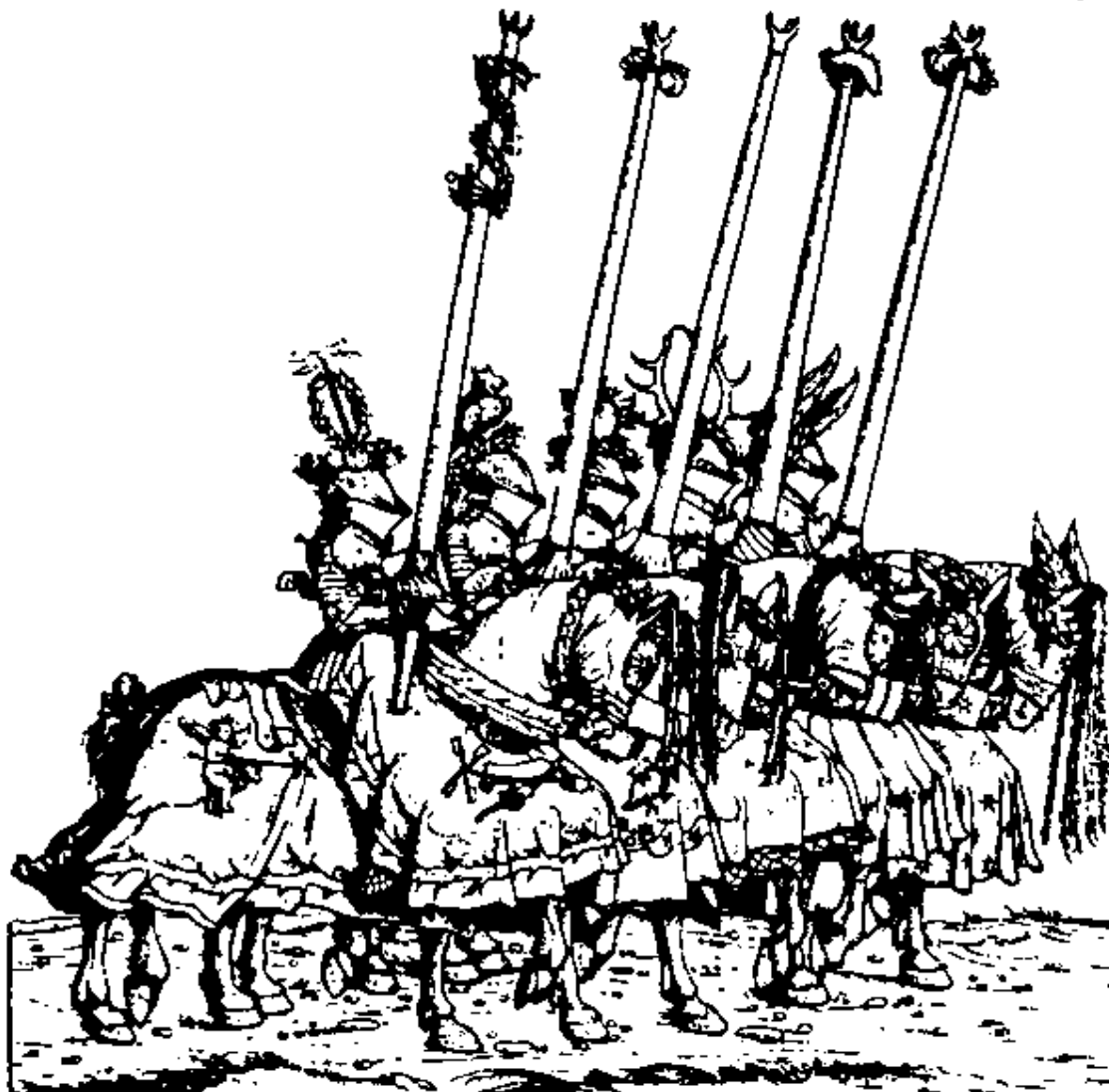
— Вот и твой зять сейчас только убил большого мавританского храбреца, — сказал дон Орданьо, — вот его конь и его меч!

Обрадовался Сид, поверив графу Орданьо, и, похвалив зятя, взял его с собой. Поскакали они рядом: в битву — Сид, а из битвы — Фернандо. Но не пришлось ни тому ни другому похвастаться своими подвигами: все мавры бежали при виде Сиды.

Сговорились между собою братья де Каррион и по совету своего дяди, Ассура Гонсалеса, решили оскорбить Сиды, нанеся его роду великую обиду. Собрались они домой в свои земли и стали просить Сиды, чтобы отпустил он их вместе с женами. Позвал Сид дочерей и приказал им собираться в путь вместе с их мужьями, а сам сказал зятьям:

— Помните, что ваши жены — благородные дамы и что вы должны обращаться с ними вежливо.

Оба обещали ему это.

Уехали графы, и добрый Сид со своими рыцарями выехал их провожать. После часу пути простился с ними Сид и плакал, расставаясь с дочерьми. А затем, словно предчувствуя измену, позвал он своего племянника Орданьо и велел ему украдкой следовать за графами и следить за его дочерьми, так как сердце его было беспокойно за них.

Сначала ехали графы со своими женами владениями Сиды, и везде встречали их с большим почетом. Так доехали они наконец до монастыря Сан Стефано, на берегу реки Дуэро. Остановившись в густом лесу, велели они своим женам сойти с мулов, на которых те ехали, а людям своим приказали продолжать путь, не останавливаясь, и, когда все удалились, графы привязали своих жен за их длинные косы к деревьям, говоря:

— Ваш отец насмеялся над нами за то, что мы испугались льва, пусть же теперь посмеется он, когда вас растерзают дикие звери. Нам же не нужно жен такого низкого рода!

Затем они ускакали, догоняя свою свиту.

— Они остались в безопасном месте, — отвечали они, когда их спросили, куда же делись их жены.

Дочери Сиды плакали и звали на помощь, хотя и не надеясь, чтобы кто-нибудь услышал их. Но Орданьо поспешил на их крики и, отвязав их от деревьев, попросил подождать, пока он найдет им убежище. Случайно набрел он вскоре на хижину одного земледельца. Часто останавливался у него Сид, а потому охотно пошел он с Орданьо к тому месту, где ожидали его дочери Сиды. Земледелец укрыл их в своей уединенной и хорошо защищенной хижине, а его жена и дочери прислуживали им.

Орданьо же поспешил в Валенсию и рассказал Сиду о том, что случилось. Жена Сиды Химена плакала так, что слезы ее лились как ручей; сам же Сид не выказал горя, но послал к королю Альфонсо уведомление о том, как оскорбили его зятя.

Очень рассердился король, узнав о поступке своих родственников, и собрал кортесы в Леоне, Толедо и Бургосе, с тем чтобы дать полное удовлетворение Сиду.

После праздника святого Петра собрал Сид в своем замке друзей, союзников и вассалов и сказал им:

— Вы знаете, друзья мои, о походе моих зятев и о том, как оскорбили они меня. Теперь король собрал кортесы и в Леоне, и в Бургосе, а главный — в Толедо, и должны мы по его приказанию явиться туда для суда не позже как через тридцать дней. И теперь прошу я вас, моих благородных друзей, ничего не говорить об этом деле в кортесах, не роптать на короля, если он, по нашему мнению, рассудит нас несправедливо. Отомстить вероломным графам — мое дело, и никто не должен вмешиваться в него.

На другой день с рассветом раздались по Валенсии звуки шести сборных рожков дон Родриго де Бивара. Это добрый Сид собирал своих друзей, родных и союзников, чтобы ехать в Толедо, где ждал его король. Все пространство вокруг его замка было покрыто воинами, гражданами, их женами, детьми, пришедшими взглянуть на доброго Сиды, отправлявшегося в Толедо. Простился Родриго со своими людьми, сел на Бабиека, словно чувствовавшего горе своего господина, и без плаща выехал на площадь к собравшемуся народу, а оттуда со своими войсками отправился он в Толедо.

В один и тот же день, в один и тот же час в трех местах созвал король кортесы, чтобы одновременно судить и великих и малых, и дал он срока на сборы не более тридцати дней, а кто придет позже — должен считаться изменником.

Прошло уже двадцать девять дней, и приехали в Толедо графы де Каррион, а Сиды все еще не было. Кончился и тридцатый день, а его все не было, и враги его сказали тогда:

— Государь, объяви Сиды изменником.

Но король отвечал им:

— Не сделаю я этого, потому что Сид — добрый рыцарь: много выиграл он битв, и во всех кортесах нет у меня другого, ему подобного.

Не успел проговорить это король, как явился Сид, а с ним его триста рыцарей.

— Господь да сохранит короля и вас всех! Кланяюсь вам! Но я говорю не о графах де Каррион, моих врагах.

Тогда встали графы и сказали:

— Мы потомки королей, племянники императора. Как могли мы жениться на девушках из такого низкого рода, из рода хлебопашцев?

И возразил Сид:

— Сам государь вызвал меня к себе и сказал: «Я сам буду сватом: графы де Каррион хотят взять за себя твоих дочерей — выдай их ради меня». Тогда отвечал я с уважением и любовью: «Я спрошу об этом у их матери, давшей им жизнь; я спрошу об этом у их кормилицы, выкормившей их». Мать их сказала мне: «Нет, не делай этого, слишком высокого рода графы де Каррион!» «Не делай этого, — сказала мне кормилица, — графы бедны, но горды и требовательны». Однако, чтобы не огорчить доброго короля, согласился я. Свадебные пиры продолжались тридцать дней и кончились лишь потому, что гости не могли оставаться дольше. Я зарезал до ста штук крупного скота, что же касается до кур, уток, козлят и телят — то их и не перечесать. — Король внимательно смотрел на Сиды, но ничего не говорил, и Сиды закончил свою речь: — Пусть справедливый суд сойдет с неба, если вы откажете мне в нем! — Смутились гранды: друзья от волнения, враги от страха. — Привык я сам мстить за себя и омыwać свою честь кровью предателей. Мои дочери, донна Эльвира и донна Соль, оскорблены, но не за местию пришел я сюда, а за правосудием. Если же не получу я здесь справедливого суда, то сам буду мстить графам и всему их роду до последнего человека. Подумайте, государь, о моей чести, и пусть Господь позаботится о вашей!

И, сказав это, Сид повернулся и вышел, а король встал и приказал трубить в трубы, сзывая кортесы.

В Толедо кортесы собрались во дворце Гальяна. Богато разукрашенное кресло короля стояло на самом видном месте, а вокруг него стояли скамьи со спинками, на которых должны были сидеть гранды, рыцари и судьи.

Но Сид позвал своего оруженосца и велел ему принести еще скамью со спинкой, привезенную им из Валенсии и принадлежавшую когда-то мавританскому королю, и поставить ее рядом с королевским креслом, приказав нескольким оруженосцам охранять ее до следующего дня. И принесли скамью резную, тонкой работы, покрытую дорогою шелковою тканью, вышитою золотом и драгоценными камнями.

На другой день король отслушал обедню и направился во дворец с большим числом рыцарей, но Сид остался дома.

Явился тогда во дворец дядя графов де Каррион, Ассур Гонсалес. Был он в длинном горностаевом плаще и шел, слегка пошатываясь, с раскрасневшимся лицом, прямо от завтрака. В речах его обыкновенно бывало мало умного.

— Рыцари, — заговорил он, — видали ли вы когда-нибудь такие судбища? Где же сам Сид? Верно, отправился он воевать с мельниками и забирать себе помол, как это он обыкновенно делает. И кто это надоумил его породниться с де Каррионами?

Вскочил тогда на ноги Муньо Густиас:

— Молчи, злодей и предатель! Ты завтракаешь прежде, чем побывать у обедни; ты не говоришь правды ни другу, ни государю; всем лжешь ты, и даже Господу Богу! И я заставлю тебя признаться, что ты именно таков, каким я тебя изображаю.

— Никто не должен здесь говорить дурно о Сиде, — сказал король, — он лучший рыцарь нашего королевства.

И решено было вызвать трех бойцов со стороны Сиды, чтобы биться им с графами де Каррион и дядей их, Асуром Гонсалесом. В то же время был отдан приказ собраться всем ровно через тридцать дней — для решения дела поединком, а брак дочерей Сиды расторгнуть немедленно.

Не успел король оставить кортесы, как явились к нему послы из Наварры и Арагонии и передали дону Альфонсо письма от своих королев: просили они дочерей Сиды в замужество за своих сыновей. Сейчас же согласился Сид и, обрадованный, отправился в Валенсию готовить все к свадьбе и пиршествам.

Уехали и графы де Каррион, сильно трусившие в душе, и решили, что не вернутся они в Толедо на поединок.

Прошло тридцать дней. Приехали в Толедо рыцари Сиды, вызванные для поединка, — не было только графов де Каррион и их дяди. Тогда дон Альфонсо, не желая оставить дело спорным, сам поехал в де Каррион и захватил с собою из Толедо шесть судей поединка. Зять короля, дон Раймонд, повез с собою рыцарей Сиды, что должны были биться за его честь. Приехав в де Каррион, разбили они себе палатки в долине.

Делать нечего, явились тогда и графы со своим дядей Ассуром Гонсалесом, первым предателем в мире, и привели с собою своих родных, которых было у них великое множество. И решились они, добром или хитростью, убить рыцарей Сиды до суда Божия. Но те и сами понимали, в чем дело.

— Государь, — обратились они к королю, — Родриго де Бивар отдал нас под ваше покровительство; не допустите же сгубить нас хитростью раньше поединка, прежде чем Господь совершит Свой суд.

Тогда разослал король по городу герольдов, велел трубить в трубы и возвещать такое его решение: тот, кто окажется предателем и нанесет вред рыцарям Сиды до суда Божия, будет лишен жизни и имущества.

На другое утро отмерили арену в шесть копий в длину, столько же в ширину и расчистили ее для боя, и судьи поединка предупредили бойцов, что тот, кто выйдет за черту арены, будет считаться побежденным. Солнце и тень поделили между сторонами поровну. Затем судьи ушли с арены, и бойцы стали друг против друга. Вот стоят сторонники Сиды на одной стороне, а графы де Каррион со своим дядей — на другой. Бойцы плотнее прижимают к себе свои щиты, опускают копья, украшенные значками, и припадают к луке; кажется, сама земля дрожит под ними, и каждый из них внимательно следит за врагом.

Но вот выехал вперед король и сказал громким голосом:

— Инфанты де Каррион! Поединок, на который я согласился, должен был быть в Толедо, а не в ваших владениях. Но вы сказали, что там у вас не будет всего вам необходимого. Из вежливости я приехал в вашу землю. Я привез сюда и рыцарей Сиды — они доверились мне, положась на мое слово и на мою честь. И я предупреждаю вас и ваших сторонников, что тот, кто поступит с ними вероломно, будет привязан к коням и пущен в поле — и никто не посмеет спасти его!

Рассердились графы при этих словах короля, но делать было нечего, и пришлось им биться в честном бою. Между тем король подал сигнал.

Фернандо де Каррион бился с Педро Бермудесом и, видя, что не избежать ему смерти от твердой руки Педро, признал себя побежденным.

Мартин Антолинес из Бургоса бился с другим де Каррионом. Мартин нанес ему сильный удар мечом, рассек шлем, и Диего упал без движения на луку седла; потом, придя в себя, стал он кричать от боли, а конь его вынес его за черту арены, и тогда признал он себя побежденным.

Третья пара — Ассур Гонсалес и Нуньо Густииос — дрались дольше, и последнему пришлось было плохо, но правда была на его стороне, и он ссадил с коня злого предателя и хотел было уже отрубить ему голову, но взмолился к нему отец Ассура:

— Не делай этого: сын мой и так побежден!

Нуньо Густииос спросил тогда судей, можно ли считать поединок оконченным. Но судьи сказали:

— Нет, пока Ассур Гонсалес не признает этого сам.

Придя в себя, и он признал себя побежденным.

И с этого дня объявил король графов де Каррион предателями, так же как и дядю их Ассура Гонсалеса, помогавшего им своими советами.

Они уехали из своего королевства и никогда уже не смели смотреть в глаза людям. Честь же Сиды была восстановлена, и рыцари его вернулись в Валенсию, где пиры и празднества продолжались целую неделю.

Долго жил в Валенсии Сид, и очень устал он от постоянных забот, устал он от множества битв, как вдруг пришло известие, что мавританский король Букар снова подошел к Валенсии с тридцатью королями, столь же храбрыми, как и он сам, и со множеством войска — и пешего, и конного.

Между тем добрый Сид лежал на своем ложе, обеспокоенный и печальный. Он молил Бога о том, чтобы спас Он их всех от этой большой беды, как вдруг увидал около себя человека в блестящей белой одежде.

— Спишь ты, Родриго? — спросил он его. — Если спишь, то проснись!

— Но кто же ты, пришедший ко мне?

— Я пришел возвестить тебе, что приходит тебе пора оставить этот мир. Ты умрешь ровно через тридцать дней от нынешнего дня. Господь из любви к тебе дарует твоему войску победу над королем Букаром. Сам же ты, Родриго Кампеадор, оплакивай свои грехи, чтобы смерть не застала тебя нераскаявшимся.

Очень болен Сид: осталось ему всего два дня жизни, и позвал он к себе свою любимую жену, донну Химену, и епископа Иеронима; позвал Альвара Фаньеса, Педро Бермудеса и своего самого близкого слугу и друга — Жиля Диаса. Все собрались они вокруг него, и Сид сказал им:

— Вы знаете, что король Букар подходит к Валенции, чтобы отнять ее у нас; ведет он с собою большое войско, и много королей следует за ним.

Первое, что вы сделаете, когда душа моя покинет мое тело, — вы набальзамируете его благовонными травами.

А ты, моя добрая Химена, со своими подругами, не плачьте громко, когда я умру, и не наряжайтесь в траур: если узнают мавры, что нет меня на свете, они возьмут Валенсию, разграбят наши сокровища, а вас всех умертвят. Напротив, когда пойдет Букар, велите всему войску стать на стены, бить в барабаны, трубить в рога и выказывать великую радость.

И ты, Химена, уезжай тогда в Кастилию, захвати свои богатства и возьми с собой все христианское население города, а мусульман, способных изменить нам и погубить нас своею изменою, вели связать и запереть. Когда все будет готово, пускай оседлают моего Бабиека и посадят меня на него, как живого, чтобы мавры не догадались о моей смерти, и пусть мой верный друг, Жиль Диас, ведет под уздцы моего коня, а племянник мой, Педро Бермудес, везет передо мною мой боевой значок, как делал он это при моей жизни.

Ты же, Альвар Фаньес, поведешь войско в битву, и оно победит врага. Затем вы отведете моего коня Бабиека в Кастилию, и пускай он живет там в замке у Химены, а после его смерти вы зароете его в землю, чтобы не досталось его тело на съедение диким зверям и собакам. Он был мне верный друг и товарищ.

Пускай похоронят меня в монастыре Сан Педро де Карденья и раздадут бедным и неимущим все то из моего имущества, что не раздал я при жизни моей жене, моим дочерям и друзьям.

Пускай жена моя Химена возьмет себе все города и замки, которые завоевал я сам своим мечом. Дочерям оставляю все свои драгоценности — я не могу наделять жен чужих королей городами и землями Кастилии. Замок же мой Бивар пусть идет в мой собственный род, из которого вышел я сам. Другьям моим отдаю все свое оружие, коней и все доспехи. Все же города и земли, дарованные мне моими государями за мои победы, — возвращаю я своему королю.

Мертвый лежит добрый Сид Кампеадор. Жиль Диас, его верный слуга, исполняет его приказания.

Двенадцать дней уже прошло со дня его смерти, наконец на тринадцатый показался авангард Букара. На рассвете выехал Сид, как живой, из ворот Валенсии на своем Бабиеке, и верный его друг и слуга Жиль Диас вел коня под уздцы. Перед ним развевалось его знамя. Вслед за ним шли его верные рыцари и все его верные войска, а за войсками ехала жена его Химена со своею свитою.

Тихо и молча вышли они из Валенсии в то время, как разгоралось утро — ясное и теплое.

В это же время Альвар Фаньес стал во главе войска и напал на несметных врагов. Показалось тут Букару и сопровождавшим его тридцати королям, что идет на них не менее шестидесяти тысяч христиан, одетых в белые, как снег, одежды, и между ними их предводитель на белом коне и с белым знаменем в руках. Испугался Букар с тридцатью королями, бежали они с поля битвы и бросились к морю, где стояли их корабли. Альвар Фаньес с войском погнались за ними, но Букар успел — таки вскочить в лодку и отчалить от берега.

Добрый король Альфонсо, узнав о смерти моего Сида, приехал в монастырь Сан Педро де Карденья, а за ним приехало много народа из Кастилии, из Леона и из Толедо поклониться телу Сида. Короли Арагонский и Наваррский с супругами, дочерьми Сида, горько плакали у его гроба.

Донна Химена велела положить тело Сида в черный гроб — столь же черный, как ее печаль. Плакала она потом всю свою жизнь и не могла наплакаться.

Не стало доброго Сида, но имя его не умрет никогда. Он покинул мир в день святой Троицы. Да спасет его Христос! Да будет мир с нами всеми, праведными и грешниками!

Такова история моего Сида Кампеадора. Здесь кончается рассказ. Тому, кто написал эту книгу, не откажи, Господи, в Царствии Божием! Аминь.

Отец аббат написал ее в мае месяце, в год тысяча двести сорок пятый.

СКАЗАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ ГЕРМАНИИ

Проклятие миннезингера

Пересказ О. Петерсон в редакции Н. Будур

Посреди цветущей долины Урфы высится одинокий голый утес; на одном из откосов его, высоко, у самой вершины, виднеется груда камней.

Предание говорит, что в прежние годы был здесь неприступный замок злого барона Штольценберга; замок этот стоял в густом лесу и наводил ужас на всю окрестность.

Барон Штольценберг только и думал о том, как бы покорить себе чуть ли не всю Германию и на всех нагнать страх одним своим именем. Воины его топтали нивы, поджигали крестьянские дома; сам же он охотился на людей, как на красного зверя, и могущество его росло день ото дня; имя его наводило ужас на всех, и удача способствовала ему во всех его злодеяниях.

— Продал барон свою душу дьяволу! — говаривали все, знавшие Штольценберга.

Было у барона много земель и владений, но ему все это казалось еще очень мало: беспрестанно ходил он войной на соседей, и много разной добычи привозил в свой замок; погреба его замка были полным-полнехоньки, в кладовых его не было уже места, а он все грабил и притеснял народ.

Вконец разорены были окрестные города и деревни.

Раз, в холодный зимний день, когда барон сидел со своею молодой женой перед пылающим очагом, ему доложили, что пришли два миннезингера. В те времена считалось невозможным не принять певца, если он приходил в замок, и как ни был жесток и скуп Штольценберг, но и он не посмел идти против обычая, а потому велел ввести в зал миннезингеров и собрать всех обитателей замка послушать их; таков тоже был обычай, установившийся в те времена.

Вошли два миннезингера и низко поклонились присутствующим. Один из них был почтенный, убеленный сединами старик, другой — только

что начинавший жить юноша.

Взяв свою арфу, старик запел про старину, про старые битвы, походы и подвиги, про предков владельца замка. Благосклонно слушал его суровый барон и ждал, что начнет теперь воспевать он и его подвиги. Но замолчал старый певец и, поклонившись собранию, отошел к стене зала. Нахмурился Штольценберг, но смолчал.

Выступил тогда юноша и запел он про любовь, рыцарскую доблесть и честь и про кару Господню, что ждет злых и скупых, про страдания бедного, угнетенного народа на берегах зеленой Урфы.

Плакали все обитатели замка, слушая этого певца; даже молодая жена Штольценберга бросила певцу розу с груди своей. Все слушали певца: мощные звуки его песни, как звуки церковного органа, крепили, поднимались, неслись все дальше и дальше, все выше и выше...

Слушал их старый барон и, хмуясь, играл своим копьём.

Не успел кончить юноша своей песни, как сердце его было насквозь поражено копьём старого злодея, и упал молодой певец, обливаясь кровью...

В оцепенении замерли присутствующие... и только старый миннезингер, подойдя к телу своего молодого товарища и завернув его в свой плащ, поднял его на плечи и молча удалился. Но на пороге разбил он арфу молодого певца и, обратясь лицом к замку, произнес свое грозное проклятие:

«Да будет проклят отныне этот гордый замок! Пусть никогда не раздастся в стенах его ни песен, ни звуков органа или арфы, пусть слышатся здесь только вопли и стоны!

Пусть ни одно дерево не растет в садах замка, не распускается ни один цветок на откосах его горы! Пусть отныне будет она превращена в серую пустынную скалу, и пусть бежит отсюда все живое!..»

Произнеся это проклятие, старый миннезингер исчез со своею ношей.

На другой день был большой пир в Штольценберге — пиновала с бароном вся его дьявольская дружина, как все звали его сообщников.

Вдруг целая стая ворон с громким криком кинулась в окна замка и, разбив их, влетела в залу, где пировал барон со своими гостями. Свечи, стоявшие на столе в великолепных подсвечниках, погасли, и черная мгла сразу окутала пирующих.

Штольценберг побледнел и в первый раз во всю свою жизнь он попробовал молиться... Но в эту минуту послышался страшный подземный удар, скала, на которой стоял замок, разверзлась, и замок Штольценберг исчез бесследно.

На другой день прибежали окрестные жители посмотреть, что случилось с замком, но на месте его увидали они только черную пропасть.

Говорят, что барон Штольценберг до сих пор появляется около скалы, на которой был его замок; является он чаще всего в образе черной собаки, которая сторожит зарытый будто бы здесь клад. И теперь еще встречается немало охотников добыть этот клад, но никто еще не нашел его.

Проклятие миннезингера исполнилось: до сих пор ни трава, ни деревцо, ни цветок не распускаются на этой голой скале: ничему живому нет места на утесе, когда-то покрытом густым лесом и где возвышался в старину замок Штольценберг.

Песнь о Нибелунгах

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон

I

О НИБЕЛУНГАХ

Много чудесного рассказывают в старых сказаниях о славных героях, о великих подвигах, празднествах и пирах, о плаче и жалобах; много чудесного можете вы услышать о боях отважных богатырей.

Выросла в Бургундии девушка высокого рода и такая прекрасная, что ни в одной стране нельзя было найти лучше ее. Звали ее Кримхильдой, и много бойцов положило за нее свою жизнь.

Жила она на попечении трех братьев, богатых и славных королей; их звали Гунтер, Гернот и Гизельгер. Богатая королева, фрау Ута, была их мать; отца же их звали Донкратом; после смерти оставил он им большое наследство, а в молодости и сам заслужил большую честь и славу.

Молодые короли славились высоким родом, щедростью, необычайной силой; их знали за искуснейших бойцов. Земля их звалась Бургундией, а потом немало подвигов совершили они и в земле Этцеля.

Жили они со своею дружиною на Рейне, в городе Вормсе, и служило им много доблестных рыцарей. Был между ними и Хаген из Тронье, и племянник его Ортвин из Меца, и брат его Данкварт Быстрый; были два маркграфа: Гере и Экеварт, Фолькер из Альцейля и еще немало других, которых я не могу и назвать, и никто не сумел бы перечесть всех доблестей и подвигов окружавшего их рыцарства.

Но вот раз приснился Кримхильде сон, будто приручила и воспитала она сокола, сильного и дикого, а два орла стали клевать его на ее глазах, и, казалось, на земле не могло быть для нее большего горя.

Рассказала она этот сон матери своей Уте.

— Ничего хорошего не предвещает тебе твой сон, — отвечала ей Ута. — Сокол, которого воспитала ты, — благородный муж, и да сохранит его Господь, суждено тебе скоро его потерять.

— Зачем говоришь ты мне о муже, милая матушка? Не хочу я знать любви богатыря и лучше до смерти останусь незамужем, чем нажить себе из-за мужа беду и горе.

— Не говори так необдуманно, — уговаривала ее мать, — Только любовь мужа даст тебе истинное счастье на земле. Ты красивая девушка, и Господь пошлет тебе такого же прекрасного рыцаря.

— Не уговаривай меня, матушка, — отвечала Кримхильда, — судьба многих женщин показала уже, что за любовь часто приходится платить горем. Избегая того и другого, я надеюсь навсегда миновать беды.

Не знала еще любви в своем сердце Кримхильда, и так, безмятежно, прожила она еще много счастливых дней, а потом с честью вышла замуж за одного могучего богатыря. Богатырь этот и был тот сокол, о котором говорила ее мать. И как же отомстила она за его гибель ближайшим своим

родным! Много матерей поплатилось тогда жизнью своих детей за одну его смерть.

II

О ТОМ, КАК РОС ЗИГФРИД

На Нижнем Рейне, в славном городе Ксантиене, у короля Зигмунда и жены его Зигелинды подрастал сын Зигфрид. Зигфрид с детства отличался красотой, мужеством и силой, а родители его учили и воспитывали его и делали все, что могли, для того, чтобы впоследствии он мог со славою и честью править своим царством. Когда Зигфрид настолько вырос, что постиг всю военную науку и мог уже без труда носить оружие, король Зигмунд устроил великолепнейший пир и созвал на него множество народу. После пира король Зигмунд посвятил сына в рыцари, а вместе с ним и еще четыреста юношей. После семидневных празднеств и турниров король Зигмунд, распустив гостей и шпильманов с богатыми дарами, наделил сына землями и городами. Вассалы хотели было, чтобы он стал править вместо короля Зигмунда, но Зигфрид не согласился на это: пока живы Зигмунд и Зигелинда, он королем не будет, но всегда готов защищать свою родину от врагов.

III

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД ПРИЕХАЛ В ВОРМС

Так беззаботно жил Зигфрид, пока не услышал, что есть в Бургундии молодая девушка необычайной красоты. Недаром съезжалось к Гунтеру множество гостей и женихи наперерыв старались снискать любовь Кримхильды. Но Кримхильда не знала еще того, кого было ей суждено полюбить. Между тем Зигфрида не покидала мечта о высокой любви, — сам он, конечно, вполне мог заслужить любовь любой красавицы.

Дружина его и родные стали ему советовать выбрать себе невесту по сердцу, и Зигфрид отвечал: «В таком случае я возьму Кримхильду — благородную девушку из бургундской земли. Как я слышал, она так красива, что самый богатый император счел бы ее достойной своей любви».

Огорчились Зигмунд и Зигелинда, узнав, что Зигфрид задумал свататься к девушке такого высокого рода; к тому же все знали ее братьев за отважных бойцов и всем был известен их гордый и высокомерный нрав. Зигфрид стоял на своем, и Зигмунд наконец согласился отпустить сына в

Бургундию, но ни в каком случае не советовал пытаться добыть невесту силою. Зигфрид отказался взять с собою дружину, как предлагал ему отец, а выбрал себе только двенадцать надежных товарищей. Поспешно снарядился он в путь и в блестящем вооружении и роскошных одеждах пустился в дорогу.

На седьмой день Зигфрид со своими двенадцатью спутниками, блистая оружием, на всем скаку подъезжал к Вормсу. Рыцари и воины Гунтера со своими оруженосцами поспешили им навстречу.

Приказав не уводить коней, так как он со своими спутниками намерен скоро пуститься в обратную дорогу, Зигфрид попросил указать ему путь к королю Гунтеру. Между тем до короля Гунтера и окружавших его рыцарей дошла уже весть о приезде каких-то никому не ведомых воинов, в великолепном вооружении и роскошных одеждах.

— Государь, — сказал Ортвин из Меца, — пошли поскорей за дядей моим Хагеном: он знает всех королей и все земли и, конечно, распознает и этих гостей.

Послал Гунтер за Хагеном и попросил его взглянуть на неизвестных гостей и сказать, кто бы могли они быть.

Хаген подошел к окну и бросил взгляд на Зигфрида и его воинов: никогда еще не бывали они в Бургундии.

— Никогда еще не видал я Зигфрида, — сказал наконец Хаген, — но кажется мне, что это он. Много новых рассказов несет он с собою в нашу страну: рука витязя победила отважных Нибелунгов: Шиблунга и Нибелунга, сыновей богатого короля. Немало чудес совершил он благодаря своей великой силе. У клада Нибелунгов увидал он многих отважных мужей; никого из них он не знал и тут только встретил их в первый раз. Клад Нибелунгов был вынесен из пещеры, и воины Нибелунгов собрались его делить. Смотрел на то Зигфрид и дивился. Подошел он к ним поближе; они увидали его, и один из них сказал: «Вот идет могучий Зигфрид, нидерландский воин». Шиблунг с Нибелунгом приняли его с почетом и, с общего совета, стали просить его разделить клад и упрашивали его, пока он не согласился. Тут, как рассказывают, увидал он столько драгоценных камней, что их не увезти бы и на сотне повозок; еще того больше было там красного золота из земли Нибелунгов. Все это должна была поделить рука отважного Зигфрида. Ему же в награду дали они меч Нибелунгов. Много бед причинила им услуга, которую должен был оказать им тогда этот отважный человек. Не успел он кончить дележ, как уже все они напали на него, и он должен был оставить клад неразделенным. Оба короля сами вступили с ним в бой, и отважный витязь уже отвоевал было у них

отцовским мечом и клад, и землю Нибелунгов. Тогда позвали они к себе на помощь друзей — двенадцать мужей, обладавших силой великанов. Но что могли они поделать? — Рука Зигфрида в гневе перебила их. Также победил он и семьсот витязей из земли Нибелунгов и тут же поразил насмерть и обоих богатых королей. Но тут он попал было в беду — благодаря Альбриху, задумавшему отомстить за смерть своих господ, да оказалось, что Зигфрид был чрезмерно для него силен, — могучий карлик не в силах был его побороть. Точно львы, устремились они к горе, и тут Зигфрид отнял у Альбриха плащ-невидимку и завладел сокровищем, а все отважившиеся вступить с ним в бой были убиты.

Тогда Зигфрид приказал на повозках и на руках перенести клад опять туда, откуда его взяли Нибелунговы воины, и приставил охранять его самого могучего карлика Альбриха и взял с него клятву впредь быть ему слугой. С тех пор карлик оказал ему много разных услуг.

— Еще много рассказов знаю я о нем, — продолжал Хаген из Тронье. — Он убил дракона и, выкупавшись в его крови, стал неуязвимым, и не берет его теперь никакое оружие. Теперь же следует нам принять витязя так, чтобы не навлечь на себя его гнева. Он одарен такой могучей силой, что надо обойтись с ним полюбезнее, — и так уж немало чудес успел он совершить своею мощью.

— Видно, правду говоришь ты, — отвечал ему богатый король, — посмотри, каким готовым к бою богатырем стоит там со своими воинами этот чудно-отважный человек! Надо нам спуститься и выйти к нему навстречу.

— И в том не будет вам позора, — сказал Хаген, — он человек высокого рода — сын богатого короля. То знает Бог, но мне сдается, что сюда приехал он, конечно, за важным делом.

— В таком случае добро пожаловать, — сказал король Гунтер, — я слышу, он хорошего рода и отважен, так пусть же он найдет радушный прием в бургундской земле.

С такими словами Гунтер пошел навстречу гостям. Но когда спросил он Зигфрида, что привело его в бургундскую землю, Зигфрид отвечал ему, что он давно уже и много слышал о храбрости короля бургундов и его воинов, что он, Зигфрид, тоже будущий король и хочется ему показать себя достойным этого звания, а потому приехал он в бургундскую землю, чтобы помериться силами с королем Гунтером и его воинами!

— Если вы действительно так отважны, как о вас говорят, то будем биться; если победа останется за мной — я буду владеть вашими землями, если же за вами — вы моими.

Смутила такая речь Гернота и его воинов; показалось им досадно, что какой-то иноземец задумал завладеть Бургундией, и многие из них уже готовы были схватиться за оружие. Видя это, вспылil и Зигфрид, и чуть было тут же не произошла схватка, но Гунтер удержал брата, да и сам Зигфрид успокоился, вспомнив о Кримхильде.

— Будь у нас гостем, — сказал Гизельгер, — будь гостем ты и твои товарищи, приехавшие с тобой. Я же и все мои родичи охотно будем тебе служить, — При этом он приказал подать гостю вина.

— Проси у нас добром всего, что только у нас есть, мы готовы разделить с тобой наше имущество и положить за тебя нашу жизнь, — сказал тогда и Гунтер, и Зигфрид окончательно смягчился.

Так стал Зигфрид с товарищами дорогим гостем в земле бургундов, и в течение многих дней при дворе Гунтера устраивались в честь его пиры и

военные игры, и Зигфрид во всем и всегда оказывался первым — так велика была его сила.

Рады были нидерландскому витязю и дамы, с которыми рыцари проводили время. Но душа Зигфрида была поглощена мечтой о высокой любви, хотя он ни разу не видал еще красавицы Кримхильды.

Но в то время как рыцари и оруженосцы на дворе предавались военным играм, Кримхильда смотрела на них из окна своей комнаты, и не было для нее лучшей забавы. Часто задумывался Зигфрид о том, как бы увидеть ему Кримхильду, — давно уже любил он ее всей душой, а до сих пор еще совсем ее не знал, и это сильно печалило его. Когда же братья-короли отправлялись объезжать свои владения, Зигфрид сопровождал их, и Кримхильда грустила, не видя его.

Так целый год прожил Зигфрид в земле Гунтера и ни разу еще не видал прекрасной девушки, принесшей ему потом столько любви и столько бед.

IV

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД ВОЕВАЛ С САКСАМИ

Тем временем явились к Гунтеру гонцы, вызывая братьев на бой. Послали их король саксов Людегер и союзник его король Дании — Людегаст. С честью приняв гонцов, Гунтер собрал совет. Братья и все воины его решили принять вызов, и Хаген посоветовал королю просить помощи у Зигфрида.

— Рад я помочь вам в беде, — сказал Зигфрид, — но у меня с собой всего лишь двенадцать человек из всех моих воинов. Но дайте мне тысячу ваших мужей, и я справлюсь с врагами, хотя бы их набралось до тридцати тысяч.

Сильно горевал Гунтер и не знал, что делать: никогда еще враги не нападали на его землю, и очень обрадовался он, услышав ответ Зигфрида. На другое утро объявил он гонцам, что принимает вызов, и, щедро одарив, отпустил их домой.

Смутились Людегер и Людегаст, узнав от гонцов, что при дворе Гунтера жил нидерландский витязь Зигфрид, но, делать нечего, принялись собирать свои войска, и набралось у них до сорока тысяч воинов. С таким войском двинулись они в поход на Бургундию.

На помощь Гунтеру явились его братья со своими дружинами и все лучшие бургундские воины; нести знамя поручили отважному шпильману Фолькеру. Снарядившись, бургунды пошли через Гессен к земле саксов. Подойдя к границе, Зигфрид, посоветовавшись со своими воинами, разделил войско: во главе юных бойцов поставил он Данкварта, охранять тыл поручил Ортвину, сам же поехал вперед — разведать, где находятся враги.

Так, один, въехал он в землю саксов и скоро увидал в поле большое войско — тысяч в сорок, а может быть и больше. От этого войска тоже выехал вперед витязь в полном вооружении, — должно быть, тоже для того, чтобы разведать о врагах. Был это сам король Людегаст. Всадники, завидя друг друга, тотчас же съехались и вступили в битву. Были они почти равной силы, но тем не менее Зигфрид успел нанести Людегасту три глубоких раны, прежде чем тридцать человек его воинов подоспели к нему на помощь.

Людегаст сдался, и Зигфрид, отбившись один от прискакавших Людегастовых воинов, поехал назад, захватив с собой своего пленника.

Обрадовались бургунды, узнав, какого пленника привез Зигфрид, и сейчас же собрались в поход: Фолькер, могучий шпильман, выступил вперед со знаменем, и Зигфрид повел свое войско на саксов. Завязалась жаркая битва, но и все сорок тысяч саксов не могли устоять против одной тысячи Зигфридовых воинов и двенадцати его товарищей. В самый разгар

битвы Людегер, могучий король саксов, увидел Зигфрида, размахивавшего мечом своим Бальмунгом, и поспешил сразиться с ним; знал он о плене Людегаста и думал, что это дело рук Гернота, и пылал гневом на бургундов. Витязи стремительно напали друг на друга, в то время как бой вокруг них закипел с еще большим ожесточением. Людегер и Зигфрид уже бросили коней и бились пешие, как вдруг Людегер увидел корону на щите Зигфрида и тут только узнал его. Сейчас же обратился он к своим воинам и велел им прекратить битву. «Здесь Зигфрид, сын Зигмунда, — сказал он им, — видно, сам дьявол послал его на саксов!»

Тут же согласился он на все, что потребовал от него Зигфрид, и сам сдался ему в плен.

Бургунды послали вперед гонцов с радостной вестью и, подсобрав раненых и захватив до пятисот человек пленных, отправились в обратный путь.

Погруженный в печальные мысли, Гунтер сидел у себя в Вормсе, поджидая вестей, и как же обрадовался он, когда прискакали гонцы с вестью о победе.

Узнав об их приезде, Кримхильда тайно призвала к себе одного из гонцов и подробно расспросила его о битве. И как же ликовала она в душе, слушая рассказ его о подвигах Зигфрида!

Король Гунтер с радостью встретил своих воинов и ласково обошелся с пленными королями: обоим им даровал он свободу с условием, что они без его спросу не уедут из бургундской земли.

По совету Гернота Гунтер распустил по домам своих воинов, приказав им собраться к нему через шесть недель, чтобы достойно отпраздновать победу: надеялся он, что к тому времени воины его отдохнут и даже раненые успеют выздороветь. Потом просил он и Зигфрида не уезжать от него. Зигфрид, конечно, не согласился бы остаться — не имел он нужды наниматься на службу к другим королям, да все еще думал он о Кримхильде и хотелось ему во что бы то ни стало повидать ее, и обещал он погостить еще у короля Гунтера.

V

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД УВИДАЛ КРИМХИЛЬДУ

Прошло шесть недель, и к Троицыну дню собралось на пир к Гунтеру тысяч пять, если не больше, отважных его воинов. Перед началом празднеств Ортвин подошел к королю и сказал, что для того, чтобы праздник был действительно весел, надо пригласить на него и всех

благородных дам бургундской земли. Гунтер сам видел, что отважный Зигфрид только и думает, что о его сестре, и охотно согласился на предложение Ортвина и приказал матери своей Уте явиться на пир вместе с дочерью и состоявшими при них девицами. Отобрав сто витязей из числа своих родичей, приказал он им всюду сопровождать Кримхильду и служить ей.

Увидя красавицу Кримхильду — в роскошных одеждах, усыпанных драгоценными камнями, и видя, что она красотой своею затмевала всех дам, Зигфрид то радовался ее красоте, то приходил в отчаяние.

«Может ли быть, чтобы мне когда-либо позволено было тебя любить? — думал он. — Лучше мне умереть, чем остаться для тебя чужим!»

Сам же Зигфрид в эту минуту был необычайно красив, точно на картине, нарисованной искусным художником, и все, глядя на него, говорили, что никогда еще не видали они такого прекрасного витязя.

В то время как Кримхильда, окруженная своими девушками и рыцарями, входила в зал и все гости расступались перед ними, подошел к Гунтеру Гернот и сказал:

— Позволь Зигфриду подойти к сестре, и пусть она приветствует его. Никогда еще никому не оказывала она такой чести. Этим мы сделаем из него себе друга.

Согласился Гунтер. Подошел Зигфрид к Кримхильде, и она, взяв его за руку, приветствовала его и поцеловала его. Зигфрид довел Кримхильду до собора и после службы по выходе из собора опять подошел к ней.

Так целых двенадцать дней Зигфрид почти не расставался с Кримхильдой.

Под конец празднеств король Дании Людегаст и саксонский фогт Людегер стали просить отпустить их домой, предлагая за себя выкуп — столько золота, сколько будут в силах увезти пятьсот коней.

Пошел Гунтер за советом к Зигфриду.

— Не годится это, — сказал ему Зигфрид, — лучше отпусти их домой даром, но возьми с них слово, что они никогда больше не тронут твоих земель, и пусть рука их будет в том порукой.

Послушался Гунтер его совета и отпустил пленников без выкупа.

Потом принесли полные щиты золота, и Гунтер, по совету отважного Гернота, не считая, оделил им своих воинов (говорят, было тут роздано им более пятисот марок) и отпустил их по домам.

Когда все разъехались, стал собираться в путь и Зигфрид. Услыхав об этом, король и молодой Гизельгер стали уговаривать его остаться.

— Куда собрался ты ехать, Зигфрид? — говорил Гизельгер. — Прошу тебя, исполни мою просьбу — останься у короля Гунтера: много есть тут прекрасных дам, и все они с удовольствием смотрят на тебя.

— Собрался я было ехать, — отвечал Зигфрид, — но теперь останусь. Пусть же отведут коней в конюшни и уберут щиты: Гизельгер убедил меня остаться.

Итак, из любви к друзьям Зигфрид остался, и нигде не нашел бы он большей отрады: прекрасную Кримхильду мог он видеть теперь, когда только хотел.

VI

О ТОМ, КАК ГУНТЕР СОБРАЛСЯ ЕХАТЬ В ИСЛАНДИЮ ЗА БРУНХИЛЬДОЙ

Жила за морем королева, и равной ей никто не знал: была она несказанно красива и обладала громадной силой: далеко бросала она вперед камень и сама прыгала за ним вслед. Каждому, кто только решался помыслить о ней, предлагала она для состязания с собой три игры, и если был он побежден хоть в одной из них, то платился за то головою. И немало уже раз совершала это королева.

Жил в то время на Рейне прекрасный рыцарь, и всеми своими помыслами стремился он к чудной красавице, но за то и поплатился он потом жизнью.

Сидел раз Гунтер со своими мужами, и рассуждали они о том, какую бы девушку взять ему в жены, чтобы она была достойна и его, и его земли. И сказал Гунтер: «Что бы ни случилось со мной, хочу я ехать за море, к Брунхильде; ради безмерной ее красоты готов я рискнуть своею жизнью и или погибну, или добуду ее себе в жены».

— Не советую тебе делать это, — сказал Зигфрид, — у королевы есть один жестокий обычай, и попытка снискать ее любовь обходится слишком дорого.

— Не родилось еще на свете такой прекрасной и могучей женщины, что не в силах была бы победить ее в бою моя рука, — возразил Гунтер.

— Не говори так, — сказал Зигфрид, — ты не знаешь всей ее силы: и четверо таких, как ты, не спаслись бы от ее гнева. А потому послушай моего совета: если не хочешь лежать мертвым, то лучше не добивайся ее любви.

— А мой совет тебе, — сказал Хаген, — попроси помочь тебе Зигфрида, раз он так хорошо знает все, что касается Брунхильды.

— Если захочешь ты, Зигфрид, помочь мне добыть невесту, то я буду готов сложить за тебя и честь свою, и жизнь, — сказал Гунтер.

Отвечал ему Зигфрид:

— Согласен я помочь тебе, если отдашь ты за меня свою сестру, прекрасную Кримхильду: не желаю я никакой иной награды за свои труды.

— Обещаю тебе это, — сказал Гунтер, — и рука моя порука в том, что если прекрасная Брунхильда будет тут, то я отдам тебе в жены мою сестру, и живи тогда с нею в радости и веселье!

Так дали они тут друг другу клятву, и много трудов и забот предстояло им перенести, прежде чем привезли они ее на Рейн.

Слыхал я о диких карлах, живущих в пещерах гор, что носят они для защиты плащ-невидимку чудесного свойства: тот, кто надевает его, становится недоступен ударам и уколам, а также ни для кого не видим, хотя

сам он может смотреть и слушать сколько хочет; при том же и сила его сильно возрастает.

Уезжая, Зигфрид взял с собою плащ–невидимку, который с большим трудом отнял он у карлика Альбриха. Как говорят, надев его, он чувствовал в себе силу двенадцати обыкновенных мужей и мог делать что хотел, хотя никто его не видел. Так добыл он Брунхильду, от которой приключилась ему большая беда.

Собираясь в путь, Гунтер спросил Зигфрида, не взять ли им с собою своих воинов. Он мог бы без труда собрать большое войско. Но Зигфрид отвечал, что у королевы такой жестокий нрав, что все эти воины все равно должны будут погибнуть, а потому лучше им ехать под видом рыцарей, вчетвером, и тогда — будь что будет! — они добудут королеву. «Первым будешь ты, вторым — я, третьим — Хаген, четвертым — отважный Данкварт. Так нас не одолеет и тысяча врагов».

По совету Хагена Гунтер решил просить сестру изготовить им для поездки самые роскошные одеяния, — была она большая мастерица в этом деле. Известив ее наперед, пошел он к ней с Зигфридом. Ласково встретила их Кримхильда, и, узнав в чем дело, взяв витязей за руки, она усадила их на роскошных подушках, лежавших всюду на полу, и стала совещаться с ними, какие нужно приготовить им одеяния. Четыре дня должны они были пробыть в земле Брунхильды, и все четверо по три раза в день менять платье, а также было им еще нужно хорошее платье на обратный путь. Все обещала изготовить им Кримхильда, — шелка у нее были, и просила она только прислать ей несколько щитов с драгоценными камнями. Принялась Кримхильда с тридцатью своими девушками изготовлять платья, расшивая их шелками и драгоценными камнями. Кримхильда сама кроила их, употребив на подкладку кожу чужеземных рыб. Дивились все этой одежде и много чудес рассказывали потом о ней.

Через шесть недель одежды были готовы, запасено и оружие для отважных рыцарей; на Рейне тем временем был тщательно выстроен для них крепкий кораблик, — на нем предстояло им спуститься к морю и плыть в страну Брунхильды.

Когда все было готово, Кримхильда позвала к себе рыцарей, чтобы примерить платье, а потом сказала Гунтеру:

— Милый брат, не лучше ли тебе здесь выбрать себе жену, не рискуя своею жизнью? Вокруг не мало есть прекрасных девушек столь же высокого рода.

Верно, сердце подсказывало ей, к чему все это приведет. Но Гунтер не хотел отказаться от своего намерения. Тут все они заплакали так, что

золото затуманилось у них на груди от слез, катившихся из их глаз.

— На твою верность и милость полагаюсь я, Зигфрид, — опять заговорила Кримхильда, — поручаю тебе я своего брата: пусть благополучно вернется он домой из земли Брунхильды.

И Зигфрид дал ей руку, обещая исполнить ее завет.

Тогда вынесли на прибрежный песок их щиты из красного золота, перенесли на корабль их одежды, вывели коней, и рыцари собрались в путь. Много слез пролили тут прекрасные дамы и молодые девушки, стоя у окон и взором провожая корабль. Сильный ветер надувал паруса.

Могучие витязи спустились к Рейну.

— А кто же будет указывать путь кораблю? — спросил тут Гунтер.

— Я могу направлять вас по волнам, — сказал отважный Зигфрид, — вы знаете ведь: мне известен прямой путь морем в эту землю.

Тут рыцари радостно расстались с землей бургундов. Схватив багор, нидерландский король оттолкнулся от берега, а отважный Гунтер взялся за весло. Другим тяжелым веслом греб брат Хагена, Данкварт. Ветер надувал могучие паруса, и, прежде чем наступила ночь, они успели уже пролететь немало миль и вышли в море.

На двенадцатый день, как говорили нам, могучий ветер пригнал их к Изенштейну в земле Брунхильды.

VII

О ТОМ, КАК ГУНТЕР С ТОВАРИЩАМИ ПРИБЫЛ В ИСЛАНДИЮ

Увидя обширные земли и замок, король Гунтер обратился к Зигфриду:

— Скажи мне, если знаешь, что это за замок и что это за чудная земля?

— То знаю я, — отвечал ему Зигфрид, — это земля Брунхильды, а замок тот — Изенпггейн. Еще сегодня придется вам увидеть много прекрасных дам. Теперь же советую я вам условиться, чтобы, явившись к Брунхильде, всем говорить одно: пусть будет Гунтер мне господин, а я ему — слуга; тогда, быть может, мы и добьемся своего.

Они согласились, и хорошо сделали.

Когда корабль их уже подходил к замку, король увидал в окнах много прекрасных девушек.

— Скажи мне, Зигфрид, — сказал он, — знаешь ли ты, кто эти прекрасные дамы и молодые девушки, что смотрят на нас из окон?

— Хорошенько приглядишься к ним отсюда и скажи мне, которую из них выбрал бы ты себе в жены, — сказал ему Зигфрид.

— Охотно, — отвечал Гунтер, отважный и смелый рыцарь. — Вон там, в окне, вижу я одну в белоснежной одежде; она так стройна и статна, что я не могу отвести от нее глаз, и если бы я выбирал, то выбрал бы ее женой.

— Глаза твои не обманули тебя: это сама могучая Брунхильда, к которой стремишься ты душой и телом.

И Гунтер любовался каждым ее движением.

Тут королева окликнула из окна своих девушек, говоря, что не годится им, стоя в окнах, глядеть на чужеземцев.

Девушки побежали одеваться и готовиться встречать гостей.

Зигфрид вывел на берег коня Гунтера и держал его, пока Гунтер садился на него. Так служил он ему, как слуга. Потом вывел он на берег и своего коня. У обоих кони были белы как снег, и оба были в одинаковых одеждах. Так, блистая оружием, помчались они к замку Брунхильды.

Вслед за ними вышли Данкварт и Хаген в одеждах черных, как вороново крыло, и тоже расшитых драгоценными камнями.

Покинув на берегу корабль свой без надзора, рыцари направились к замку.

Увидали они перед собою восемьдесят шесть башен, три дворца и чудной постройки зал из благородного мрамора, зеленого, как трава. Там находилась королева со своею свитой.

Ворота были распахнуты, и вход в замок был свободен. Навстречу им выбежали воины Брунхильды и приветствовали гостей, приехавших в землю их госпожи; слуги приняли у них щиты и увели коней.

— Вы должны отдать также мечи и панцири и остаться безоружными, — сказал им камерарий.

— Не хотим мы отдавать оружие, — возразил на это Хаген.

Но Зигфрид остановил его: в замке такой уж был обычай, что гостей не впускали туда с оружием в руках.

Гостям подали вина, отвели их в отведенные им покои и донесли Брунхильде, что приехали из-за моря какие-то чужеземные рыцари в богатых одеждах.

— Скажите мне, — сказала королева, — кто бы могли быть эти незнакомые рыцари и зачем приехали они сюда?

— Государыня, — отвечал один из свиты, — никогда еще не видал я их здесь; только один из них похож на Зигфрида. Но совет мой вам — их принять. Другой из приезжих так благороден, что, конечно, мог бы быть богатым королем и владеть обширными землями. Третий из приезжих смотрит очень грозно, но красив и хорошо сложен, душа же его, кажется, кипит гневом. Младший из них красив, как девушка, и стоит так скромно и

смирно, а все же было бы небезопасно оскорбить его: судя по его сложению, он тоже должен быть отважный и смелый рыцарь.

И сказала тогда королева:

— Подайте мне мои одежды, и если могучий Зигфрид пришел в эту страну ради моей любви, то он рискует жизнью: не опасаясь я, что придется мне стать его женой.

Поспешно оделась королева и в сопровождении, по крайней мере, сотни прекрасных молодых девушек пошла к гостям. За нею шли пятьсот исландских рыцарей с мечами в руках, и это сильно не понравилось приезжим.

Увидя Зигфрида, Брунхильда сказала ему:

— Добро пожаловать, Зигфрид, в эту страну! Хотелось бы мне знать, что значит твой приезд?

— Слишком много мне чести, что приветствуешь меня первым, — отвечал ей Зигфрид. — Подобаает привет твой вот этому отважному рыцарю, что стоит передо мной: он мой господин. Он родом с Рейна и ради тебя прибыл в эту страну. Он хочет снискать твою любовь во что бы то ни стало. Подумай, пока есть время, — господин мой не откажется от своего намерения. Зовут его Гунтером, и он могучий король: он ничего не ищет, кроме твоей любви. Мне же он приказал ехать сюда, и если бы было можно, я бы, конечно, не поехал.

— Ну, если он — господин, а ты — слуга, то пусть же меня победит он в играх, — их назначу я сама, и тогда его я буду любить, а если нет, то он погибнет, прежде чем стану я его женой.

— Госпожа, — сказал тут Зигфрид, — потрудись назвать нам свои игры, — трудны же они должны быть, если господин мой их может проиграть! Быть может, все же добудет он себе невесту.

— Он должен бросить камень и прыгнуть сам за ним вослед; потом он должен еще со мной сразиться на копьях. Подумайте, прежде чем согласиться: если оплошает он хотя в одном, — вы все проститесь с жизнью.

Могучий Зигфрид, подойдя к Гунтеру, советовал ему согласиться на все: ничего дурного с ним не случится и все кончится совсем не так, как предполагает в своей заносчивости королева.

— Великая королева, — сказал тогда король Гунтер, — если бы ты потребовала даже большего, я и тогда согласился бы на все: я рискую своею головой, ты — стать моей женой.

Тогда королева приказала готовить игры. Себе потребовала она боевые доспехи — крепкий панцирь и надежный щит; под панцирь надела она

подлатник из шелковой ливийской ткани, которую никогда не рассекало оружие. Одеваясь, она все время угрожала рыцарям. Данкварт и Хаген были сильно озабочены исходом игр. «Поездка эта не доведет нас до добра!» — так думали они. Тем временем Зигфрид, хитрец, никем не замеченный, успел сбегать к кораблю, где был спрятан у него плащ-невидимка, поспешно накинул его на себя и стал невидим. Вернувшись, он застал королеву, окруженную рыцарями: она распределяла игры.

Был очерчен круг, где на глазах у многочисленных отважных рыцарей должна была происходить игра: было там более семисот вооруженных воинов, — должны были они решить, кто выиграл игру.

Вот вошла Брунхильда, вооруженная, точно предстояло ей сражаться из-за целого царства. За нею шли ее слуги: они несли ее щит из светлого красного золота. Посередине щит этот был в три пяди толщиною, и его с трудом несли четыре камергера.

Увидя щит, могучий Хаген смутился духом и сказал: «Ну, король Гунтер, выйдем ли мы целы из беды? Женщина, которой ты добиваешься, — жена самого дьявола!»

Потом принесли ей копье, тяжелое, большое, — его всегда она метала; его несли трое из ее воинов. И сам отважный Гунтер стал тут задумываться. «Против такого копья не устоял бы даже дьявол. Нет, если бы был я теперь на Рейне, то надолго была бы она свободна от моих притязаний на ее любовь!» — так думал он.

— Вечно буду я каяться в этой поездке, — сказал Данкварт отважный, — неужели нам, рыцарям, придется погибнуть здесь от этих женщин?! Если бы я и брат мой Хаген имели при себе оружие, то воины Брунхильды поплатились бы за свою заносчивость! И хотя бы я дал тысячу клятв не вступать в битву, эта красавица рассталась бы с жизнью прежде, чем погиб бы мой король. Надо нам, не даваясь в плен, выбраться из этой страны, и, будь у нас наши доспехи и наши надежные мечи, гордость этой женщины была бы укрощена.

Услыхала королева эти речи и, улыбаясь, через плечо сказала:

— Ну, если уж они так смелы, то принесите им их острое оружие.

Покраснел от радости Данкварт, получив оружие.

— Ну, играйте же теперь как хотите, — сказал этот отважный человек, — раз у нас есть оружие — Гунтер в безопасности.

Тут для состязания принесли Брунхильде огромный, неуклюжий камень: его с трудом несли двенадцать отважных сильных витязей.

Его метала она всегда после игры копьем.

Еще сильнее встревожились замкунды.

Брунхильда, засучив рукава, схватила щит и высоко подняла копье. Наступило время битвы, и даже Гунтера с Зигфридом устрасил ее гнев. Не приди могучий Зигфрид на помощь Гунтеру, королева наверняка лишила бы его жизни. Но он подошел к Гунтеру и взял его за руку. Король не знал об его хитрой уловке. «Кто это дотронулся до меня?» — подумал отважный рыцарь, оглядываясь по сторонам и никого не видя.

— Это я, друг твой Зигфрид. Тебе нечего бояться королевы. Дай мне щит с твоей руки и делай то, что я тебе скажу: ты повторяй только движения, делать которые буду я.

Услышав голос Зигфрида, король стал понемногу успокаиваться.

— Но только никому не открывай моей хитрости, — это обоим нам послужит на пользу, и гордой королеве не удастся одолеть тебя, как она на это ни рассчитывает. Посмотри, как безбоязненно стоит она перед тобою в кругу.

Могучая дева пустила тут копье в широкий и большой щит, который держал в руках Зигфрид, и искры посыпались из стали, точно от порыва ветра. Удар был так силен, что заставил бойцов пошатнуться. У Зигфрида кровь хлынула изо рта. Отпрыгнув назад, Зигфрид схватил копье, пронзившее щит, и поспешно пустил его обратно, но, оберегая ее жизнь, повернул к ней копье древком. Удар был так силен, что искры посыпались из стали, как от ветра, и Брунхильда не могла устоять на ногах. Однако она быстро вскочил. «Спасибо тебе за удар твой, благородный Гунтер!» — крикнула она, думая, что это он сам сделал своею рукой.

В гневе быстро подошла она к камню и, высоко подняв его, бросила его так далеко, что отважные бойцы только дивились. Камень упал на расстоянии, по крайней мере, двенадцати клафтеров, и вслед за камнем она сама прыгнула еще дальше.

Тогда Зигфрид подошел к камню. Гунтер лишь коснулся его, а могучий Зигфрид метнул его и еще дальше прыгнул за ним вослед, и чудо было в том, что при прыжке с собою перенес он и Гунтера. Когда же все было сделано, на месте том никого не было видно, кроме Гунтера. Прекрасная Брунхильда покраснела от гнева: Зигфрид сохранил Гунтеру жизнь.

Видя, что игра окончена, а Гунтер остался цел и невредим, Брунхильда сказала своим слугам:

— Подойдите ближе, родичи мои и мои люди; теперь должны вы подчиниться королю Гунтеру.

Отважные воины сложили оружие и преклонили колена перед Гунтером Бургундским: думала она, что сам он своею силой выиграл игру.

Гунтер с любовью приветствовал Брунхильду; она же, взяв его за руку, передала ему власть над своею землей. Порадовался этому отважный рыцарь Хаген. Брунхильда пригласила благородных рыцарей войти в обширный дворец, где собралось тогда много воинов. Тем временем Зигфрид отнес назад свой плащ-невидимку и, вернувшись, хитро заговорил, обращаясь к Гунтеру:

— Когда же, господин, начнутся игры? Позволь и нам посмотреть на них! — так говорил хитрец, притворяясь, будто он ничего не видел.

— Как же могло это случиться, Зигфрид, что не видал ты игры, которую тут выиграл Гунтер силою своей руки? — спросила королева.

Хаген бургундский отвечал ей:

— Нас также очень огорчает, что Зигфрид, ничего не зная, пробыл у корабля все время, пока рейнский фогт здесь выиграл игру.

— Меня радует, что нашелся наконец такой отважный и сильный человек, что может он быть тебе господином, — сказал тогда Зигфрид. — А теперь, благородная девица, должна ты следовать за нами на Рейн.

— Пока еще это невозможно, — сказала королева. — Прежде должны еще узнать о том все мои родичи и воины: нелегко мне покинуть мою землю, и прежде должна я послать за моими ближайшими друзьями.

Разослала она тогда гонцов во все концы, приглашая родичей своих и воинов съезжаться ко двору ее в Исландии, и приказала раздавать им всем богатые одежды.

— Ну, вот что мы наделали! — сказал Хаген. — Много зла причинят нам воины Брунхильды! Теперь соберутся они сюда со всеми своими силами, а кто знает истинные намерения Брунхильды? На погибель нам родилась на свет эта девушка!

— Не допущу я, чтобы оправдались ваши опасения, — сказал Зигфрид. — Надо мне привести сюда на помощь таких отменнейших бойцов, каких вы еще и не видали! Не спрашивайте меня, — я сейчас же уезжаю отсюда, а пока пусть Господь охраняет вашу честь. Я скоро вернусь и приведу вам тысячу самых лучших воинов.

— Только не медли, — просил его король, — помощь твоя здесь нам очень нужна.

— Я вернусь через несколько дней, — отвечал Зигфрид, — скажи Брунхильде, что ты сам меня послал.

VIII

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД ЕЗДИЛ ЗА СВОИМИ БОЙЦАМИ НИБЕЛУНГАМИ

Отважный Зигфрид, накинув на себя плащ-невидимку, взошел на корабль и поспешил пуститься в путь. Под рукой его корабль полетел так быстро, точно подхватило и понесло его ветром.

Через день и еще ночь успел он уже добраться до страны Нибелунгов, где все — и люди и земля — были ему подчинены. Зигфрид один причалил к широкому острову, живо привязал свой корабль и, по обычаю путников, пошел искать приюта. Перед ним на горе стоял замок; ворота были заперты, и Зигфрид принялся стучать в них. За воротами всегда стоял на страже великан, и оружие его всегда лежало тут же, наготове.

— Кто это стучится там в ворота? — крикнул великан.

Изменив голос, Зигфрид отвечал:

— Отпирай ворота! Я — рыцарь, и еще сегодня последуют за мною многие из тех, кому приятней было бы остаться в своей постели.

Рассердился привратник, услышав эти слова, схватил он свое оружие, надел шлем, поднял на руку щит и, распахнув ворота, с яростью бросился на чужеземца.

— Как смел он тревожить и будить отважных воинов?

И удары посыпались тут на Зигфрида. Он прикрылся было щитом, но застежки его лопнули под тяжестью железной палицы, и Зигфрид уже ждал смерти. Они так бились, что весь замок гудел, — неизмеримо велика была сила обоих. Наконец Зигфрид одолел привратника и связал его, и весть о том сейчас же разнеслась по всей стране Нибелунгов.

Далеко сквозь гору услышал шум ужасной битвы могучий Альбрехт, отважный карлик. Живо он вооружился и побежал навстречу гостю. Свирист был Альбрехт, и притом был очень силен; носил он шлем и кольчугу на теле, а в руке тяжелый золотой бич, семь тяжелых шариков висело на конце бича, и ими с такою силой ударил он по щиту Зигфрида, что щит разбился. Смутился было могучий гость, но вот, отбросив разбитый щит и оружие, — не хотел он убивать своего камерария, — с голыми руками бросился он на Альбрехта и, схватив его за его седую бороду, так сильно дернул ее, что карлик громко закричал.

— Оставь мне жизнь! — кричал он. — И если б мог я принадлежать другому рыцарю, а не тому, кому клялся я в верности, то был бы я твоим слугой и тебе служил бы я до самой моей смерти. — Так говорил этот хитрец.

Зигфрид связал и Альбриха, и карлик стал его спрашивать:

— Как тебя зовут?

— Я Зигфрид, и, думаю, тебе я хорошо знаком.

— Рад я этой вести! Теперь на деле увидел я, что ты достоин владеть этой страной. Подари мне жизнь, и сделаю я все, что ты прикажешь.

— Иди и приведи сюда скорей мне тысячу лучших бойцов из Нибелунгов, — сказал ему Зигфрид, но умолчал, чего от них хотел он. Тут развязал он карлика и великана. Поспешно побежал Альбрехт к спавшим воинам и принялся будить их: «Вставайте, воины! — кричал он. — Надо вам идти к Зигфриду!»

Вскочили они с постелей и бросились одеваться, и тысяча отважных воинов скоро явилась перед Зигфридом и приветствовала его не без страха. Между тем зажгли огни и принесли вина.

Поблагодарил их Зигфрид за то, что скоро явились, и сказал: «Должны вы ехать со мною за море». Отважные витязи готовы были немедленно исполнить его желание.

Собралось их к Зигфриду до тридцати сотен, но Зигфрид отобрал себе всего лишь тысячу лучших бойцов. Зигфрид велел им запастись нарядным платьем, чтобы носить его при дворе, где много прекрасных женщин. И они стали готовиться в дорогу.

Рано утром пустились они в путь на прекрасных конях, одетые в великолепные платья, и явились в страну Брунхильды настоящими рыцарями.

Прекрасные молодые девушки стояли у окон, и королева спросила: «Знаете ли вы, кто это плывет к нам из-за моря? Их дорогие паруса белее снега».

— То воины мои, — отвечал ей рейнский фогт, — здесь неподалеку я оставил их на пути, а теперь послал за ними.

Впереди других на корабле увидели Зигфрида в роскошном платье, окруженного воинами.

По желанию Гунтера Брунхильда вышла навстречу бойцам и приветствовала их, но при приветствии отличила Зигфрида от других.

Стали размещать гостей, и оказалось, что явилось их столько, что повсюду стало от них тесно, и неустрашимые рыцари решили скорее ехать в Бургундию. Тут королева пожелала одарить своих и чужих гостей золотом, серебром, конями и одеждами, — много всякого добра оставил ей после своей смерти ее отец. Просила она также рейнских витязей сказать ей, что из ее сокровищ хотят они взять с собою в Бургундию. Но Хаген сейчас же надменно отвечал ей, что у рейнского короля есть для раздачи

так много золота и серебра, что они решили ничего не брать отсюда с собою. Но Брунхильда не согласилась и пожелала взять с собою сундуки с золотом и платьем, чтобы собственноручно раздать это по приезде в Гунтерову землю.

— На кого же покину я свою землю? Мы должны решить это вместе, — сказала королева Гунтеру.

— Выбери кого хочешь, — сказал Гунтер, — и мы назначим его тут фогтом.

Брунхильда выбрала своего дядю, брата матери, и поручила ему управлять замками и землями, пока не начнет править ими сам король Гунтер.

Потом, отобрав тысячу своих воинов, приказала она им готовиться ехать на Рейн вместе с тысячью Нибелунгов. Кроме того, взяла она с собой восемьдесят шесть дам и сто прекрасных молодых девушек. И как же оплакивали их те, кто оставались дома!

Так, как должно, чинно покидала она свою страну, перецеловавшись на прощание со всеми своими родичами, а они все провожали ее до моря. Никогда уже после того не возвращалась она в землю своих отцов.

Дорогой они коротали время за разными играми и забавами; к тому же дул им попутный ветер. Так весело покинули они берег Исландии.

IX

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД ЕЗДИЛ ГОНЦОМ В ВОРМС

После девяти дней пути отважный Хаген посоветовал Гунтеру послать на Рейн в Вормс гонца с вестями. Гунтер хотел было послать самого Хагена, но тот отказался и предложил послать Зигфрида. «Из любви к твоей сестре он тебе не откажет», — сказал Хаген. Позвал Гунтер Зигфрида и сказал ему:

— Теперь недалеко уж и до нашей земли, а потому хочу я послать гонца вперед к милой моей сестре и матери, — пусть возвестит он им, что мы приближаемся уже к Рейну, и прошу тебя, Зигфрид, исполни это ты.

— Я готов ехать, — отвечал Зигфрид, — требуй от меня что хочешь, я ни в чем не откажу тебе ради той, которую ношу я в сердце.

— Так Расскажи же моей матери и милой сестре моей, как удачно окончилась наша поездка; Расскажи об этом также моим братьям и всем другим нашим друзьям. Сообщи также моей матери и сестре моей Кримхильде и братьям моим, и пусть оповестят они об этом всех в наших землях, что намерен я пышно праздновать свою свадьбу с Брунхильдой. И

попроси еще сестру мою выехать к нам навстречу и получше принять мою невесту; за то буду я ей верным слугой.

Простился Зигфрид с Гунтером и Брунхильдой и поспешил в Вормс на Рейне.

Испугались в Вормсе, увидев Зигфрида одного, без Гунтера, в сопровождении всего лишь двадцати четырех воинов. Но Зигфрид поспешил успокоить их и просил поскорее допустить его к матери и сестре Гунтера: было у него к ним поручение от короля. Сам Гизельгер взялся сказать матери и сестре о приезде гонца.

Поспешно нарядились они и позвали к себе Зигфрида, и он передал им свои вести. Кримхильда слушала его, отирая слезы белоснежным краем своего платья. Потом, усадив гонца, она сказала:

— Хотелось бы мне за эту весть дать тебе в награду моего золота, да боюсь — и сам ты для того слишком богат; но зато я всегда сама готова тебе служить.

— Если бы у меня было даже тридцать земель, — отвечал ей Зигфрид, — то и тогда я охотно принял бы дар из твоих рук.

Двадцать четыре запястья дала ему тогда Кримхильда, и Зигфрид, приняв их, не захотел оставить у себя и роздал ближайшим ее домочадцам, которых нашел он в ее покоях.

Поблагодарила его и королева Ута.

— Еще должен я вам сказать, — заговорил опять Зигфрид, — что король Гунтер готов вечно служить вам, лишь бы выехали вы навстречу гостям и получше приняли его невесту.

— И это охотно готова я исполнить, — отвечала Кримхильда.

Лицо ее разгорелось: никогда еще ни одного гонца не встречали с такой радостью.

А Бургунды стали готовиться к торжественной встрече Гунтера и его невесты.

Х О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ГУНТЕР ПРАЗДНОВАЛ В ВОРМСЕ СВОЮ СВАДЬБУ С БРУНХИЛЬДОЙ

Братья короля Гунтера, королева Ута и Кримхильда с блестящей и многочисленной свитой встретили на Рейне короля Гунтера и Брунхильду. Кримхильда первая ласково приветствовала Брунхильду и крепко поцеловалась с нею. Никогда еще не бывало более торжественной встречи. Все поле перед Вормсом было усеяно шелковыми палатками; рыцари и дамы толпились на нем. Сейчас же начался турнир, но вскоре Хаген из Тронье, по поручению короля, попросил рыцарей прекратить игру, чтобы не беспокоить пылью молодых девушек. Рыцари сейчас же сошли с коней и разбрелись по шатрам и проводили время в беседах с дамами. Под вечер, перед закатом солнца, когда стало уже прохладнее, все двинулись к городу.

Тут приготовлен был роскошный пир. В то время как король Гунтер с невестой готовился уже сесть за стол, подошел к Гунтеру Зигфрид и сказал:

— Помнишь ли, как ты поклялся мне в том, что, лишь только Брунхильда ступит на эту землю, ты отдашь мне в жены сестру свою Кримхильду? Что же случилось с твоею клятвой? В эту поездку немало потрудился я для тебя!

— Ты прав, и я, конечно, не нарушу своей клятвы; я готов как могу помогать тебе в этом деле, — отвечал Гунтер и приказал позвать к себе Кримхильду.

— Милая сестра, помоги мне исполнить мою клятву, — сказал ей король. — Поклялся я выдать тебя замуж за одного рыцаря, и если ты согласишься выйти за него, то исполнишь заветное мое желание.

— Нет тебе нужды упрашивать меня, милый брат, — отвечала девушка, — я всегда готова исполнить твою волю и выйду за того, кого ты дашь мне в мужья.

Тогда поставили в кругу рядом Зигфрида и Кримхильду и спросили девушку, согласна ли она стать женой Зигфрида. Кримхильда не отказала ему, и тут же дали они друг другу клятву, и Зигфрид при всех рыцарях поцеловал Кримхильду.

После того все пошли садиться за столы. Зигфрид сел рядом с Кримхильдой за стол, как раз напротив короля. За ним заняли места Нибелунги, и много рыцарей стало прислуживать ему.

Брунхильда сидела рядом с Гунтером и, видя Кримхильду рядом с Зигфридом, принялась горько плакать.

— О чем плачешь ты и зачем затмеваешь слезами блеск своих светлых глаз? — спросил ее Гунтер. — Вместо того чтобы плакать, тебе следовало бы смеяться: тебе подчинены теперь все мои земли, богатые замки и множество доблестных воинов.

— Как же не плакать мне? — отвечала прекрасная девушка. — Мне так жаль твою сестру, видя, что сидит она рядом с твоим слугой; такое ее унижение всегда будет огорчать меня.

— Успокойся, — сказал ей на это король Гунтер, — в другое время я расскажу тебе, почему отдал я витязю мою сестру.

— А все же жаль мне ее красоты и невинности, — возразила Брунхильда. — Если бы только знала я, куда бежать, я с радостью убежала бы отсюда, лишь бы не быть твоей женой. Но скажи мне, почему Кримхильда должна стать женою Зигфрида?

— Хорошо, я скажу это тебе, — отвечал ей король. — Так знай же: у Зигфрида не меньше замков, чем у меня, и столь же обширные земли: он сам богатый король. Оттого-то и отдал я за него мою сестру.

Но никакие речи Гунтера не могли утешить Брунхильду. Она все еще не хотела подчиниться Гунтеру и стать его женой. После пира, оставшись с Гунтером вдвоем, она опять вступила с ним в борьбу и на этот раз победила его. Связав ремнем, служившим ей поясом, его руки и ноги, она повесила его на гвоздь и оставила провисеть до зари.

На другой день утром все пошли в собор, и тут совершилось торжественное венчание Гунтера с Брунхильдой и Зигфрида с Кримхильдой. После службы Гунтер подошел к Зигфриду и рассказал ему, какое унижение пришлось ему претерпеть от своей невесты, и Зигфрид обещал еще раз прийти к нему на помощь, чтобы сломить упорство Брунхильды.

Вечером, когда молодые находились в своих покоях, окруженные своими рыцарями и дамами, Зигфрид накинул на себя плащ-невидимку и вдруг исчез с глаз Кримхильды.

Ни для кого не видимый, прошел он в покои Гунтера и молча стал задувать огни в руках камердинеров, которых много стояло в комнате. Гунтер, догадавшись, что это Зигфрид, приказал всем выйти и унести огни, а сам крепко запер дверь. Зигфрид, приблизившись к Брунхильде, возобновил борьбу. Принимая его за Гунтера, Брунхильда боролась с ним долго и упорно, и Зигфрид уже думал было, что придется ему расстаться с жизнью. Брунхильда хотела уже связать его ремнем, как Гунтера, но Зигфриду удалось с такою силой сжать ее в своих руках, что она вскрикнула и стала просить пощады, обещая вперед всегда быть покорной его воле. «Теперь вижу я, что ты в силах быть мне господином», — сказала она, думая, что перед нею Гунтер. Зигфрид снял у нее с пальца перстень и, захватив еще ее пояс, молча вышел из комнаты. Но лучше сделал бы он, если бы их не брал. Кольцо это и пояс, вернувшись на родину, подарил он своей жене. Так не мог он удержать того, что суждено было ему отдать.

Став женою Гунтера, Брунхильда потеряла большую часть своей безмерной мощи и стала не сильнее любой обыкновенной женщины.

Целых четырнадцать дней длился свадебный пир, сопровождаясь забавами и играми.

После пира Гунтер распустил гостей с богатыми дарами, и Зигфрид при этом роздал все одежды, а также седла и коней, взятые им с собой из Нидерландов. Никогда еще не провожали гостей с такою лаской и таким почетом.

Так окончилась свадьба Гунтера.

XI

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД ПРИВЕЗ ДОМОЙ СВОЮ ЖЕНУ И КАК ОНИ ТАМ ЖИЛИ

Когда разъехались гости, Зигфрид приказал наконец своим воинам готовить коней. Обрадовалась Кримхильда, узнав об этом, но сказала, что не следует им торопиться уезжать, пока братья не наделят ее землями и городами из наследия, доставшегося им от отца. Не понравилась эта речь Зигфриду. Пришел и младший из братьев, Гизельгер, и сказал Зигфриду, что готовы они всегда служить ему верой и правдой и рады поделиться с ним отцовским наследством. Поблагодарил их Зигфрид за дружбу и сам обещал служить им чем только может, но от земель и замков отказался.

— Сестре вашей предстоит носить корону, и если доживем мы до этого, то будет она богаче всех на свете, — отвечал он им, но позволил Кримхильде взять с собою свою свиту из бургундских воинов и дам.

Стали они готовиться в дорогу. С Кримхильдой поехали граф Экеварт с пятьюстами воинов и тридцать две молодые девушки.

Дружески простились они с хозяевами и родными и тронулись в путь. Гунтер послал своих людей провожать их и распорядился, чтобы всюду в его владениях был готов для них ночлег.

Вперед же были посланы гонцы, чтоб известить короля Зигмунда и королеву Зигелинду, что сын их Зигфрид едет к ним с женою, дочерью богатой королевы Уты.

Обрадовались Зигмунд и Зигелинда и стали готовиться к торжественному приему. Зигелинда сама поехала им навстречу и, встретив их за день пути до Ксантена, вместе с ними вернулась в город. Приезд молодых праздновали здесь таким роскошным пиром и такими щедрыми подарками, каких не видывали и на Рейне.

И сказал тогда король Зигмунд своим родным:

— Пусть знают все мои друзья, что Зигфрид отныне должен принять мою корону!

И в Нидерландах все с радостью услышали эту весть.

И Зигфрид принял владения своего отца и стал вместо него править землями и городами, повсюду чиня суд и расправу.

Так мирно жил он с Кримхильдой в своих владениях, и наконец, на десятый год, родился у него сын и был он назван в честь дяди Гунтером.

В то же время родился сын и на Рейне у короля Гунтера и жены его Брунхильды и был назван Зигфридом.

Так мирно жили в своих владениях короли, но никого не было могущественнее и богаче Зигфрида: владел он землею Нибелунгов и их сокровищем, — сокровищем, каким до него никто не обладал и которое он сам отвоевал своей рукою у подножия горы, положив на месте множество могучих воинов.

ХII и ХIII

О ТОМ, КАК ГУНТЕР ЗВАЛ ЗИГФРИДА И КРИМХИЛЬДУ В ВОРМС И КАК КРИМХИЛЬДА С МУЖЕМ ПОЕХАЛИ К НЕМУ НА ПРАЗДНЕСТВО

Не раз задумывалась жена Гунтера о том, как это Кримхильда вдруг стала так важна и знатна и почему это вассал их Зигфрид так долго не является к ним на службу и не платит им дани. Наконец стала она просить короля Гунтера вызвать в Вормс Кримхильду и ее мужа. Неохотно выслушал ее Гунтер.

— Как могу я вызвать их? — отвечал ей Гунтер. — Они живут слишком далеко от нас, и я не решусь просить их приехать.

Хитро отвечала ему на это Брунхильда:

— Как бы ни был богат и могуществен вассал короля, он не смеет не исполнить того, что приказывает ему его господин.

Улыбнулся Гунтер, слушая ее речи: не считал он то службой, что Зигфрид приезжал к его двору.

— Господин мой, — продолжала Брунхильда, — сделай так, чтобы Зигфрид с Кримхильдой приехали: ничто на свете не могло бы быть для меня приятнее! Мне до сих пор сладко вспоминать доброту и обходительность твоей сестры.

И так долго упрашивала короля Брунхильда, что он наконец сказал:

— Тебе легко убедить меня: для меня самого не может быть приятнее гостей, и я пошлю к ним гонцов звать их к нам на Рейн.

Отобрал Гунтер тридцать человек из своей дружины и послал их в Ксантен к Зигфриду звать его с женою в Вормс на празднества, которые намеревался он устроить для них в конце зимы, до поворота солнца.

Через двенадцать дней послы Гунтера прибыли в город Нибелунгов. Сильно обрадовалась Кримхильда приезду бургундов, особенно увидев между ними родственника своего Гере: приятно было ей получить вести о своих милых родных на Рейне.

Радужно и ласково приняли в Ксантене послов Гунтера, но прежде чем согласиться ехать в гости на Рейн, Зигфрид собрал совет из преданных ему мужей.

— Король Гунтер с братьями прислал гонцов звать меня к себе на празднества, но земля его далеко, а просит он, чтобы ехала со мною и моя жена. Скажите же, милые друзья, как ей туда ехать? Ведь я должен служить им мечом, и мне, может быть, придется побывать ради них в тридцати землях.

Отвечали ему его советники:

— Если хочешь ты ехать на Рейн, то послушайся нашего совета: возьми с собою тысячу человек своих воинов для того, чтобы мог ты с честью присутствовать на празднествах.

Сказал тут и Зигмунд Нидерландский:

— Если намерены вы ехать на празднества, то и я готов ехать вместе с вами и возьму с собою сотню воинов, чтобы увеличить вашу свиту.

И решил тогда Зигфрид пуститься в путь через двенадцать дней. Большое горе ждало их на Рейне.

Королева Зигелинда в то время уже умерла; сына своего Зигфрид оставил дома, да и хорошо сделал. Старик же Зигмунд поехал с ними. Конечно, если б знал он, что ждало их на празднествах, он предпочел бы не видеть их. Никогда еще во всю его жизнь не выпадало ему большего горя.

Вернулись домой гонцы Гунтера и возвестили ему о скором приезде гостей.

— Завтра рано утром придут наши гости, — сказал Гунтер Брунхильде. — Никогда еще никому не бывал я так рад, и надо нам хорошенько их встретить. Желал бы я, чтобы ты выехала навстречу к моей сестре, как некогда выехала она к тебе. Не ждать же нам их здесь, в замке.

Согласилась Брунхильда и, наскоро все приготовив, замкунды наутро толпою спустились к Рейну встречать дорогих гостей.

Встреча была радушная и радостная, и Брунхильда крепко обнимала и целовала Кримхильду, — ни вражды, ни злобы не было еще в то время между ними, и, когда начались празднества, обе королевы были неразлучны и повсюду появлялись вместе.

XIV

О ТОМ, КАК КОРОЛЕВЫ ПОССОРИЛИСЬ

Как-то раз перед вечерней на дворе дворца рыцари забавлялись военными играми, а женщины смотрели на них из окон зала. Обе королевы сидели вместе, беседуя о двух доблестных рыцарях.

— У меня такой муж, которому должны быть подвластны все земли, — сказала Кримхильда.

— Это было бы так, если бы на свете жили только ты да он, — отвечала ей Брунхильда, — но пока жив Гунтер, этого не может быть.

— Ну, посмотри же, как прекрасен он в сравнении с другими рыцарями, — точно луна перед звездами, — отвечала ей Кримхильда. — И этому, конечно, я вправе радоваться.

— Как ни прекрасен и как ни отважен твой муж, а все же должна ты признаться, что уступает он Гунтеру, твоему благородному брату.

— Без основания не стала бы я хвалить своего мужа, — отвечала ей Кримхильда, — своими доблестями и подвигами он заслужил себе великий почет, и, поверь мне, Брунхильда, ни в чем не уступит он Гунтеру!

— Не сердись, Кримхильда, но и я говорю это не без причины: когда обоих их я увидела в первый раз, Зигфрид тогда же сам сказал мне, что он вассал, а потому и я с тех пор считаю его вассалом.

— Неужели же мои братья выдали бы меня замуж за вассала?! — воскликнула Кримхильда. — Не говори так, Брунхильда, прошу тебя по дружбе!

— Не перестану я так говорить, — настаивала Брунхильда, — не отказываться же мне от стольких прекрасных рыцарей, что вместе с королем своим обязаны нам службой! Я удивляюсь только, почему так долго не получаю от него я дани.

— Ну, уж того не дождешься ты, чтобы он стал твоим слугой! Он знатнее Гунтера, моего брата, и уж конечно, никогда не доживешь ты до того, чтобы стал он платить тебе дань с своих земель.

— Слишком уж высоко ты себя ставишь! Хотелось бы мне знать, оказывают ли тебе такой почет, как мне, — говорила Брунхильда.

Обе женщины пылали гневом.

— Ну, хорошо же, если мужа моего считаешь ты своим вассалом, то пусть посмотрят воины обоих королей, как я посмею войти в церковь впереди тебя! Сама я благородней любой из королев, носивших когда-нибудь корону.

— Если не хочешь быть моею служанкой, то должна ты идти в церковь отдельно от меня, со своей особой свитой.

— Конечно, так и будет!

Позвала Кримхильда своих девушек и дам и приказала им надеть свои самые пышные наряды. Брунхильда пошла в собор в сопровождении своей свиты; за Кримхильдой следовали дамы и девушки в богатых нарядах из аравийских тканей, а у дверей ожидали ее все воины Зигфрида.

Все дивились, видя, что идут они порознь, — до сих пор всегда ходили они вместе и были неразлучны. И немало бед пришлось потом претерпеть из-за того многим славным воинам!

Одновременно подошли они к собору, и у входа Брунхильда удержала вдруг Кримхильду.

— Остановись, — сказала она, — не должна служанка проходить впереди королевы!

— Так знай же, — вскричала тут Кримхильда, в сильнейшем гневе была тогда она, — ведь в день свадьбы победил тебя не брат мой, Гунтер, а Зигфрид. Как ты не догадалась, что это был один обман?

В доказательство Кримхильда показала Брунхильде кольцо и пояс.

— Кольцо это у меня украли, а пояс я сама потеряла, — отвечала Брунхильда.

Подошли короли, и жены их стали им жаловаться друг на друга. Но Гунтер и Зигфрид не обратили внимания на их речи. Никакой вражды между ними не было, и Зигфрид сказал только, что ему очень жаль, что жена его огорчила Брунхильду. «Надо запретить женщинам задаваться друг

перед другом. Скажи об этом ты своей жене, а я скажу своей», — прибавил Зигфрид.

На том они и разошлись.

Но Брунхильда не могла смириться и так была огорчена и тосковала, что многие из воинов Гунтера стали жалеть ее.

Пошел к ней Хаген из Тронье и, застав ее в слезах, поклялся отомстить за нее Зигфриду.

К нему примкнули Ортвин и Гернот, и стали они убеждать королей погубить Зигфрида.

Но братья душою были преданы Зигфриду.

— Ничем не заслужил он нашей ненависти, — говорил младший, Гизельгер, — и нет нам причины искать его смерти. Женщины часто ссорятся между собой из-за пустого.

— Ничего плохого не сделал он нам, кроме услуг, и мы не можем убить его, — говорил Гунтер.

Но не убедили они своих витязей.

Хаген, замыслив месть, не хотел уж от нее отказываться: при каждом случае старался он внушить Гунтеру, как много земель отошло бы к нему со смертью Зигфрида, и Гунтер стал задумываться.

— Укроти свою ненависть, — говорил он, — Зигфрид приносит нам лишь честь и славу, и если бы этот отважный, безмерно сильный человек узнал о твоих замыслах, то никто бы не посмел сразиться с ним.

— Только молчи, — говорил Хаген, — а я устрою так, что придется ему поплатиться за слезы Брунхильды: отныне Хаген питает к нему непримиримую вражду.

— Но как же это будет? — спросил Гунтер.

— Я скажу тебе, как это будет, — отвечал Хаген. — Мы найдем гонцов, которых здесь никто не знает, и велим им скакать сюда, в нашу землю, чтобы открыто объявить нам войну. Вы при гостях примете вызов и скажете, что будете собираться в поход. И все готово: Зигфрид поедет с вами и лишится жизни. Как поразить нам его насмерть, я выпытаю у его жены.

Послушался король злого Хагена, своего воина. Тайно ото всех замыслили они большое вероломство, и много рыцарей погибло из-за вражды двух женщин!

XV

О ТОМ, КАК В ВОРМСЕ ОБЪЯВИЛИ ВОЙНУ

На четвертый день прискакали во двор тридцать два всадника и возвестили королю Гунтеру, что явились они объявить ему войну и что посланы они от Людегера и Людегаста, которых когда-то победил и взял в плен Зигфрид.

И Гунтер притворно разгневался, как будто раньше об этом ничего не знал. Как мог бы тогда Зигфрид или кто другой не поддаться на обман?

Не раз Гунтер держал совет со своими воинами, и, может быть, дело еще уладилось бы, если бы не Хаген: тот твердо стоял на своем.

Случилось раз, что Зигфрид застал их за совещанием и спросил в чем дело.

Отвечал ему Гунтер:

— Печалит меня одна вещь: Людегаст и Людегер объявляют мне войну и опять хотят напасть на мои земли.

— Зигфрид постоит за твою честь, — отвечал ему отважный рыцарь, — расправлюсь с ними я, как прежде, и опустошу все земли их и замок. В этом я вам ручаюсь головой! Ты оставайся здесь со своими воинами, а я пойду на них со своею дружиною и докажу вам, как я всегда готов вам служить.

За это Гунтер его горячо поблагодарил.

Зигфрид со своими воинами стал готовиться в поход, но отца своего Зигмунда просил не ездить с ним, а остаться на Рейне.

Многие из воинов Гунтера ничего не знали о том, что затевалось, и по доброй воле присоединились к дружине Зигфрида.

Перед выступлением в поход Хаген из Тронье пошел к Кримхильде, чтобы проститься с нею.

— Как я рада, что имею мужем человека, способного так помогать моим родным, — сказала Кримхильда. — Помни, друг Хаген, что я всегда готова тебе служить и никогда не замышляла против тебя зла, а потому не вымещай на Зигфриде тех слов, которые сказала я Брунхильде. Муж мой уже и без того заставил меня в них раскаяться.

— Конечно, скоро вы с нею помиритесь, — отвечал ей Хаген, — и я прошу тебя сказать мне, чем могу я служить твоему мужу Зигфриду.

— Ты мне родня, и я готова доверить тебе моего милого, — сказала ему Кримхильда. — Так знай же, что муж мой, убив у подножия горы дракона, выкупался в его крови и оттого стал неуязвим, но когда он купался, липовый листок упал ему на спину между плеч, и кровь дракона не коснулась этого места. Потому-то и страшусь я за него, когда стоит он в битве под градом копий.

— Так пришей же своею рукой значок ему на платье, — отвечал ей вероломный, — чтобы по тому знаку мог я знать, как мне охранять его во время битвы.

— Ну, так я вышию на его платье шелком маленький крестик для того, чтобы ты мог как должно охранять его в битве с врагами.

На третий день Зигфрид, взяв тысячу своих воинов, выступил с ними в поход. Хаген ехал так близко к нему, что разглядел всю его одежду и, разглядев значок, послал двоих из своих людей к Зигфриду с иною вестью: Людегере отказывался идти войной на Гунтеровы земли и просил мира.

Неохотно повернул Зигфрид коня и поехал назад к Гунтеру.

— Награди тебя Господь, друг Зигфрид, за то, что так охотно исполняешь ты то, о чем я тебя прошу, — сказал ему Гунтер, — и я за это готов всегда тебе служить и доверять тебе больше, чем всем другим моим друзьям.

Но так как теперь мы избавились от похода, то хочу я выехать из Вормса на охоту за Рейн, чтобы позабавиться с собаками в Отенвальде, как я это делал нередко. Но надо предупредить моих гостей, что выезжаю я очень рано утром, чтобы те, кто хотят ехать со мной, были готовы. Но мне доставят удовольствие и те, кто останется здесь, чтобы служить дамам.

— Раз собираетесь вы на охоту, — отвечал ему Зигфрид, — то и я хотел бы ехать с вами, только дайте мне загонщика да несколько ищеек.

— Тебе нужен не один загонщик, — поспешно отвечал ему король, — если хочешь, я дам тебе четверых, хорошо знакомых с лесом и тропами, излюбленными зверем.

XVI

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД БЫЛ УБИТ

На другой день утром стал Зигфрид снаряжаться на охоту. Прощаясь, поцеловал он жену свою Кримхильду, и вспомнила она тут о тайне, которую выдала Хагену, но не посмела признаться в том Зигфриду и только залилась слезами. Стала она убеждать его не ездить на охоту.

— Недобрый сон приснился мне сегодня, — говорила она ему, — мне снилось, будто бы два вепря гнались за тобою по полю и вдруг покраснели все цветы. Боюсь я, Зигфрид, тех, кого мы, может быть, обидели или оскорбили. Боюсь их ненависти и мести.

— Я вернусь на днях же, да не знаю здесь я никого, кто бы питал к нам ненависть: все твои родные любят меня, да и сам я никому не сделал зла.

— Нет, Зигфрид, боюсь я, что суждено тебе погибнуть! Зловещий сон приснился мне — мне снилось, будто две горы вдруг на тебя обрушились в долину, и с тех пор уж никогда тебя я не видела. И теперь скорблю я всею душой, что хочешь ты от меня уехать.

Зигфрид обнимал и целовал свою жену, но все же поспешил проститься с нею, и никогда уж больше не видела она его живым.

Ради забавы с хозяином выехало в лес множество рыцарей, но Гизельгер и Гернот остались дома. Вскоре пошла потеха. Зигфрид охотился всех удачней и набил так много дичи, что остальные начинали уж опасаться, что для них ничего не останется в лесу. Но вот послышался призывный рог, — то Гунтер созывал охотников к месту привала. Весело и беззаботно подъехал Зигфрид к тому месту, где для охотников были приготовлены столы. После веселой забавы все стремились поскорее утолить голод и жажду. Однако за столом стали им подносить роскошнейшие яства и ни капли вина или питья. Так устроил Хаген.

— Одно удивляет меня, — сказал Зигфрид, — множество всяких яств приносят нам, а никто не подает нам вина. Если у вас тут такой обычай, то вперед уж я вам не товарищ!

— В этом виноват Хаген, — отвечал ему коварный король.

— Великий государь, — сказал тут Хаген, — я думал, что охота сегодня будет в Снессарте, и туда отправил все вина.

— Ну, не благодарить же тебя за это! — воскликнул в досаде Зигфрид. — А я так думаю, что заумов семь вина и питья надо бы сюда доставить, а если это было невозможно, то привал устроить бы поближе к Рейну.

— Не сердитесь, благородные рыцари, — сказал тут Хаген, — неподалеку есть источник со студеною водой, пойдемте со мной туда!

На беду многим рыцарям был дан им этот совет.

Жажда так томила Зигфрида, что он предложил поскорее идти в горы, чтобы напиться из источника. Приказали поскорее класть на подводы добычу Зигфрида, и все дивились множеству громадных и сильных животных, павших под его рукой.

Воины направились уже к развесистой липе, как вдруг Хаген сказал:

— Часто говаривали мне, что никто не может догнать Зигфрида, когда он пустится бежать. Не докажет ли он нам теперь это на деле?

И отвечал ему властитель Нидерландов:

— А вот увидите вы сами, если согласитесь бежать со мною наперегонки к источнику!

— Попробуем! — отвечал Хаген.

— Но только скажу вам, что бежать хочу я во всех доспехах — с колчаном, копьем, мечом и со щитом.

Хаген и Гунтер сняли с себя все платье и остались в белых рубашках; как две дикие пантеры, понеслись они к источнику, но Зигфрид раньше них был у воды. Так во всем одерживал он верх над остальными людьми. Поспешно отвязал он меч, снял колчан, к липовому суку прислонил свое могучее копье и стоял у источника, поджидая высоких гостей: как ни велика была его жажда, не хотел он пить до прихода короля.

Источник был так студен и светел! Гунтер, прибежав, бросился наземь и припал к воде прямо ртом: думали они, что и Зигфрид сделает то же. Между тем Хаген отложил подальше его лук и меч и, схватив копье, бросился вперед, ища значок на платье короля.

Тем временем Зигфрид уже склонился над ручьем, и Хаген, уловив минуту, пустил в него копье. Хорошо наметил он, — копье пронзило сердце! Кровь брызнула ручьем и обагрила платье Хагена, который так быстро побежал, спасаясь от мести Зигфрида, как никогда еще не бегал он за всю жизнь.

Почувствовав тяжелую рану, Зигфрид в ярости отскочил от ручья, — длинное копье засело у него в сердце, и бросился за луком или мечом, чтоб поскорее воздать Хагену за его дело. Но, не найдя меча, поднял он щит, лежавший у ключа, и бросился за Хагеном. Не убежал от него вероломный человек: смертельно раненный, он все же ударил его с такою силой, что драгоценные камни посыпались на землю и щит разбился. Так хотелось ему отомстить за себя! Хаген упал под ударом, от которого загудел весь остров. Будь в руках у Зигфрида не щит, а меч, то Хаген верно был бы мертв. Смертельной опасности избежал боец.

Сила Зигфрида изменила ему, — он не мог уже стоять, вся мощь его пропала, и смерть наложила уж на его лицо свою бледную печать. Упал он на цветы, и кровь потоком струилась из его раны. Не вынес он страдания и стал поносить предателей.

— Злые трусы! — говорил он. — Неужели своею службой заслужил я лишь то, чтоб вы меня убили? Вот как отплатили вы мне за мою верность! Много же горя приготовили вы вашим родным! Позор падет теперь на весь ваш род, и все добрые рыцари будут с презрением чуждаться вас.

Все сбегались к тому месту, где он лежал. Король замкундов стал было оплакивать его смерть, но раненый сказал:

— Нет нужды оплакивать беду тому, кто сам же ее готовил.

— Не понимаю, на что он плачется! — сказал свирепый Хаген. — Настал теперь конец заботам нашим и нашим бедам: отныне кто посмеет нам противостоять?

— Нетрудно теперь вам хвастаться, — сказал Зигфрид, — но если б знал я, что вы замышляете убийство, то, конечно, сумел бы защититься. Но ничто не печалит меня так, как жена моя, Кримхильда! Да еще, избави Бог, чтоб сына моего когда-нибудь не попрекнули, что родичи его кого-то убили вероломно!

И со скорбью так говорил он:

— Если способен ты, король, быть верен кому-нибудь, то прошу тебя, будь милостив и верен милой моей жене, и пусть она пользуется всем, что принадлежит ей как твоей сестре! Долго придется ждать меня отцу моему и моим людям! Никогда еще ни одной женщине не приводилось так оплакивать своего друга.

Зигфрид так ослабел, что не мог уже говорить; кровь потоком струилась из его раны и пропитала кругом траву и цветы; недолго пришлось ему бороться со смертью.

Так умер Зигфрид, и предатели стали было совещаться между собою о том, как скрыть им от людей злое дело Хагена.

— Надо сказать, что, когда он на охоте отъехал от нас один, разбойники напали на него и убили его. — Так решили они, но изменник Хаген сказал:

— Сам я отвезу его домой: мне все равно, — пускай все узнает та, что причинила столько горя госпоже моей. Меня не огорчат ее слезы.

Теперь скажу я вам правду о том источнике, при котором был убит Зигфрид: у Отенвальда лежит деревня Отенгайм, — там протекает еще и теперь этот источник, в том нет никакого сомнения.

XVII

О ТОМ, КАК КРИМХИЛЬДА ОПЛАКИВАЛА СВОЕГО МУЖА И КАК ЕГО ПОХОРОНИЛИ

Дождавшись ночи, Гунтер с охотниками переправились через Рейн. Желая довершить свою месть, Хаген приказал молча оставить тело Зигфрида у дверей Кримхильды, чтобы нашла она его там утром, отправляясь к заутрени.

Миновала ночь, и, чуть забрезжило утро, Кримхильда стала собираться к заутрени и потребовала огня и платья. В это время вошел к

ней камерарий, нашел он у дверей окровавленный труп и не узнал своего господина. Он поспешил в покои Кримхильды.

— Повремените выходить, — сказал он ей, — у дверей в ваши покои лежит убитый рыцарь.

Зарыдала Кримхильда при этих словах. Не зная еще, что это был ее муж, вспомнила она о расспросах Хагена, когда обещал он его охранять. Безмолвно упала она наземь, — так велико было ее горе, а потом стала громко кричать.

— Но, может быть, это не он, — говорила ей ее свита, но от горя кровь хлынула у ней изо рта, и она сказала:

— Нет, это Зигфрид, мой милый муж. Брунхильда научила, и Хаген его убил!

Приказала ока провести себя к трупу, белой рукой своей подняла его прекрасную голову и сейчас же узнала его, несмотря на кровь, покрывавшую его платье.

— Горе мне! — воскликнула она. — Щит твой не иссечен мечом — предательски убит ты, и знаю я, кто это сделал и кто замыслил твою смерть!

И вся свита ее громко рыдала и кричала от горя вместе со своей любимой госпожою.

Кримхильда приказала разбудить поскорее воинов Зигфрида и дать знать обо всем его отцу.

Король Зигмунд лежал в своих покоях не смыкая глаз, — зная, сердце его чуяло беду.

Не сразу поверил Зигмунд печальной вести, но вопли и рыдания, доносившиеся до него из покоев Кримхильды, скоро убедили его. Быстро вскочили с постелей его сто воинов и, схватив оружие, побежали туда, откуда неслись вопли; туда же поспешила и тысяча воинов отважного Зигфрида.

— На горе приехали мы в эту страну! — воскликнул Зигмунд, придя к Кримхильде. — Кто бы среди таких друзей мог лишить меня сына, а тебя мужа?

— Ах, если б знала я это наверно, — отвечала она, — я так отомстила бы ему, что все родичи его рыдали бы от горя!

Зигмунд обнимал своего сына и над телом поднялся такой плач и такой вопль, что звуки эти наполнили весь зал и дворец, даже весь город Вормс.

Все воины Зигфрида бросились к оружию, — хотели они сейчас же отомстить бургундам за его смерть и грозно потрясали своими щитами.

Когда Кримхильда увидала их вооруженными, горе ее еще усилилось: опасалась она, как бы воины Гунтера не перебили Нибелуигов.

— Что хочешь ты делать, Зигмунд? — воскликнула она. — Вы все погибнете, если вздумаете биться: у Гунтера найдется, по крайней мере, по тридцати воинов на каждого из вас. Оставайтесь здесь и разделите со мною мою печаль, а на рассвете помогите мне положить в гроб милого моего мужа.

— Мы так и сделаем, — отвечали ей воины.

Чудеса рассказывают о рыцарях и дамах, слышавших их жалобы и рыдания. Были они так горьки и трогательны, что все плакали вместе с ними — и рыцари, и дамы, и даже горожане и жены купцов.

Для Зигфрида был заказан роскошный гроб. Как только наступило утро, Кримхильда приказала нести покойника в собор. Там его встретили колокольным звоном и церковным пением. Туда же пришел и король Гунтер со своими воинами, а вместе с ним и свирепый Хаген.

— Вечно придется оплакивать нам твоего мужа, милая сестра! — сказал Кримхильде Гунтер, притворяясь огорченным.

— Напрасно так говоришь ты, — отвечала ему скорбная Кримхильда, — если бы ты не хотел, то этого и не случилось бы.

— Никто из моих людей не повинен в этом деле, — сказал Гунтер.

— Так пусть же тот, кто хочет доказать свою невиновность, подойдет к носилкам, — воскликнула Кримхильда, — и тогда мы узнаем всю правду!

Великое это чудо; нередко совершается оно и до сих пор: когда убийца приближается к убитому, раны раскрываются и снова начинают кровоточить. Так было и в этот раз. Рана Зигфрида открылась, и все тут увидели, что убийца — Хаген.

— Я вам скажу всю правду, — воскликнул Гунтер, — разбойники убили его, а Хаген тут ни при чем.

— Знаю я хорошо этих разбойников! — сказала Кримхильда. — Да поможет Господь его друзьям отомстить за его смерть! Вы совершили это, Гунтер и Хаген!

Воины Зигфрида опять готовы были броситься в битву, но Кримхильда снова удержала их.

Тут подошли Гернот и Гизельгер; искренно оплакивали они Зигфрида.

К полуночи был готов гроб, и положили в него тело. Но Кримхильда не хотела расставаться с своим мужем: три дня и три ночи плакала она над ним, и стоило большого труда опустить тело в могилу и похоронить его.

Много денег раздала Кримхильда за упокой души своего мужа, и сама три дня не пила и не ела, а вместе с нею и многие другие, хотя, по приказанию Зигмунда, питья и, еды заготовлено было вдоволь. Сам он тоже не мог ни есть, ни пить, и с тех пор никто уж не видал его веселым. Когда же после похорон понемногу пришел он в себя, воины его сказали ему:

— Поедем домой, государь, — тут нечего нам больше делать.

XVIII

О ТОМ, КАК КРИМХИЛЬДА ОСТАЛАСЬ, А СВЕКОР ЕЕ УЕХАЛ

Приказал Зигмунд провести себя к Кримхильде и сказал ей:

— Пора нам домой: здесь, на Рейне, сдается мне, мы немилые гости. Поезжай и ты со мною: в земле моей никто не заподозрит тебя в измене, — в этом поручусь я тебе моей любовью к сыну. Там будешь ты вполне пользоваться почетом и властью, которую дал тебе мой сын: вся страна и царство будут тебе подчинены и все воины Зигфрида будут охотно служить тебе.

Зигмунд отдал уже приказ готовиться к отъезду; узнав об этом, родичи и друзья Кримхильды стали упрашивать ее не уезжать.

— Это невозможно, — отвечала она, — не в силах я смотреть на тех, кто причинил мне столько зла! Я умру от горя, если буду видеть Хагена.

— Милая сестра, — сказал ей брат ее Гизельгер, — этого нетрудно избежать: ты будешь жить у меня, своего брата, и я постараюсь вознаградить тебя за смерть мужа.

К его просьбе присоединились и Гернот, и все ее родные.

— Там все будут для тебя чужие, — говорил ей Гернот, — останься лучше с друзьями.

Наконец слова их убедили Кримхильду, и она обещала остаться.

Сильно огорчился Зигмунд, узнав о ее решении, и вместе с ним и все воины Зигфрида.

— Да будут прокляты эти празднества! — говорил Зигмунд. — Никогда еще не приводилось мне переживать такого горя!

— Бог даст, еще раз побываем мы здесь, когда узнаем навверное, кто убил нашего господина, — говорили воины Зигфрида.

Ни с кем не прощаясь, без провожатых, выехали они из Вормса и спустились в долину к Рейну, — нет сомнения, Нибелунги сами сумели бы защититься от врагов, если бы кто-нибудь вздумал напасть на них.

Только Гернот и Гизельгер сами пошли проститься с ними.

— Видит Бог, неповинен я в смерти Зигфрида, — сказал Гернот, а Гизельгер заботливо проводил короля с его воинами вплоть до Нидерландов.

Кримхильда же осталась в Вормсе и не переставала оплакивать своего мужа и, как ни старался Гизельгер, не могла утешиться в своей скорби.

Прекрасная Брунхильда оставалась горда и надменна; ей дела не было до слез Кримхильды: не могла она чувствовать к ней никакой преданности. Зато же и Кримхильда причинила ей потом немало зла.

XIX

О ТОМ, КАК КЛАД НИБЕЛУНГОВ БЫЛ ПЕРЕВЕЗЕН В ВОРМС

Три с половиной года прожила Кримхильда в Вормсе, оплакивая мужа. При ней, кроме ее девиц и дам, состоял граф Экеварт со своею дружиной. Около самого собора сложили ей из толстых твердых бревен большой просторный дом, и она жила в нем со своею свитой, не ведая радости и посещая только храм. Во все это время она ни слова не сказала Гунтеру и ни разу не видела Хагена. Но вот сказал раз Хаген королю:

— Нельзя ли как-нибудь помириться тебе с твоей сестрой? Тогда, пожалуй, удалось бы перенести в нашу землю и клад Нибелунгов, а если бы королева была к нам благосклонна, то из него перепала бы малая толика и на нашу долю.

— Надо попробовать, — отвечал Гунтер. — Я попрошу братьев устроить так, чтобы королева согласилась повидаться с нами.

— Не думаю я, чтобы это тебе удалось, — сказал Хаген.

Переговорил Гунтер со своими братьями, и Гернот пошел к сестре.

— Слишком уж долго оплакиваешь ты Зигфрида, — сказал он ей, — король готов поклясться, что не он его погубил, а между тем тут только и слышат, как ты убиваешься по нему.

— Его убил Хаген, — отвечала она, — от меня узнал он, в какое место можно его ранить, и я, конечно, не открыла бы ему этого, если бы знала, что он питает к нему вражду. Я же никогда не прощу тому, кто это сделал.

Молодой Гизельгер присоединился к Герноту и стал убеждать ее помириться с Гунтером. Кримхильда наконец согласилась видеть и принять его, и Гунтер явился к ней в дом со всеми своими друзьями, — один только Хаген не посмел прийти: слишком уж много горя причинил он ей.

Никогда еще при примирении не было пролито столько слез; всем им простила Кримхильда — всем до одного: никто бы не убил его, если бы не убил его Хаген.

После того немного нужно было времени, чтобы убедить королеву перенести в Вормс клад Нибелунгов.

Достался ей он от Зигфрида в день свадьбы как утренний подарок. За кладом поехали Гизельгер и Гернот да еще двенадцать сотен воинов, которых Кримхильда дала им в помощь. Они должны были получить его от Альбриха, охранявшего его с преданными ему людьми.

Как только воины с Рейна явились в страну Нибелунгов, Альбрех сказал своим родичам:

— Не можем мы отказать им в кладе, потому что достался он в утренний подарок благородной королеве. Но никогда бы не случилось этого, если бы не похитил у нас тогда Зигфрид плаща-невидимки. И великая же беда постигла его за это и за то, что подчинил он себе нашу землю.

Делать было нечего, Альбрех пошел за ключами. Братья и воины Кримхильды стояли уже перед горой и, получив клад, переправили его на корабль и повезли вверх по Рейну. Клад этот состоял из одних лишь драгоценных камней и золота, и как бы щедро ни тратили его, он не становился меньше ни на одну марку. Недаром же зарился так на него Хаген. В кладе этом находился один золотой прутик, и тот, кто нашел бы его, мог бы стать господином над любым человеком в мире. И многие из родичей Альбреха, не желая навсегда утратить клад, пошли вместе с Гернотом в замкундскую землю. Когда же привезли клад к Кримхильде, им наполнили доверху все пустые покои и все башни. Но если бы клад этот был еще в тысячу раз больше, Кримхильда и то не утешилась бы им и отказалась бы от всего золота и от всех драгоценностей, лишь бы ей по-прежнему жить со своим мужем.

Как только разнеслась весть о том, что получила она в свои руки такие несметные богатства, множество рыцарей и воинов стали стекаться к ней

изо всех стран, и она щедро наделяла всех, как богатых, так и бедных. Сильно не нравилось это Хагену.

— Если будет она так раздавать свои сокровища, то, пожалуй, соберет такую силу, с какой нам и не справиться, — говорил он королю Гунтеру, не веря, чтоб Кримхильда окончательно отказалась от мести за смерть Зигфрида.

— Я поклялся не причинять ей больше зла, — отвечал Гунтер, — и не могу помешать ей распоряжаться тем, что ей принадлежит.

— Благоразумный человек не должен оставлять в руках женщины таких сокровищ, — говорил Хаген, — так и быть, пусть уж я один буду во всем виноват!

Скоро Хаген отобрал у Кримхильды ключи, и снова пришлось плакать вдове Зигфрида, и пошла она жаловаться братьям. Сильно разгневался Гизельгер, а Гернот сказал: «Столько хлопот и бед причиняет нам это золото, что всего лучше бросить его в Рейн, чтобы никто уж не мог владеть им». Но Кримхильда не согласилась и напомнила братьям, что обязались они охранять как ее саму, так и ее достояние. На том и случилось. Гизельгер и Гернот обещали ей со временем уладить дело.

Пришла нужда королю с братьями уехать на время из родной земли, и они взяли с собою всех своих самых преданных и лучших мужей. Один только Хаген отказался ехать с ними: было у него свое на уме.

Воспользовавшись отсутствием королев, он тайно опустил клад на дно Рейна; думал он потом когда-нибудь извлечь его оттуда. Но этот расчет его не удался. По возвращении братьев Кримхильда принесла им свою жалобу, и братья сильно разгневались было на Хагена, но потом все-таки простили его. И так через него лишилась Кримхильда и мужа, и всего своего достояния. Так целых тринадцать лет оплакивала она своего супруга.

XX

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ЭТЦЕЛЬ ПОСЛАЛ В ВОРМС ПОСЛОВ СВАТАТЬСЯ К КРИМХИЛЬДЕ

Так целых тринадцать лет в Вормсе Кримхильда оплакивала своего супруга.

Тем временем в далекой земле гуннов умерла королева Хельха, супруга могущественного короля Гуннов Этцеля^[5]. Двое сыновей было у него от Хельхи, и оба они еще при жизни матери погибли в битве при Равенне. Задумал Этцель еще раз жениться, и предложили ему в невесты вдову Зигфрида Кримхильду из земли бургундов. Долго колебался он, не

зная, годится ли ему жениться на христианке, и наконец, по совету верного слуги своего, маркграфа Рюдегера Бехларнского, решился послать в Вормс послов просить руки Кримхильды. Рюдегер Бехларнский сам взялся быть его сватом при бургундском дворе.

Пустился он в путь с большою свитой и по дороге заехал в свой Бехларн^[6], чтобы повидаться со своею молоденькою дочкой и верною супругой Готелиндой. Обрадовались его приезду его жена и дочь, но, узнав о смерти королевы Хельхи, Готелинда огорчилась: грустно показалось ей, что другая займет место ее доброй госпожи.

Но вот прибыл Рюдегер в Вормс. Никто не знал его там — ни короли, ни их воины. Один только Хаген был поражен, видя знакомое лицо.

— Давно не видал я Рюдегера, — говорил он, — но этот посол всей своей осанкой заставляет меня думать, что это сам отважный и славный Рюдегер пожаловал к нам из земли гуннов. — Знал его Хаген еще с давних лет, когда и сам он жил при дворе короля Этцеля.

— Что же могло привести к нам сюда на Рейн бехларнского воина? — спросил Гунтер.

Но в это время друзья окончательно узнали друг друга. Оба они рады были встрече, и Хаген радушно приветствовал далекого гостя. После ласкового приема Рюдегер торжественно изложил просьбу Этцеля. Бургунды собрались на совещание. Король и его братья были готовы принять предложение Этцеля, но Хаген противился.

— Вы не знаете Этцеля, — говорил он им, — если бы вы знали его так, как я, вы отклонили бы его сватовство, хотя бы сама Кримхильда приняла его. Ничего, кроме великой беды, нам оно не принесет.

— Друг Хаген, — возразил ему Гизельгер, — вот тебе случай доказать твою преданность: вознагради ее за то зло, которое ты ей причинил, и не противься тому, что должно дать ей новое счастье.

Но Хаген стоял на своем:

— Если наденет она корону Хельхи, она будет вредить нам как только может.

Но братья, предполагая, что Хаген отговаривал их лишь из вражды к Кримхильде, решили, во всяком случае, сообщить ей о сватовстве Этцеля. Маркграф Гере вызвался переговорить с нею.

— Сам Господь запрещает друзьям моим так издеваться надо мною, — отвечала ему Кримхильда, — что могу я дать тому, кто знает, что значит любовь доброй и преданной жены?

Тем не менее она согласилась принять посла Этцеля, Рюдегера. Она даже вышла к нему навстречу и ласково приветствовала его. Но когда

Рюдегер завел речь о сватовстве Этцеля, она остановила его: если бы маркграф Рюдегер мог знать, как тяжело и велико было ее горе, он, конечно, не стал бы уговаривать ее еще раз выйти замуж; она потеряла такого мужа, какого не имела еще ни одна женщина на свете.

Но Рюдегер продолжал убеждать ее, обещая ей любовь и преданность со стороны Этцеля и пытаясь соблазнить ее высокой честью быть супругой такого могущественного властителя, как Этцель.

Наконец она обещала ему подумать до завтрашнего дня. Всю ночь провела она без сна, но на другой день Рюдегер получил такой же ответ.

Видя, что все убеждения его пропали даром, Рюдегер тихонько шепнул королеве, что он готов вознаградить ее за все, что прежде она пережила. Слова эти поколебали ее.

— Так поклянись же мне, что кто бы ни причинил мне горе, ты первый будешь готов отомстить за меня! — сказала Кримхильда.

— Я готов дать клятву, — отвечал маркграф.

И Рюдегер поклялся со всеми своими людьми всегда служить ей верой и правдой, обещав, что воины Этцеля будут стоять за нее и что сама она всегда будет пользоваться почетом. В этом поручился он ей своею рукой. Одно только смущало ее еще — как выйти ей замуж за язычника? Но Рюдегер успокоил ее: немало христиан жило при дворе Этцеля и кто знает? — может быть, ей удастся обратить в христианство и самого великого короля. Задумалась Кримхильда: много друзей могла она приобрести у Этцеля, много было у него воинов, и все они должны будут служить ей, да и богатств немало будет у ней в руках... Быть может, удастся ей наконец отомстить и за смерть Зигфрида. И, подумав так, Кримхильда согласилась. В знак согласия при всех воинах подала она Рюдегеру руку, и вскоре вместе с ним покинула Вормс и отправилась на далекий Восток в землю гуннов. Ее сопровождали все ее девушки, а также и маркграф Рюдегер со своими воинами, обещавший служить ей до конца жизни.

XXI

О ТОМ, КАК КРИМХИЛЬДА ЕХАЛА В ЗЕМЛЮ ГУННОВ

Братья Кримхильды Гизельгер и Гернот проводили сестру до города Пфферринга на Дунае. Тут простились они с нею, и много горьких слез было пролито ими при прощании. Дальнейший путь ее лежал на Пассау. Тут была она принята с большим почетом дядей своим, епископом Пильгримом, братом богатой королевы Уты. На прощание дал он ей провожатых до Бехларна, где радушно приняла ее гостеприимная супруга

Рюдегера Готелинда. Отдохнув немного, поехала она дальше, и по мере того как ехала она от места до места, все увеличивалась и росла ее свита. Скоро поезд ее достиг притока Дуная Трайзена (Трайзена). При впадении его в Дунай был у Этцеля богатый замок Трейзенмаур; прежде жила здесь Хельха. Тут остановились они на три дня, чтобы отдохнуть.

XXII

СВАДЬБА КРИМХИЛЬДЫ И ЭТЦЕЛЯ

В Трейзенмауре присоединились к поезду неисчислимые полчища народов, подвластных Этцелю: были тут и руссы, и греки, и поляки, и валахи на своих быстрых, могучих конях; были тут и печенеги, на лету бившие из луков диких птиц.

У Тульна, в Австрии, ее встретил сам король Этцель со своею блестящей свитой, в которой состояли двадцать четыре короля и князья — его вассалы; вслед за всеми этими королями и князьями шел сам король Этцель с Дитрихом Бернским, королем готов. При виде такой пышной встречи сердце Кримхильды несколько смягчилось. Королеву сняли с лошади, два знатных князя понесли ее шлейф; король Этцель со своими рыцарями сошли с коней и пошли ей навстречу. Кримхильда в знак приветствия поцеловала его и двенадцать лучших его рыцарей. Потом начались военные игры, и в них приняли участие все воины — и язычники, и христиане.

На другой день после торжественной встречи поезд снова тронулся в путь. Этцель спешил с Кримхильдою в Вену, где он намеревался пышно отпраздновать свою свадьбу. В Вене великолепные празднества длились целых семнадцать дней, причем король Этцель и особенно Кримхильда щедро одаривали своих гостей. Тут многие, даже и не знавшие Кримхильды, узнавали ее по ее щедрости и роскоши ее подарков и дивились множеству золота и драгоценностей, которые привезла она с собой. Но среди всего этого почета и великолепия Кримхильда с горем вспоминала, как некогда на Рейне сидела она рядом со своим мужем, и глаза ее увлажнялись, и она спешила скрыть свои слезы, чтобы никто не заметил их. На восемнадцатый день утром Этцель и Кримхильда выехали из Вены. Достигнув Дуная, в Майзенбурге (Визельбург) сели они на корабль. От массы сомкнувшихся кораблей, на которых были раскинуты палатки и толпились рыцари и дамы, не видно было воды, и река казалась полем, на котором раскинулся лагерь. Так прибыли они в Этцельнбург, столицу Этцеля. Здесь торжественно встретил их народ и свита покойной

королевы Хельхи. Все, что привезла Кримхильда с собою из Вормса, все раздала она рыцарям и дамам и приобрела себе столько преданных друзей и слуг, сколько никогда еще не бывало у нее раньше. Так жила она с Этцелем в чести и почете и была сильнее и могущественнее даже самой покойной королевы Хельхи.

XXIII

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ЭТЦЕЛЬ И КРИМХИЛЬДА ПОСЛАЛИ ПОСЛОВ В ВОРМС ПРИГЛАШАТЬ К СЕБЕ СВОИХ ДРУЗЕЙ

Так прошло шесть лет; на седьмой год родился у Кримхильды сын. Долго убеждала она Этцеля и наконец уговорила крестить сына по христианскому обряду; его назвали Орглибом. Прошло и еще шесть лет. Уже целых тринадцать лет жила Кримхильда женою Этцеля, безмерно любимая им и сумевшая снискать преданность и любовь множества друзей, но все еще чувствовавшая себя на чужбине. В душе ее не умирало старое горе о погибшем Зигфриде; не умирала и ненависть к Хагену, — по его вине перенесла она столько несчастий и теперь должна была быть женою язычника; проснулась и прежняя вражда ее к Гунтеру. Не раз думала она, глядя на свою власть и могущество, что если бы была она ближе к бургундской земле, то сумела бы отомстить своим врагам. И мысль о мести не давала ей покоя и заставляла ее проливать горькие слезы. Но вот раз сказала она королю Этцелю:

— Много у меня знатной родни, но до сего дня ни один из родичей моих меня еще не посетил, и считают меня здесь безродной.

— Если бы жили они не так далеко, — отвечал Этцель, — то я охотно пригласил бы сюда с Рейна всех, кого ты желаешь видеть.

— Если хочешь ты доказать мне свою любовь и преданность, — продолжала Кримхильда, — то пошли на Рейн гонцов, пусть пригласят они сюда к нам моих родичей; при дворе твоём появится тогда много новых отважных рыцарей.

Согласился Этцель и потребовал к себе шпильманов своих, Свеммеля и Вербеля, и нарядил их послами на Рейн, к королю Гунтеру, наказав звать его и его родичей нынешним же летом ко дню поворота солнца к нему, королю Этцелю, на великий пир.

Перед уходом послов Кримхильда зазвала их к себе в покои и строго наказала им ни слова не говорить о том, что здесь видали они ее в печали, и всех звать до одного, а главное, стараться, чтобы Хаген не вздумал остаться дома: ему одному ведомы все пути и тропинки в землю гуннов и без него бургундам никогда не добраться до столицы короля Этцеля. В награду обещала она послам щедро наделить их по возвращении золотом и одеждами.

Не знали послы, какой умысел таился в ее словах, и обещали в точности исполнить поручение.

XXIV

О ТОМ, КАК ПОСЛЫ ЭТЦЕЛЯ ПРИБЫЛИ НА РЕЙН

Ровно через двенадцать дней послы Этцеля прибыли на Рейн. Удивился Гунтер, видя подъезжавших к Вормсу незнакомых людей, но Хаген из Тронье сейчас же узнал их. Приветливо и радушно встретил Гунтер гонцов и, расспросив о сестре и узнав, за каким делом они явились к нему, отпустил их, обещав дать ответ через семь дней.

Целых семь дней совещался Гунтер со своими людьми — принять им приглашение или нет. Хотелось братьям погостить у Этцеля и повидать сестру, и многие из друзей их советовали им принять приглашение, но Хаген решительно отговаривал их, напоминая потихоньку об убитом Зигфриде: никогда не забудет этого Кримхильда и всю жизнь будет готовиться к мести. Но братья не верили: Кримхильда еще перед отъездом помирилась с ними и простила им. Если же Хаген боится за себя, то может остаться дома. Рассердился Хаген: не из трусости, а по дружбе предостерегал он их, и уж если непременно хотят они ехать к Этцелю, то пусть, по крайней мере, возьмут с собой надежную дружину.

Согласился на это Гунтер и разослал гонцов в свои земли, созывая к себе воинов. Много славных рыцарей собралось к нему со своими воинами и между ними брат Хагена, Данкварт, и Фолькер, знатный шпильман. Не нравились такие сборы гонцам Этцеля, и хотелось им поскорее пуститься в обратный путь, чтобы известить Этцеля, но Хаген не отпускал их. «Лишь за семь дней до нас отпустим мы их в путь, — говорил он, — тогда Кримхильда не успеет против нас приготовить заговор, а если и захочет открыто повредить нам, то дружина наша будет в силах постоять за себя». Наконец отпустили гонцов, и они пустились в путь, не повидав Брунхильды.

Как же обрадовалась Кримхильда, узнав, что братья ее скоро придут в землю Этцеля и что даже Хаген приедет с ними, но, казалось, осталась недовольна, что придут с ними и Фолькер.

— Неохота мне видеть здесь Фолькера, — сказала она, — но Хаген славный воин, и ему я рада.

XXV

О ТОМ, КАК ЕХАЛИ БУРГУНДЫ К ГУННАМ

Никогда еще воины не снаряжались в путь с такою пышностью и никогда еще не получали они такого оружия и таких одежд. Как говорят, тысячу шестьдесят воинов и девять тысяч кнехтов одел рейнский фогт, ведя их с собою на празднество. Когда все были уже готовы, чтобы тронуться в путь, благородная королева Ута сказала своим сыновьям:

— Добрые витязи, не лучше ли вам остаться дома? Недобрый сон приснился мне нынче ночью: приснилось мне, что попадали мертвыми все птицы в нашей земле.

— Кто ищет совета у снов, тот, значит, сам не умеет сказать, что велит ему честь, — сказал на это Хаген и посоветовал королю и его братьям

скорее прощаться со своим двором.

Итак, тысяча шестьдесят воинов, тысяча Нибелунгов и девять тысяч кнехтов тронулись в путь вслед за своими королями и пошли к Дунаю вверх по Майну. Хаген из Тронье, надежда и опора войска Нибелунгов, ехал впереди, указывая им дорогу.

Придя к Дунаю, увидели они, что воды его выступили из берегов и нигде никакого судна, чтобы переправить войско. Рыцари сошли с коней.

— Беда! — сказал Хаген. — Посмотри сам, рейнский фогт, как разлилась река и как сильно тут течение: сдастся мне, еще сегодня потеряем мы многих добрых витязей.

— Как же быть, Хаген? — отвечал ему король. — Постарайся помочь нам и отыщи брод, чтобы могли мы благополучно переправить коней и одежды.

— Постараюсь, — сказал Хаген, — мне жизнь еще не надоела, и я не намерен утопиться в этой широкой стремнине и предпочту, чтобы прежде не один человек пал под моим мечом в земле Этцеля. Оставайтесь здесь на берегу, а я поищу перевозчика, который взялся бы переправить нас на тот берег в землю Гельфрата.

В полном вооружении, в шлеме и со щитом, пошел Хаген искать перевозчика. В то время как, ища перевозчика, бродил он взад и вперед по берегу, услышал он плеск воды; то были вещие девы: ища прохлады, они купались в холодных струях. Хаген стал было подкрадываться к ним, но они, заметив его, поспешно удалились, и Хаген мог только захватить их платье. Тогда одна из морских дев, звали ее Гадебургой, сказала ему:

— Благородный рыцарь Хаген, если отдашь ты нам наше платье, мы скажем тебе, благополучна ли будет ваша поездка ко двору короля гуннов.

Словно птицы, носились они перед ним по волнам, и поверил Хаген, что обладают они вещим разумом и могут предсказать ему будущее.

— Смело можете вы ехать в землю Этцеля, — продолжала она, — никогда еще ни в одной чужой стране большой почет не ожидал витязей.

Обрадовался Хаген и сейчас же отдал им их чудное платье, но только что надели они его, как одна из них опять заговорила и на этот раз сказала правду:

— Хочу я предостеречь тебя, Хаген, сын Альдриана, — заговорила Скгелинда, — ради платья своего сестра моя солгала: великий обман ждет тебя у гуннов, — лучше вернись, пока еще не поздно. Вас с тем и приглашали, чтобы все вы там погибли.

— Может ли это быть, — возразил Хаген, — чтобы все мы там погибли из-за чьей-то к нам ненависти?

— Никто из вас не уйдет оттуда живым, один только королевский капеллан благополучно вернется в Вормс.

— Трудно было бы мне сказать своим господам, что всем нам предстоит лишиться жизни в земле гуннов, — сердито перебил ее Хаген, — лучше научи-ка меня, мудрая женщина, как перебраться нам на ту сторону.

— Если уж не хочешь ты отказаться от поездки, — сказала она, — то вон там, выше, на берегу стоит постоянный двор. Только там и живет перевозчик.

— Послушай еще, что я скажу тебе, Хаген, — сказала другая. — Земля на том берегу принадлежит Эльзе, брату витязя Гельфрата, владельца Баварии. Нелегко пройти через его землю, и надо вам быть осторожней, чтобы не оскорбить его и не рассердить его перевозчика. Перевозчик охраняет вход в эту землю; он преданный слуга Гельфрата. Если он замедлит к тебе явиться, то крикни ему через реку, что ты Амелърих, — то был славный рыцарь, которого вражда заставила покинуть родину, и перевозчик сейчас же явится к тебе. Но надо дать ему награду за его труд.

Молча поклонившись, пошел Хаген вверх по реке и увидал на той стороне постоянный двор.

— Эй, перевозчик! — стал он кликать его через реку. — Перевези меня, и я дам тебе за труды золотое запястье!

Но перевозчик был богат и редко от кого принимал награду; слуги его тоже были надменны и горды. Видя, что никто не является на его зов, Хаген крикнул могучим голосом:

— Перевези меня, я Амелърих, воин Эльзе, из-за вражды покинувший родину! — В то же время он показывал золотое запястье, высоко подняв его на острие меча.

Тут перевозчик сам взялся за весла и поспешно переправился через реку. Но велик был его гнев, когда он убедился в обмане.

— Может быть, и зовут тебя Амелърихом, — сказал он, — да только ты не тот, за кого ты себя выдал: тот Амелърих был родной мой брат, и я, конечно, узнал бы его. Ты обманул меня, и оставайся здесь!

— Нет, я добрый рыцарь и хлопочу о своих воинах, — сказал Хаген, — будь же другом, возьми от меня награду и переправь меня на ту сторону, — я буду тебе за то глубоко благодарен.

— Нет, — отвечал перевозчик, — у моего любимого господина есть враги, — потому-то я и не перевожу чужих на нашу сторону, и если ты дорожишь жизнью, — выходи скорей из лодки!

— Полно, — настаивал Хаген, — не огорчай меня, возьми от меня на память это золото и перевези на ту сторону тысячу моих коней и столько же всадников.

— Никогда этого не будет, — сердито крикнул ему перевозчик и, схватив свое большое широкое весло, так сильно ударил им Хагена, что тот не устоял и упал на колени. Сердитый перевозчик нанес ему еще такой удар по голове шестом, что шест разбился.

Рассвирепев вдруг, Хаген выхватил свой меч и одним ударом снес ему голову и бросил ее в реку.

Как только убил он перевозчика, судно понесло течением. Некстати было это Хагену, и нелегко было ему вернуть лодку назад, и сильно пришлось ему налечь на весла, чтобы побороть течение. Но вот весло сломалось; живо Хаген связал его ремнем — на нем носил он свой щит, и поспешил пристать к лесистому берегу, где его ждал король и многие из его воинов.

Добыв лодку, витязи решили переправить вплавь коней, а воинов перевезти на лодке. Весь день продолжалась переправа. Хаген по очереди перевозил всех воинов: давно уж славился он как гребец. Когда наконец в

последний раз переезжал он реку, вспомнил он о капеллане. Стоял он в лодке, держа руку на священной утвари. Хаген вдруг схватил его и бросил в воду. Князя и воины вознегодовали на него, но Хаген, оттолкнув капеллана, не подпускал его к лодке, желая потопить его. Капеллан не умел плавать, но тут с помощью Божией поплыл назад и благополучно выбрался на берег. Одно лишь — пришлось ему пешком возвращаться на Рейн. Видя это, Хаген думал: да, всем этим воинам суждено погибнуть!

Когда переправа была окончена, Хаген в гнев разбил лодку в щепы и бросил в волны.

— Что делаешь ты, брат мой? — остановил его Данкварт. — Как же вернемся мы на Рейн из земли гуннов?

— Того не будет, — отвечал Хаген, — и лодку я разбил затем, чтобы трус, если такой найдется между нами, покинув нас в беде, погиб бы здесь при переправе, домой, до Рейна, не добравшись.

XXVI

О ТОМ, КАК ДАНКВАРТ УБИЛ ГЕЛЬФРАТА

После переправы король Гунтер спросил, кто же берется провести их через эту землю. И шпильман Фолькер сказал, что он берется вести их один.

Но прежде чем пуститься в путь, Хаген остановил их и рассказал им о своей встрече с вещими девами и о том, как, чтобы проверить их слова, хотел он потопить капеллана. Смутились рыцари, но делать было нечего: ни моста не было, ни лодки, чтобы вернуться вспять.

В полном вооружении, — Хаген им это посоветовал, — день и ночь без передышки шли они баварскими землями следом за Фолькером. С военным знаменем шел он впереди; отлично знал он здесь все дороги и тропинки. Хаген же с братом своим Данквартом охраняли путь их с тылу. Тем временем Гельфрат и Эльзе узнали уж о гибели своего перевозчика и, собрав огромное войско, погнались за Нибелунгами, чтобы отомстить им за смерть своего слуги. В яркую лунную ночь настигают они Нибелунгов, и завязывается кровопролитная битва. Поле битвы сплошь покрыто телами павших воинов. Но все же к утру бургунды побеждают, и Гунтер, ехавший впереди и ничего не знавший о сражении, удивлен и в то же время обрадован вестью о победе: искусный и смелый воин Гельфрат напал на Хагена и уже стал было его одолевать, но Данкварт поспешил на помощь брату и убил Гельфрата. Эльзе с войском поспешил бежать, бургунды потеряли в битве всего лишь четверых.

XXVII

О ТОМ, КАК МАРКГРАФ РЮДЕГЕР ПРИНИМАЛ У СЕБЯ КОРОЛЕЙ И ИХ ВОИНОВ

Наконец добрались Нибелунги до земель благородного маркграфа Рюдегера из Бехларна. Теперь они уже на границе владений Этцеля. Гостеприимно принял их маркграф в своем доме, и бургунды могли наконец отдохнуть от утомительного пути. Три дня проводят они тут, а на четвертый при прощании хозяева каждого наделяют дарами: панцирем, мечом, щитом и золотым запястьем. Юноша Гизельгер перед отъездом обручается с дочерью Рюдегера, Дитлиндой. Взяв с собою пятьсот своих воинов, Рюдегер сам провожает замкундов ко двору Этцеля и посылает вперед гонцов с вестью о прибытии гостей из Вормса.

XXVIII

О ТОМ, КАК НИБЕЛУНГИ ПРИХОДЯТ В ЗАМОК ЭТЦЕЛЯ И КАК ИХ ТАМ ПРИНИМАЮТ

Наконец пришли Нибелунги в землю гуннов. Тут навстречу им вышел с приветствием находившийся в то время при гуннском дворе Дитрих Бернский^[7], со своими славными воинами из страны Амелунгов^[8]. Нибелунги и Амелунги при встрече выказывают глубочайшее уважение друг к другу. После приветствия Дитрих, как бы предостерегая Нибелунгов, осторожно спрашивает их:

— Разве вы не знаете, что Кримхильда до сих пор еще оплакивает своего нидерландского воина?

— Довольно уж плакала она, — говорит на это Хаген, — Зигфрид много уже лет лежит, сраженный моею рукой. Короля гуннов должна она теперь любить, а Зигфрида уж не вернет!

Но Дитрих стоит на своем: пока жива Кримхильда, их может постичь великая беда.

— Берегись же, опора Нибелунгов! — говорит он.

— Как же мне беречься? — говорит король. — Сам Этцель послал за нами послов, чего же больше?

— Пусть лучше Дитрих расскажет нам, в каком расположении духа видал он королеву, — говорит Хаген.

— Одно только скажу я вам, — говорит Дитрих Бернский, — каждый день по утрам слышу я, как жена Этцеля громко и горестно взывает к Богу, оплакивая могучего Зигфрида.

— Что бы ни говорили нам тут, — дело сделано! — восклицает отважный шпильман Фолькер. — Будь что будет, должны мы скакать на праздник, а там увидим, что ждет нас, отважных витязей, у гуннов!

Но вот бургундские воины въезжают наконец во двор короля Гуннов, и Кримхильда, стоя у окна рядом с королем, с радостью видит бургундские гербы на щитах подъезжающих воинов. Гуннские же воины интересуются одним только Хагеном, убившим первого супруга Кримхильды, могучего Зигфрида, сильнейшего из всех богатырей. На него обращены все взоры в то время, как он въезжает во двор замка. Фигура его поражает и самого короля Этцеля; он спрашивает одного из приехавших с Кримхильдой бургундов, кто этот рыцарь. Замкунд отвечает ему, что это — Хаген, родом из Тронье, сын Альдриана, и Этцель вспоминает тут старые времена, когда сам Альдриан жил еще при его дворе, а юноши Хаген и Вальтер^[9] были товарищи его веселой молодости.

Прибывших гостей разместили, но не всех вместе, а по частям, в разных местах замка. Распорядилась так королева для того, чтобы отделить домашнюю свиту короля Рейна.

Тем временем Кримхильда вышла навстречу своим родичам. Неприветливо встретила она братьев и только Гизельгера поцеловала и подала ему руку. Увидя это, Хаген покрепче подвязал свой шлем.

— После такого приветствия отважным витязям следует остерегаться, — воскликнул Хаген, — тут по-разному встречают короля и его воина. Не к добру приехали мы на это празднество!

— Пусть приветствует тебя тот, кто рад тебя видеть, — сказала на это Кримхильда, — ты же сам по себе не получишь от меня привет. Скажи-ка лучше, что привез ты мне из Вормса с Рейна, чтобы заслужить горячий привет?

— Не знал я, что витязи должны возить тебе дары, а то привез бы тебе подарок, — для этого я достаточно богат.

— А что же клад Нибелунгов? Куда ты его дел? Тебе ведь известно, что принадлежал он мне, и ты должен бы был привезти его мне сюда, в землю Этцеля.

— Скажу тебе по правде, госпожа, — вот уже много дней, как я ничего не знаю о том кладе. Господа мои велели бросить его в Рейн, и там, вероятно, пролежит он до Судного дня.

— А все же казалось мне, что следовало привезти мне сюда хотя бы часть моего достояния. Много горьких дней пережила я, думая о нем и о том, кому он прежде принадлежал.

— Напрасно было так думать, — отвечал Хаген, — у меня и без того было что везти: мое копье и щит, блестящий шлем и этот меч, который держу я в своей руке.

После этого Кримхильда отдала приказ, чтобы никто из витязей не смел являться в зал с оружием в руках. Но Хаген наотрез отказался доверить кому-нибудь свое оружие.

— О горе мне! — воскликнула Кримхильда. — Почему же мой брат и Хаген не хотят расстаться со своим щитом? Они предуведомлены обо всем, и если б знала я, кто это сделал, тот заплатил бы мне за это жизнью!

Гневно сказал тогда ей Дитрих:

— Это я предупредил благородных и знатных королей и Хагена, могучего бургундского воина. Да только мне ты, ведьма, за это ничего не сделаешь!

Стыдно стало жене Этцеля; сильно боялась она Дитриха и поспешила молча уйти, бросая на врагов своих злобные взгляды.

XXIX

О ТОМ, КАК ХАГЕН И ФОЛЬКЕР СИДЕЛИ ПЕРЕД ЗАЛОМ КРИМХИЛЬДЫ

Стал Хаген искать себе товарища в неизбежно грозившем бою и, встретив Фолькера, искусного скрипача, уговорился с ним не разлучаться до конца. Вместе пошли они к залу Кримхильды и сели перед ним на каменную скамью, между тем как гунны смотрели на них как на диких зверей. Скоро и Кримхильда увидала из окна своего смертельного врага и заплакала от обиды. Удивились, видя ее слезы, воины Этцеля и стали спрашивать, что так огорчило ее.

— Хаген огорчает меня, отважные витязи, — отвечала она, — я готова вечно служить тому, кто отомстит ему за меня. У ног ваших прошу я вас — убейте Хагена!

Сейчас же вооружилось до шестидесяти воинов. Из любви к ней хотели они тут же убить Хагена, а вместе с ним и скрипача. Видя, что их так мало, Кримхильда сердито сказала:

— Откажитесь от своего намерения: вас слишком мало, чтобы напасть на Хагена. Знайте, как ни смел и как ни отважен Хаген, но тот, кто сидит с ним рядом, — скрипач Фолькер, еще отважнее его. Он страшный воин, и вы не должны так необдуманно нападать на этих витязей.

Тогда вооружилось еще немало воинов Этцеля, и набралось их всего около четырехсот. Кримхильда, надев корону, сама стала во главе этих четырех сотен и стала спускаться с лестницы, направляясь к витязям.

Увидя это, мудрый скрипач сказал своему товарищу:

— Посмотри, друг Хаген, вот идет сюда та, что вероломно зазвала нас в эту страну. Следом за нею идут воины с мечами в руках, видимо готовые к битве. Сдается мне, что под шелковыми одеждами они скрывают военные доспехи.

— Знаю я, все это направлено против меня, — с гневом отвечал ему Хаген, — но скажи мне, друг Фолькер, постоишь ли ты за меня, если воины Кримхильды вступят со мною в бой?

— Конечно, я буду стоять за тебя, — отвечал шпильман, — хотя бы тут против нас вышел сам король со всеми своими воинами.

— Господь да наградит тебя за это, благородный Фолькер, — ничего мне больше не нужно, если ты будешь сражаться со мною рядом. В таком случае этим воинам надо быть осторожнее.

— Но встанем со скамьи, — сказал шпильман, — она — королева, отдадим же ей должный почет.

— Нет, — отвечал Хаген, — воины, пожалуй, подумают, что я встал из страха перед ними. Думаю, что никому из нас не следует вставать, да и как буду я оказывать почет той, которую я ненавижу? Нет, не бывать тому, пока я жив!

Могучий Хаген, вынув из ножен свой светлый меч, положил его к себе на колена; в рукоятке его сверкала яшма, зеленая, как трава. Кримхильда, подойдя, узнала меч Зигфрида; вспомнила она свое горе, и слезы полились из ее глаз. Фолькер придвинул к себе поближе лежавший на скамье смычок, большой и длинный, похожий на меч, острый, светлый и широкий. Так неустрашимо сидели витязи в виду подходивших к ним воинов.

— Скажи-ка, Хаген, — начала Кримхильда, подойдя и остановившись перед воинами, — кто приглашал тебя сюда, что ты посмел приехать в эту землю, зная, какое зло мне ты причинил? Будь ты в своем уме, ты бы не поехал.

— Меня никто не приглашал, — отвечал Хаген, — а пригласили сюда трех славных витязей, — они мне господа, я их слуга, и редко оставался я дома, когда уезжали они со двора.

— Скажи же мне еще, чем заслужил ты мою ненависть? — продолжала Кримхильда. — Ты ведь убил Зигфрида, моего милого мужа, которого я буду оплакивать до самой моей смерти?

— Что тут толковать? — перебил ее витязь. — Это я, Хаген, убил Зигфрида. Дорого поплатился он за то, что королева Кримхильда вздумала порочить прекрасную Брунхильду. Теперь же мсти мне, кто хочет, — будь то женщина или мужчина! Не хочу я лгать, — много зла причинил я тебе, королева!

— Слышите, витязи, — сказала Кримхильда своим воинам, — не солгав, признался он во всем. Теперь мне все равно, что с ним будет!

Переглянулись воины, но ни один из них не решился напасть на витязей. Пропустив их, вскоре Хаген и Фолькер встали и пошли в

королевский зал, где находились их короли.

XXX

О ТОМ, КАК КОРОЛИ УДАЛИЛИСЬ НА НОЧЛЕГ И ЧТО ТОГДА ПРОИСХОДИЛО

Король Этцель ничего не знал о том, что происходило, и радушно угощал гостей. Когда наступила ночь, король Гунтер стал проситься на покой.Guestы отвели на ночлег в обширный зал, где для них были приготовлены роскошные постели.

— Горе моим друзьям, что пришли со мною сюда на ночлег, — воскликнул Гизельгер, — как ни ласкова была ко мне сестра, но все же боюсь я, что из-за нее все мы окажемся здесь мертвыми.

— Забудьте ваши заботы, — сказал тогда витязям Хаген, — сегодня ночью сам я стану со щитом в руке на страже: верой и правдой буду я охранять вас, пока не наступит день, а тогда пусть каждый постоит сам за себя!

С поклоном поблагодарили они его и пошли к своим постелям. На страже вместе с Хагеном стал и скрипач Фолькер. В полном вооружении, со щитами в руках, стали они перед домом. Сняв с руки щит, Фолькер прислонил его к стене, потом принес свою скрипку и, сев на камень при входе в дом, стал играть. На свете не бывало более искусного скрипача. Спасибо сказали ему витязи, заслышав сладостные звуки его скрипки. Его искусство было столь же велико, как и его отвага. Сначала струны его звучали так громко, что весь зал звенел, потом же стал он играть все мягче и сладостней и играл, пока озабоченные воины не заснули на своих постелях. Убедившись, наконец, что все уж спят, отложил он смычок и, взяв щит, снова стал рядом с Хагеном, охраняя покой своих товарищей.

Но вот глухою ночью во тьме блеснули шлемы, — то были вооруженные гунны, посланные Кримхильдой. Фолькер первый увидал их и сейчас же указал их Хагену.

— Молчи, пусть подойдут поближе, — сказал Хаген, — тогда мечами сшибем мы с их голов их шлемы.

Но один из гуннских воинов скоро разглядел, что у входа стояла надежная охрана: узнал он скрипача Фолькера и Хагена и предупредил о том своих товарищей. Воины Кримхильды сейчас же молча повернули назад.

Фолькер хотел было пойти за ними, но Хаген удержал его: опасался он, что завяжется битва и придется ему поспешить на помощь к товарищу,

а тем временем двое или четверо гуннских воинов проберутся в дом и перебьют спящих.

Остался Фолькер и только крикнул уходящим, чтобы знали они, что он их видел:

— Куда это идете вы так, с оружием в руках? Если вышли вы искать добычи, так захватите себе на помощь и меня с моим товарищем!

Ничего не ответили ему воины, и в гневе крикнул он им вслед:

— Ах вы, злые трусы! Неужели хотите вы перебить нас спящими? Редко случалось это с такими добрыми витязями, как мы!

Огорчилась королева, когда воины ее сказали ей, что не пришлось им исполнить ее поручения. В гневе иначе распорядилась она, и отважным витязям плохо пришлось от ее нового приказа.

XXXI

О ТОМ, КАК КОРОЛИ ПОШЛИ В ЦЕРКОВЬ

Наутро, когда рыцари стали одеваться, чтобы идти в храм к ранней обедне, Хаген посоветовал им надеть шлемы и панцири и вместо цветов взять в руки мечи и щиты. Удивился Этцель, увидев их идущими в храм в полном вооружении, и спросил, что это значит и не обидел ли их кто-нибудь. Но гордые витязи умолчали о вражде к ним Кримхильды, и Хаген сказал только, что на родине их существует обычай — на всех королевских празднествах не снимать оружия целых трое суток.

После обедни рыцари вышли на состязание, и Этцель с Кримхильдой смотрели на них из окна. Тут уже дело чуть было не кончилось схваткой, когда Фолькер пронзил копьем одного из гуннских воинов. Родственники убитого бросились уже к оружию, но Этцель предупредил столкновение: у одного вырвал он из рук копье, а остальных прогнал.

— Если тут у меня на глазах убьете вы этого шпильмана, я прикажу вас всех повесить. Сам видел я, как на скаку сразил он гунна, — причиной этому была одна случайность. Вы должны оставить в мире моих гостей.

С этими словами сам повел он их в зал, где были накрыты столы и приготовлена вода для умывания. Много врагов было уже у рейнских витязей среди гуннских воинов. Некоторые князья явились к столу, окруженные вооруженными воинами: все же хотелось им, если возможно, отомстить за своего родича.

— Большое неприличие делаете вы, садясь за стол с оружием в руках, — сказал им Этцель, — но помните: кто вздумает причинить хотя бы какой-нибудь вред моим гостям, тот поплатится за это головой.

Пока воины усаживались за столы, Кримхильда обратилась к Дитриху:
— Твоего совета прошу я, король Дитрих, — сказала она, — не откажи мне в твоей помощи и милости!

Услышал это старый витязь Хильдебранд.

— Кто вздумает убить Нибелунгов, тот должен сделать это без меня, — сказал он своему королю^[10], — ни за какие сокровища в мире не соглашусь я причинить им вред: они, бесспорно, самые доблестные воины.

Кримхильда же продолжала:

— Много зла причинил мне Хаген, — он убил Зигфрида, милого моего мужа, и я готова отдать все свое золото тому, кто отомстит за него. Пусть поплатится за это дело один лишь Хаген, — другим я не желаю зла.

— Разве возможно убить его одного? — возразил ей мейстер Хильдебранд. — Стоит лишь напасть на него, чтобы завязалась такая битва, в которой все должны будут расстаться с жизнью.

— Не проси меня об этом, королева, — сказал Дитрих, — родичи твои не причинили мне никакого зла, и я не имею причины напасть на них. Да и тебе мало принесет чести, если ты покусишься на их жизнь: пускаясь в путь, не ожидали они найти здесь свою гибель. Нет, Дитрих не станет мстить за Зигфрида.

Не найдя поддержки в Бернском, Кримхильда обратилась к Блөделю, обещая ему в награду марку, которою владел Нудунг, и в жены — его вдову. Сначала отказался было и Блөдель, брат короля, опасаясь гнева Этцеля. Но Кримхильда соблазнила его своим серебром и золотом, красотой невесты и богатыми замками, и Блөдель согласился.

— Надо молчать обо всем, — сказал он ей, — когда же наступит удобная минута, я подам клич и или Хаген поплатится за все, что тебе он сделал, или я сам лишусь жизни.

Блөдель сейчас же вооружил своих воинов и повел их в покои, где пировали слуги бургундских королей под наблюдением витязя Данкварта. Кримхильда же вернулась в зал, где король Этцель пировал со своими гостями, и, сев за стол, приказала привести туда и сына своего Ортлиба. Король Этцель сейчас же стал просить бургундского короля взять мальчика в Бургундию и воспитать там его, как прилично его роду и сану. Со временем он будет им верным другом и окажет немало услуг.

— Конечно, если бы он вырос, короли могли бы на него полагаться, — сказал тут Хаген, — но молодой король кажется мне таким слабым и тщедушным, что, пожалуй, немного придется мне служить ему.

Взглянул король на Хагена и ничего не сказал, но тяжело стало у него на сердце, и дух его омрачился. Хаген же был не в расположении шутить.

Вместе с королем речь его огорчила и всех князей. Неприятно было им спустить Хагену его дерзость, да и сам король был сильно недоволен этим гостем.

XXXII

О ТОМ, КАК БЛЁДЕЛЬ БИЛСЯ С ДАНКВАРТОМ

Тем временем Блөдель, вооружив своих воинов, отправился в покои, где пировали слуги Гунтера. Тут встретил его витязь Данкварт. Узнав, что пришел он туда не с миром, Данкварт одним ударом отсек ему голову. Жестокий бой завязался между воинами Блөделя и бургундскими кнехтами. Те из них, у кого не оказалось под рукой меча, хватали скамьи и стулья и с их помощью нанесли немало ран гуннам. Но на место павших воинов являлись свежие толпы гуннов, и бой не прекращался, пока не были перебиты до последнего все кнехты. Данкварт остался один, окруженный толпой врагов. Удары градом сыпались на него; щит выпал из его руки от тяжести копий, вонзившихся в него. Тем не менее Данкварту удалось пробиться сквозь толпу врагов и ворваться в зал, где пировал король со своими гостями.

XXXIII

О ТОМ, КАК ДАНКВАРТ ПРИНЕС ВЕСТЬ КОРОЛЯМ

— Слишком долго засиделся ты тут, брат Хаген, — крикнул Данкварт, появляясь весь в крови, с мечом в руках, — я с жалобой пришел к тебе и к Богу: перебиты все рыцари и кнехты, пировавшие в покоях для гостей.

— Кто же это сделал? — крикнул Хаген.

— Сделал это Блөдель со своими воинами и за то сам поплатился своею головой.

— Но скажи же теперь, брат мой, отчего ты так красен? Или тяжело приходится тебе от ран?

— Я цел и невредим, — отвечал Данкварт, — кровь же, что на моем платье, пролили враги под ударами моего меча.

— Ну, так, брат Данкварт, стань у двери и не выпускай отсюда никого из гуннов! Теперь же выпьем чашу в честь короля и скажем ему спасибо за вино! Пусть будет первым молодой король! — С этими словами Хаген одним ударом отсекает Ортлибу голову, которая скатывается на колени Кримхильде.

За Ортлибом убивает он его дядьку и шпильмана Вербеля, приходившего приглашать бургундов в землю гуннов, а потом, закинув за спину щит, неистово носится он по залу, нанося удары направо и налево. Друг и товарищ его Фолькер ни на шаг не отстает от него: громко звучит смычок в его руке, и грозно гремит его песня. Много врагов нажил он тогда себе среди гуннов.

В самый разгар ужасного боя Кримхильда, найдя Дитриха, просит вывести ее из зала. Трудно казалось Дитриху остановить бойцов, но все же обещал он попробовать. Вскочил он на стол и, размахивая рукою, стал кричать: «Остановитесь!» Могучий голос его звучал, как бараний рог.

Услыхал его Гунтер и, думая, что потерял он кого-нибудь из своих воинов или родичей, остановил резню.

— Что случилось, Дитрих? Если кто-нибудь из наших причинил тебе ущерб, готов я повиниться и вознаградить тебя за все.

— Никто не причинил мне никакого ущерба, — отвечал Дитрих, — но хотелось бы мне беспрепятственно уйти со своею свитою из зала, не вступая в битву. За то обещаю я служить тебе верой и правдой.

— Хорошо, — сказал Гунтер, — уходи сам и уводи с собою сколько хочешь своих людей. Одни только враги мои должны остаться здесь. Много зла причинили они мне в гуннской земле.

Тогда Дитрих подал одну руку королеве, а другую королю Этцелю и вывел их из зала; за ним последовало шестьсот его витязей. Потом пропустили и Рюдегера и с ним пятьсот его воинов, а затем резня возобновилась. Все гунны, оставшиеся в зале, были перебиты.

XXXIV И XXXV

О ТОМ, КАК БИЛСЯ ИРИНГ С ХАГЕНОМ И КАК ОН БЫЛ УБИТ

Недолго отдыхали Нибелунги. После боя собрали они всех убитых и раненых гуннов, всего числом до двух тысяч, и выкинули их из зала, спустив с лестницы, причем даже легко раненные должны были убиты насмерть. Потом Хаген выступил вперед и стал громко издеваться над гуннскими воинами и порочить короля Этцеля за то, что ушел он из битвы, а Кримхильду за ее второе супружество. Не выдержала королева и в гневе воскликнула:

— Тому, кто убьет Хагена и принесет мне его голову, я до краев наполню золотом щит короля и щедро наделю его замками и землями!

Маркграф датский Иринг услышал ее слова и взялся убить Хагена. Прикрывшись щитом, пускает он в него копье; Хаген отвечает ему тем же. Копья разбиваются, и витязи хватаются за мечи. Но тщетно нападает Иринг на Хагена: противник ему не по силам; тогда нападает он на Фолькера, потом на Гунтера, на Гернота, на Гизельгера. Гизельгер сшибает его с ног такою силой, что Иринг падает без памяти. Но, придя в себя, вскакивает он на ноги, снова нападает на Хагена и наносит ему мечом глубокую рану. Но раненый поднимает свой меч и могучими ударами гонит врага с лестницы.

Кримхильда благодарит Иринга и сама принимает от него щит. Иринг распускает завязки своего шлема и дает своей разгоряченной кольчуге простыть на вечернем ветре. Потом он снова вооружается и опять нападает на Хагена. Искры дождем сыплются из их мечей. Наконец Хаген ранит его

мечом и вдобавок пускает ему в голову копье и тем кладет его на месте. Чтобы отомстить за него, выступают со своими воинами его спутники: Гавард Датский и ландграф Ирнфрид Тюрингенский, но и они все до последнего перебиты бургундами.

XXXVI

О ТОМ, КАК ТРИ КОРОЛЯ ВЕЛИ ПЕРЕГОВОРЫ О ПРИМИРЕНИИ С СЕСТРОЮ И КОРОЛЕМ ЭТЦЕЛЕМ

— Отвяжите свои шлемы и отдохните, — сказал Хаген, — мы перебили столько гуннов, что Кримхильда долго не забудет этого пира.

Рыцари сняли шлемы и присели на тела убитых. Только Хаген и Фолькер не снимают оружия и охраняют вход в зал.

Но до наступления ночи король и королева успели собрать новые толпы воинов и послали их против Нибелунгов. Отчаянная борьба продолжалась до ночи. Наконец гордые рыцари, умирая от усталости, решились начать переговоры о мире и просили привести к ним короля Этцеля. Гунтер с братьями, все в крови и черные от панцирей, вышли на двор: не знали они, кому пожаловаться на причиненные им беды.

— Чего вы хотите? — спросил король Этцель, выйдя к ним с королевою Кримхильдой. — Вы убили моего сына, и за то никто из вас не уйдет отсюда живым.

— Нужда заставила нас сделать это, — отвечал ему Гунтер, — вся моя свита была перебита твоими воинами. Я приехал к тебе, веря, что не встречу здесь вероломства.

— А вы, воины Этцеля, оставшиеся в живых, — заговорил Гизельгер, — какую вину знаете вы за мною? Что я вам сделал? Дружелюбно ехал я в вашу страну.

— От вашей доброты весь замок полон воплей и рыданий, — отвечали воины, — лучше бы никогда не переправлялись вы сюда из-за Рейна!

— Всем нам будет лучше, если согласитесь вы покончить миром эту вражду, — сказал Гунтер, — мы ничем не заслужили, чтобы Этцель так обращался с нами.

— Неравно потерпели мы в этом деле, — отвечал король Этцель, — за мои утраты и за причиненный мне позор вы должны заплатить жизнью.

— Ну, так дайте нам выйти из дому и будем сражаться. У вас много воинов, не бывших еще в битве, и им нетрудно будет нас одолеть!

Так сказал им король Гернот, и витязи Этцеля уже готовы были согласиться на его предложение, но Кримхильда услышала и

воспротивилась.

— Послушайтесь моего совета, — сказала она, — не выпускайте их из зала: будь у них в живых всего лишь три моих брата, и то, если бы прохладил ветер их панцири, они наделали бы много бед! На свете не бывало еще более отважных бойцов!

— Милая сестра, — сказал тогда Гизельгер, — когда так любовно звала ты меня сюда из-за Рейна, мог ли я думать, что такое горе ожидало меня здесь? Я всегда был тебе верен и никогда не делал зла и, выезжая сюда, думал найти в тебе друга. Так будь же теперь к нам милостива!

— Не могу я помиловать вас, — отвечала Кримхильда, — уж и раньше много горя причинил мне Хаген из Тронье; теперь же еще убил он моего сына. Но если согласитесь вы выдать мне моего врага, то я постараюсь помирить вас со здешними витязями.

— Того не допустит Бог! — воскликнул Гернот. — Если бы была нас тут целая тысяча, мы все полегли бы мертвые, прежде чем выдали бы тебе хоть одного из нас!

— Итак, мы должны умереть! — подхватил Гизельгер. — Пусть же выходят биться с нами все кто хочет! Никогда еще не платил я другу вероломством!

Разъяренная Кримхильда приказывает загнать Нибелунгов в зал и поджечь его со всех четырех концов. Сильный ветер раздувает пламя, и скоро все здание стоит в огне. Воины терпят страшные муки от нестерпимого жара. Муки их еще усиливаются от невыносимой жажды. Хаген советует доведенным до отчаяния воинам утолить жажду кровью убитых.

— В жар это еще лучше вина, — говорит он, — и в нашем положении больше нечего делать.

Воины следуют его совету и, припав к свежим ранам, с жадностью пьют кровь. Между тем головешки градом сыплются в зал, и Хаген дает совет стать вдоль каменных стен и прикрываться от головешек щитами. Сам же Хаген с Фолькером по-прежнему стоят на страже у входа в зал.

Перед наступлением утра оба они по совету Фолькера вошли в зал, надеясь, что гунны, никого не видя, подумают, что все гости погибли уж в огне. Но вот утренняя прохлада освежила бойцов; вместе с тем и пламя сократилось, пожрав все, что было ему доступно. Но в обгоревшем зале были еще живы все три короля и с ними шестьсот отважных воинов.

Узнав от согладатаев, что еще не все Нибелунги погибли, Кримхильда снова вызывает против них бойцов, соблазняя их полными щитами золота.

Но непобедимы бургундские бойцы, и гунны не могут ворваться в зал, хотя число их скоро удваивается.

XXXVII

О ТОМ, КАК БЫЛ УБИТ РЮДЕГЕР

С горем смотрел Рюдегер, как погибали бойцы с той и другой стороны, и слезы катились по его лицу.

— О горе мне! — восклицал он. — С какою радостью покончил бы я дело миром, но теперь король уже ни за что на это не согласится.

Добрый Рюдегер послал спросить Дитриха, не может ли он уладить дело, но Дитрих отвечал, что это невозможно, — король ни за что не пойдет на примирение.

Увидел плачущего Рюдегера один из гуннских воинов и указал на него королеве.

— Вот стоит тот, кто пользуется у тебя с королем наибольшей властью и почетом, — сказал он, — никого не наделял король столькими замками и землями, как его, а между тем в этой битве он не нанес еще ни одного удара. Говорят, что никого нет отважнее его, мне же сдается теперь, что это ложь.

Взглянул на него Рюдегер и подумал: за это ты должен поплатиться! И, сжав кулак, бросился на гунна и ударил его с такою силою, что тот замертво повалился у его ног.

— Так вот же тебе, злой трус! — воскликнул Рюдегер. — И без тебя довольно у меня горя! И я изо всех сил бился бы с гостями, если бы не сам я привел их сюда. Потому-то и не могу я напасть на них.

Заплакала Кримхильда, видя, как Рюдегер сшиб с ног гуннского воина.

— Говорил ты нам всегда, Рюдегер, что за меня с королем готов отдать и жизнь, и честь; мне же клялся ты служить верой и правдой до самой нашей с тобой смерти! Сдержи же свою клятву: никогда еще не нуждалась я так в твоей службе.

— То правда, клялся я в этом, — отвечал ей Рюдегер, — и всегда готов я отдать за вас свою честь и жизнь, но никогда не клялся я погубить за тебя свою душу: ведь сам я привел сюда твоих высокородных братьев.

— Припомни, Рюдегер, как мне клялся ты в неизменной верности и в том, что поможешь мне отомстить тому, кто меня обидел или причинил мне вред. Теперь тебе напоминаю я об этой клятве.

Славный Этцель тоже стал его упрашивать и вместе с королевой кланялся ему в ноги.

— Горе мне, забыл меня Господь! — воскликнул Рюдегер. — На чью бы сторону ни стал я теперь, я все равно поступлю нехорошо и бесчестно; если же останусь я в стороне — меня осудят все люди. Научи меня, Господи, что делать!

— Возьми от меня назад все замки и земли, золото и все сокровища, что дал ты мне за мою службу, — го-ворил он Этцелю, — пусть неимущий и босой уйду я на чужбину из твоей земли.

— Что в том мне толку? — отвечал ему Этцель. — Готов я отдать тебе и остальные свои замки и земли, — пусть со мною наряду станешь ты могучим королем, лишь отомсти за нас нашим врагам!

— Могу ли я на них напасть? В свой дом привел я их, кормил их своим хлебом и поил своим вином, дружбу свою и верность им обещал и оделял дарами, молодому Гизельгеру отдал я в жены свою дочь, — так как же мне теперь убить их?

— Сжался над нами, благородный Рюдегер, — молила его Кримхильда, — подумай обо мне и о короле! Никто никогда не терпел еще столько бед от своих гостей.

— Хорошо же! Сегодня еще заплатит вам Рюдегер за все, что вы с королем для него сделали, — заговорил наконец Рюдегер, — нельзя дальше раздумывать: сегодня же должен я умереть. Сегодня же земли мои и замке станут свободны и возвратятся вам. На вашу милость оставляю я жену свою и дочь и всех, кого покинул я в Бехларне.

— Да наградит тебя Господь! — отвечал ему король.

Рюдегер приказал своим воинам вооружиться и повел их к зданию, где засели Нибелунги. Издали увидал его Гизельгер и обрадовался: думал он, что это друг шел к ним на помощь. Но Рюдегер, приблизившись к залу, опустил на землю свой щит и громко проговорил:

— Защищайтесь, благородные бургундские витязи! Не радость приношу я вам, а горе. Прежде были мы с вами друзья, а теперь стали враги!

Тщетно напоминали ему Гунтер и Гернот о прежней его любви к ним и верности.

— Ах, если бы Господь судил вам вернуться на Рейн, а мне умереть здесь с честью! — восклицал только Рюдегер.

— Награди тебя, Господь, Рюдегер, за твой подарок, — сказал Гернот, — твое оружие и теперь еще при мне. — Ни разу еще не изменяло оно мне в нужде.

— Что делаешь ты, Рюдегер? — заговорил и Гизельгер. — Неужели хочешь ты так скоро видеть вдовою свою дочь? Не по-дружески

поступишь ты, если нападешь теперь на нас и на меня, — ведь веря твоей дружбе, решился я жениться на твоей дочери.

— Не забудь своего обета верности, благородный король, — сказал ему на это Рюдегер, — и если Бог даст тебе уйти отсюда невредимым, не вымещай моей вины на бедной девушке.

— Но я буду обязан это сделать, — отвечал Гизельгер, — если в этом бою погибнут мои родичи или друзья, должна порваться и моя крепкая дружба к тебе и моей жене.

— Да будет же над нами милость Божия! — воскликнул Рюдегер и поднял щит. Воины уже готовы были ринуться в зал.

— Пстой еще минуту, благородный Рюдегер, — крикнул ему Хаген, — есть у меня большое горе: тот щит, что маркграфиня подарила мне перед отъездом нашим из твоего дома, теперь изрублен гуннами в щепы. На то была воля Божья! Но если бы теперь был у меня на руке щит, столь же надежный, как твой, то не боялся бы я гуннских копий.

— Вот тебе мой щит, Хаген, надень его на руку и дай тебе Бог благополучно вернуться домой на Рейн!

Охотно предложил Рюдегер Хагену щит, и в эту минуту много глаз наполнилось слезами. Это был последний дар, что поднес воину Рюдегер Бехларнский.

Смягчился даже суровый Хаген от такого дара и вместе с Фолькером обещали они не трогать Рюдегера в битве.

Рюдегера с воинами пропускают в зал, и начинается горячая битва. Рюдегер ударом меча повергает наземь бургундского воина. Гернот спешит к нему на помощь и бьется с Рюдегером. Градом сыплются удары их острых мечей, щиты бесполезны, воины отбрасывают их в сторону. Рюдегер могучим ударом рассекает стальной шлем Гернота; в то же время Гернот мечом, подаренным ему Рюдегером, наносит ему удар по голове, и оба рыцаря падают мертвые. Скоро не остается в живых ни одного из бехларнских воинов.

Когда кончился бой и все затихло в зале, Кримхильда, испугавшись тишины, решила, что Рюдегер изменил ей и готов заключить мир с Нибелунгами.

Услыхал это Фолькер и вскипел негодованием.

— Неприлично тебе, королева, говорить так о Рюдегере, — крикнул он ей, — он так ревностно стремился исполнить твое поручение, что и он сам, и все его воины погибли мертвыми. А если вы этому не верите, то вот, смотрите! — При этих словах из зала вынесли изрубленное мечами тело Рюдегера. Испугался король — никогда еще не бывало с ним такой беды.

Горько заплакали все мужчины и женщины; дворцы и башни замка наполнились стонами и воплями. Отчаянные возгласы Этцеля звучали как львиный рев.

XXXVIII

О ТОМ, КАК БЫЛИ УБИТЫ ВСЕ ВОИНЫ ДИТРИХА

Один из воинов Дитриха Бернского услышал громкие жалобы и рыдания и поспешил известить о том Дитриха; думал он, что убит сам король или королева. Тогда Дитрих послал разузнать в чем дело. Посол его вернулся в слезах.

— Что ты узнал? О чем плачешь ты так, витязь Гельпфриг?

— Есть о чем мне плакать и на что жаловаться, — отвечал посол, — король Гернот убил нашего доброго Рюдегера.

— Это дело дьявола! — воскликнул Дитрих. — Чем провинился перед ними Рюдегер? Знаю я, всегда был он расположен к бургундам.

— Если это так, — воскликнул отважный Вольфгарт, — то они все заплатят за это жизнью! Немало служил нам Рюдегер своей рукой, и было бы нам стыдно, если бы мы это спустили Нибелунгам.

Вождь Амелунгов приказал позвать к себе своего старого учителя Хильдебранда и просил его пойти к гостям и расспросить их, как было дело.

Тем временем готские витязи Дитриха, исполненные гнева и вражды к бургундам, вооружились без спроса и без его приказа и отправились вслед за витязем Хильдебрандом.

Увидал их отважный Фолькер и сказал королям бургундов:

— Вижу я — враждебно идут к нам воины Дитриха с оружием в руках и в шлемах. Хотят они на нас напасть. Дивлюсь я, что сделали мы этим витязям.

В эту минуту подошел Хильдебранд; опустив к ногам щит, стал он спрашивать воинов Гунтера:

— Гей вы, добрые воины, что сделали вы с Рюдегером? Прислал меня сюда король мой Дитрих узнать, правду ли нам сказали, будто один из вас сразил своей рукой маркграфа Рюдегера.

— Правдива эта весть, — отвечал свирепый Хаген, — и как же был бы я рад, если бы оказалась она ложною и был бы еще жив Рюдегер, которого должны теперь вечно оплакивать и мужи и жены.

Заплакали воины при этих словах, и слезы смочили их бороды и щеки!

Потом стали они требовать, чтобы выдали им тело Рюдегера, но бургунды не согласились на это.

— Пусть Амелунги сами возьмут его и вынесут из зала! — насмешливо кричит им Фолькер.

Обе стороны обмениваются вызывающими речами. Наконец Амелунги хватаются за мечи, и завязывается горячий бой. Фолькер убивает племянника Дитриха и вслед за тем сам убит Хильдебрандом. Племянник Хильдебранда, Вольфгарт, сражается с Гизельгером, и оба бойца одновременно убивают друг друга. Из бургундов остаются в живых только Гунтер и Хаген. Хаген стремится отомстить за гибель Фолькера и наносит Хильдебранду удар мечом своим Бальмунгом, которым некогда убил он Зигфрида. Хильдебранд, напрягая все силы, защищается от ударов Хагена и наконец, тяжело раненный, спасается бегством, чтобы известить Дитриха о происшедшем.

Дитрих с ужасом узнает, что все его готские воины пали за исключением одного лишь Хильдебранда.

Громко оплакивает Дитрих своих воинов, но потом достает свои военные доспехи и оружие, вооружается с помощью Хильдебранда и идет сам сразиться с оставшимися в живых бургунами.

Мрачно и безмолвно стоят они перед входом в дом, прислонившись к стене.

— Вот идет сюда король Дитрих, — говорит Хаген из Тронье. — Конечно, он желает сразиться с нами за то, что мы перебили его воинов. Но как ни грозен он и как он ни силен, а я все-таки готов вступить с ним в бой.

Услыхали это Дитрих и Хильдебранд. Пошел Дитрих туда, где стояли у стены бургундские витязи, и опустил на землю свой щит.

— Как мог ты, король Гунтер, славный чужеземный витязь, причинить мне такое горе? — печально заговорил Дитрих. — Мало того, что убили вы Рюдегера, вы перебили еще и всех моих воинов! Никогда не утешусь я в такой потере. Подумайте же теперь о себе самих.

— Вина наша не так уж велика, — отвечал Хаген, — воины твои сами ворвались вооруженные к нам в зал. Тебе, верно, не совсем так передали дело.

— Чему мне верить? Хильдебранд сказал мне, что мои амелунгские воины потребовали от вас выдачи тела Рюдегера, а вы отвечали на это только насмешками.

— Они хотели вынести из зала тело Рюдегера, а я отказал в этом, но чтобы досадить королю Этцелю, а не им, — сказал Гунтер.

— Будь по-твоему, — отвечал Дитрих, — но все же, славный король, должен ты вознаградить меня за обиду: сдайся мне в плен, ты и твой воин, и я буду охранять вас как только могу, и тогда никто из гуннов не причинит вам здесь никакого вреда. Во мне найдете вы не врага, а друга и защитника.

— Бог не допустит, чтобы сдались тебе в плен два воина, еще так бодро стоящие под оружием, — воскликнул Хаген, — то было бы дурное и позорное дело!

— Не отказывайтесь так легко, — продолжал Дитрих, — вы причинили мне такое горе, что по чести должны бы были вознаградить меня за него. Я же даю вам слово, что с почетом провожу вас в вашу землю или же сам погибну. Ради вас готов я позабыть свою обиду.

— Напрасно уговариваешь ты нас, — перебил его Хаген, — ведь о нас станут говорить, что два храбрых воина сдались тебе в плен, между тем как при тебе никого не было, кроме Хильдебранда.

Тут вмешался в переговоры и Хильдебранд, убеждая воинов принять мир на таком условии:

— Господин мой потерпел от вас обиду и по праву требует себе удовлетворения.

Но все убеждения напрасны. Хаген первый стремительно нападает на Дитриха и, несмотря на всю свою усталость, довольно долго выдерживает борьбу с могучим и свежим врагом.

Наконец Дитрих наносит ему глубокую рану и, отбросив щит, связанного отводит его к королеве и передает его ей. Кримхильда приказывает заключить его в темницу. Между тем Дитрих возвращается к Гунтеру и после горячей схватки и его, связанного, приводит к королеве.

— Вот, госпожа, — говорит он ей, — привел я тебе таких пленников, каких никому еще не удавалось захватить, а потому прошу тебя: ради меня не причиняй им зла.

Кримхильда обещает, и отважный воин поспешно уходит от нее, заливаясь слезами.

Кримхильда же приказала заключить в темницу и Гунтера, но отдельно от Хагена, чтобы они не могли видаться и говорить между собою.

Несколько времени спустя пошла королева к Хагену и злобно заговорила с ним.

— Если отдашь ты мне то, что ты у меня взял, то, пожалуй, вернешься еще в бургундию живым, — сказала она ему.

— Напрасны твои слова, благородная королева, — отвечал ей грозный Хаген, — я поклялся, что не откроюклада никому, пока жив хоть один из моих господ.

«Ну, доведу же дело до конца!» — подумала королева и приказала убить своего брата. Ему отрубили голову и за волосы принесли ее к Хагену. Велико же было его горе! Увидя голову своего короля, витязь сказал Кримхильде:

— Нет уже в живых бургундского короля; нет в живых ни Гизельгера, ни Фолькера, ни Данкварта, ни Гернота: кроме меня да Бога, никто не знает места, где скрыт клад, и для тебя, ведьма, теперь он потерян навсегда!

— Плохо же расчелся ты со мной! — воскликнула Кримхильда. — Ну, по крайней мере, я оставлю у себя хоть меч Зигфрида, — был он при моем милом в то время, когда вы вероломно лишили его жизни.

Сказав это, вытащила она из ножен меч и отсекла им Хагену голову.

Увидал это король Этцель и сильно огорчился.

— О горе! — воскликнул он. — Рукою женщины убит тут лучший боец, когда-либо бывавший в битвах и носивший щит! Жаль мне его, хотя и был он мне врагом!

— Это убийство принесет ей мало пользы! — воскликнул Хильдебранд. — Что бы со мною ни было и хотя и мне самому причинил он много горя и бед, но все же намерен я отомстить за смерть этого отважного витязя.

В гневе бросился он к Кримхильде и стал наносить ей удары своим мечом. Напрасно в ужасе металась она и кричала — Хильдебранд изрубил ее в куски.

Заплакали тут король Этцель и Дитрих, и долго и горько оплакивали они своих родичей и воинов. Много пало тогда честных воинов, и весь народ горевал и оплакивал их. Бедою сменился королевский веселый пир! Так часто радость уступает место горю.

Песня о Кудруне

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон

I

О ТОМ, КАК ЖИЛ В ИРЛАНДИИ КОРОЛЬ ЗИГЕБАНД

Вырос в Ирландии богатый король Зигебанд, сын Гере и королевы Уты. Отец его Гере владел многими замками и семью царствами. Дома же было у него более четырех тысяч воинов, и их трудами он ежедневно увеличивал свою честь и имущество.

По смерти короля Гере стала королева Ута советовать своему сыну жениться. Послушался ее совета Зигебанд и приискал себе невесту — самую лучшую и самую богатую девушку родом из Норвегии. За нею последовала в Ирландию большая свита и семьсот воинов. Зигебанд встретил свою невесту на границе двух земель, там, где западный ветер начинал уже задувать с морской волны.

Все встречали невесту радостно и торжественно. Но невеста была королева, Зигебанд же не был еще посвящен в рыцари и, казалось, был неровня, а потому родственники его поспешили опоясать его мечом, а вместе с ним и еще пятьсот воинов, наделив их платьем и оружием. С тех пор многие годы правил он Ирландией, и слава и честь его никогда не убывали. Через три года родился у него сын, и при крещении ему дали имя Хагена. Родители неусыпно заботились о мальчике. Сначала ходили за ним благородные дамы и прекрасные молодые девушки, когда же исполнилось ему семь лет, он начал скучать среди женщин и почти все свое время проводил с воинами. Но потом он уже больше не знал их: был он унесен далеко оттуда. Малым ребенком уже не мог он равнодушно смотреть на оружие и сейчас же надевал на себя и шлем и кольчугу, как только находил их где-нибудь на дворе или в доме. Но и того должен был он потом лишиться. Раз сидел король Зигебанд со своею женою на ступенях крыльца под тенью кедра, и стала королева, его жена, просить его задать пир.

Слишком уж редко собираешь ты к своему двору отважных своих воинов, говорила она, неприлично поступать так королю, богаче которого не знают короля на свете, которому принадлежит столько замков и обширных земель, столько серебра и драгоценных камней и столько тяжелого золота. Чем же и награждать королям своих воинов, проливающих за них кровь в битвах с врагами, как не пирами, забавами и играми да щедрыми дарами?

Внял король Зигебанд советам своей жены и приказал сзывать к себе гостей на пир к тому времени, когда лето придет на смену зиме.

Богатый праздник давал король Зигебанд своим друзьям и родне — собралось гостей при его дворе до восьмидесяти шести тысяч и длился праздник уже девять дней: пиршествам, играм, турнирам, всякой музыке и пению, казалось, не предвиделось и конца, но на девятый день все переменилось: радость и веселье вдруг сменились горем. В то время как

какой-то странствующий скоморох привлек к себе внимание всех гостей своей потешной игрой, одна прекрасная молодая девушка водила за руку сына владельца Ирландии по двору замка; их сопровождали женщины, ходившие за ребенком, а также многие преданные хозяину люди. Вдруг из дома донесся до них громкий взрыв хохота собравшихся там гостей. Воспитатели Хагена пошли посмотреть, в чем дело, и на минуту упустили из виду мальчика и молодую девушку.

Тут-то постигла их беда, причинившая много скорби хозяину и королеве. Прилетел дикий гриф, — его с любовью воспитал сам король Зигебанд, конечно, себе же на горе: через этого грифа должен был он лишиться своего маленького сына. Гриф был так велик, что там, где он пролетал, от его крыльев ложилась тень, точно от облака. В это время молодая девушка стояла одна с ребенком перед домом.

Гриф летел, и деревья падали под ударами его крыльев. Завидя его, девушка бросилась бежать, оставив ребенка одного. Все это было так необычайно, что, право, могло бы прослыть за чудо. Гриф с свирепым видом спустился над мальчиком и схватил его своими когтями. Долго пришлось плакать о том отважным добрым воинам. Перепугались люди, подняли страшный крик, а гриф тем временем успел подняться с мальчиком высоко на воздух и скрылся в облаках.

Горько плакал Зигебанд с женой о своем сыне; оплакивали смерть мальчика и родные короля. Всем стало не до пира, и гости собрались разъезжаться по домам. Король Зигебанд не удерживал их, но, по совету жены своей, строго соблюдавшей все рыцарские обычаи, отпуская гостей, все же щедро наделил их богатыми дарами.

II

О ТОМ, КАК ГРИФ ПОХИТИЛ ХАГЕНА

Но оставим их плакать и поведем рассказ о том, как в быстром полете дикий гриф уносил с собою дитя. По милости Бога оно было еще живо, но все же много пришлось ему натерпеться, когда старый гриф принес его к своим птенцам. Прилетев в гнездо, гриф выпустил дитя из когтей, и один из птенцов сейчас же схватил его, но не мог проглотить. Птенцы собрались было разорвать его на части когтями, но тут один из них, подхватив мальчика, унес его далеко от гнезда, перелетая с ним с дерева на дерево. Но молодой гриф не рассчитал своих сил и опустился на ветку, для которой оказался слишком тяжел. Ветка подломилась, и гриф очутился на земле, — конечно, он охотнее очутился бы в своем гнезде. При падении гриф

выпустил дитя, и малютка спрятался в траве. Там просидел он некоторое время и наконец почувствовал сильный голод, а между тем ему нечего было есть.

Великие чудеса творит Господь, надо в том сознаться. Три королевских дочери, похищенные тем же грифом, скрывались тут же неподалеку. Никто не мог бы сказать, чем питались они в течение столь многих дней. Несомненно, сам Отец Небесный милостиво пекся о них. Не суждено было Хагену оставаться одному, и он нашел молодых девушек в пещере одной скалы. Женщины, видя, как он осторожно прокрадывался к горе, приняли его сначала за свирепого карлика или за чудище морское. Хаген тоже увидал их, но они сейчас же спрятались от него в пещеру. Недружелюбно смотрели они на него, пока не убедились, что он — христианин.

— Как смеешь ты приходить к нам сюда, в наше убежище, данное нам самим Господом Богом? — заговорила старшая. — Ступай, ищи себе товарищей в бурном море. Нам и без тебя здесь тяжело.

— Позвольте мне остаться с вами, — отвечал Хаген, — поверьте мне, я — христианин. Один из свирепых грифов похитил меня и принес сюда, к этой скале. Мне очень хотелось бы остаться с вами, не могу же я жить здесь один.

Тогда приветливо приняли они к себе малое дитя и стали расспрашивать его, откуда и как он к ним попал.

— Сильно нуждаюсь я в пище, — говорил между тем Хаген, — не уделите ли вы мне питья и хлеба? Вот уже три дня, как я ничего не пил и не ел с тех самых пор, как похитил меня свирепый гриф.

— Дело-то в том, — отвечала ему одна из женщин, — что редко приходится нам видеть здесь нашего виночерпия и стольника.

Тут принялись они разыскивать разных кореньев и трав, чтобы накормить ими сына Зигебанда, и в обилии принесли ему всего того, чем

питались сами. Для него была то совсем незнакомая пища, но голод заставил его отведать и травы.

Так жил он у женщин много дней, и они охотно давали ему приют и заботились о нем.

Но вот неведомо откуда принесло по морю к скале корабль с Божьим войском^[11]. Сильно били его могучие волны прибоя и разбили наконец в щепы, из людей же, бывших на нем, никто не спасся. Когда все это случилось, прилетели свирепые грифы и унесли в свои гнезда тела погибших людей. Много женщин стосковалось с тех пор от долгих расспросов о своих близких.

Заготовив пищу птенцам, старые грифы покинули свои гнезда и полетели прочь через море, неведомо в какой конец света; страшного соседа оставили они себе на горе.

Увидал Хаген, что на морской берег выкинуло море вещи потонувших людей, и решил пойти поискать там съестных припасов. Очень тихо и осторожно прокрался он к берегу, опасаясь свирепых грифов. Там из погибших нашел он только тело одного человека в полном вооружении. Не пренебрег он кольчугой и снял ее с него; захватил он также лук и оружие, лежавшие рядом с утопленником. Так малое дитя вооружилось. Но тут словно ветер пронесся в воздухе: позамешкался маленький воин, — летел то старый гриф; Хаген же был слишком далеко от своей скалы. С гневом ринулся гриф вниз на прибрежный песок и хотел было сразу проглотить бывшего жителя своего гнезда. Но отважный мальчик показал тут себя настоящим воином. Собрав свои силенки, натянул он лук и пустил в грифа несколько острых стрел. Но не мог он пробить ими кожи грифа. Как же ему спастись? Тогда попытался он взяться за меч. Он слышал, как женщины плакали и в то же время поощряли его. Распалившись гневом, замахнулся он мечом и отсек грифу крыло и так перебил ему ногу, что тот не мог уже двинуться с места.

Победа осталась за ним: гриф был мертв. Но вскоре прилетел другой, и опять попал он в великую беду. Так Хаген бился с грифами, пока не перебил их всех: и старых и молодых. Конечно, в том помогал ему Господь: своими силами не мог бы он исполнить такого дела.

Совершив великое чудо, велел он женщинам выйти из пещеры.

— Выходите насладиться воздухом и солнцем, раз Господь Бог посылает нам такую радость, — сказал он им.

Обрадовались женщины и стали целовать его в уста. Владыка их лежал недвижим, и ничто уже не мешало им покидать пещеру и удаляться от горы.

Так, испытав беду, одинокий чужеземный гость научился скоро так стрелять, что без промаха на лету попадал в птицу. Научился он также и размышлять о том, что надо ему сделать.

Как часто для развлечения подходил он к морю! Видел он там рыб, плававших в воде, и мог бы поймать их, но все равно не мог бы их есть: редко дымилась его кухня, и не было дня, когда бы он не скорбел об этом.

Раз пошел он из своего приюта в лес. Там увидел он много смелых проворных зверей. Один из них хотел было его съесть, но он убил его своим мечом. Был он похож на хамелеона. Начал Хаген снимать с него шкуру и почувствовал, что сила его возрастает. Захотелось ему испить его крови, и, напившись ее, получил он огромную силу. Разные мысли стали тогда приходить ему в голову. Хаген закутался в шкуру убитого животного; тушу отнес он домой. Таким образом, женщины постоянно пользовались его добротой и от новой пищи возвышались и сердцем и духом. Дров было у них довольно, но не было огня, и Хаген высек несколько искр из твердого камня. Таким образом, научились они пользоваться тем, что прежде оставалось для них неизвестным. Но некому было служить им, и они должны были сами готовить себе кушанье на огне. От перемены пищи все они стали сильнее и красивее; сам же неукротимый Хаген получил силу, равную силе двенадцати взрослых мужчин. Но всех их очень огорчало что, казалось, должны были они навсегда остаться в пустыне. Попросили раз они Хагена проводить их к морю. Они шли, стыдясь себя, — так плохо было их платье, изготовленное их собственными руками после того, как нашел их Хаген.

Двадцать четыре дня шли они лесом. Наконец, увидел юноша корабль, шедший с тяжелым грузом из Гараден. Хаген принялся громко звать его, несмотря на ветер и бурные волны. Корабль трещал, приближаясь к берегу; бывшие на нем люди, увидя на берегу девушек, испугались, приняв их за русалок. Владелец корабля был Сальмейским графом. Он раньше уже хорошо знал Хагена и его род. Он был их сосед. Но сын Зигебанда Ирландского не узнал никого из пилигримов. Граф не позволил своему кормчему пристать к берегу. Несчастный рыцарь стал тогда просить их именем Бога взять его на корабль с этого безлюдного песчаного берега, и мореходы приободрились духом, когда так смело назвал он Христа.

Граф сам двенадцатый спустился в лодку. Не терпелось ему узнать, были ли то лесные духи или же дикие чудища морские. Никогда еще всю свою жизнь не видал он таких красивых существ. Но прежде чем выйти на берег, стал он их спрашивать.

— Скажите мне, крещены вы или нет и что вы тут делаете? — говорил он, глядя на красивые фигуры девушек, едва прикрытых молодым мхом.

И стали они просить его взять их с собою на корабль.

III

О ТОМ, КАК ХАГЕН ПОПАЛ НА КОРАБЛЬ

Прежде чем принять их на корабль, им привезли платье, которое пилигримы везли к себе домой. Как ни были они скромны, но должны были надеть его, хотя и стыдились носить мужское платье.

На корабле молодых девушек встретили прекрасные рыцари и обошлись с ними почтительно и вежливо, как с королевскими дочерьми, хотя и приняли их было прежде за злых и нечистых духов.

Напоив и накормив их, граф из Гарадеи стал расспрашивать молодых девушек, как попали они на морской берег, и расспросами своими вновь заставил их пережить все старое горе.

— Знай, что родом я из дальних стран — из славной Индии, — сказала старшая, — отец мой был там королем, но мне, к моему горю, никогда уж не придется носить короны.

— И я тоже родом издалека, — сказала средняя, — дикий гриф похитил меня в Португалии, где отец мой был славным и могучим королем.

— Я же родом из Изерландии, — сказала младшая, — властителем ее был мой отец. Но, к горю моему, я очутилась слишком далеко от тех, кто должен был меня воспитывать.

— Но если уж суждено было вам лишиться своих родных и друзей, то надо благодарить Бога, что он, по милости Своей, послал меня вам на пути, — сказал им граф и, обратившись к Хагену, стал спрашивать его, кто он такой и как сюда попал.

— Я скажу тебе это, — отвечал ему Хаген, — один из грифов похитил также и меня. Отца моего зовут Зигебандом; я родом из Ирландии и долго жил у этих женщин, терпя горе и нужду.

— Но как же могли вы сохранить жизнь, находясь так долго во власти грифов? — с удивлением спрашивали все, бывшие на корабле.

— На то была воля Божья, — отвечал Хаген, — я перебил всех грифов от старого до молодого, не оставив ни одного в живых.

— Неужели же ты так силен? — восклицали путники. — Недаром же будут теперь прославлять тебя и мужчины и женщины. Нас целая тысяча не могла бы сделать того, что сделал ты.

Но граф и его свита стали побаиваться такого ребенка, опасаясь, как бы он своей неизмеримой силой не причинил им бед. Хотели было они хитростью лишить его оружия, но он с гневом воспротивился.

— Немало вреда пришлось мне претерпеть от твоих родных, — сказал тогда ему граф, — в горячей битве перебили они и забрали в плен моих воинов, а потому и ты теперь должен остаться у меня пленником.

— Неповинен я в этом деле, — отвечал ему Хаген, — отвезите меня к моим родным, и я легко помирю вас с ними.

Но граф не согласился.

— Ты будешь моим пленником, — говорил он, — а этих прекрасных девушек беру я в свою свиту.

Обидны и позорны показались Хагену слова графа.

— Не хочу я быть твоим пленником! — гневно сказал он. — Пусть никто и не думает о том, если хочет остаться цел. И этим женщинам нет никакой нужды поступать в твою свиту, они спасутся и без тебя! Эй вы, корабельщики, — продолжал он, — отвезите меня на мою родину, и я дам вам в награду много сокровищ и драгоценных платьев. Послушайтесь меня, будьте умнее! Переставьте паруса и направьте корабль свой в Ирландию!

Видя его упорство, граф приказал было силою отнять у него оружие. Но едва лишь люди его приблизились к нему, как он стал хватать их за волосы и бросать в волны. Так побросал он в море человек тридцать; если бы не молодые девушки, он убил бы и самого графа: не делал он разницы между богатым и бедным, простым и знатным человеком.

Увидали пилигримы, что не сладить им с ним, и повернули корабль свой в Ирландию.

Торопились корабельщики, избегая гнева Хагена, и семнадцать дней работали неустанно. Наконец стали они приближаться к берегам Ирландии, и Хаген узнал ее обширные замки. Увидал он и высокий дворец у самого моря и крутом него триста крепких надежных башен. Тут жил король Зигебанд со своею женою. Пилигримы стали опасаться за свою жизнь: если бы воины Зигебанда узнали их, они перебили бы их всех. Славный Хаген понимал это.

— Я хочу помирить вас с моим отцом, — сказал он гостям, — и пошлю к нему гонцов. Пусть они известят его обо мне, и я в награду за их службу дам им много золота. Отец мой и мать моя не пожалеют его для меня.

Позвал он к себе двенадцать пилигримов.

— Скажите королю, — наказывал он им, — что если он желает, он может видеть сына своего Хагена, похищенного грифом. Но знаю я, что благородный король не поверит вам. Спросите тогда королеву, признает ли она меня за своего сына, если увидит на груди моей золотой крест.

Гонцы поспешили на берег.

Увидал Зигебанд послов и узнал, что приехали они из Гарадеи; были то его враги, и король и все его воины рассердились при виде их.

— Как осмеливаетесь вы подъезжать к этому берегу? — крикнул он им.

— Нас послал к тебе сын твой, молодой Хаген, — отвечал один из них, — он так близко, что тебе нетрудно было бы повидаться с ним.

— Напрасно вы пытаетесь обмануть меня, — отвечал им Зигебанд, — он так погиб, что мысль о его смерти часто наполняет скорбью мое сердце.

— Если ты не веришь нам, то спроси жену свою, королеву. Она должна помнить, не носил ли он на своей груди золотого креста. По кресту могли бы вы признать своего сына.

Сказали о том королеве. Обрадовалась она вести — часто приходилось ей грустить о сыне.

— Надо нам ехать и посмотреть самим, — сказала она, и король приказал седлать коней для себя и для лучших людей из своей свиты.

— Послушай моего совета, госпожа, — сказал тут королеве один из пилигримов, — захвати с собою платья для молодых девушек: они принесут тебе только честь, если ты возьмешь их в свою свиту.

Женщины захватили с собою богатые платья и вместе со многими отважными воинами последовали за королевой туда, где на морском побережье стоял Хаген, окруженный воинами из Гарадеи, нашедшими его на чужбине.

IV

О ТОМ, КАК ХАГЕН БЫЛ ПРИНЯТ СВОИМ ОТЦОМ И МАТЕРЬЮ

Съехавшиеся воины и женщины тесной толпой окружили Хагена.

— Ты ли это тот витязь, который послал к нам гонцов и просил королеву признать его своим сыном? Если это правда, то я рад этому от всей души.

— Пусть люди посторонятся, чтобы я могла увериться, действительно ли он — наследник нашей короны, — сказала королева.

Она узнала крест на груди Хагена и признала в нем своего сына. Со слезами обняла она его и поцеловала в уста. Король тоже плакал от

радости. Чужеземных молодых девушек королева наделила пестрыми мехами и дорогими платьями, а Хаген просил отца простить путникам из Гараден все их обиды и помириться с ними. Зигебанд исполнил его просьбу и в знак примирения поцеловал графа и вознаградил его за все его потери. С тех пор никогда уже не было между ними вражды. Гостям предложили перенести на берег свои съестные припасы и платье и отдохнуть пару недель, а в день отъезда хозяева щедро наделили их светлым золотом. Хаген скоро вырос и превратился в доблестного воина; никто не мог сравниться с ним в силе и искусстве владеть оружием, щедрость же его была так велика, что никто не хотел верить рассказам о ней. Вырос Хаген среди диких зверей и превосходил проворством и ловкостью всех людей. Хотя и звали его Хагеном, но после стали звать его «дьяволом из королей», и он делал честь своему прозвищу.

Наконец родные стали советовать ему жениться. Недалеко искал он невесту и выбрал ту, которая была красивее всех на свете и сама заботилась о нем в детстве, — была то Хильда из Индии. Так вознаградил он ее за все труды и заботы о нем с тех пор, как нашел он ее в пещере.

Торжественно и пышно отпраздновали свадьбу, и долго не прекращались пиры, состязания и рыцарские игры при дворе короля Зигебанда.

— Сыну моему Хагену передаю я все свои земли, — сказал Зигебанд по окончании празднеств.

И признали Хагена своим господином все люди и замки, далекие и близкие, и все воины короля Зигебанда. Стал Хаген раздавать лены и наделять ближних и дальних гостей своих драгоценностями и платьем, и никто никогда не был щедрее к бедным, чем он во время своих свадебных празднеств.

Когда же разъехались гости и все пришло в порядок, Хаген стал править своим королевством, всюду чиня строгий суд и расправу. Говорят, в один год казнил он смертью человек восемьдесят, а то и больше. Потом стал он совершать походы во враждебные земли, но, чтобы не причинять вреда бедным, запретил пожары.

Дома жил он пышно и весело. Родилась у него прекрасная дочка, и назвали ее в честь матери Хильдой. Заботливо воспитывал Хаген свою дочку: ни солнечный зной, ни ветер не могли коснуться ее. Ходили за нею благородные дамы, и охраняли ее надежные витязи из его родни. К двенадцати годам выросла она необычайной красавицей. Слава о красоте ее разнеслась повсюду, и знатные князья из далеких и ближних земель стали засылать к Хагену своих сватов. Но Хаген казнил гонцов смертью —

не хотел он отдать своей дочери никому, кто не был бы во всем выше его самого.

V

О ТОМ, КАК ВАТЕ ЕЗДИЛ В ИРЛАНДИЮ

Вырос в Дании витязь Хетель. Родичи его жили в Штурмене, в известной всем стране. Они воспитали его так, как это подобало его высокому роду. Ему служила вся Нортландия, и был он очень могуществен и знатен.

Один из родичей его, Вате, владел его замками и землей. Будучи родственником его, он тщательно заботился о его воспитании, никогда не выпускал его из—под своего надзора и наставлял его во всех доблестях.

Племянник Вате — сын его сестры, благородный Хоранд, владел Данией. Потом сослужил он королю Хетелю такую службу, что тот дал ему в собственность всю эту землю и короновал его там королем.

Славный Хетель сидел на земле Хегелингов вблизи Дании. Он владел, по крайней мере, восьмьюдесятью замками. Владел он землею фризов и всеми островами; в его же руках были Дитмерс и Валейс. Был Хетель знатен и имел большое родство. Был он также грозен и смел и часто нагонял страх на своих врагов.

Хетель был сирота, и оттого—то и хотелось ему так жениться. Отец и мать его умерли, оставив ему в наследство свою землю, и хотя и было у него много друзей, но жизнь часто казалась ему скучной и тоскливой.

Лучшие друзья его стали советовать ему выбрать себе жену, достойную его высокого рода.

— Не знаю я ни одной девушки, которая могла бы с честью стать госпожою Хегелинга, — отвечал он.

Сказал ему тогда юноша Морунг из Нифландии:

— Слышал я об одной девушке столь высокого рода и такой прекрасной, что нет на земле женщины, подобной ей. Надо подумать, как бы добыть ее тебе в жены.

Спросил Хетель, кто же она и как ее зовут, и Морунг отвечал:

— Зовут ее Хильдой, и родом она из Ирландии. Отец ее — Хаген из рода отважного Гере. Если только удастся тебе добыть ее, она будет тебе всегда на радость и утеху.

— Но слышал я, что отец ее приходит в гнев, когда кто—нибудь сватается к ней. Немало уже погибло из—за нее благородных мужей. Я же не желаю смерти никому из моих друзей.

— Ну, так отправь послов в его землю, — сказал Морунг, — но прежде пошли за Хорандом: он сам там всего насмотрелся и знает все обычаи Хагена — без его помощи ты ничего не поделаешь.

— Ну, если уж она так красива, то я послушаюсь тебя, — решил Хетель. — Но если надо добывать ее, то ты сам должен принять в том участие: недаром жду я от тебя во всем поддержки и помощи. Если станет она госпожою Хегелинга, тебе будет за это и честь и слава.

Послал Хетель послов в Данию за племянником Вате, Хорандом, с приказом ему через семь дней явиться на службу к королю. Отважный Хоранд всегда был готов исполнить свой долг перед королем, а тут, узнав в чем дело, еще охотнее собрался в путь и на седьмое утро явился к Хетелю со своими людьми: с ним приехало шестьдесят человек из его воинов; был с ним и отважный датчанин Фруте.

Радостно принял король Хоранда и Фруте, когда они явились к нему, и, усадив их в своем обширном зале, повел с ними дружескую беседу.

— Послушай, Хоранд, — сказал король, — если знаешь, скажи, пожалуйста, как обстоят там дела с молодой королевой Хильдой. Хотелось бы мне послать к ней послов, чтобы знала она, что я всегда готов к ее услугам.

— Все знаю я о ней, — отвечал ему отважный витязь, — не бывало еще девушки прекрасней знатной Хильды Ирландской, дочери свирепого Хагена, — ей вполне пристала бы корона.

— Может ли статься, чтобы отец ее согласился выдать ее за меня? — спросил Хетель. — Хотелось бы мне жениться на ней, и я не переставал бы осыпать наградами того, кто помог бы мне добыть прекрасную девушку.

— Невозможно это, — отвечал Хоранд, — никто не решится ехать послом в землю Хагена. Я сам ни за что не пойду на это: каждого гонца приказывают там или убить, или повесить.

— Не такая уж мне нужда в ней, — сказал Хетель, — и если Хаген повесит хоть одного из моих людей, то он сам заплатит мне за это жизнью. Его свирепый нрав доведет его до беды.

— Если бы Вате согласился быть твоим послом в Ирландию, то нам, может быть, и удалось бы добыть прекрасную девушку, или же мы погибли бы под ударами мечей, — так сказал Фруте.

— Ну, так я пошлю за ним в Штурмен, — сказал Хетель, — не боюсь я отказа. Вате охотно поедет всюду, куда я ни пошлю его. Пусть придет ко мне из Фрисландии и Ирольт со своими людьми.

Поспешно отправились послы в Штурмен и застали там Вате с его воинами. Сказали они ему, что король зовет его к себе, и удивился Вате, зачем бы мог он понадобиться королю Хегелингов. Спросил он, не надо ли взять ему с собой шлем или панцирь и кого-нибудь из своих воинов.

— Не слышали мы, чтобы нужны были ему твои воины, — отвечали послы, — но знаем, что желает он видеть тебя самого.

Решился Вате ехать, поручив другим охрану своей земли и замков, и отправился ко двору короля, захватив с собой всего лишь двенадцать человек из своих воинов. Узнав, что Вате едет к нему, Хетель обрадовался и пошел к нему навстречу, раздумывая о том, как бы ему достойным образом принять Вате, своего старого друга.

— Привет тебе, Вате, — громко крикнул он ему еще издали, — давно уж не видались мы с тобой и не сидели вместе, обсуждая, как вести нам войну против наших врагов!

— Добрые друзья и должны бы быть почаще вместе, тем лучше справлялись бы они со своими врагами, — отвечал ему Вате.

Хетель ласково взял его за руку и усадил рядом с собою. Они остались вдвоем, с глазу на глаз, и Хетель обдумывал, как бы убедить его ехать в Ирландию.

— Недаром вызвал я тебя, — заговорил наконец молодой витязь, — надо мне послать послов в землю свирепого Хагена, и никого не знаю я, кто бы мог лучше исполнить это дело, чем ты, любезный друг мой Вате.

И сказал ему на это престарелый Вате:

— Всякое твое поручение, которое может тебе доставить удовольствие и честь, исполню я хорошо и охотно, хотя бы и рисковал я при том жизнью.

— Все друзья мои советуют мне взять себе в жены дочь свирепого Хагена, если только он согласится выдать ее за меня, — продолжал Хетель, — и я сам очень этого желаю.

— Тому, кто сказал тебе это, конечно, все равно, умри я хоть сегодня, — в сердцах воскликнул Вате, — и, конечно, надоумил тебя просить меня

добыть тебе прекрасную Хильду не кто иной, как Фруте. Прекрасная девушка находится под самой строгой охраной. О красоте ее я ничего не стану говорить, пока ты не призовешь сюда же Хоранда и Фруте. Они сами бывали там и сами все видели.

Король сейчас же послал за ними обоими.

Увидя Хоранда и Фруте, Вате живо воскликнул:

— Награди вас Господь за то, что так позаботились вы о моей чести и о моем появлении при дворе! К тому же еще поторопились вы нарядить меня и в послы! Но в таком случае и вы сами должны ехать туда же со мною, и будем мы вместе служить нашему королю из истинной к нему любви. Кто нарушает мой покой, тот и сам должен терпеть ту же участь.

— Я охотно поеду туда, — сказал Хоранд, — и я не остался бы, если бы даже король и не посылал меня. Я не пугаюсь никаких трудов и опасностей, лишь бы посмотреть на красавиц.

— Надо нам взять с собою семьсот воинов, — сказал Фруте, — и мы заставим Хагена поубавить спеси. Должен ты приказать, король, построить нам корабль из кипарисового дерева, надежный и прочный, который мог бы вместить всех твоих слуг. Пусть мачты и борта его до самого носа будут обиты серебром, а весла разукрашены золотом. Позаботься запастись съестных припасов, а также надежных шлемов и крепких кольчуг; их надо нам взять с собой: тем легче будет нам добыть дочку свирепого Хагена. Пускай и Хоранд, бывалый человек, заберет с собою побольше мелкого товару — он может продавать женщинам пряжки и запястья: так и нам больше будут доверять. Но если дело с дочкой Хагена обстоит так, что никто не может посватать ее, не вступив за это в бой, то пусть уже сам Вате выберет, кого еще хочет он взять с собою.

— Мне нечем торговать, — сказал Вате, — мое имущество никогда не залеживалось дома: я всегда делился им с моими воинами. Это мое условие: я не так скроен, чтобы развозить драгоценности прекрасным дамам! И если Хоранд указал на меня, то это значит, что он хорошо знает Хагена: Хаген обладает силой двадцати шести воинов. Всем нам будет плохо, если узнает он о нашем сватовстве. Прикажи, король, покрыть корабль наш досками так, чтобы под ними мож-но было незаметно поместить побольше воинов — они придут к нам на помощь, если Хаген не отпустит нас домой с миром. Надо нам взять с собой в Ирландию, по крайней мере, сотню вооруженных воинов. Да пусть у Хоранда при его товарах еще будет их сотни две: этим он привлечет к себе прекрасных дам. Кроме того, пусть соорудят нам три грузовых судна, которые бы всегда были вблизи нас: на них должны быть наши кони и запас съестных

припасов, по крайней мере, на год. Мы скажем Хагену, что мы едва спаслись бегством из Штурмена и что и у самого короля Хетеля попали мы в немилость. Мы постараемся почаще являться ко двору с дорогими подарками Хильде и Хагену и тем заставим короля обеспечить нам мир. Мы скажем, что дома все мы попали в опалу, и Хаген сейчас же сжалится над нами и сейчас же прикажет дать приют чужеземным гостям, и мы ни в чем не будем терпеть там недостатка.

— Когда думаете вы, друзья мои, пуститься в путь? — спросил их король Хетель.

— Как только зима начнет сменяться летом, мы снарядимся в путь и приедем ко двору, — отвечали они ему.

— Ну, так поезжайте же по домам, — сказал им Хетель, — да не тратьтесь на наряды: всем вашим спутникам я дам такое платье, что не стыдно будет вам показаться на глаза любой из женщин.

Так разъехались они по домам: Вате в свой Штурмен, Хоранд и Фруте в свои владения. Никогда не приходило им в голову уклониться от службы королю.

Когда у короля Хетеля все было готово к поездке, он опять послал за своими друзьями. Собрались к нему витязи: Вате со своими ста воинами; Морунг отважный из Фрисландии со своими двумя сотнями; поспешил явиться и Ирольт; из Дании приехал отважный воин Хоранд. И еще до тысячи воинов добровольно явилось к Хетелю, чтобы ехать с послами в Ирландию, и если бы не был он так богат, то, конечно, оказался бы не в силах снарядить их всех.

Заботливо и внимательно стали они снаряжаться в путь — витязи сами наблюдали за погрузкой судов, чтобы не забыть какой-нибудь мелочи, в которой потом могла бы оказаться им нужда. Перед отъездом Вате поручил заботам короля владения отъезжавших.

— Охраняй наши земли, — сказал он, — я немало наставлял тебя в этом деле.

Отобрали сто могучих воинов, чтобы спрятать их под палубой корабля на случай, если придется похитить девушку или вступить в открытый бой. Кроме того, поехало с ними до трех тысяч всякого рода людей.

— Бог вам в помощь на пути вашем, — сказал им на прощание король Хетель, перецеловавшись со многими из отъезжавших.

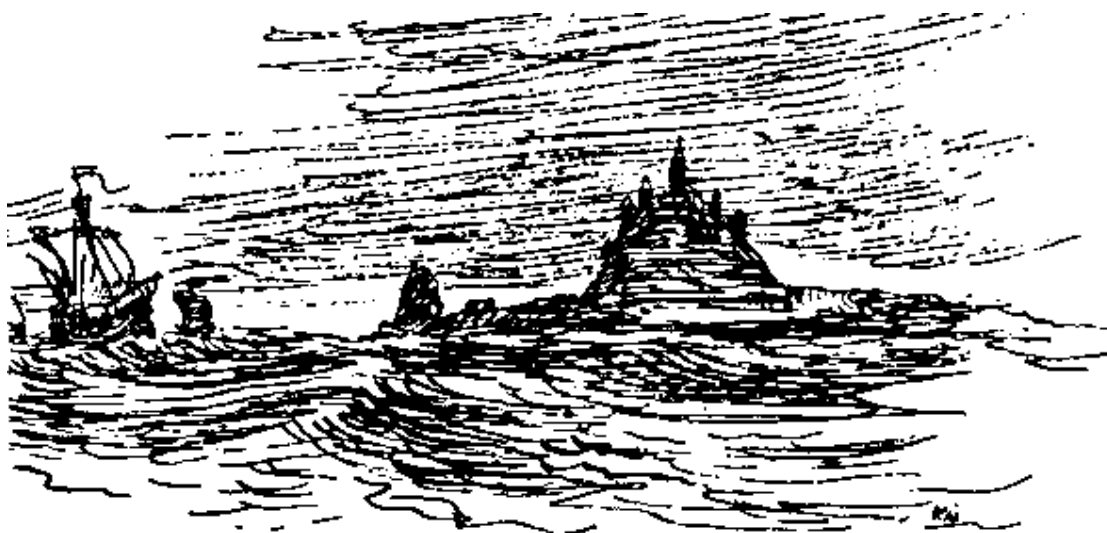
Так уехали рыцари, а король, оставшись дома, ждал их возвращения, с грустью и страхом думая о предстоящих им трудах и опасностях.

Корабли вышли в море при попутном ветре; все опытные люди с жаром принялись за работу; молодежь следила за ними, чтобы все

перенять, всему научиться.

Хорошенько мы и сами не знаем, а потому и сказать не можем, где останавливались они на ночевку в течение тех тридцати шести дней, что пробыли они в море. Поклялись они все держать это в тайне и сдержали клятву. И хотя все они добровольно пошли в плавание, но все же нередко приходилось им трудно от разных неудобств в пути. Так уж всегда бывает: кто живет на море, тот должен терпеть и все морские невзгоды.

Сказывали нам, что целых тысячу миль пришлось им сделать по волнам, прежде чем завидели они замки Хагена. Там издали заметили их, и все люди стали дивиться, из какого царства могли принести их к ним волны, — так роскошно были они одеты.

Приблизившись к берегу, хегелинги поспешили стать на якорь и спустить паруса. По замку Хагена сейчас же разнеслась весть о приезде неведомых людей. Сейчас же вынесли они на побережье все, что было нужно, и все, какие были с ними, товары. Сам вестник законов из замка Балиона, видя таких богатых гостей, поехал верхом вместе со своими горожанами туда, где расположились хитрые купцы. Законовед спросил их, откуда пришли они к ним из-за моря.

— Да сохранит вас Господь, — отвечал им Фруте, — земля наша далеко. Мы — купцы, на корабле же находятся наши знатные господа.

Вате просил сказать ему, на каких условиях господин этой земли позволит им торговать здесь, и по его величественному обхождению, отвечавшему его сану, можно было видеть, как был он грозен. Хагена известили о приезде гостей.

— Я предлагаю им свою охрану и мир, — сказал Хаген. — Пусть будут покойны: ничего дурного не случится с ними в моей земле.

Тогда поднесли они королю в подарок разных драгоценностей, стоимостью, по крайней мере, на тысячу марок, из бывших с ними товаров, пригодных рыцарям и дамам. Очень благодарил их Хаген.

— Пусть они ни в чем не терпят здесь недостатка, — сказал он, — я хочу вознаградить их за все, что они мне дали.

Стал король делить поднесенные ему дары: были там запястья — они, конечно, должны были понравиться прелестным дамам; богатые позументы, венцы и кольца — все это король тщательно поделил между своими приближенными. Жена и дочь короля нашли, что никогда еще купцы не подносили таких богатых даров.

Хоранд и Вате первые послали ко двору свои дары: были тут тонкие шерстяные материи и парча, рядом с которыми багдадские шелковые ткани теряли всякую цену; было тут и сто кусков тончайших полотен — лучшие, какие только у них нашлись. Сверх того послали они двенадцать оседланных кастильских коней, много кольчуг и шлемов и двенадцать щитов, окованных золотом. Гости короля Хагена были щедры. С дарами поехал ко двору Хоранд и с ним Ирольт могучий. Доложили о них королю и сказали, что гости его, верно, сами владеют землями, — то видно по привезенным ими дарам.

Их сопровождали двадцать четыре статных воина; были они так одеты, точно хотели показать воинам Хагена, как нынче должно носить мечи.

— Государь, — сказал один из них, — прими от нас эти великие дары, которые мы тебе подносим, и не оставь гостей твоих без благодарности.

Будучи сам богат, король щедро отблагодарил гостей.

Позвал Хаген своего дворецкого и показал ему принесенные вещи. Дивился дворецкий, рассматривая подарки, и наконец сказал:

— Государь, здесь поднесли они вам даров, по крайней мере, на двадцать тысяч марок.

— Дай Бог счастья гостям, — сказал король, — теперь поделю я эти дары между моими воинами.

Раздав дары, Хаген позвал к себе и усадил с собою молодых людей, Ирольта и Хоранда, и стал их расспрашивать, откуда явились они в его землю.

— Никогда еще гости не подносили мне таких даров, — говорил он им.

— Я скажу тебе, государь, откуда мы пришли, и буду просить твоей к нам милости, — отвечал Хоранд. — Мы изгнанники: на нас вымещает свою великую обиду один могущественный король.

— Как же зовут того, кто принудил вас покинуть ваши замки и ваши земли? Вы кажетесь мне такими благородными витязями, что он поступил бы разумнее, если бы удержал вас у себя.

Так спрашивал Хаген, как звали того, кто послал их в изгнание и по чьей вине принуждены они искать пристанища в чужих землях.

— То Хетель из земли хегелингов, — отвечал ему Хоранд. — Его сила и могущество лишили нас друзей и повергли нас в такую скорбь,

— Тем лучше для вас, — сказал Хаген, — теперь вы будете вознаграждены за все, чего вы лишились. Пока станет у меня моего добра, вам не о чем будет просить короля хегелингов. И если вы, витязи, согласитесь остаться у меня, то я наделю вас такими землями, каких никогда еще не давал вам король Хетель. Я дам вам в десять раз больше того, что у вас отнято.

— Охотно остались бы мы у тебя, — сказал Хоранд, — боимся только, как бы не настиг нас здесь, в Ирландии Хетель из страны Хегелингов, — ему ведомы все пути. Непрестанно скорблю я о том, что он нигде не дает нам жить.

— Решайтесь же скорее и тогда будете покойны. Здесь Хетель не может причинить вам никакого вреда, — то был бы великий позор для меня.

Хаген попросил своих собственных горожан, и они сделали это с охотой, дать помещение для гостей, — и для них освободили более сорока лучших домов. Усталые мореходы могли наконец спокойно отдохнуть.

Но все же часто думалось им, что охотней стали бы они биться в открытом бою, чем выжидать счастливой минуты, когда наконец будет им можно просить руки прекрасной Хильды.

Фруте приказал раскинуть палатки со своим мелким товаром. Никогда еще не бывало такого торга в этой стране, никогда еще не приходилось жителям так дешево покупать таких прекрасных товаров, и они опустошили прилавки чуть не в один день. Кроме того, Вате и Фруте были необыкновенно щедры ко всем бедным и нуждающимся. Все эти вести о купцах ходили при дворе и дошли наконец до молодой королевны.

— Дорогой отец мой, — сказала она королю, — пригласи, пожалуйста, ко двору твоих почтенных гостей, — говорят, один из них так забавен нравом! Если это правда, то я охотно посмотрела бы на него.

— Это вполне возможно, — отвечал король, — и ты можешь полюбоваться на его нрав и обхождение. — Гость же этот пока был еще неведом и самому Хагену: женщинам хотелось видеть Вате.

Послал король к гостям просить их пожаловать ко двору и отведать хлеба—соли. Приехали витязи со своими воинами в таких богатых нарядах, каких и не видывали при дворе Хагена. Хаген, как ни был он богат, знатен и надменен, все же сам пошел к ним навстречу; королева встала с своего кресла, увидя Вате. Вате же держал себя так, что видно было — не любил он шуток.

После приветствий король усадил их, как обыкновенно усаживают гостей, и слуги стали обносить их вином, самым лучшим, какое только бывало в королевских домах. Гости пили и обменивались шутливыми речами. Тем временем королева вышла из зала. Она просила короля отпустить потом гостей к ней в ее покои на беседу. Король согласился, к удовольствию молодой королевы, и все женщины сейчас же принялись наряжаться, готовясь к встрече гостей.

Когда все были готовы и королева уселась в своем кресле рядом со своею дочерью, первый вошел к ним Вате. При всей своей старости он все же внушил ей сразу и страх и уважение, и она почтительно пошла ему навстречу.

Вслед за Вате вошел Фруте. Королева с дочерью усадили их обоих и стали лукаво спрашивать Вате, нравится ли ему так сидеть в гостях у прекрасных дам, или же он предпочитает сражаться в горячих боях.

— Никогда еще не приводилось мне так мирно сидеть с прекрасными дамами, — отвечал им Вате. — И если бы можно было, я, конечно, предпочел бы со своими добрыми воинами биться в какой—нибудь горячей схватке. Мне только это и прилично.

Громко засмеялась прелестная девушка — видела она, что не по себе ему в обществе прекрасных дам.

Королева Хильда с дочерью заговорили с витязем Морунгом. Стали они расспрашивать его о старике, как его зовут, есть ли у него свои люди, замки и земли, есть ли у него дома жена и дети.

— Есть у него дома и жена и дети, — отвечал витязь, — сам же он всю свою жизнь был отважным и доблестным воином.

— Никогда еще ни один король не имел такого отважного рыцаря, — прибавил Ирольт.

Стала тогда королева уговаривать Вате остаться в Ирландии: во всем свете не нашлось бы такого могущественного человека, который оказался бы в состоянии изгнать его отсюда. Но Вате отвечал королеве:

— Была у меня своя земля, и мог я сам по своей воле раздавать кому хотел коней и платье. Тяжко было бы мне теперь заслуживать свой лен. Никогда еще не отлучался я из дому более чем на один год.

На прощание Хильда сказала им, что могут они когда угодно являться ко двору и беседовать с прекрасными дамами.

Из покоев королевы они вернулись к королю, где застали рыцарей, занятых игрою в шахматы и фехтованием.

По ирландскому обычаю при дворе часто устраивались рыцарские игры, и это скоро сдружило Вате с королем. Хоранда же полюбили дамы за его веселые шутки и рассказы. Престарелые витязи Вате и Фруте являлись ко двору с длинными седыми локонами, перевитыми золотом, и все находили, что они поистине заслуженные доблестные рыцари.

VI

О ТОМ, КАК ПЕЛ ХОРАНД

Случилось раз вечером, что отважный витязь Дании стал петь и пел так, что очаровал всех людей и даже заставил умолкнуть птиц. С удовольствием слушал его король со своими воинами; с удовольствием слушала его и королева: песня его доносилась до нее через окно в то время, как сидела она на зубчатой крепостной стене.

— Что я слышу? — воскликнула прекрасная Хильда. — До ушей моих доносится песня, лучшая в мире. Ах, дай-то Бог, чтобы мои придворные умели так петь!

Она приказала привести к себе того, кто так хорошо пел. При появлении рыцаря она горячо благодарила его за то, что так приятно провела вечер. Дамы, бывшие с Хильдой, приняли воина столь же радушно.

— Пропой нам ту песню, что пел ты сегодня вечером, — сказала королева, — поднеси мне вместо подарка свои песни и пой мне их каждый вечер: за то получишь ты от меня щедрую награду.

— Госпожа, если желаешь, я буду петь тебе такие песни, что каждый, кто ни услышит мое пение, найдет в нем облегчение скорби и позабудет свое горе. — С этими словами он ушел.

Когда миновала ночь и наступило утро, Хоранд начал петь, и от его сладостной песни умолкли птицы, распевавшие в кустах; недолго улежали в постелях люди. Чем громче и выше, тем лучше звучала его песня. Услыхал его и сам Хаген. Был он в это время у своей жены и вместе вышли они из покоя на зубчатые стены. Много было слушателей у заезжего гостя, слушала его и сама молодая королевна. Три песни пропел Хоранд одну за другою, и никому не показались они длинны.

Когда он кончил, молодая королева поспешно оделась и послала за своим отцом. Пришел к ней король, и королева, нежно ласкаясь к нему, стала просить его, чтобы приказал он певцу еще петь у них при дворе.

— Милая дочь моя, — отвечал ей король, — если бы согласился он пропеть для тебя сегодня вечером, я охотно дал бы ему за это тысячу

фунтов, но это такие почтенные гости, что мы не можем заставлять их петь словно простых шпильманов.

Хоранд же хитрый так старался, что, казалось, никогда еще не певал он так по-рыцарски: его песня западала прямо в сердце, и никто не мог оторваться от нее душой; останавливались звери в лесах, змеи замирали в траве, забывали плыть рыбы в водах — все наслаждались его искусством. Никакая песня его не казалась длинной — ради нее забывали даже церковное пение.

Молодая девушка стала просить хоть тайно провести его в ее покои, чтобы не знали о том ни отец ее, ни мать. Услужил ей один из ее камергеров и получил за то щедрую награду: дала она ему двенадцать дорогих тяжелых запястий из светлого красного золота. Вечером привел он искусного певца в ее покои. Обрадовался певец: ради нее приехал он сюда из дальних стран и искусством своим стяжал он ее благосклонность. Королевна приказала камергеру своему стать у входа в дом, чтобы никто не мог войти к ней: хотела она вдосталь насладиться пением. В покоях с нею никого не было, кроме певца да воина Морунга.

Она просила витязя сесть.

— Дай мне послушать твоего пения, — сказала она, — то, что слышала я раньше, так мне понравилось, что слушать тебя кажется мне лучше всяких развлечений и всяких удовольствий.

— Я готов петь для тебя, прекрасная девушка, — отвечал ей Хоранд, — лишь бы отец твой, король Хаген, не снял с меня за это головы. Я считал бы честью служить тебе своим пением, если бы ты жила ближе к моей родине.

И он запел песню об Амиле, которой до тех пор не знал еще ни один христианин: слышал он ее в бурном море. Когда же пропел он ее, прекрасная девушка поблагодарила его.

— Друг, благодарю тебя, — сказала она и хотела щедро наградить его, но он отказался от всего и только взял ее пояс.

— Прости мне, что я оставляю его у себя, прекрасная девушка, — сказал он, — я отвезу его моему господину, и как же будет он рад моим вестям!

— Кто же твой господин и как зовут его? Носит ли он корону или владеет собственной землей? Ради тебя я расположена и к нему.

— Никогда не видал я другого такого богатого короля, — отвечал ей отважный датский воин. — Если никто не выдаст нас, прекрасная девушка, — продолжал Хоранд, — я скажу тебе, как господин мой отпустил нас в путь, ради тебя послав нас сюда, в замки и земли твоего отца.

— Скажи же, что предлагает мне твой господин. Если будет то согласно с моей волей, я скажу это тебе прежде, чем мы расстанемся.

— Предлагает он тебе свою любовь. Будь же к нему благосклонна, — из-за тебя он чуждается всех других женщин.

— Да наградит его Господь за его любовь ко мне! Если он во всем мне ровня, то я готова быть его женой, если ты согласишься петь мне каждый вечер и каждое утро.

— О том не заботься, — я охотно буду это делать. При дворе моего господина есть двенадцать певцов, которые поют еще лучше меня; но как ни сладки их песни, лучше их всех поет сам мой господин.

— Если господин твой так искусен, то я всегда буду любить его и всегда буду благодарна ему за его любовь ко мне. Если бы не боялась я своего отца, я охотно поехала бы с вами.

— Госпожа, есть у нас наготове семьсот воинов, — сказал ей на это Морунг, — рады они делить с нами и радость и горе. Если только удастся тебе добраться до моря, то не бойся, мы уж не уступим тебя свирепому Хагену. Мы теперь простимся с королем, ты же попроси отца, чтобы взял он тебя и твою мать с собою, чтобы взглянуть на наши мачты и корабли.

— Я охотно попрошу о том отца, да и вы тоже попросите, чтобы король и его воины позволили мне поехать с моими девушками к морю. Известите меня за три дня, согласен ли отец.

Старший из камергеров имел право часто заходить к королевне. Как раз в это время он вошел в покои и застал там обоих витязей. Не чаяли тут они сохранить свою жизнь.

— Что это за люди? — спросил он Хильду.

Никогда еще воины не чувствовали себя так плохо.

— Кто позвал вас обоих в эти покои? Коварно поступил с вами тот, кто это сделал! — продолжал камергер, обращаясь к витязям.

— Перестань сердиться и не губи их, — сказала Хильда, — если ты не хочешь навсегда навлечь на себя мою немилость, то ты должен тайно проводить их до их пристанища. Иначе плохую услугу оказало бы ему его рыцарское искусство петь.

— Так это тот витязь, что так хорошо поет? — сказал камергер. — Знавал я одного такого же певца, и его король не имел лучшего воина (отец его и моя мать были дети одного отца).

— А как его звали? — спросила девушка.

— Звали его Хорандом, и был он родом из Дании. Хотя и не носил он короны, но корона вполне пристала бы ему. Правда, теперь мы чужды друг другу, но когда-то мы вместе жили у Петеля прекрасного.

Узнал и Морунг камергера, и слезы полились из его глаз. Королевна ласково смотрела на витязя; камергер тоже заметил, что он плачет.

— Признаюсь тебе, госпожа, — сказал камергер, — это мои родичи. Не дай им погибнуть тут, позволь мне самому охранять их.

При этих словах камергера у витязей стало легче на сердце.

— Позволь мне, госпожа, поцеловать этих витязей, — продолжал камергер, — давно уже не приводилось мне расспрашивать хегелингов о короле Хетеле.

— Если эти гости твои родичи, то они мне еще милее; замолви же о них слово перед королем, чтобы он постарался удержать их здесь и не отпускал бы так скоро за море.

Тем временем приезжие рыцари успели потихоньку посоветоваться между собою, и Морунг сообщил камергеру, что приехали они в эту землю за Хильдой и что послал их за нею сам король Хетель.

— Со всех сторон тяжко мне, — сказал камергер, — не знаю я, как спасти короля моего от бесчестия; не знаю, как и вас избавить от смерти, — не вернуться вам живыми на родину, если только узнает Хаген, зачем вы приехали.

Тут рыцари открылись ему во всем и просили его помощи в этом деле.

Хитрый человек сумел так вывести их из дому, что король не узнал о их посещении. Дома тайно рассказали они Вате, как благосклонно отнеслась к Хетелю дочь Хагена, и стали совещаться с ним, как бы увезти им ее к себе домой.

— Лишь бы вышла она за ворота замка, — сказал Вате, — а там, какая бы жаркая сеча ни предстояла нам, молодой королевне не вернуться уж в дом своего отца.

Однако до поры до времени они решили молчать и сказали о том только воинам, спрятанным в кораблях. Обрадовались воины этой вести, давно уже скучали они в своем заключении.

На четвертое утро витязи поехали ко двору, чтобы перед отъездом проститься с королем и его воинами.

— Я ли не старался всеми силами удержать вас в своих владениях? — сказал им Хаген. — А вы все-таки хотите ехать!

— Прислал за нами сам король хегелингов, — отвечал Вате, — ни о чем не хочет он и слышать, пока не помирится с нами; сильно скучают по нам также и дома; потому-то и хочется нам поскорее ехать.

— Жаль мне вас, — продолжал Хаген, — так примите же от меня коней, платье, золото и драгоценные камни, чтобы я мог хоть чем-нибудь отплатить вам за ваши великие дары. Иначе люди осудят меня.

— Я слишком богат, чтобы взять с собою твое золото, — отвечал Вате, — богатый Хетель никогда не простил бы нам этого. Об одном лишь попрошу я тебя, король, и ты сделаешь нам честь, исполнив нашу просьбу, — приезжай взглянуть сам на наши запасы; их, право, с лихвою хватило бы года на три. Теперь же, уезжая домой, мы раздаем их всем, кто пожелает. Да хранит вас здесь Господь! Мы же не можем более медлить. Хотелось бы нам очень, чтобы дочь твоя и королева сами приехали взглянуть на наше достояние. Если исполнишь ты нашу просьбу, король Хаген, то мы поднесем тебе там богатые подарки.

— Ну, если уж нельзя вас удержать, то завтра утром прикажу я оседлать сотню лошадей для молодых девушек и дам и сам поеду с ними, — хочется мне взглянуть на ваши корабли.

Ночью поехали они к морю и вынесли на берег бывшие с ними прекрасные вина и съестные припасы и таким образом значительно облегчили свой корабль.

VII

О ТОМ, КАК МОЛОДЫЕ ДЕВУШКИ ОСМАТРИВАЛИ КОРАБЛЬ, И О ТОМ, КАК ОНИ БЫЛИ ПОХИЩЕНЫ

На другое утро все молодые девушки и женщины наперебой спешили одеваться: король Хаген обещал взять их с собою на берег; тысяча лучших ирландских воинов должна была их сопровождать.

После ранней обедни отправились все к морю. На берегу королеве Хильде и ее дамам помогли сойти с лошадей. Ящики с товарами стояли

раскрытые: тут—то могла королева насмотреться чудес.

Хаген и сам со своими спутниками осматривал товары: было тут много драгоценностей, которые ценились очень высоко. Осмотрев все, позвали они молодых девушек и посоветовали им выбрать себе получше запястья. Затем король отправился осматривать торговые суда. Тем временем у Вате якоря были уже подняты, и все было готово к отъезду. Воспользовавшись удобной минутой, королеву оттеснили от дочери; спрятанные воины выскочили из своей засады, подняли паруса, столкнули прямо в воду замешкавшихся спутников Хагена, и корабль, как птица, понесся вдоль берега.

— Скорей! Мое копье! Никто из них не уйдет живым! — не помня себя от гнева, кричал свирепый Хаген. Воины Хагена начали вооружаться. Битва казалась неизбежной. Люди Хетеля, бывшие на торговых судах, схватились за весла и оттолкнулись от берега. Отважный Вате, все еще находившийся на берегу вместе с пятьюдесятью воинами, прыгнул на барку и поспешил догнать Хильду. Тем временем Хаген успел вооружиться, и неизвестно, чем кончилось бы дело, если бы Вате еще промедлил: в сильнейшем гневe был Хаген и высоко над головою держал он свое копье. Громко скликал он своих людей, приказывая им торопиться, чтобы настичь его гостей: великую обиду нанесли они ему, и хотел он их перебить или забрать в плен. Живо собрал он огромное войско, но не удалось ему сейчас же броситься преследовать гостей в бурном море: корабли его прогнили и не были готовы к плаванию. Когда доложили о том Хагену, от гнева не знал он, что делать, пока не принялся сам со своею свитой помогать маете—рам тут же на берегу строить новые корабли и сейчас же спускать их на воду. На помощь к нему спешили все, и много приобрел он тут новых добрых воинов. На седьмое утро покинули они Ирландию. Одну лишь тысячу воинов снарядил король Хетель, чтобы похитить Хильду; Хаген же собрал и вез с собою целое тридцатитысячное войско.

Между тем хегелинги послали вперед послов к Хетелю с вестью, что везут они с собою в его землю дочь Хагена.

— Миновала наконец моя печаль! — воскликнул король Хетель. — Дорога мне служба, что сослужили мне мои воины в земле короля Хагена. Если только правду говоришь ты, гонец, и не лжешь, что сам видел молодую девушку с моими друзьями, то я щедро награжу тебя за эту весть!

— Не солгав говорю я тебе, что сам видел молодую девушку, — так подтверждал гонец свои слова, — и молодая королевна, отъехав несколько миль, сказала: «Одного только боюсь я, — как бы не настиг нас отец со своими кораблями».

Щедро наградил Хетель гонца, а бывшие при нем рыцари подарили ему, с своей стороны, шлем, меч и несколько хороших щитов.

Хетель стал готовиться к встрече и для того собрал к себе тысячу своих друзей. Когда вышли они из дому, вся окрестность огласилась звоном их оружия; все горы и долины, лежавшие на их пути, были полны народа, сбегавшегося посмотреть на разодетых воинов.

Но вот престарелый Вате, воин Штурменланда, вышел уже в Вaleyсе на берег. На дружеском берегу нашли они пристанище для Хильды, а для воинов старика Вате раскинули палатки на морском побережье. Так

покойно и мирно отдыхали они после трудного пути. Но вот дошла до них новая весть: сам король хегелингов, Хетель, идет со своими витязями навстречу своей невесте. Никто уже не ждал больше битвы. Воины мирно проводили время. Всего было у них вдоволь: и всяких яств, и вина — местные жители доставляли им все, что было им нужно. Наконец увидели они и короля Хетеля с его блестящей свитой.

После долгожданной и радостной встречи король стал расспрашивать витязей об их поездке.

— Милый посол мой, — заговорил он, обращаясь к Вате, — сильно заботила меня ваша участь: опасался я, как бы воины мои не очутились в плену у Хагена.

— Нет, этого не случилось, — сказал Вате, — но никогда еще не слышал я, чтобы какой-нибудь король был могущественнее Хагена в своей земле. Воины его заносчивы, сам же он могучий витязь. В счастливый час посоветовали тебе послать за его дочерью: сказать по правде, она, конечно, прекраснейшая из женщин. Ты мне поверь — ее я видел сам.

— Как ни благополучно обошлось дело, — сказал Хетель, — все же надо нам остерегаться, как бы не настиг нас здесь свирепый Хаген.

Вате и Фруте проводили короля к прекрасной Хильде. Подъехав к дому, где находилась девушка, они сошли с коней. При Хильде находилось около двадцати девушек, одетых в тончайшие полотна и в самые дорогие шелковые ткани. Приветливо и учтиво встретила она короля, а он обнял ее и поцеловал. Затем одну за другой приветствовал он и ее спутниц. Между ними была одна, которая, казалось, могла бы быть дочерью короля. Несомненно, была она знатного рода. То была одна из женщин, что так долго жили во власти грифов. Звали ее Хильдебургой, и Хильда, жена Хагена, воспитала ее достойно ее высокого рода. Была она родом из Португалии. Долго приходилось ей жить среди чужих людей, и сильно скучала она по своим друзьям.

Весело и беззаботно приветствовал Хетель молодых девушек, а потом мирно проводили они время в покоях Хильды, украшенных цветами и драгоценными шелками. А между тем наутро с зарею ожидали их новые труды и заботы: король Хаген был уже недалеко.

VIII

О ТОМ, КАК ХАГЕН НАСТИГ СВОЮ ДОЧЬ

Лишь только стало рассветать, Хоранд, отважный датский витязь, увидал в море парус с изображением креста.

Знаком был ему этот знак.

— Извести короля, — пусть подумает, что нам теперь делать, — громко крикнул он Ирольту. — Я вижу в море Хагенов знак на богатом парусе. Видно, слишком долго мы тут спали.

Сказали Хетелю, что его деверь подходит к берегу со своими кораблями и галерами, и король позвал к себе на совещание стариков Вате и Фруте.

Заплакали женщины от испуга.

— Если только отец мой попадет на этот берег, многим женщинам придется оплакивать своих мужей. Мир не видал еще такого горя! — говорила Хильда.

Вате поместил Хильду на своем корабле, прикрыв его со всех сторон щитами, и отделил для ее охраны не менее ста рыцарей. Остальные воины остались на берегу и стали готовиться к бою. Голос Хетеля был слышен повсюду.

— Хорошенько защищайтесь, смелые воины! — кричал он. — В награду вам буду я без меры сыпать золото. Не забывайте — перед вами ирландцы!

— Витязи Хетеля успели увлечь за собою весь Валеис: друзья и недруги — все готовы были биться вместе с ними.

Но вот и Хаген высадился со своим войском на берег, и завязалась битва, о которой потом рассказывали много чудес. Вряд ли кто легко отдал бы на службу своего сына, если бы всегда платилось за нее такими ударами мечей.

Раскаялась и Хильда, что уехала с гостями: боялась она и за отца своего, Хагена, и за Хетеля, короля Хегелингов.

Битва началась на море, и волны были уже красны от крови раненых. Но вот король Хетель спрыгнул на прибрежный песок, и бой с новым ожесточением продолжался на суше. Ближе всех к воде встретил Хаген самого короля Хетеля и сразился с ним. Долго длился бой, но наконец король Хетель был ранен. На смену ему прибежал Вате со своими воинами и горячо схватился с Хагеном. Целый день длилась уже битва; наконец воздух стал прохладнее — наступал вечер. Хаген нанес такой удар по голове Вате, что кровь струею побежала из-под шлема. В это время, казалось, не было ни одного воина, который не принимал бы участия в схватке. Сам Хетель, перевязав раны, спешил на помощь к своему старому другу. Между тем Вате не хотел уступить и продолжал биться с Хагеном, пока не нанес ему такого удара, что свет померк у него в глазах. Много было уже ранено рыцарей; был ранен Ирольт, нортландский витязь. Но

сколько ни пало воинов под рукою Вате, ничто не могло заставить его отстать от Хагена. Горько плакали женщины, слушая звонкие удары мечей. В горе начала тут Хильда Прекрасная звать к себе Хетеля, прося его прекратить битву и спасти отца ее от ярости седовласого Вате. Приказал Хетель своему знаменосцу стать во главе воинов, а сам направился туда, где бились Хаген и Вате.

— Ради твоей чести положи предел вражде, — крикнул Хетель Хагену, — довольно уж погибло из-за нас наших друзей!

Гневен был Хаген и громко спросил он, кто это предлагает ему прекратить битву.

— Это Хетель из страны хегелингов, — отвечал ему витязь, — я — Хетель, так далеко пославший дорогих родных своих за Хильдой.

С этими словами Хетель бросился вперед, за ним и многие другие, и бой был прекращен. Как ни разъярен был отважный Вате, но и он отступил. Скоро остановился на месте и Хаген со своими воинами.

Вот Хетель снял оружие, и слышно было, как всюду возвещали конец битве. Никогда еще до женщин не доходило более радостной вести.

Воины опустили оружие. Рады были они отдохнуть; многие страдали от глубоких ран, полученных ими в битве.

После битвы пошел Хетель к Хагену и сказал ему:

— Должен же ты наконец согласиться, чтобы дочь твоя Хильда носила корону в стране, где готово служить ей много славных воинов!

— Доблестных послов послал ты за моею дочерью, хитро и ловко исполнили они твое поручение, и я не стану больше требовать возвращения Хильды, — отвечал ему Хаген.

Всем давно уже было известно, что какая-то морская дева открыла Вате все тайны врачебного искусства. После битвы король Хетель послал за Вате; Вате снял доспехи, сам перевязал себе раны и захватил уже лечебные коренья и пластыри, как вдруг прибежала к нему Хильда и бросилась к его ногам.

— Вате, дорогой друг, — говорила она, — вылечи моего отца и помоги его раненым воинам, валяющимся там в пыли. За это готова я сделать для тебя все, что ты прикажешь. Не забудь также и друзей Хетеля, хегелингов: словно дождем, смочили они своею кровью землю. Вечно с горем буду я вспоминать свою поездку.

— Не стану я лечить, пока не помирится богатый Хаген с королем моим, Хетелем, — отвечал Вате.

— Ах, если бы могла я видеть его! — воскликнула молодая девушка. — Но я причинила столько горя моему отцу, что не смею обнять его. Он и

его друзья, конечно, презрением ответят мне на мой привет.

Спросили Хагена, согласен ли он видеть дочь, и Хаген отвечал:

— Я рад видеть ее, что бы она ни сделала. Почему же не обнять мне ее здесь, на чужой стороне? Король Хетель в состоянии вознаградить за все и ее и меня.

Тогда Хоранд и Фруте привели к нему за руку двух девушек — Хильду и Хильдебургу.

Радостно приветствовал их Хаген, когда вошли они к нему, но скоро отослал их назад: не хотел он показывать дочери своих ран. Вате же прилагал все старания, чтобы поскорее вылечить его и осушить слезы Хильды. Разные лекарства дал он ему и мази, и от его лечения Хаген скоро поправился.

Много дела было у Вате! Трудно было бы найти другого такого лекаря! Сейчас же вылечил он Хетеля из края Хегелингов, а вслед за ним и всех остальных раненых.

Хетель пригласил Хагена к себе в гости и при нем торжественно отпраздновал свою свадьбу с прекрасною Хильдой. На двенадцатый день после свадьбы Хаген собрался домой, ласково простившись с дочерью и зятем, и Хетель снабдил его всем нужным на дорогу и послал с ним своих людей, чтобы они с почетом проводили его до границы.

По возвращении домой, беседуя с женой, Хаген сказал, что дочь их так хорошо пристроена, что если бы было у него еще несколько дочерей, он был бы готов сам послать их всех к Хегелингам.

IX

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД СВАТАЛСЯ К КУДРУНЕ

С честью и славой правил Хетель своим королевством. Двое детей было у него от прекрасной Хильды, и как только родились они, сейчас же оповестили повсюду, что Бог послал королю Хетелю наследников. Один из младенцев был мальчик и звали его Ортвином; Хетель поручил его Вате, и тот воспитывал его со всевозможным тщанием. Со временем из него вышел могучий и доблестный рыцарь.

Красавицу дочь его звали Кудруной Прекрасной. Из края хегелингов послал он ее в Данию на воспитание к ближайшим ее родным.

Выросла молодая девушка и стала такая красавица, что все мужчины и женщины наперерыв хвалили ее красоту, и скоро прославилась она ею далеко за пределами своей родины. Как ни красива была Хильда, жена Хетеля, но Кудруна была еще много красивее ее и бабки своей, Хильды

Ирландской. Оттого-то и добивались ее любви самые знатные князья. Но плохо приходилось тем, кто пробовал к ней свататься. Так отказал Хетель в ее руке одному королю, сидевшему в Альцабее. Рассердился король, узнав об отказе: думал он, что не было на свете другого столь славного и доблестного короля, как он. Звали его Зигфридом, и был он королем в Мавритании. Далеко крутом славился он своим воинственным нравом. На турнире, происходившем перед замком Хетеля, взял он немало призов на глазах у прекрасных девушек и дам. Когда Хильда и дочь ее вышли из своих покоев, они услышали громкие крики и увидели мавританских рыцарей, стремительно скакавших на своих конях, со звоном потрясая щитами и копьями. Ни один рыцарь не мог бы сделать это лучше Зигфрида, и хотя и был он очень смугл, почти черен, но Кудруна смотрела на него благосклонно. Он же только и желал заслужить ее любовь. Но не отдала ему ее в жены, и очень горевал он об этом и был полон гнева за то, что должен был вернуться домой ни с чем. За это стал он грозить Хетелю спалить пожаром все его государство. Все воины Мавритании тоже были огорчены неудачей их короля и вернулись домой в свою землю, порвав всякую дружбу с хегелингами.

Х

О ТОМ, КАК ХАРТМУТ СВАТАЛСЯ К КУДРУНЕ

Дошло и до Нормандии, что не было на свете девушки, красивее Кудруны, дочери короля Хетеля, и принц Нормандский Хартмут решился искать ее любви. Мудрый совет этот дала ему мать его Херлинда, и он воспользовался ее советом. Отец его был Людвиг, король Нормандии. Посоветовавшись с матерью, Хартмут послал за старым королем. Престарелый Людвиг поспешил к сыну.

— Кто сказал тебе, что она так прекрасна? — спросил его Людвиг. — Ведь мы никогда не видали ее, так ради чего же к ней свататься? Тем более что послы наши могут сильно пострадать при этом.

— Для короля не может быть ни земли, ни невесты слишком далекой, — сказал Хартмут, — сделайте по-моему, пошлите к ней послов.

— А известно ли тебе, каким образом мать ее Хильда была привезена из Ирландии и как пострадали из-за нее добрые витязи? Очень уж они там горды, и родственники Кудруны сочтут нас недостойными ее.

— Если бы ради нее пришлось мне повести большое войско через все земли и моря, я и это сделал бы охотно. Я решился твердо, и не успокоюсь, пока не добуду дочери прекрасной Хильды.

— Прикажи же изготовить грамоты. Драгоценностями и платьем я охотно наделю гонцов сама, — сказала Херлинда. — Надо только разузнать пути в землю Кудруны.

Стал Хартмут выбирать послов и, выбрав шестьдесят своих воинов, щедро снабдил их платьем и съестными припасами и дал им хорошую свиту. Когда же они были уже совсем готовы к отъезду, Хартмут и Херлинда передали им запечатанные письма, и послы пустились в путь. Торопились послы как могли, ехали день и ночь и только после ста дней пути водою и сушей прибыли наконец в землю хегелингов. Хегелинги сначала приняли нормандских послов гостеприимно, охотно служили им и ухаживали за ними. На двенадцатое утро король Хетель потребовал их наконец к себе. Они приехали ко двору на самых лучших конях, каких только могли найти, и одетые в прекрасные и очень дорогие одежды. Король и его воины приветствовали их радушно и ласково, но когда люди, умевшие читать, прочли ему переданные ими письма, король разгневался.

— Напрасно послал вас сюда король Хартмут, — сказал он им, — предложение его очень не по душе и мне, и королеве Хильде.

— Повелитель наш приказал вам сказать, что любит он прекрасную королевну, и если согласитесь вы, чтобы носила она корону Нормандии, — он заплатит вам за то своей службой.

— Как можно ей стать его женой? — заговорила и королева Хильда. — Отец мой Хаген отдал в лен его отцу сто три замка в Гарадее; кроме того, поссорился он и с братом короля Оттона, который тоже получил лен от моего отца Хагена. Скажите же Хартмуту: никогда не будет она его женой, пусть он и не думает об этом, а поищет себе невесту в другом месте.

Обидно показалось это послам: было им досадно, что, совершив такой путь, они вынуждены были вернуться домой ни с чем.

— Ну что, видели ли вы там внучку Хагена? — спросил Хартмут послов. — И так ли хороша Кудруна, как о ней рассказывают?

— Кто ни взглянет на нее, каждый найдет ее прекрасной, — отвечал посол, — к тому же добродетелью своею она, как говорят, превзошла всех женщин.

— Ну, так я же добьюсь того, что будет она моей! — сказал тогда Хартмут.

XI

КАК ХЕРВИГ И ХАРТМУТ ПОЕХАЛИ ЗА КУДРУНОЙ

Жил на свете молодой король по имени Хервиг. Задумал он посвататься к Кудруне и пытался было заслужить ее расположение. Но что он ни делал, каких послов ни посылал, всем им приходилось плохо. Тяжело было терпеть это его гордой душе, но все же не мог он отказаться от Кудруны.

XII

О ТОМ, КАК ХЕРВИГ ХОДИЛ ВОЙНОЙ НА ГЕТЕЛЯ И КАК ВЫДАЛИ ЗА НЕГО КУДРУНУ

Отважный Хервиг не меньше Хартмута тосковал по Кудруне. Был он сосед Хетеля, но если бы вздумал он посылать к нему послов хоть тысячу раз на день, это не принесло бы ему ничего, кроме унижения и горя. Хетель просил его перестать свататься к его дочери, но Хервиг стоял на своем и решил попытать счастья оружием. Собрал он три тысячи своих воинов и пошел с ними в землю хегелингов. Ничего не знали о том в Штурмене, не

знали о том и в Дании, — потом только Ирольт узнал, что отважный Хервиг стремительно шел на Хетеля.

Узнал о походе его и Хетель, да, видно, чересчур позамешкался со своими людьми и не успел выйти к нему навстречу, а между тем Хервиг, воспользовавшись прохладой, успел уже рано утром подойти к замку Хетеля. Воины Хетеля еще спали, как вдруг услышали они голос сторожевого, доносившийся до них с башни.

— На коней! — кричал он. — Пришли к нам лютые гости. Вооружайтесь, воины, я вижу — шлемы блестят вдали!

Повскакали воины с постелей и бросились к оружию; богатым и бедным, знатным и простым воинам — всем пришлось тут защищать свою жизнь и честь. Хетель и Хильда подошли к окну; оттуда увидели они, как враги теснились к воротам замка. У Хетеля в замке было до ста человек вооруженных воинов. Хетель сам вышел с ними навстречу врагам. Началась ожесточенная битва. Пламенный вихрь поминутно вырывался из шлемов под ударами меча Хервига. Смотрела на это Кудруна и не могла отвести глаз; прекрасен казался ей витязь, и было ей и сладко и больно смотреть на битву. Король Хетель сам сразился с Хервигом, и немного было нужно им времени, чтобы оценить друг друга.

Смотрела на них Кудруна и слушала шум битвы; она видела, как счастье перекатывалось от одного к другому, как шар, и не могла она решить, которому из воинов желала она больше удачи.

— Хетель, отец мой! — стала наконец она кричать. — Кровь струится уже на землю через звенья кольчуги; ею забрызганы уже все наши стены. Ради меня прошу я вас прекратить на время битву. А пока скажите мне оба, кто лучшие и ближайшие родичи Хервига.

— Не прекращу я битвы, пока не позволишь ты мне явиться к тебе безоружным^[12]. Тогда можешь ты расспрашивать меня о моем родстве.

Любовь женщины прекратила битву. Воины разоружились и умылись в источнике. Хервиг с сотнею своих воинов пошел к Кудруне — не мог еще он вполне ей довериться, она же в душе своей колебалась между отцом и витязем.

— Сказали мне, будто я недостойн тебя, потому что недостаточно знатен я родом, — заговорил Хервиг, — но часто знатные люди находят свое счастье у незнатных.

— Какая женщина могла бы презирать и ненавидеть витязя, который так служит ей? — отвечала Кудруна. — Поверь мне, я не презираю тебя, и ни одна девушка не чувствует большей любви к тебе. Если только родные мои будут на то согласны, я охотно стану твоей женой.

С любовью заглянул он ей в глаза: любила она его и не таясь признавалась в том при людях.

Тогда Хервиг торжественно посватался к Кудруне, обещая, что замки его и все его родичи всегда готовы будут служить ей. Король Хетель собрал лучших хегелинских воинов и при них спросил молодую девушку, согласна ли она иметь мужем благородного рыцаря Хервига.

— Лучшего друга я и не желаю, — отвечала на это Кудруна.

Так была она обручена с королем Хервигом. Хотел было Хервиг сейчас же увезти ее в свою землю, но королева Хильда не согласилась и оставила дочь у себя еще на год.

XIII

Узнав о том, Зигфрид, король Мавритании, построил и оснастил двадцать больших кораблей, заготовив на них большие запасы оружия и съестных припасов, и оповестил всех своих воинов, что с наступлением теплой погоды намерен он предпринять поход на Зеландию: хотел он напасть на Хервига и повел с собою восьмидесятитысячное войско. В Зеландию же послал он гонцов с объявлением войны.

Огорчился Хервиг: ничем никогда не вредил он Зигфриду и не мог понять, чем навлек он на себя его гнев. Приказав хорошенько охранять свои пограничные земли и замки, послал он оповестить своих друзей, что король Мавритании грозит спалить пожаром и опустошить всю его землю. При этом раздал он все, что у него было, тем, кто выражал готовность служить ему.

Между тем воины из Абакии и Альцабеи пришли уже с Зигфридом к его земле и принялись опустошать ее огнем и мечом. Зеландцы защищались как могли, и ожесточенная борьба длилась долго; вся земля дымилась от крови, и, казалось, скоро весь мир покроется телами павших воинов. Плохо пришлось тут Хервигу: был он оттеснен к самой границе своих владений. В такой беде послал он гонцов к Кудруне, извещая ее о своем положении.

Сильно огорчилась Кудруна, получив от гонцов такие вести. Горько заплакала она и сейчас же послала за королем Хетелем и сообщила ему о своем горе: враги убивали ее людей и разоряли ее замки.

— Помоги мне, славный король, — говорила она, в слезах обнимая отца, — горе мое чересчур велико: приди на помощь моим друзьям, иначе не справиться им с врагами.

Кликнул тогда король Хетель своих родичей и ленников, престарелого Вате из Штурмена, Морунга из Вaleyса, Хоранда из Дании, Ирольта, доблестного витязя, и наконец, брата Кудруны — Ортвина.

Королева Хильда, с своей стороны, обещала щедро наградить всех, кто явится на помощь друзьям Кудруны и приказала принести и отпереть ларцы с дорогими панцирями и серебряными запястьями.

Когда пришли они на помощь к Хервигу, ему приходилось уже совсем плохо: со своими воинами заперся он в своем замке, между тем как враги теснились уже к самым воротам.

Но друзья Хервига не теряли времени, и скоро Зигфрид со своими подвижниками с огорчением узнал, что сам король Хетель явился на помощь Хервигу со своими лучшими рыцарями. Три битвы в открытом поле дали они маврам, и в это время, согласно рыцарскому обычаю, замки спокойно отдыхали от войны.

Целых двенадцать дней бились враждебные войска; наконец, на тринадцатый день перед ранней обедней Зигфрид собрал совет и решился укрыться поскорей в какой-нибудь крепости, чтобы не погибнуть всем от рук прибывших на помощь Хервигу воинов.

Бросив битву, они действительно поспешили укрыться в крепости на берегу широкой реки; враги преследовали их по пятам, а потом осадили крепость.

XIV

О ТОМ, КАК ХЕТЕЛЬ ПОСЛАЛ ГОНЦОВ ИЗ ЗЕМЛИ ХЕРВИГА

Послал наконец Хетель к себе домой гонцов, чтобы утешить женщин. Приказал он сказать им, что все они, старые и молодые, удачно сражались и в битвах и в поединках и что теперь ведут они осаду, радея о прекрасной Кудруне и короле Зеландии.

Между тем витязи Штурмена строго наблюдали за тем, чтобы воины Зигфрида не могли выйти из крепости и пробраться к своим кораблям. Хетель же поклялся, что не даст уйти ни одному язычнику и всех их возьмет в плен.

Тем временем Хартмут послал из земли своей, Нормандии, лазутчиков, наказав им разведывать и доносить ему обо всем, что происходило в войске Хетеля. Увидали соглядатаи, в каком положении очутилось мавританское войско, и поспешили с этой вестью назад в Нормандию. Людвиг и Хартмут обрадовались вести, что Хетель с Хервигом были совсем поглощены войной.

— Не можете ли вы сказать, как долго мавры могут быть задержаны еще в Зеландии? — спросили они соглядатаев.

— Да, пожалуй, еще с год, — отвечал им один из соглядатаев, — хегелинги так обложили их, что им ни за что не пробиться к морю.

— Как же рад я этой вести! — воскликнул Хартмут. — Пока они там заняты осадой, мы успеем побывать у Хегелингов.

И решили Людвиг и Хартмут, что соберут они десятитысячное войско и похитят Кудруну прежде, чем Хетель успеет вернуться домой. Сильно подбивала их на то старая Герлинда: рада была бы она отомстить Хетелю за то, что отказал он выдать за ее сына Кудруну, и хотелось ей, чтоб Людвиг и Хартмут повесили Вате и Фруте. И отдала она свое собственное золото и серебро, чтобы им было чем награждать своих воинов.

Поспешно стали они готовиться к походу. Людвиг добыл опытных мореходов, которым были ведомы все пути-дороги по волнам, и обещал им щедрую плату. Корабли были уже готовы и ждали их у берега, и, усадив на них свое двадцатитысячное войско, Людвиг и Хартмут вышли в море.

Волны принесли их к Нортландии прежде, чем Хетель сведал что-нибудь об их походе.

Вот уже увидали они и дворец, и башни замка прекрасной Хильды. Людвиг приказал тут бросить якоря и велел воинам как можно скорее выходить на берег, — боялся он, как бы хегелинги не узнали раньше времени о их приезде. Когда же они вышли на берег и, вооружившись, приготовились к битве, послали они вперед гонцов узнать, не найдется ли у них друзей в Хетелевой земле.

XV

О ТОМ, КАК ХАРТМУТ СИЛОЮ ПОХИТИЛ КУДРУНУ

Как только воины вооружились и приготовились к битве, Хартмут послал послов своих к Хильде — хотелось ему уладить дело мирно, и если Кудруна согласилась бы отдать ему свою любовь, — о том он просил ее уж раньше, — то он был бы готов служить ей до конца своей жизни и отдал бы ей все, что получил от отца. Так сильно любил Хартмут Кудруну и никак не мог ее забыть.

— Если же она не согласится, — говорил Хартмут послам, — то я вступлю в бой и не прекращу битвы, пока не добуду ее силой. Скажите же ей от меня: хотя бы враги изрубили меня на куски, без Кудруны я ни за что не вернусь на свои корабли. Двадцать тысяч воинов готов я положить

мертвыми на пути к замку хегелингов, лишь бы добыть прекрасную девушку.

По приказу Хартмута гонцы поскакали к обширному замку. Назывался он Мателана; там жила королева Хильда со своею дочерью. В числе послов Хартмута были два знатных графа, их привез он с собою из Нормандии, им поручил он передать слова свои Хильде: если бы теперь по доброй воле отдала она ему Кудруну, он ушел бы со своим войском, не причинив ей никакого зла.

Испугалась Хильда, когда телохранители ее сказали ей, что в Мателану приехали сватами нормандские послы.

Приказала она поскорее распахнуть ворота замка, чтобы не заставлять ждать послов, и пригласить их въехать в замок. Телохранители королевы и дочери допустили к ним послов Хартмута, и Хильда как следует, ласково приветствовала их; но надменно встретила их Кудруна: так сильно любила она отважного Хервига. Как ни были они сердиты, приказали поднести послам вина, прежде чем изложили они свое поручение, а потом, усадив их перед собой и дочерью, Хильда, делать нечего, спросила их, зачем они к ней были посланы. Как водится, послы со всею своею свитой поднялись со своих мест и почтительно изложили, зачем приехали они в землю хегелингов.

— Скажите отважному Хартмуту, — отвечала им Кудруна, — что никогда не придется ему венчаться со мной, — по доброй воле и расположению выхожу я замуж за Хервига.

— Но Хартмут приказал сказать тебе, что если ты не исполнишь его желания, то на третье утро ты увидишь его с воинами в Мателане, — сказал один из послов, на это Кудруна только рассмеялась.

Послы сейчас же собрались уйти, но Хильда, как ни была враждебна к ним, просила их повременить и принять от нее богатые дары. Но послы даров не приняли и сейчас же пустились в обратный путь. Витязи же Хетеля заявили послам, что не страшит их гнев и вражда и что если не хотят они пить Хетелева вина, то они готовы поднести им и их воинам крови.

Получив через послов такой ответ, Людвиг и Хартмут со всем своим войском двинулись вперед. В Мателане издали заметили военные знамена.

— Слава Богу! Вот идет король Хетель со своим войском! — воскликнули Хильда и Кудруна. Но они ошиблись. — Горе нам! — восклицали они. — Жестокие гости пришли сюда за Кудруной, и много крепких шлемов будет разбито сегодня, прежде чем наступит вечер.

— Могучими ударами помешаем мы людям Хартмута сделать свое дело, — сказали Хильде воины Хетеля.

Просила Хильда, чтобы сейчас же заперли ворота замка, но отважные воины Хетеля не послушались ее и стали готовиться открыто встретить врага с мечом в руках.

На лугу перед воротами замка произошла первая стычка с Хартмутом. Скоро подоспел к нему на помощь и Людвиг.

С горем смотрели на это женщины.

Воины Хетеля были смелы и отважны и показывали чудеса храбрости, но в ту минуту, как уже надеялись они сладить с врагом, подоспела к нему эта свежая сила. Пожалели тут гордые витязи, что не послушались совета: много уж было у них пробитых щитов, и многие воины истекали кровью. Людвиг и Хартмут услышали, что собираются запереть ворота замка, и поспешили пробиться вперед со своими стягами. Скоро над стенами замка развернулось знамя Нормандии. В отчаянии, заливаясь слезами, смотрела на это королева.

Пошел Хартмут к Кудруне и сказал ей:

— Благородная девица, ты нашла унижительным мое предложение, теперь же было бы унижительно для меня и моих друзей, если бы мы никого не захватили здесь в плен: нам следовало бы всех здесь убить и повесить.

Ничего не ответила ему Кудруна, но только воскликнула:

— Увы, отец мой! Если бы знал ты, что силой уведут дочь твою из этой земли! Никогда еще не переживала я такого горя и позора.

Конечно, если бы Вате и Хетель были тут, они не допустили бы, чтобы Кудруна была взята в плен и отвезена в Нормандию.

Хартмут ушел из замка, не успев его разрушить и сжечь: опасался он, как бы не узнали обо всем родичи и воины Хетеля в Вaleyсе.

— Не теряйте времени на захват добычи, — сказал Хартмут, — и так много сокровищ дома у моего отца, не надо нам отягощать наших кораблей.

Вместе с Кудруной захватили они и еще многих молодых девушек. Королева Хильда осталась одна в своем замке и, поспешив к окну, с горем смотрела вслед воинам, уводившим своих пленниц. Хартмут сам отвез Кудруну на морской берег. Как ни торопился он сесть на корабли, однако все-таки позволил своим воинам спалить и разорить королевские земли. Тем временем Хильда снаряжала послов к Хетелю, чтобы рассказали они

ему, что мертвыми полегли все его воины, замок его залит кровью, а дочь уведена в плен.

— Скажите ему, послы, — говорила она, — что осталась я здесь совсем одна, между тем как король Людвиг с торжеством возвращается в свою землю.

Через три дня Хартмут успел забрать свою добычу и посадить свое войско на корабли. Быстро понеслись они по морским волнам, только ветер шумел и свистел в парусах, пока не подошли они к одному дикому острову, носившему имя Вюльпензанда^[13].

XVI О ТОМ, КАК ХИЛЬДА ПОСЛАЛА ПОСЛОВ К ХЕТЕЛЮ И ХЕРВИГУ

Поспешно пустились в путь послы Хильды и на седьмое утро пришли к хегелингам, которые совсем уж потеснили мавров. Весело проводили время воины в лагере хегелингов и для развлечения постоянно устраивали рыцарские игры и слушали игру на разных инструментах. Но вот в то время, как были они заняты бегом наперегонки и метанием копий, Хоранд увидал послов Хильды.

— Нам несут новые вести, — сказал он королю, — дай Бог, чтобы у нас дома не случилось никакой беды!

Увидя послов, король поспешил к ним навстречу.

— Привет вам, господа, в этой стране, — сказал он им, — как поживает жена моя Хильда? Скажите, кто вас сюда послал?

— Послала нас сюда сама королева, — отвечал один из послов, — замки твои разрушены, города спалены пожаром. Кудруна и ее свита уведены в плен. Думается мне, что земля твоя не оправится от такого погрома.

— Поведаю я тебе еще горе, — продолжал он, — полегло мертвыми до тысячи твоих родичей и воинов, и все сокровища твои похищены и увезены в чужое королевство.

— Как же зовут того, кто это сделал? — спросил король.

— Одного зовут Людвигом Нормандским, другого — Хартмутом.

— Он сделал это за то, что я не отдал за него своей дочери: знал я, что король Нормандский был ленником Хагена, и мало чести было бы в таком браке для Кудруны. Но надо нам скрыть эту весть от наших врагов и лишь тайно сообщить ее нашим друзьям. Созовите же скорей всех наших родичей!

Позвали к королю Хервига и всех его друзей, родичей и воинов, и Хетель с горем сообщил им вести, принесенные послами. Заплакал Хервиг, услышав о постигшей их беде, плакал и сам король Хетель, плакали и все, видевшие их слезы.

— Только бы скрыть это от врагов, — сказал Вате, — а потом мы успеем отплатить Хартмуту и Людвигу за весь причиненный нам вред.

— Как же это сделать? — спросил Хетель.

— Надо нам сперва заключить мир с королем мавров, — отвечал Вате, — а потом поведем мы наших воинов в погоню за Кудруной.

Мудр был Вате и дал еще такой совет:

— Надо нам завтра рано утром напасть на чужаков и так, чтобы они убедились, что, минуя нас, не пробраться им к своим кораблям.

— Вот хороший совет! — сказал король. — Приготовьтесь же заранее к встрече с врагом, а потом поспешим в погоню — сильно огорчает меня участь женщин.

Воины приготовились к битве и на другое же утро напали на мавров. Со знаменем впереди стремительно пошли они на крепость, и в самый разгар битвы Ирольт принялся кричать через край своего щита:

— Хотите ли вы помириться, воины Мавритании? Король мой, Хетель, приказал мне спросить вас об этом. Земля ваша далеко, и вы только теряете здесь ваше добро и ваших родичей.

— Обещайте служить нам, — кричал Фруте, — и мы с миром отпустим вас домой.

Воины Мавритании согласились на такое условие, и мир был заключен. Тогда Хетель сообщил королю Мавритании, какие вести принесли ему из дому послы, и просил его помочь отомстить Хартмуту за обиду.

— Плохо пришлось бы им, если бы мы только знали, где их найти! — воскликнул Зигфрид.

— Знаю я здесь недалеко кратчайший путь морем, — сказал Вате, — и мы можем настичь их без труда.

— Но где же добудем мы корабли? — сказал Хетель.

— И тут могу я дать тебе совет, — продолжал престарелый Вате. — Господь допускает насилие, когда это необходимо. Здесь поблизости можно найти у берега до семидесяти хороших кораблей; много заготовлено на них съестных припасов, — их снарядили паломники. Надо нам во что бы то ни стало захватить эти корабли, мирно высадив на берег паломников.

Отобрал Вате сотню воинов и пошел с ними вперед; остальные последовали за ним. Хотел он было купить корабли у паломников; было их

тут до тридцати сотен, и не хотели они продавать своих судов, но когда пришел и сам король Хетель с остальным войском, они перестали противиться и уступили свои корабли. По приказанию Вате перенесли им на берег все их серебро и платье: не захотел Вате воспользоваться их добром; за съестные же припасы он решил заплатить им по возвращении.

Недовольны были паломники и жаловались на притеснение, но их никто не слушал, а король Хетель отобрал из них пять сотен лучших воинов и взял с собой. Немногие из них вернулись потом домой. Посадив на корабли свое войско, король Хетель пустился в путь, и быстро понеслись они по волнам, пользуясь попутным ветром.

XVII

О ТОМ, КАК ХЕТЕЛЬ ЯВИЛСЯ ЗА СВОЕЙ ДОЧЕРЬЮ НА ОСТРОВ ВЮЛЬПЕНЗАНД

Людвиг и Хартмут, высадившись на остров Вюльпензанд, решились отдохнуть на побережье со своими воинами. Они расположились тут лагерем, пустили на траву коней, перевезли и пленниц; но печально сидели те, окруженные врагами. Тут рассчитывали они провести не менее семи дней: они были уже так далеко от Мателаны, что не допускали, чтобы Вате и его друзья могли причинить им какой-нибудь вред.

Но вот один из корабельщиков приметил на волнах корабль с богатыми парусами. Доложили о том королю, и Хартмут со своими воинами пошел сам посмотреть, в чем дело. Разглядел он на парусах кресты и решил, что это были паломники. Скоро увидели они быстро несшиеся к ним три прекрасных корабля и девять богатых барок; когда корабли подошли ближе, они увидели блестящие шлемы — и поняли в чем дело.

— К оружию скорее! — крикнул Хартмут. — Вот мои враги!

Они так стремительно неслись к берегу, что слышно было, как трещали весла в руках гребцов.

Людвиг стал громко сзывать и ободрять своих воинов. Поспешно установили на берегу военный стяг Хартмута. В это время корабли были уже так близко, что до них легко было достать с берега копьем. Хегелинги с копьями и мечами соскочили на берег и принялись щедро рассыпать удары. Никогда в метель снег не сыплется в горах так быстро, как мелькали, поднимаясь и опускаясь, их мечи. Никогда еще не бывало более жестокой битвы. Стремительно и гневно ринулся на врагов Вате; Людвиг Нормандский бросился ему навстречу с копьем, и копьё его само разбилось вдребезги от мощного удара. Вате нанес Людвигу удар по шлему с такою

силой, что пробил его и концом меча задел по черепу: не миновать бы ему смерти, если бы не было на нем сорочки из лучшего абалийского шелка. Но не мог уж он больше сражаться и должен был покинуть битву. Хартмут схватился с Ирольтом, и удары их со звоном посыпались на шлемы. Хервиг не принимал участия в битве — был он еще на корабле и, спрыгнув с него, очутился в воде по плечи. Враги хотели утопить его и стали засыпать его копьями, но все же удалось ему пробиться на берег, и тогда щедро отплатил он им за все.

Овладев берегом, хегелинги вступили в ожесточенный бой; от потоков крови морские волны окрасились в багровый цвет дальше, чем на полет копья. Никогда еще не было столько поверженных на землю и раздавленных человеческих тел. Если бы собрать всех тех, что погибли так, без ран, то их хватило бы для за-воевания целой страны. Надменные мавры, как говорят, тоже принимали горячее участие в битве; были они отважные воины, и кровь так и струилась из-под их шлемов.

Горько плакала Кудруна, наблюдая за битвой, а вместе с нею и все женщины.

Целый день продолжалась ожесточенная битва, и близился уже вечер, когда среди тесноты и давки Хетель столкнулся наконец с Людвигом Нормандским.

XVIII

О ТОМ, КАК ЛЮДВИГ УБИЛ ХЕТЕЛЯ И НОЧЬЮ ПУСТИЛСЯ В ПУТЬ

Славно владели мечом и Хетель, и Людвиг, и, сразившись, скоро каждый из них вполне оценил искусство и ловкость противника. Но все же Людвиг сразил Хетеля и причинил тем многим глубокое горе. Узнала Кудруна о гибели отца и стала оплакивать его; вместе с нею оплакивали его и бывшие с нею женщины. Вате пришел в ярость, узнав о смерти короля, и под мечом его шлемы запылали, как вечерняя заря.

Но что могли сделать витязи? Наступила полная тьма, не было даже луны; весь остров был уже пропитан горячей кровью, а хегелинги и не думали прекращать битву: хотели они во что бы то ни стало отбить Кудруну и отомстить за гибель Хетеля. Но наступила ночь, и в темноте воины уже не отличали врагов и убивали своих.

— Если мы будем продолжать сражаться впотьмах, убивая и чужих и своих, то к утру тут никого не останется в живых, — крикнул наконец Хервиг, и согласились все до рассвета прекратить битву. Но ни та ни другая

сторона не отступила, и враждебные войска расположились на ночлег так близко друг от друга, что при свете костров могли видеть вражеские шлемы и щиты.

Людвиг и Хартмут, посоветовавшись между собою, открыли своей дружине, к какой уловке решили они прибегнуть, чтобы незаметно уйти с острова.

— Лягте все на землю, положив под головы щиты, и шумите больше, чтобы хегелинги не заметили, как я увезу вас отсюда, — сказал им Людвиг.

Послушались Людвиг его воины: затрубили они в трубы и забили в барабаны, словно отвоевали себе весь остров. Женщинам запретили громко жаловаться и плакать, а тех, кто не слушался, топили в море. Воины Людвиг поспешно перенесли на корабли все, что было у них выгружено на берег, и покинули на месте своих мертвых. Многих недосчитались они, и несколько судов остались пустые на берегу. Благодаря такой хитрой уловке, нормандским воинам удалось—таки выйти в море. Горько было женщинам, что приходилось им молчать и не могли они никак известить своих близких.

Наутро, лишь только стало рассветать, Вате принялся трубить в свой военный рог. Повскакали с ночлега воины; на конях и пешие принялись они искать своих врагов, но те были уже далеко: суда их пустые стояли на берегу, платье валялось, разбросанное по земле; много нашлось тут и оружия, не имевшего уже хозяев. И как же огорчился Вате, узнав о том! Как горько плакался он на то, что не успел отомстить Людвигу за смерть короля Хетеля!

— Живее, витязи! — кричал Ортвин. — Попытаемся еще догнать их — ведь не успели они еще уйти далеко от берега!

— Что толку торопиться? — сказал на это Фруте, он стоял на берегу и пристально вглядывался в морскую даль. — Поверьте, они ушли отсюда, по крайней мере, уже за тридцать миль. К тому же нельзя оставить нам без

погребения и павших воинов. Послушайтесь меня: врагов мы уже не догоним, а лучше перенесем на корабли наших раненых да разыщем наших мертвых и похороним их здесь, на этом пустынном берегу.

Послушались его воины и пошли собирать своих мертвых. Потом похоронили короля, а за ним и остальных убитых воинов, порознь христиан и нехристей. Не оставили без погребения и врагов.

Целых шесть дней, не зная отдыха, трудились они, чтобы упокоить души убитых их товарищей, читали молитвы и пели псалмы. Впоследствии поселилось здесь много духовенства и основался монастырь. Все, потерявшие здесь своих родичей, сделали богатые вклады на поддержание монастыря.

Упокой Господи тех, что погребены на этом месте! Те же, что уцелели в этой страшной битве при Вюльпензанде, в горе разъехались, каждый к себе на родину.

XIX

О ТОМ, КАК ХЕГЕЛИНГИ ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ

Не посмел витязь Ортвин показаться на глаза своей матери, со дня на день ожидавшей возвращения Кудруны и ее свиты. Один Вате решился ехать к Хильде.

Огорчились жители замка, узнав, что приехал Вате. Прежде, бывало, шумно и весело въезжал он в замок после битвы. Огорчилась и Хильда, — догадалась она, что плохо пришлось хегелингам, и хотелось ей поскорее узнать, что случилось с королем. Стали сбегаться к Вате и все желавшие узнать о судьбе своих родичей.

— Не могу я скрыть от вас и не хочу вас обманывать: все они убиты! — отвечал им Вате, и ужаснулись такому ответу все от мала до велика. Громко и горько оплакивала Хильда своего супруга.

— Перестань жаловаться и плакать, госпожа, — говорил ей Вате, — ты не вернешь этим погибших. Подожди, пока подрастут люди в нашей стране: тогда отомстим мы Людвигу и Хартмуту.

— До чего дожила я! — плакала Хильда. — И чего бы не отдала я, чтобы отомстить за обиду и снова увидеть бедную дочь мою Кудруну.

— Перестань горевать и плакать, — говорил Вате, — дай нам сроку двенадцать дней, и мы обдумаем, как нам быть.

— Госпожа моя Хильда, — снова заговорил Вате, — вот как было дело: взял я у паломников девять кораблей, и надо нам теперь вернуть их этим беднякам, чтобы не понести неудачи в будущих битвах.

Согласилась Хильда.

— Великий грех отнять что-нибудь у паломников, — сказала она и приказала заплатить им за все и сверх того дать им еще три меры серебра из ее собственной казны.

И паломникам вернули их корабли и так щедро вознаградили их за все, что они забыли обиду и не прокляли рода Хетеля.

На другой день утром приехал из Зеландии отважный Хервиг, и Хильда обняла его со слезами.

Заплакал и Хервиг, видя ее слезы.

— Все они умерли, — сказал он, — умерли все, кто должен был и всегда был готов тебе помочь. Ни за что не успокоюсь я ни душой, ни телом, пока не отомщу Хартмуту за то, что посмел он похитить у меня жену и перебить наших воинов.

Потом все они поехали в Мателану. Съехались туда все уцелевшие витязи со своими воинами, приехал и сын Хильды, Ортвин.

Все они, как следовало, оплакали прежде короля Хетеля, а потом стали совещаться со своей госпожой о том, можно ли предпринять им теперь поход.

— Невозможно это, пока не будет у нас достаточно людей, — сказал Фруте.

— Но когда же это будет? — говорила королева. — Неужели дочь моя должна оставаться пленницей в чужой земле, а я, бедная королева, вести здесь такую безотрадную жизнь?

— Ничего нельзя сделать, — сказал Вате, — пока те сироты, что видим мы здесь детьми, не станут взрослыми мужами, способными носить оружие. Тогда вспомнят они о своих погибших родичах и помогут нам в нашем походе.

Огорчилась Хильда, но делать было нечего.

— Дай нам Бог дожить до этого! — сказала она. — Мне же долгим покажется это время.

На прощание просила она витязей не забывать ее и заезжать к ней почаще и в свое время все приготовить к походу.

— В таком случае, госпожа, — сказал Вате, — пусть в каждой земле приготовят к тому времени по сорока надежных барок.

— А я, — сказала Хильда, — прикажу построить и оснастить двадцать крепких военных кораблей, чтобы друзьям моим было на чем добраться до врагов.

Так дружелюбно и ласково расстались они, и гости разъехались, соболезнуя ее великому горю.

После их отъезда Хильда послала на Вюльпензанд съестных припасов для оставленных там людей, что молились о душах покойников.

Потом приказала она построить на этом месте большой собор, монастырь и больницу.

XX

О ТОМ, КАК ХАРТМУТ ПРИЕХАЛ ДОМОЙ В СВОЮ ЗЕМЛЮ

Надо теперь рассказать о том, как Хартмут привез к себе домой пленных девушек.

После того как они, покинув на поле битвы своих убитых и тяжелораненых, тайком вышли в море, многие из них, и старые и молодые, ни днем ни ночью не знали, куда деться от стыда, несмотря на всю удачу своего предприятия.

Обрадовались мореходы, когда завидели они наконец берега Нормандии.

— Теперь уж мы недалеко от замков Хартмута, — сказал один из них.

Радостно встретили воинов их жены и дети, не чаяли уж они видеть их живыми.

Завидя свои замки, Людвиг Нормандский сказал Кудруне:

— Видишь ли ты эти замки? Тут и тебя ждет радость! Если ты будешь нас любить, мы наградим тебя богатыми землями.

— Кого могу я любить тут? — печально возразила молодая девушка.

— Я разлучена с теми, кого я люблю, и никогда не перестану тосковать об этом.

— Не горюй, а лучше полюби Хартмута, веселого витязя, — продолжал Людвиг, — мы отдадим вам тогда все наше достояние, и живите себе в радости и довольстве.

— Когда же перестанете вы приставать ко мне? — сказала дочь Хильды. — Я лучше умру, чем соглашусь взять мужем Хартмута. Не такого отца он сын, чтобы было прилично мне любить его.

Рассердила такая речь короля Людвига, схватил он Кудруну за волосы и бросил в море, но отважный Хартмут в ту же минуту бросился вслед за нею в воду.

Рада была утонуть Кудруна и уже готова была скрыться под волнами, как подоспел Хартмут и, поймав ее обеими руками за косы, вытащил на лодку. Сурово обращался Людвиг с прекрасными дамами. Не привыкла Кудруна к такому обращению и почувствовала страшную обиду. Горько заплакали остальные пленницы: если так жестоко обращались с их королевой, то чего же могли они ждать для себя?

— Как? Ты хотел утопить мою невесту, прекрасную Кудруну? — воскликнул Хартмут. — Я люблю ее, и если бы сделал это кто-нибудь другой, а не отец мой Людвиг, то я лишил бы его жизни и чести.

— До старости сохранил я свою честь незапятнанной и хотел бы дожить так и до смерти, потому прошу Кудруну перестать гневаться на меня, — отвечал Людвиг.

Радостные, приехали к Херлинде гонцы с поклоном и приветом от ее сына. Просил он ее выехать на морской берег, чтобы встретить добрых рыцарей. Извещал он ее также, что везли они из-за моря гегелингскую девушку, по которой так сильно тосковал Хартмут. Никогда еще не получала Херлинда более приятной вести. Гонец же продолжал:

— Госпожа, — говорил он, — когда ты сойдешь на берег, встретить приветствием огорченную девушку. Пусть обе вы будете на берегу — и ты, и твоя дочь.

На все согласилась Херлинда. На третий день с большою свитой выехала она из замка и приехала на берег как раз в то время, когда корабли входили в гавань.

Воины весело и радостно высаживались на берег, выгружая привезенную добычу. Одна только Кудруна со своею свитой была печальна. Хартмут сам вел ее за руку. Охотно обошлась бы она без его услуг, но принимала их как знак должного ей почета.

Сестра Хартмута как должно приветливо встретила дочь Хильды, и очутившаяся на чужбине девушка со слезами на глазах поцеловала дочь хозяина. Хотела было поцеловать ее и Херлинда, но не стерпела этого Кудруна.

— Не хочу я целовать тебя, — сказала она Херлинде, — и напрасно встречаешь ты меня: ведь твои советы довели до того, что должна я теперь переживать такой позор и горе.

Но королева всеми силами старалась добиться ее расположения.

Рыцари решили провести на берегу целый день и сейчас же раскинули тут небольшие палатки для Хартмута и его воинов. Сбежавшиеся люди весело разгружали корабли. Кудруна плакала, почти не осушая глаз, и Хартмут, как ни старался, ничем не мог ее утешить. Только с Ортруной, сестрою Хартмута, была она ласкова и обходительна: Ортруна одна не сердилась на нее за то, что не хотела она быть женою Хартмута. Так провели они весь день. Потом Хартмут отвез Кудруну в замок, где было ей суждено прожить гораздо дольше, чем она сама хотела. Там перенесла она много мук и горя.

Хозяин замка приказал всем обходиться с нею предупредительно и почтительно, как со своею будущею королевой. Но Херлинда теряла терпение и спрашивала, когда же Кудруна станет женою Хартмута? Он не хуже ее родом, и от нее одной только зависит перестать проводить жизнь в тоске и одиночестве.

— Трудно простить тому, кто причинил столько горя и погубил столько родичей и друзей, — услышав ее слова, сказала Кудруна.

— Что сделано, того уж не вернешь! — отвечала королева. — Надо с этим примириться. Полюби Хартму-та, и я в награду уступлю тебе часть моего достояния; я даже готова уступить тебе свою корону.

— Не хочу я носить твоей короны! Никакою щедростью не заставишь ты меня сказать, что по доброй воле пойду я замуж за витязя. Не хочу я оставаться здесь и изо дня в день стремлюсь домой!

Услыхал ее слова витязь Хартмут, и показались они ему обидны. «Если не женюсь я на этой девушке, то все, конечно, скажут, что сам я не приложил к тому никаких стараний», — подумал он.

— Умные и опытные люди должны вразумлять неразумных детей, — сказала ему злобная Херлинда. — Если ты позволишь мне, Хартмут, я постараюсь вразумить Кудруну и надеюсь сломить ее высокомерие.

— Хорошо, — сказал Хартмут, — я поручаю тебе молодую девушку, но помни, что она здесь на чужбине, и будь к ней добра.

Так, уезжая, поручил Хартмут своей матери вразумить Кудруну. Огорчилась Кудруна, узнав об этом; не нравилась ей Херлиндина наука.

— Если не хочешь ты жить в радости, так будешь жить в тягости, — сказала ей эта ведьма. — С этого дня должна ты топить мою печку и сама колоть для того дрова.

— Что ни прикажешь ты, все буду я делать, пока Господь Бог не избавит меня от моей скорби, — отвечала благородная девушка. — Но все-таки нечасто приходилось дочери моей матери самой колоть дрова.

— Пока я жива, будешь ты делать много такого, что редко доводится делать другим королевам. Надеюсь я поубавить в тебе спеси. Завтра же разошлю я по разным местам твою свиту. Очень уж много ты о себе думаешь, и я сумею унизить тебя и разрушить твои высокомерные надежды, — грозила Херлинда.

Разозлилась Херлинда и пошла к королю Хартмуту.

— Хетелева дочь только и знает, что превозносится над тобой и твоими друзьями, — сказала она ему, — лучше бы мне никогда не видеть ее, чем слушать это!

— Что бы ни делала она, матушка, ты должна обходиться с нею ласково, — сказал на это Хартмут. — Я причинил ей так много зла, что она, конечно, может чуждаться меня.

— Что ни делай с ней, она никого не слушает! — говорила королева. — Она так упорна, что добром не заставишь ее полюбить тебя и стать твоей женой.

— Ну, так вразуми ее хоть настолько, чтобы стала она ко мне хоть не так враждебна и поклялась бы мне в верности.

В гневе ушла от него королева. Пошла она к хегелинским девушкам и сказала им:

— Ступайте работать, девушки, и делайте то, что я вам прикажу.

Тут разослала она их в разные концы, чтобы они подолгу не видали друг друга.

Бывшие герцогини должны были прясть шерсть, другие должны были ткать или чесать лен, те же, что умели вышивать по шелку золотом и драгоценными камнями, должны были работать без усталости. Самая знатная должна была служить при дворе и носить воду в покои Ортруны. Звали ее Хергардой. Была там и другая, родом из Галисии: злая судьба вырвала ее из Португалии. Вместе с дочерью Хагена приехала она из

Ирландии к хегелингам. Была она дочь короля и сама владела замками и землями, а теперь должна была топить печи.

Все самые грубые и унижительные работы исполняли эти одинокие знатные девушки, пока не вернулся Хартмут домой, совершив целых три похода.

Потребовал Хартмут, чтобы показали ему его невесту. По всему ее облику видно было, что редко видала она покой и хорошую пищу.

— Хорошо ли жилось тебе, Кудруна, с тех пор, как я с моими воинами уехал отсюда? — спросил ее Хартмут.

— Должна была я работать, как служанка: вам это грех, а мне позор, — отвечала Кудруна.

— Что же это ты сделала, Херлинда, милая матушка? — воскликнул Хартмут. — Поручая тебе Кудруну, ждал я от тебя для нее защиты и милости и думал, что ты во всем облегчишь скорбь ее на чужбине.

— Как же иначе могла бы я вразумить дочь Хетеля? — заговорила волчица. — Знай же: ничем не могла я от нее добиться, чтобы она не порочила в речах своих тебя, твоего отца и твоих родичей.

— Тому причиной ее великое горе, — возразил Хартмут, — мы перебили столько славных рыцарей, ее родичей, из-за нас прекрасная Кудруна осталась сиротой; отец мой убил ее отца, и теперь нетрудно уязвить ее каждым пустым словом.

— Правда твоя, сын мой, — отвечала ему мать, — хотя бы тридцать лет добром уговаривали мы Кудруну, мы все равно ничего не добились бы; разве только розгами или плетью можно принудить ее стать твоей женой.

Но Хартмут не терял надежды. Не знал он только, что от его заступничества Кудруне жилось еще хуже. Херлинда опять пошла к Кудруне.

— Если ты, прекрасная девушка, ни за что не хочешь одуматься, — сказала она, — то должна ты своими волосами вытирать пыль со скамей и лавок. По три часа на день должна ты убирать и чистить мои комнаты и топить печи.

— Охотно буду я делать все, не стану лишь любить по приказу, — отвечала Кудруна.

Целых семь лет исполняла она на чужбине всякую самую черную работу, как простая служанка. На исходе восьмого года нашел Хартмут, что неприлично было ему так долго считаться властелином страны, не нося короны. Со своими воинами совершил он немало удачных походов и немало призов взял на состязаниях и в военных играх, и думал он, что пора

ему наконец короноваться и жениться на Кудруне: ни одна молодая девушка не нравилась ему так, как она.

Вернувшись домой, позвал он ее к себе. На этот раз Херлинда заставила ее надеть дорогое и красивое платье. Увидя ее, стали советовать ему его друзья добром или силою принудить Кудруну стать его женой; много еще счастливых часов мог он пережить с нею.

По совету своих родичей пошел он к ней в комнату и, взяв ее за руку, сказал:

— Полюби меня, благородная знатная девушка, ты будешь у нас королевой, и все воины мои станут служить тебе верой и правдой.

— Этого я не могу, — отвечала прекрасная девушка, — злая Херлинда так мучает меня, что мне уж не до любви витязей. Ее и весь ее род я ненавижу от всей души.

— Жаль мне это, — возразил Хартмут, — и если бы я мог возместить тебе хоть чем-нибудь за все то зло, какое причинила тебе мать моя Херлинда, я охотно сделал бы это, чтобы с обоих нас снять позор.

— Все равно я ни в чем не могу верить тебе, — отвечала девушка.

— Ты же знаешь, Кудруна, что все здесь принадлежит мне, — и земли, и замки, и люди. Кто бы отомстил мне, если бы я взял тебя себе в наложницы?

— То был бы дурной поступок, — отвечала дочь Хетеля. — Так сказали бы и другие князья, узнав, что внучка Хагена живет в наложницах в земле Хартмута.

— Что мне до них за дело? — воскликнул Хартмут. — Если бы ты захотела, мы были бы с тобой король и королева.

— Поверь, я никогда не полюблю тебя, — заговорила Кудруна, — ты же сам знаешь, Хартмут, сколько зла причинили твои храбрые витязи воинам моего отца, когда вы взяли меня в плен и увезли из дому. Известно тебе также, что отец твой Людвиг убил моего отца. Будь я рыцарь, вряд ли посмел бы он приходить ко мне без оружия. С какой же стати быть мне твоей женой? До сей поры был здесь обычай никогда не принуждать женщин брать мужа вопреки их желанию, и это делало вам большую честь.

Тут Кудруна начала горько оплакивать своего отца.

— Ну, если не согласна ты носить со мной корону, то мне все равно, что с тобой ни сделают! — сердито воскликнул Хартмут. — Ты пожнешь то, что сама посеяла и каждый день будешь получать то, что заслужила.

— Я буду служить, как уж служила прежде. Если Бог забыл меня, то я готова терпеть все, что ни сделают со мною Хартмут и Херлинда, хотя и так уж много у меня горя.

Еще раз хотели они попытаться. Позвали ко двору Ортруну и поручили ей добром и лаской убедить Кудруну.

— Никогда не забуду я твоей услуги, сестра, — сказал ей Хартмут, — если поможешь ты утешить Кудруну в ее великом горе и убедить ее перестать так горько сетовать и плакать.

— И я, и вся моя свита — мы всегда готовы служить тебе, — отвечала Ортруна, — я готова склонить перед Кудруной голову, лишь бы забыла она свое горе. И я, и мои девушки готовы всегда служить ей как ее служанки.

— За то, что ты так охотно готова видеть меня в короне рядом с королем Хартмутом, я дарю тебе свою верную дружбу. Но все же тяжело мне жить на чужбине. — Так говорила Кудруна Ортруне.

XXI

О ТОМ, КАК КУДРУНА ДОЛЖНА БЫЛА СТИРАТЬ

Жила Кудруна с Ортруной в довольстве и холе, сладко ела, пила лучшие вина, но все же говорила:

— Не хочу я быть королевой. Ты же знаешь, Хартмут, что обручена я с одним королем: нерушимой клятвой клялась я быть его женой, и, пока он жив, я не могу принадлежать никакому иному витязю.

— Напрасно ты тоскуешь, — отвечал ей Хартмут, — никто не разлучит нас до самой нашей смерти. Живи здесь мирно с моими женщинами, и, я надеюсь, они постараются утешить тебя.

Думал Хартмут, что утешится она, видя, что сестра его все делит с нею пополам. Кудруна молча принимала все услуги и скоро порозовела и посвежела от хорошей пищи и питья. Но так тверда была Кудруна, что и эта привольная жизнь не смягчила ее, и она по-прежнему резкою речью отплачивала Хартмуту за свою неволю. И так долго это продолжалось, что наконец надоело королю, и Хартмут снова уехал в дальние края, поручив королевство своим воинам.

— Здесь так меня ненавидят, что я не могу уж больше этого терпеть, — сказал он.

Тогда злобная Херлинда снова заставила Кудруну работать и не давала ей ни отдыха, ни покоя. Враждебно сказала ей волчица:

— Теперь должна дочь Хильды сослужить мне такую службу, какой она никогда еще не несла!

— Раз уж злая доля моя не дает мне жить с моими близкими и друзьями, то я готова исполнять для тебя денно и нощно всякую работу, какая только будет мне по силам, — отвечала Кудруна.

— Должна ты теперь ежедневно носить на морской берег мои платья и стирать их там для меня и для моей свиты; смотри, чтобы не видали тебя там без дела!

— Я не желаю роскоши и покоя, королева, — отвечала ей Кудруна, — прикажи только надшить меня этому делу. И эта работа не унижит меня, если я могу заплатить тебе ею за свое пропитание.

Херлинда приказала прачке помочь Кудруне отнести на берег платья и научить ее стирке, и с тех пор Кудруна постоянно исполняла эту тяжелую и трудную работу. Так мучила Херлинда Кудруну, и никто не мешал ей в этом деле.

Остальные пленницы с горем смотрели на нее, когда стирала она на морском берегу. Одна из них, Хильдебурга, тоже дочь короля, не выдержала и сказала:

— Горько нам смотреть на то, как без отдыха работает здесь Кудруна и вот теперь сама стирает на морском берегу!

Услыхала это Херлинда и с сердцем сказала ей:

— Если хочешь ты, чтобы госпожа твоя не исполняла этой работы, то должна ты исполнять ее сама!

— Охотно стала бы я это делать за нее, если бы то было мне дозволено, — отвечала Хильдебурга, — но ей-богу же, госпожа Херлинда, не должна ты оставлять ее там одну, — ведь она дочь короля. Отец мой был тоже король. Позволь же мне вместе с нею стирать, вместе с нею терпеть горе и радость.

— Нелегко же будет тебе, — сказала на это Херлинда, — как бы сурова ни была зима, вместо того чтобы сидеть в натопленной комнате, тебе придется стирать на снегу при холодном ветре.

Хильдебурга едва могла дожидаться вечера, чтобы утешить Кудруну своею вестью.

— Господь да наградит тебя за твою жалость ко мне, — сказала ей Кудруна, — если будешь ты стирать со мною, нам обеим станет отрадней, и работа поможет нам коротать время.

Так с тех пор вместе мыли они платья на морском берегу, а девушки из их свиты плакали, глядя на них, хотя и у них самих было столько работы, как ни у кого на свете.

XXII

О ТОМ, КАК ХИЛЬДА СНАРЯДИЛА ПОХОД ЗА СВОЕЮ ДОЧЕРЬЮ

Королева Хильда ни на минуту не переставала раздумывать о том, как бы ей вернуть свою дочь из Нормандии. Приказала она построить на морском берегу семь больших крепких и надежных военных кораблей и двадцать две новых барки и заботливо снабдить их всем нужным для похода. Кроме того, снарядила она еще сорок галер, нагрузив их съестными припасами для своего войска.

Время шло, и близка была уже минута, когда надлежало войску выйти в море, чтобы освободить ту, что так долго страдала на чужбине.

Хильда заготовила уж и одежды для своих послов и послала их к своим друзьям и воинам просить их вернуть ее дочь из Нормандии. Но прежде всего послала она их к Хервигу, чтобы напомнить ему его обещание.

Поторопились послы Хильды явиться в землю Хервига. Знал он, зачем она к нему их послала, и, завидя их, вышел к ним навстречу.

— Скажите своей госпоже, — сказал он послам, выслушав их речи, — что не забыл я еще того, как Хартмут насильно захватил в плен обрученную мою невесту за то, что она отказала ему и выбрала меня. Скажите же госпоже своей и ее свите, что через двадцать шесть дней после Рождества я сам явлюсь к хегелингам с тремя тысячами моих воинов.

Тут, не упрасивая его более, послы отправились домой, а Хервиг стал готовиться к походу.

Хильда между тем хлопотала, набирая союзников. Так, послала она в Данию, прося выслать ей отважных воинов, которые пожелали бы ехать в Нормандию за прекрасной Кудруной. Велела она напомнить Хоранду о его родстве с покойным королем и просить его сжалиться над его несчастной дочерью.

— Скажите от меня госпоже Хильде, — так отвечал послам отважный витязь, — что охотно приду я к ней на помощь со всей своей дружиной. В земле нашей не умолкал еще плач матерей, лишившихся тогда своих детей. Скажите ей, что явлюсь я к ней в самом скором времени и приведу с собой из Дании десять тысяч своих витязей.

Простившись с Хорандом, послы отправились в Вaleyс, где застали самого знатного маркграфа со всеми его воинами. Морунг обрадовался послам и встретил их очень радушно. Узнав в чем дело, сказал и Ирольт, отважный витязь:

— Охотно через семь недель явлюсь я к хегелингам и приведу своих воинов, каких только удастся мне собрать.

Так наконец дошла весть о походе и до отважного датчанина Фруте.

— Охотно приму я участие в походе, — отвечал послам этот доблестный рыцарь. — Вот уж тринадцать лет, как Хартмут похитил Кудруну и как мы поклялись идти войною на Нормандию.

Вате, витязь Штурменланда, хоть и не знал посла хегелингов, но не отказал им в своей помощи и сейчас же стал готовиться к походу и собрал до тысячи своих воинов.

Решено было послать и за братом Кудруны. Послы застали его на обширной равнине на берегу большой реки. Много было тут разной птицы, и король со своим сокольным охотился, спуская сокола.

Увидал он издали послов и сейчас же сказал:

— Вот подъезжают к нам послы королевы Хильды. Верно, думает она, что мы забыли о походе.

Спустил он своего сокола и поехал навстречу послам. Послы сейчас же изложили ему свое поручение.

— Королева, — говорили они, — до сих пор еще плачет, не осушая глаз, и теперь ждет от него службы. Пусть же скажет он, приедет ли он сам или кого из своих рыцарей пришлет к ней на помощь.

— Я сам поведу отсюда большое войско отважных и славных воинов, — отвечал Ортвин. — Надеюсь, что наберу их до двадцати тысяч и поведу их с собою в поход, хотя бы всем им суждено было там погибнуть.

Так во все концы рассылала Хильда своих послов, и собралось к ней более шестидесяти тысяч воинов.

Морунг из Валеиса привел шестьдесят крепких военных кораблей. Из Нортландии тоже пришли хорошо вооруженные корабли со множеством отважных воинов. И кто ни приезжал, кто ни приходил ко двору одинокой женщины, ко всем выходила она навстречу, всех встречала приветом и дарила платьем.

Корабли Хильды были так хорошо снаряжены и стояли в таком порядке, что хоть на другой же день могли выйти в море. Славным гостям пришлось это по нраву: не хотели они медлить и спешили приступить к делу.

Когда все было готово, подарки розданы и множество запасного оружия и брони было перенесено на корабли, Хильда собрала явившихся к ней на помощь витязей и на прощание просила их служить верой и правдой выбранному ею вождю — Хоранду, — мать его была сестрой Хетеля; просила также не выпускать из виду ее сына и защищать его и помогать ему, когда будет в том нужда: юн и неопытен был еще Ортвин, ему едва исполнилось тогда двадцать лет.

И все витязи обещали ей, что Ортвин благополучно вернется на родину, если только будет слушаться их советов.

Наконец все было готово, и воины с пением и возгласами уселись на корабли и пустились в путь. Было между ними много сирот, потерявших отцов в ту памятную битву при Вюльпензанде, и они нетерпеливо рвались отомстить своим врагам. Женщины провожали их с плачем, а потом долго стояли у окон замка, глядя им вслед.

На пути присоединился к ним король из Гарадеи, он привел с собою до десяти тысяч известных в народе воинов.

На Вюльпензанде все вышли на берег и посетили монастырь; был он в то время уже очень богат: и старые и молодые — все вносили туда свои вклады.

Много сирот поклонилось тут могилам своих отцов, и оттого еще более возрос гнев их на врагов, причинивших им столько зла.

Много трудов и бед предстояло им претерпеть во время дальнейшего плавания, не спасло их и то, что указывали им путь сам престарелый Вате и Фруте из Дании. Южные ветры свирепствовали в море; корабли сильно страдали от бури, прекрасные их мачты погнулись, и долго пришлось им плавать в каких-то неведомых водах, пока наконец не задул попутный западный ветер и не понес их прямо к берегам Нормандии. Но и тут приключилась была новая беда: море разбушевалось, и волны, чуть не открывавшие морское дно, страшно качали корабли, и борта их так и трескали.

— Дорогою же ценой купим мы честь и славу, — сказал Ортвин.

Корабельщики приходили в отчаяние и ждали уже верной гибели.

Хоранд, отважный датский витязь, старался успокоить их:

— Не бойтесь, — говорил он им, — то дуют западные ветры, а западные ветры никому не причиняют зла.

Хоранд сам влез на мачту и, усевшись в корзину, прикрепленную на ее вершине, сам внимательно осмотрел местность.

— Будьте осторожнее, — сказал он, — убавьте парусов, — мы уже вблизи берегов Нормандии.

На всех кораблях сейчас же убрали паруса. Вдали перед ними виднелась гора, а перед горой — большой лес. Туда-то, по совету Вате, и направили они свой путь.

XXIII

О ТОМ, КАК ВОШЛИ ОНИ В ГАВАНЬ И ПОЕХАЛИ В НОРМАНДИЮ

Корабли подошли к самому лесу и тут бросили якоря. Место было дикое и пустынное, и никто не мог их тут приметить. Воины спокойно и не торопясь высадились на песчаное побережье.

Много хорошего нашли они здесь, особенно же обрадовались стекавшим с горы и протекавшим в лесу холодным источникам.

В то время как воины спокойно расположились на отдых, витязь Ирольт, выбрав необыкновенно высокое дерево, влез на него, чтобы обозреть местность.

— Радуйтесь, юноши, — крикнул он с дерева, — я вижу отсюда высокие башни и огромный дворец. Завтра к полудню мы, конечно, будем уже в Нормандии.

— Ну так прикажите же перенести на берег щиты и оружие и ваше военное платье. Да не трудитесь сами, а пошлите слуг, пусть они дадут размяться коням да позаботятся, чтобы были в порядке ремни у щитов и брони. Если же у кого-нибудь из вас платье окажется не совсем приспособлено к вооружению, то и этой беде можно помочь: королева Хильда прислала с нами сюда пятьсот бронь, и их отдадим мы теперь отважным, славным рыцарям. — Так распоряжался Вате.

Пока выводили коней и примеряли на них попоны, покамест прогуливали их и заставляли скакать, причем оказалось, что многие кони сильно застоялись, — на берегу развели костры и началось приготовление роскошных яств из провизии, какую только удалось добыть на морском берегу.

После ужина воины спокойно проспали здесь до утра.

— Надо нам послать послов, — сказал Ортвин, когда вожди стали совещаться, что им предпринять. — Пусть разведают они о судьбе моей сестры и о несчастных девушках, попавших вместе с нею в плен: живы ли они еще или нет? У меня сердце болит от жалости, как только я подумаю о них.

Тогда стали они рассуждать, кого бы послать, кто сумел бы и разведать хорошенько, где находились девушки, и в то же время утаить от врагов свои расспросы.

— Я сам пойду разведчиком, — сказал Ортвин. — Кудруна мне сестра и по отцу, и по матери, и никто не исполнит этого дела лучше меня.

— А я буду вторым, — сказал король Хервиг, — и или добыю своего, или погибну. Если тебе девушка приходится сестрой, то мне отдана она в жены, и ни на один день не уклонюсь я от службы ей.

— То было бы чистое ребячество! — воскликнул в гневе Вате. — Не делайте этого, послушайте меня, доблестные витязи: если только Хартмут

признает вас, он прикажет повесить вас обоих на одной виселице.

— Будь что будет, — отвечал король Хервиг, — друг всегда должен быть готов сослужить службу другу, а потому и я с Ортвином должны постараться во что бы то ни стало найти Кудруну.

Видя, как настойчиво хотят они идти на разведку, послали отговаривать их друзей и воинов. Но все убеждения были напрасны. Ортвин и Хервиг только взяли с них клятву, что в том случае, если возьмут их в плен, никто из их близких и родичей не пожалеет своего добра и земель, чтобы внести за них выкуп; если же их убьют, то они не оставят их неотомщенными и, во всяком случае сделают все возможное, чтобы освободить Кудруну.

Так спорили вожди с утра и до заката солнца, и дело все-таки кончилось тем, что на разведку пошли Ортвин и Хервиг.

XXIV

О ТОМ, КАК ДО КУДРУНЫ ДОШЛА ВЕСТЬ ОБ ИХ ПРИЕЗДЕ

Оставим пока витязей и вернемся к Кудруне и Хильдебурге, которые все еще по-прежнему ежедневно выходили на стирку на морской берег.

Раз постом прилетела к ним в полдень пташка.

— Увы, милая пташка, жаль мне тебя за то, что загнали тебя сюда эти волны, — сказала девушка.

И в ответ на это птица заговорила с нею человеческим голосом:

— Послана я к тебе послом от Бога. Спрашивай же меня, прекрасная девушка, и я сообщу тебе вести о твоих родичах.

Услышав голос, молодая девушка не хотела верить, что говорила птица: казалось ей, что слышит она человека.

— Ободришь, чужеземная девушка, — продолжала птица, — ожидает тебя большая радость. Расспрашивай же меня о своей родине, — я прилетела к тебе послом от твоих близких. Сам Господь Бог послал меня сюда тебе на утешение.

Услышав это, Кудруна на коленях возблагодарила Бога.

— Сам Господь Бог печется о нас, — сказала она Хильдебурге, — не будем же больше печалиться и тосковать!

— Раз сам Христос послал тебя сюда нам в утешение, — продолжала она, — то скажи же, жива ли еще королева Хильда? Она была матерью несчастной Кудруны.

— Я скажу тебе это, — отвечала птица, — мать твою, Хильду, видела я живой и здоровой в то время, как посылала она к тебе сюда самое

драгоценное, что только может вдова послать своему близкому.

— Еще спрошу я тебя, не сердись за мои расспросы. Жив ли еще брат мой Ортвин, король Нортландский, и Хервиг, мой милый? Эту весть очень хотелось бы мне от тебя слышать.

— Открою я тебе и это. Живы и здоровы и Ортвин и Хервиг: видела я их в море среди волн. Оба витязя дружно работали одним веслом.

— Скажи же мне еще: не знаешь ли ты, не приедут ли в эту землю Ирольт и Морунг? Охотно повидала бы я их: они родичи отца моего Хетеля.

— И это скажу я тебе. Видела я и Ирольта, и Морунга. Они ревностно служат тебе, и если придут в эту землю, то много шлемов будет разбито ими.

— Теперь же я покину вас, — продолжала птица, Божий посол, — я исполнила свое поручение и более ничего не могу вам сказать.

— Горько мне, что не могу я еще расспросить тебя! — воскликнула Кудруна. — Именем Христа умоляю тебя, облегчи мое горе, прежде чем улетишь отсюда!

— Ну, раз просишь ты меня Христовым именем, то не могу я отказать тебе. Спрашивай же меня обо всех твоих родных.

— Не знаешь ли ты, не идет ли в эту землю Хоранд из Дании со своими воинами?

— Войною идет сюда Хоранд из Дании со своими витязями. В руках несет он значок Хильды, потому что хегелинги идут на землю Хартмута.

— Жив ли еще Вате из Штурменланда? Тогда перестала бы я жаловаться, а если бы при стяге моей матери увидела я еще и старого Фруте, то все мы могли бы только радоваться.

— Идет к тебе в эту землю и Вате из Штурменланда. Могучей рукой своей держит он кормовое весло на корабле Фруте. Не найдешь ты более надежного друга в военное время.

Птица собралась было улететь, но несчастная девушка опять заговорила.

— Не всю еще скорбь мою и заботу сняла ты с меня, — сказала Кудруна. — Хотелось бы мне знать, когда это будет, что я на чужбине увижу послов матери моей Хильды?

— Радость ждет тебя: завтра рано утром придут к тебе два посла. Они так прямы и честны, что не обманут тебя и не принесут тебе ложной вести.

Но птице пора было лететь, и женщины перестали ее расспрашивать.

Девушки до глубокой ночи оставались на берегу, стирая одежды. Они говорили о витязях, которых послала за ними Хильда из земли хегелингов.

Но наконец настала ночь, и девушки должны были вернуться домой. Тут в гнев встретила их злобная Херлинда. Ни одного дня не проходило без того, чтобы она не осыпала их бранью и угрозами.

— Почему это так долго стираете вы полотно и другие одежды? — крикнула она им. — Слишком уж медлите вы над моими белыми шерстяными платьями! Берегитесь, как бы не пришлось вам за это плакать!

— Мы делаем все, что можем, — отвечала ей Хильдебурга, — но теперь так холодно, что мы совсем замерзли на берегу; при теплом ветре мы работали бы скорее.

Но Херлинда злобно отвечала ей:

— Нечего вам разбирать погоду! Вы все равно должны стирать с утра до ночи, и завтра с рассветом должны уж выйти на работу. Праздник близко, — вы это знаете. К Вербному воскресенью к нам съедутся гости.

И если к этому дню не хватит у вас белых одежд на всех моих воинов, то вам достанется так, как никогда еще не доставалось ни одной прачке.

Девушки ушли в свою комнату, сняли с себя мокрое платье и легли на голых досках, — злобная Херлинда не давала им подушек. Плохо спалось им ночью, и не могли они дожидаться утра: все думали они о том, когда же благодетельная птичка приведет к ним обещанных рыцарей.

Едва стало рассветать, как Хильдебурга встала и подошла к окну. С горем увидела она, что за ночь выпало много снега.

— Разве сам Господь Бог сохранит нас, а то в такую стужу, стирая босыми на берегу, мы легко можем замерзнуть, — сказала она Кудруне. Но тут вспомнили они, что сегодня должны были явиться к ним послы Гильды, и при этой радостной мысли забыли непогоду.

— Попробуй-ка попросить злую Херлинду, чтобы она позволила нам сегодня надеть башмаки, — сказала Кудруна Хильдебурге. — Должна же она сама понять, что мы можем замерзнуть, если выйдем на работу босиком.

Пошли они к Херлинде. Херлинда еще спала и, едва проснувшись, сейчас же стала бранить их.

— Что же не идете вы на берег? — закричала она им.

— Да не знаем, как и идти, — отвечали они. — За ночь выпало много снега, и мы, конечно, умрем, если пойдем на работу босые.

— Нет мне до того дела! Ступайте и стирайте, как всегда, или вам будет плохо! Немного потеряю я, если вы и умрете! — отвечала Херлинда.

Заплакали девушки, но делать было нечего, и они, босые, пошли на берег моря и принялись за стирку. Между делом они часто поглядывали на море, ожидая, когда же наконец явятся послы, посланные к ним с родины королевой Хильдой.

XXV

О ТОМ, КАК ПРИШЛИ К НИМ ОРТВИН И ХЕРВИГ

Долго ждали они и наконец заприметили в море лодку, а в ней всего только двух человек.

— Вон, вижу я, подъезжают сюда два человека; уж не послы ли это? — сказала Кудруне Хильдебурга.

— Увы мне, бедной! — воскликнула Кудруна. — Если это послы Хильды, то в каком же виде застанут они меня здесь, за стиркой! Такого

позора я, кажется, не перенесу! Посоветуй мне, что мне делать? Убежать ли отсюда или ждать их здесь?

— Не берусь я советовать тебе, — отвечала Хильдебурга, — одно только знаю я — я сделаю то же, что и ты, и не покину тебя ни в радости, ни в горе.

В замешательстве они бросили работу и собрались было бежать, но моряки в это время были уже так близко, что увидали это. Поспешно повернув к берегу, выпрыгнули они из лодки и крикнули им вслед:

— Зачем уходите вы, прекрасные прачки? Сами видите вы — мы чужеземцы, и если вы уйдете отсюда, то можете лишиться всех этих прекрасных одежд.

Девушки притворились, будто не слышали, хотя голоса и долетели до их ушей. Очень уж громко говорил король Хервиг — не знал он, что был так близко к своей невесте.

— Скажите нам, чьи это одежды, — продолжал зеландский фогт, — мы не замышляем никакого зла, а потому не бойтесь и вернитесь к берегу.

— В таком случае мы вернемся к вам, — отвечала Кудруна.

Они пошли назад, совсем промокшие и дрожащие от стужи. Дело было в самом конце зимы; снег лежал еще на земле, но птицы уже пели и щебетали наперебой, возвещая весну. Девушки сильно изменились за время своего плена от нужды, лишений и тяжелой работы, лица их загорели и огрубели от резких мартовских ветров, но, несмотря на все это, они все еще были статны и красивы. Но, видя их промокшими, продрогшими, спутанными от ветра волосами, витязи не узнали их.

Когда подошли они ближе, Хервиг пожелал им доброго утра, и это приветствие растрогало их: давно уже не слышали они приветливого слова.

— Скажите нам, кому принадлежат эти одежды и кто их моет? — спросил Ортвин. — Вы так красивы, что, конечно, заслуживали бы носить корону. И много ли еще таких прекрасных прачек у того, кому вы так униженно служите?

— Много у него служанок, может быть, еще прекраснее нас, — отвечала Кудруна, — но спрашивайте нас поскорее: у нас такая госпожа, что нам не пройдет даром, если, выйдя на стену своего замка, она увидит нас разговаривающими с вами.

— Не огорчайтесь этим, возьмите себе вот эти четыре золотых запястья, но только отвечайте на наши вопросы.

— Оставьте при себе свое золото, — отвечала Кудруна, — нам не нужно платы, но только спрашивайте скорее!

— Ну, так скажите нам, чьи это владения, кому принадлежат эти богатые земли и крепкие замки? Как зовут того, кто заставляет вас, раздетых, исполнять такую унижительную работу?

— Одного из королей этой страны зовут Хартмутом, ему подчинены все эти обширные земли и крепкие замки. Другого короля зовут Людвигом Нормандским, и много витязей служит ему.

— Охотно повидали бы мы их, — сказал Ортвин. — Не скажете ли вы нам, прекрасные девушки, где можем мы их найти и дома ли они теперь или уехали куда-нибудь?

— Сегодня утром оставили мы их в замке еще спящими и при них их сорок сотен воинов. Но дома ли они теперь или выехали куда-нибудь, мы не знаем, — отвечала Кудруна.

— Что же так тревожит их, и откуда ждут они опасности, что даже дома окружают себя таким множеством воинов? — вмешался отважный Хервиг. — Будь при мне в походе столько бойцов, я смело рассчитывал бы завоевать целое царство.

— Этого мы не знаем хорошо, — отвечала Кудруна, — но говорят, где-то далеко есть страна — называют ее землею Хегелингов: оттуда-то и ждут они с минуты на минуту могучего врага.

Видя, что девушки дрожат от холода, Хервиг предложил им свой плащ, но дочь Хильды отказалась: не хотела она носить мужского платья.

Между тем Хервиг внимательно вглядывался в прекрасную девушку: она казалась ему так красива и так скромна и притом так похожа на ту, о которой он часто вспоминал с любовью, что он поневоле вздыхал.

— Еще хочу я спросить вас, девушки, — продолжал Ортвин, — не слышали ли вы о пленных, привезенных в эту землю? Между ними была одна, которую звали Кудруной.

— Много уже лет тому назад была привезена сюда толпа девушек, взятых в плен после жестокой битвы. Они были принуждены исполнять здесь самые тяжелые работы. Была между ними одна, которую привез сам Хартмут, и звали ее Кудруной.

— Послушай, Ортвин, — сказал тут король Хервиг своему спутнику. — Если только жива сестра твоя, Кудруна, то это, конечно, она и есть, так она на нее похожа.

— Она очень красива, — отвечал Ортвин, — но несколько не похожа на мою сестру. С детства еще помню я, что не было на свете девушки, равной ей по красоте.

Услышав имя Ортвина, Кудруна тоже стала присматриваться, не брат ли это ее. Тогда настал бы конец всем ее страданиям.

— Знала я когда-то витязя родом из Зеландии; звали его Хервигом и был он похож на тебя, — сказала Кудруна. — Если бы был он еще жив, то, конечно, освободил бы нас из тяжелой неволи. Я тоже одна из тех, что были захвачены в плен воинами Хартмута. Вы ищете Кудруну, но напрасно: она умерла от непосильного труда.

Слезы показались на глазах Ортвина. Заплакал и Хервиг при этой вести.

Видя их слезы, Кудруна сказала:

— Глядя на вас, я сказала бы, что вы, доблестные рыцари, верно, родичи Кудруны.

— До конца жизни буду я горевать о ней, — отвечал Хервиг. — Торжественною клятвой была она обручена мне в жены, и я утратил ее лишь благодаря наущениям старого Людвига.

— Ты хочешь обмануть меня, — возразила бедная девушка, — мне давно уже сказали, что Хервиг умер. А если бы был он жив, то и ко мне вернулось бы счастье: он, конечно, увез бы меня отсюда.

— Взгляни на мою руку: если признаешь это кольцо, — оно скажет тебе, кто я. Этим кольцом был я обручен с Кудруной, и если ты жена моя, то я силой увезу тебя отсюда, — отвечал ей Хервиг.

Взглянула она ему на руку и увидала на ней кольцо с прекрасным драгоценным камнем: его некогда носила на руке своей Кудруна. Радостно улыбнулась она и сказала:

— Узнаю я это кольцо: прежде принадлежало оно мне. Теперь же взгляни на то, которое прислал мне мой милый, когда еще жила я беззаботно в доме моего отца.

Взглянул он ей на руку и, увидав кольцо, сказал:

— Наконец-то после стольких страданий и горя нашел я опять свою радость и счастье.

С этими словами Хервиг обнял прекрасную девушку; оба были полны и радости и горя. Хервиг несколько раз обнимал и целовал Кудруну и верную подругу ее Хильдебургу. Ортвин же все допытывался: неужели не нашлось для нее иной работы, кроме стирки на берегу во всякую погоду?

— Неужели, сестра, нет у тебя детей, которые сняли бы с тебя эту тяжелую работу? — спрашивал Ортвин.

— Нет у меня детей, — со слезами отвечала Кудруна. — Что ни делал Хартмут, я ни за что не соглашалась стать его женой и за это и должна была исполнять такую тяжелую и унижительную работу.

— Ну, надо сказать, что предприятие наше поистине счастливо окончилось, — сказал Хервиг, — теперь же поспешим увезти ее отсюда!

— Не согласен я на это, — отвечал витязь Ортвин. — Не соглашусь я увезти тайком сестру, похищенную у меня в открытом бою.

— Что же намерен ты делать? — воскликнул Хервиг. — Я хочу увезти отсюда свою невесту: мы добываем себе жен как можем.

— Нет, я скорее позволю изрубить себя вместе с сестрой! — настаивал Ортвин.

— Что сделала я тебе, милый брат мой Ортвин? — воскликнула Кудруна. — За какую мою вину ты теперь мстишь мне?

— Дорогая моя сестра, я поступаю так не из нелюбви к тебе: это только спасет твоих девушек. Тебе же обещаю я, что ты еще соединишься с милым твоим Хервигом.

— Боюсь я только одного, — возражал витязь Хервиг, — как бы, приметя нас, не увели девушек куда-нибудь в такое место, где мы никогда уж их не увидим.

— Нельзя же покинуть здесь других благородных девушек, — говорил Ортвин. — Вся свита моей сестры должна вернуться вместе с нею.

Рыцари направились было к лодке, Кудруна же начала плакать.

— Горе мне, бедной, — говорила она, — теперь уж не будет конца моей муке! Неужели должна я утратить всякую надежду на избавление?

— Прежде казалась я тебе всех лучше, теперь же кажусь я тебе всех хуже, — крикнула она вослед Хервигу, когда витязи садились уже в лодку. — На кого покидаешь ты меня, несчастную, и кто утешит меня здесь?

— Для меня ты всех лучше! — отвечал ей Хервиг. — Прошу тебя, никому не говори о моем приезде: к рассвету я буду уж тут с восемнадцатью тысячами отважных моих воинов.

Витязи поспешили скрыться из виду. Можно сказать не солгав — никогда еще не бывало более горестной разлуки. Девушки, оставшись на берегу, следили взором за удалявшейся лодкой, пока она не скрылась среди волн.

Так долго стояли они, совсем забыв о работе. Увидала-таки злобная Херлинда, что без дела стоят они на берегу, и страшно рассердилась.

— Однако что же это ты бросила дело и не стираешь одежд Людвига? — сказала наконец Хильдебурга. Если увидит это Херлинда, она изобьет нас так, как никогда еще не бивала!

— Слишком я знатна для того, чтобы служить Херлинде прачкой, — отвечала Кудруна. — Сегодня два короля рады были обнять и поцеловать меня.

— Послушай моего совета, — говорила Хильдебурга, — помоем хоть немножко это платье, чтобы не нести его домой таким грязным.

Но Кудруна, не обращая внимания на ее слова, взяла несколько тонких полотняных одежд Херлинды и бросила их в море. Полотно, продержавшись немного на волнах, пошло ко дну, и неизвестно, нашли ли его потом или нет.

Когда стемнело, Хильдебурга одна понесла домой белье и платье; сестра же Ортвина ничего не хотела нести.

Было уже очень поздно, когда подошли они к замку. Херлинда сама ждала их у ворот.

— Кто это позволяет вам так поздно разгуливать по острову? — закричала она, увидя их. — И где же мое тонкое полотно? Почему не несешь ты его, а идешь с пустыми руками?

— Я оставила его там, на берегу, — отвечала Кудруна, — показалось оно мне очень тяжело. А до того, найдешь ли ты его там или нет, мне нет никакого дела.

— Ну, это не пройдет тебе даром, — закричала волчица, — ты заплатишь мне за это, прежде чем я лягу спать!

Тут приказала она разобрать колючие изгороди и навязать из них розог и потом, велев привязать Кудруну к кровати, выгнала всех из комнаты. Молодые девушки из свиты Кудруны подняли громкий плач. Видя, что не избежать ей позорного наказания, Кудруна решилась на хитрость.

— Послушай, — сказала она Херлинде, — если сегодня дотронешься ты до меня этими розгами, то, поверь, я заплачу тебе за это, когда стану королевой! Если же избавишь ты меня от наказания, то я полюблю того, кому отказала, и буду жить в Нормандском королевстве. Никто и представить себе не может, что сделаю я, когда достигну власти.

— Ну, тогда я забуду свой гнев, — воскликнула Херлинда, — и если бы ты потеряла целую тысячу полотняных сорочек, я и не вспомнила бы о них. Тебе же будет лучше, если согласишься ты полюбить Хартмута, короля Нормандии.

— Не могу я больше терпеть этих мучений. Позови же ко мне короля Нормандии, — сказала Кудруна.

Слышавшие это поспешили известить Хартмута, что Кудруна зовет его к себе, забыв свою к нему вражду.

Не сразу поверил Хартмут первому принесшему ему эту весть, но, услышав то же и от других, с радостью поспешил к Кудруне и уже хотел было обнять ее, как свою невесту, но Кудруна остановила его.

— Постой, Хартмут, — сказала она, — ты видишь, — перед тобой прачка, — продолжала она, указывая на свою мокрую одежду, — подожди,

когда стану я королевой, и тебе не стыдно будет обнять свою жену. Теперь же обещай исполнить мою просьбу.

Хартмут обещал, и Кудруна потребовала, чтобы к ней вернули всех ее девушек, прислуживавших в покоях Херлинды, истопили бы для них баню и дали бы им хорошие одежды вместо старых и разодранных, в которых Херлинда заставляла их ходить.

После бани подали им вина, самого лучшего, какое только нашлось в Нормандии, и усадили их в роскошном зале. Херлинда же позвала дочь свою, Ортруну, и приказала ей тоже одеться со своими молодыми девушками и присоединиться к Кудруне и ее свите. Ортруна охотно исполнила приказание матери. Когда она вошла в зал, Кудруна пошла к ней навстречу, и видно было, что обе они были веселы и довольны.

Еще одну хитрость придумала Кудруна: упросила она Хартмута разослать гонцов по всему своему королевству, — пусть созовут они ко двору всех друзей Хартмута, чтобы они посмотрели на его невесту, а она показала бы своим девушкам нормандских воинов. Послушался Хартмут и разослал во все концы целую сотню послов. Кудруна того и хотела: тем меньше врагов должны были застать наутро хегелинские воины.

Когда все разошлись и Кудруна осталась одна со своими девушками, некоторые из них принялись плакать от огорчения, полагая, что теперь они уж навсегда останутся в Нормандии, но Кудруна, позабыв на этот раз приличие, громко засмеялась над их слезами. Услыхала ее смех Херлинда, и взяла ее досада. Вскочив с постели, побежала она к Хартмуту.

— Сын мой, не знаю я, чему это смеялась Кудруна! Проведала я, что приехали сюда тайные послы от ее друзей, — берегись, как бы через них не лишиться тебе жизни и чести!

— Полно! — отвечал Хартмут. — Пусть повеселится со своими женщинами: друзья ее далеко, и я не знаю, как бы мог я с ними встретиться.

На ночь были приготовлены для Кудруны и ее девушек роскошные постели, и слуги Хартмута с почетом проводили ее в ее спальню. Кудруна озаботилась хорошенько угостить служителей Хартмута вином и медом и, уходя к себе в спальню, отпустила всех их на покой.

Стены покоев, где должна была ночевать Кудруна со своими девушками, были очень крепки и плотны; к тому же и дверь по приказу Кудруны заперли изнутри на четыре засова, так что никто не мог слышать, что происходило в покоях.

— Теперь я порадуя вас вестью об избавлении от ваших страданий, — сказала Кудруна девушкам. — Завтра увидите вы своих друзей. Подумайте,

— сегодня обняла я своего мужа, Хервига, и брата своего, Ортвина. Теперь нас ждет радость и счастье, и, поверьте мне, если только доживу я до того времени, когда стану королевой, всех вас я щедро награжу замками и землями.

Радостные и полные надежд, улеглись девушки спать; наутро ждали они рыцарей, явившихся освободить их из неволи.

XXVI

О ТОМ, КАК ОРТВИН И ХЕРВИГ ВЕРНУЛИСЬ К ВОЙСКУ

Послушаем теперь о том, как Ортвин и Хервиг вернулись к своим витязям, ожидавшим их на берегу моря.

Завидя их издали, хегелингские воины побежали к ним навстречу.

— Ну что? Жива ли еще Кудруна? — спрашивали они Ортвина.

— Не могу я рассказывать каждому из вас порознь, — отвечал Ортвин. — Пусть тот, кто нам друг, придвинется к нам поближе: тогда я расскажу вам о том, что видели мы недалеко от замка Хартмута.

Услышав это, рыцари густой толпой обступили Ортвина.

— Ну, теперь должен я сообщить вам весть, от которой я, если бы мог, охотно избавил бы своих друзей. Слушайте же: сегодня видел я Кудруну и Хильдебургу Ирландскую.

Услышав его слова, многие сначала было не поверили ему.

— Спросите Хервига, он тоже видел ее, — продолжал Ортвин. — Подумайте только, друзья наши и родичи, какой это для нас позор! Мы застали Хильдебургу и Кудруну стирающими на морском берегу!

Заплакали при этой вести все родичи Кудруны.

— Значит, вы вели себя как бабы! — в гневе воскликнул Вате. — Если хотели вы освободить Кудруну, то должны вы были окрасить в багровый цвет все, что успели выстирать их белые руки!

— Но как же сделать нам, чтобы проникнуть в их владения, прежде чем воины Людвига и Хартмута узнают о прибытии в Нормандию дружины Хильды? — спросил Фруте.

— Я могу дать вам хороший совет, — заговорил престарелый Вате. — Сегодня воздух так чист и ясен, что ночью, верно, будет светить нам полная луна. А потому постараемся до рассвета пробраться к замку Людвига.

Много пришлось воинам потрудиться, благодаря этому совету Вате: поспешно разместили они на кораблях коней, доспехи и оружие и задолго до рассвета расположились уже на песчаном побережье вблизи замка.

Вате, приказав всем воинам строго соблюдать тишину и безмолвие, позволил им улечься на песчаном побережье. Они улеглись, положив наземь щиты, и на этот раз многим из них послужили они изголовьем.

— Кто хочет рано поутру одержать победу, тот не должен залеживаться! — говорил старый Вате. — И еще скажу вам, — продолжал он. — Как только кто из вас, на горах ли, в долине ли, заслышит звук моего рога, — пусть сейчас же готовится к битве. Затрублю я в другой раз, и вы седлайте коней и стойте около них наготове, для того чтобы, как только выберу я минуту, сейчас же броситься в бой. Как только затрублю я в третий раз, милые друзья мои, вы должны уже сидеть на конях в полном вооружении и ожидать терпеливо, пока я сам не выеду, вооруженный, вслед за знаменем Хильды.

Послушались его воины и безмолвно улеглись на прибрежном песке вблизи замка самого Людвига.

Но вот уж высоко поднялась на небе утренняя звезда. В это время одна прекрасная девушка подошла и остановилась в окне замка: наблюдала она, скоро ли настанет утро, для того чтобы принести Кудруне весть, за которую ждала себе щедрой награды. Наконец стало рассветать, и девушка увидела вокруг замка множество светлых шлемов и щитов, и блеск их отражался в морских волнах; замок был осажден, и все окружавшие его луга сверкали оружием.

Отойдя от окна, поспешила она к своей госпоже.

— Проснись, благородная девушка! — воскликнула она. — Вся эта страна и этот крепкий замок осаждены врагами; друзья наши дома не забыли нас!

Радостно вскочила Кудруна с постели и подбежала к окну: перед нею на морских волнах покачивались роскошные корабли.

— О горе мне, бедной! — воскликнула она. — Зачем родилась я на свет? Много доблестных воинов погибнет сегодня из-за меня.

В замке в это время почти все еще спали, как вдруг раздался возглас стража:

— Вставайте, славные витязи! К оружию! Король Нормандии, кажется мне, что ты слишком долго спал!

Услыхала это Херлинда, жена Людвига. Не стала она будить своего мужа, сама поспешила она выйти на стену замка. И как же огорчилась она, увидев множество незваных гостей! Побежала она назад к королю.

— Просыпайся, король Людвиг! — кричала она. — Замок твой и твоя земля оцеплены страшными гостями. Дорого заплатят сегодня твои витязи за смех Кудруны.

— Молчи, — прервал ее Людвиг, — пойду я сам посмотрю на них.

Нежданные гости явились к нему этим утром.

— Надо сообщить об этом Хартмуту, — сказал он, увидев развевавшиеся перед замком знамена. — Вероятно, это паломники расположились тут перед городом и моим замком, чтобы завести с нами торговлю.

— Не беспокойтесь, — сказал Хартмут, когда разбудили его и сообщили ему о появлении чужеземных воинов, — мне известны знамена, по крайней мере, двадцати земель. Но сдается мне, что эти гости пришли сюда, чтобы отомстить нам за старую обиду.

XXVII

О ТОМ, КАК ХАРТМУТ НАЗВАЛ ЛЮДВИГУ ЗНАМЕНА КНЯЗЕЙ

Людвиг и Хартмут не стали будить своих воинов. Вдвоем подошли они к окну, чтобы взглянуть на чужеземцев.

— Слишком уж близко расположились они к моему замку! — живо воскликнул Хартмут. — Это не паломники, дорогой мой отец, это, вероятно, Вате, витязь из Штурмена, со своими воинами. Так должно быть, судя вон по тому знамени. А вот тонкое шерстяное знамя вождя из Гарадеи. На нем изображена золотая голова. Плохо же придется этому витязю, прежде чем опустит он его в знак поражения. Да, охотно избежал бы я таких отважных гостей в моей земле. Король мавров привел с собою, конечно, не менее двадцати тысяч воинов, явившихся сюда, чтобы снискать себе чести и славы. А вон там знамя Хоранда, правителя Дании; с ним рядом вижу я и знакомое мне знамя Фруте; а вон там и Морунг, владелец Вaleyса; много врагов привел он к нам с собою! Еще вижу я знамя и на нем яркую красную черту — это знамя Ортвина, властителя Ортрика; мы убили его отца, и он пришел сюда не с дружелюбной целью. Но вот еще знамя — оно белее лебедя, и на нем золотой герб; его прислала сюда из-за моря свекровь моя, Хильда. Хегелинги успеют показать нам свою ненависть, прежде чем наступит завтрашний вечер. Но вот тут вижу я еще широкое шелковое знамя небесно-голубого цвета. Его принес из Зеланда король Хервиг. Жестоко выместит он на вас свой гнев. Явился к нам и Ирольт, — насколько я вижу, много привел он с собою фриз и голыштинцев. Да, дело идет к битве, — вооружайтесь же, воины, пора!

— Вставайте, мои воины, — говорил Хартмут, — раз эти грозные гости так близко подошли к моему замку, мы должны встретить их у ворот ударами мечей.

Живо поднялись на ноги воины, не покидавшие еще постелей, и потребовали себе свои боевые доспехи: хотели они помочь королю защищать свои владения, и скоро явилось к нему сорок сотен прекрасно вооруженных воинов в роскошных одеждах.

Вооружились и сами короли, Людвиг и Хартмут. Пленницы же радовались, глядя на пришлое войско: ни у одной из них не было в замке друзей и близких.

— Кто в прошлом году смеялся, тот в нынешнем будет плакать, — сказала одна из них.

Херлинда тем временем побежала к Хартмуту.

— Что делаешь ты, Хартмут? — воскликнула она. — Или хочешь ты сам лишиться жизни и уложить на месте всех этих воинов? Подумай, ведь хегелингов приходится, по крайней мере, по тридцати на каждого из вас! Притом же все они тебя ненавидят за гибель своих друзей и родичей. Они перебьют вас всех, как только выйдете вы за ворота замка.

— Уйди отсюда, матушка, — отвечал ей Хартмут. — Учи своих женщин вышивать шелками и золотом, а нам ты не указчица. Не хочешь ли опять выслать на берег для стирки Кудруну и ее девушек, как ты делала это прежде? Ты находила, что нет у нее ни друзей, ни верных слуг. Ну вот, сегодня они отблагодарят тебя за все.

— Таким обращением я хотела лишь сослужить тебе службу, — возразила Херлинда. — Послушайся же меня теперь: замок твой крепок и надежен, — прикажи запереть ворота, и этим гостям не принесет много пользы их поездка. Подумай хорошенько, сын мой: у тебя здесь запасено хлеба, вина и всяких сладких яств, по крайней мере, на год. В этом случае не удастся им освободить тех, что находятся здесь в плену.

— Охраняйте свою честь, но берегите и свою жизнь, — продолжала она. — Прикажи стрелять из самострелов из окна замка: много погибнет врагов, и друзьям их дома придется их оплакивать. Прикажи также пустить в ход машины, снабдив их хорошенько канатами. Замок твой полон воинов, но прежде чем допустим мы вас сразиться с врагом в открытом поле, мы сами — я и мои девушки — будем носить вам камни на крепостные стены нашими белыми руками.

— Уйди отсюда, госпожа, — в гневе восклицал Хартмут, — разве можешь ты давать мне советы? Прежде чем запереться мне в этом замке, я предпочту умереть, сражаясь в открытом поле с воинами Хильды.

Заплакала старая королева.

— Говорю я так, лишь желая спасти тебе жизнь, — сказала она. — Вооружайтесь же, воины, и пусть под вашими мечами искры сыплются

дождем из шлемов! Не покидайте моего витязя и глубокими ранами встречайте врагов.

— На этот раз хорошо распорядилась королева, — сказал Хартмут. — Слушайте же, слуги мои: щедро награжу я тех, кто сегодня исполнит мою волю и поможет мне расправиться с врагом, и щедро одарю сирот, потерявших в битве своих отцов!

В замке тем временем воины Людвига успели уже вооружиться — была их целая тысяча и еще одна сотня. Выходя из замка, Людвиг все-таки оставил там для его охраны пятьсот отважных, славных рыцарей. Потом сняли запоры со всех четырех ворот замка, и следом за Людвигом и его воинами потянулись все, желавшие оказать помощь молодому королю, и было их там целых тридцать сотен.

Все было уже готово к битве. Витязь Штурмена затрубил в свой рог с такою силой, что звук его был слышен миль за тридцать вдоль морского побережья, и хегелинги стали поспешно собираться под знамя Хильды.

Затрубил он во второй раз, и воины стали садиться на коней, выстраиваясь рядами и равняясь. Затрубил он, наконец, и в третий раз, и с такой великой силой, что звук рога его далеко отозвался среди морских зыбей, остров потрясся и камни посыпались из стен замка Людвига. Потом приказал он Хоранду нести вперед знамя Хильды.

Сильно боялись все Вате. Воины продвигались в таком глубоком безмолвии, что можно было слышать фыркание коней.

Невеста Хервига стояла наверху на зубчатой стене замка. В стройном порядке продвигались вперед отважные витязи, жаждавшие сразиться с Хартмутом. Наконец из ворот замка выехал и Хартмут в сопровождении множества прекрасно вооруженных воинов.

Мавританские воины ехали отдельно; они осыпали врагов градом копий, и не одно древко разбилось тут в щепы, когда завязалась у них схватка с нормандскими воинами; искры посыпались из их кольчуг и мечей. Датчане пошли к замку, и Ирольт, обойдя с одной стороны, повел свои шесть тысяч воинов на осаду крепостной стены. Увидев это, Людвиг сильно огорчился. Отделился и Ортвин со своими восемью тысячами бойцов. Много бед причинят они нормандской земле и всем, оставшимся в замке. Херлинда и Ортруна заливались слезами, стоя на крепостной стене. Но вот и Хервиг, нареченный супруг Кудруны; многих женщин поверг он в глубокое горе, когда начал сражаться за свою любимую невесту! Громко зазвенели шлемы под ударами богатырских мечей. Наконец показался и Вате со своими витязями. Грозен был он и, не склоняя копий, доскакал до самых стен. С горечью смотрела на это Херлинда, но Кудруна была ему благодарна.

Видели они и Хартмута, когда проезжал он перед рядами своих воинов. Будь он сам император, он не мог бы вести себя лучше: его одежда и доспехи сверкали на солнце, и не было у него недостатка в отваге и мужестве.

Увидал его Ортвин, король Ортланда.

— Не скажет ли нам кто-нибудь, кто этот витязь? Он разъезжает с таким видом, точно намеревается отвоевать у нас своей рукой целое царство!

— Это Хартмут, славный рыцарь, — отвечали ему, — тот самый, что убил твоего отца. Не раз уж выказал он в битве свою отвагу и смелость.

— Так, значит, он передо мной в долгу, — воскликнул Ортвин. — Сегодня же заставлю я его заплатить мне за все. Надо нам вернуть то, что мы через него утратили. Херлинде не удастся спасти ему жизнь!

Но и Хартмут увидал Ортвина и хотя и не узнал его, но прищипорил своего коня и поскакал к нему навстречу. Так неслись они друг на друга, склонив копья, и панцири их сверкали на солнце. Они осыпали друг друга ударами копий. Прекрасный конь Ортвина упал; споткнулся и конь Хартмута. Когда же конь снова вскочил на ноги, поднялся громкий звон мечей. Истинно по-рыцарски повели рыцари бой: оба были отважны, и ни один не хотел уступить другому.

Дружина их следовала за ними, держа копья наперевес. Многим пришлось тут сильно пострадать: столкнувшись, славные витязи наносили друг другу глубокие раны. Все они были доблестны и быстро добывали себе честь и славу.

Тысяча против тысячи выступили воины Хартмута против дружины Вате. Много вреда причинил им властитель Штурмена: кто теснился к нему поближе, тот никогда уж больше не думал о нападении.

Дружина Хервига, получив подкрепление в десять тысяч человек, грозно двинулась вперед. Казалось, прежде чем уступить врагу хоть пядь земли, они готовы были умереть на месте. Хервиг был поистине витязь. Величаво вступил он в битву, и тем ревностнее бился он, что думал сослужить тем службу прекрасной девушке и стать ей еще дороже. И этого достиг он: Кудруна все видела из своего окна.

Старый Людвиг схватился с датчанами. Многих убил Фруте со своими гольштинцами. Юный Морунг, властитель Вaleyса, сплошь усеял мертвыми всю землю перед замком Людвига. Молодой Ирольт был славный рыцарь, и немало пролил он вражеской крови, сражаясь под знаменем Хильды.

Между тем Хартмут и Ортвин все еще сражались. Никогда ни в какую метель не взвивался и не мелькал так снег под порывами ветра, как взвивались и мелькали мечи в руках воинов. Наконец Ортвин напал на самого Хартмута. Как ни был отважен и искусен Ортвин, но могучий Хартмут ударом меча рассек ему шлем, и кровь из раны струею хлынула на его панцирь. Огорчились воины Ортвина; еще сильнее стали теснить друг друга враги; ряды смешались. Сама Смерть, казалось, носилась между ними и похищала у людей друзей.

Хоранд видел, как был ранен Ортвин. Бросившись к нему, стал он выпытывать, кто его ранил. Засмеялся Хартмут — был он от них недалеко, а Ортвин сам отвечал:

— Это сделал король Хартмут.

Хоранд сейчас же передал другому воину знамя Хильды и стал прокладывать себе дорогу к Хартмуту. Услышав с той стороны страшный

шум и крики, Хартмут оглянулся и увидел множество своих воинов, обливавшихся кровью из полученных ими глубоких ран.

— Я должен отомстить за вред, причиненный моим отважным воинам, — сказал Хартмут и, повернув коня, направился к Хоранду. Завязалась отчаянная схватка: искры посыпались у них перед глазами от ударов мечей по панцирям; края их мечей затупились, и погнулись застёжки их шлемов. Наконец Хартмут ранил и Хоранда, как прежде Ортвина; кровь его хлынула ручьем через кольчугу. Друзья раненых сейчас же поспешили вывести их из битвы, чтобы перевязать им раны. Но витязи, едва оправившись, сейчас же снова ринулись в бой.

Долго еще бились воины изо всех сил, и так и осталось нерешенным, кто одержал верх в этой битве перед замком Людвига: отчаянно защищались его люди; стремительно нападали чужаки. Много было тут убито воинов; со всех четырех сторон звенели мечи, и в ту минуту трудно было отличить проворных и ловких от медлительных и неумелых. Старый Вате тоже не оставался без дела, и много врагов полегло под его рукой. Говорят, что Хервиг, окруженный толпою воинов, натолкнулся на Людвига, совершавшего чудеса ловкости и храбрости.

— Кто может сказать мне, кто этот старик? — громко воскликнул Хервиг. — Он нанес здесь столько глубоких ран, что многим прекрасным женщинам придется оплакивать воинов, павших под его рукой.

— Кто это спрашивает обо мне в пылу битвы? — отозвался Людвиг, расслышав его вопрос. — Зовут меня Людвигом Норманским.

— Если ты Людвиг, то заслужил ты вполне нашу ненависть, — отвечал ему король Хервиг. — Много наших витязей перебил ты на песчаном морском берегу. Из-за тебя погиб Хетель, а был он отважный и славный боец. Много зла успел ты причинить нам тогда. Его оплакиваем мы еще и до сих пор. И мне пришлось испытать из-за тебя великую скорбь: ты похитил мою жену и много моих воинов положил мертвыми на Вюльпензанде. Зовут меня Хервигом. Ты увез мою жену и теперь должен мне ее отдать, или же один из нас лишится жизни, а вместе с ним и много славных воинов.

— Не слишком ли смело угрожаешь ты мне в моей собственной земле? — отвечал ему король Людвиг. — Без нужды исповедовался ты передо мною. Поверь мне, я приложу все силы, чтобы тебе никогда не довелось обнять своей жены.

С этими словами оба витязя стремительно ринулись друг на друга, но ни одному из них не удалось одержать верх, и с обеих сторон присоединилось к ним еще много бойцов. Могуч и отважен был Хервиг, но

отец Хартмута нанес ему такой удар, что он не устоял на ногах и, конечно, расстался бы с жизнью под рукою Людвига, если бы его воины не подоспели к нему на помощь. Поднявшись на ноги, поспешно взглянул он наверх, на крепостную стену, не стоит ли там его невеста.

XXVIII

О ТОМ, КАК ХЕРВИГ УБИЛ ЛЮДВИГА

«Как это со мной случилось? — думал он. — Если видела это Кудруна и если доживем мы до того, что опять будем вместе, — она попрекнет меня моей неудачей. Великий для меня позор, что мог одержать надо мною верх такой старик!»

И приказал он нести вперед свое знамя и снова со своими воинами напал на Людвига. Людвиг услышал за собою шум и крики, оглянулся, увидел множество воинов, падавших под ударами мечей Хервига и его бойцов, и повернул назад. Снова завязалась между ними отчаянная схватка. Наконец Хервигу удалось нанести такой удар и так сильно ранить Людвига, что тот уже не мог продолжать битвы; еще один могучий удар, и он отсек ему голову.

Видя его гибель, воины его поспешили было пробраться со знаменем назад в замок, но это им не удалось; они были принуждены уступить знамя врагу, и много их полегло тут же рядом с королем.

В замке видели гибель короля, и за стенами его слышались громкие крики и рыдания. Кудруна и ее девушки стояли, пораженные страхом.

Не знал Хартмут, что отец его был убит, а вместе с ним и многие из его воинов и родичей, но услышал он крики и вопли, поднявшиеся в замке.

— Много уж врагов положили мы здесь, — сказал он своим воинам, — вернемтесь же теперь в замок. Большую службу сослужили вы мне, родичи мои и мои слуги, и я готов разделить с вами доставшиеся мне от предков земли. Поедем теперь отдыхать в замок: нам откроют ворота и сейчас же подадут нам меду и вина.

Много бойцов оставили они за собой на поле битвы, не могли бы они сделать больше, даже защищая свою собственную землю; нужен был им отдых и покой. Но старый Вате с тысячью своих воинов задержал их на пути. Вате только что, напрягши все силы, пробился к воротам, как появился Хартмут со своими воинами, теснившийся в те же ворота. В то же время со стен замка на нападавших градом посыпались камни. Но Вате не думал об опасности: ему мало было дела до того, кто умрет или уцелеет, — лишь бы одержать победу. В эту минуту заметил его Хартмут.

— Мы опоздали! — сказал он своим воинам. — Посмотрите сами: эти ворота занял Вате со своими воинами; конечно, он нас не пропустит. Замок окружен со всех сторон врагами, и они твердо прокладывают себе путь вперед: у тех ворот вижу я знамя мавританского короля — оно развевается там, несмотря на отчаянный отпор со стороны моих воинов; у следующих — мечи крутятся как в вихре: это Ортвин, брат Кудруны; у последних стоит Хервиг и с ним его семь тысяч воинов. Мы опоздали, и некуда нам теперь деться! Не могу же я перелететь через врагов, у меня нет крыльев; не могу я и проползти под землю! Мы так стеснены врагом, что нет нам возможности пробиться даже к морю. Одно только остается нам, славные мои рыцари, — спешиться и рубиться врукопашную, и пусть горячая кровь потоками струится сквозь кольчуги.

Сошли они с коней и отставили их назад.

— Вперед, мои воины! — крикнул Хартмут. — Будь что будет! Надо мне пробиться к Вате и постараться оттеснить его оттуда.

С поднятыми мечами двинулись они вперед, и Хартмут напал на грозного Вате. Мечи зазвенели, и стало умирать еще больше славных рыцарей.

Увидал Вате Хартмута (Фруте держал в это время знамя) и, пылая гневом, сказал:

— Слышу я, быстро приближается к нам звон мечей. Стой тут, племянник Фруте, и никого не пропускай к воротам. — И Вате бросился навстречу Хартмуту.

Хартмут не уклонялся от битвы. Ни одному из них не изменила сила, и оба они показали чудеса храбрости. Хотя и говорили, что Вате обладал силою двадцати шести мужчин, но в Хартмуте нашел он достойного себе противника. Долго продолжалась битва, и ров давно уже переполнился мертвыми, как вдруг донеслись до сражавшихся громкие крики и вопли королевы: она оплакивала гибель своего мужа и предлагала большую награду тому, кто отомстит за него и умертвит Кудруну со всею ее свитой.

Нашелся такой вероломный — был он алчен и падок на золото и пошел туда, где находилась Кудруна со своими хегелингскими девушками. Когда дочь Хильды увидала его, грозно приближавшегося к ней с высоко поднятым мечом, то пожалела, что не было около нее ее друзей, и если бы не увидел этого Хартмут, то он, конечно, отсек бы ей голову. Забыла она тут свою благовоспитанность и ввиду смерти громко закричала от страха.

Вместе с нею закричали и ее женщины, стоявшие тут же в окнах.

Хартмут узнал ее голос и, подняв глаза, увидел врага, замахнувшегося над нею мечом.

— Кто ты, негодяй? — закричал ему Хартмут. — Какая тебе нужда убивать женщин? Знай, что если убьешь ты из них хоть одну, то и сам лишишься жизни и все родичи твои будут повешены!

Испугался предатель и убежал. Но пока Хартмут заступался за девушек, он сам чуть было не лишился жизни.

Тем временем Ортруна побежала к Кудруне, упала к ее ногам и стала громко оплакивать своего отца.

— Смилуйся, благородная королева, — молила она, — подумай, сколько моих родичей погибло уже в этой битве; вспомни, каково было тебе, когда убили твоего отца! Тяжко приходится нам! Отец мой убит, почти все родичи и друзья погибли, Вате грозно теснит Хартмута. Если потерю я и брата, то навсегда останусь круглой сиротой! Окажи же теперь мне милость! Вспомни, — когда никто не жалел тебя здесь, я одна была тебе другом. Каждую твою обиду оплакивала я горькими слезами. Вознагради же меня теперь за мою дружбу!

— Ты много сделала для меня, — отвечала ей Кудруна, — но я не знаю, как прекращу я бой? Будь я витязь и носи оружие, я сама бросилась бы в битву и развела бы бойцов, чтобы спасти твоего брата.

Но Ортруна продолжала плакать и умолять, пока наконец Кудруна не подошла к окну. Она стала махать рукой, спрашивая, нет ли тут поблизости какого-нибудь витязя, приехавшего с ее родины.

— Кто ты, прекрасная девушка? — отвечал ей Хервиг. — Здесь поблизости нет никого из Хегелингов. Но скажи, чем можем мы тебе служить?

— Хотела я просить прекратить битву: довольно уж бились вы тут, и я готова вечно служить тому, кто избавит Хартмута от битвы с Вате, — отвечала Кудруна.

— Скажи же мне, благородная девушка, как тебя зовут? — продолжал спрашивать Хервиг.

— Зовут меня Кудруной, и я из рода Хагена. Как ни была я прежде знатна и богата, но теперь здесь терплю я лишь нужду и горе!

— Ну, так ты милая моя жена! — отвечал ей витязь. — Знай, я — Хервиг, и готов сделать все, чтобы избавить тебя от забот и печалей.

— В таком случае постарайся остановить битву: прекрасные девушки умоляют меня не допускать Хартмута до битвы с Вате.

— Я охотно исполню твое желание, — отвечал Хервиг и сейчас же громко крикнул своим воинам:

— Несите мое знамя навстречу Вате!

И Хервиг со своими воинами сейчас же стал усиленно пробиваться навстречу витязю из Штурмена.

— Вате, дорогой мой друг! — крикнул он, несколько приблизившись к нему. — Сделай милость, прикажи прекратить битву! О том просят тебя прекрасные девушки.

— Проходи своей дорогой, король Хервиг! — гневно отвечал ему Вате. — Я еще не выжил из ума, чтобы слушаться женщин. Если бы была нужда щадить врагов, то я сделал бы это и сам. Тебя я не послушаюсь, и Хартмут заплатит мне за свою дерзость!

Из любви к Кудруне Хервиг подскочил к ним обоим, и мечи зазвенели. Разгневался Вате, — не мог он стерпеть, чтобы кто-нибудь помешал ему биться с врагом, и нанес Хервигу такой удар, что тот упал на землю. Но воины Хервига подскочили и помогли ему подняться. Потом воины окружили Хартмута, несмотря на заступничество Хервига.

XXIX

О ТОМ, КАК ХАРТМУТ БЫЛ ВЗЯТ В ПЛЕН

Вате пылал сильнейшим гневом. Он направлялся к залу, пройдя через высокие ворота, как вдруг со всех сторон слышались громкий плач и звон мечей. Хартмут был взят в плен, а вместе с ним потерпели неудачу и его воины: вместе с ним было захвачено восемьдесят славных рыцарей. Остальные были убиты. Хартмута отвели на корабль и крепко связали.

Но тем дело еще не кончилось. Несмотря на градом сыпавшиеся с крепостных стен камни и стрелы, Вате взял—таки замок приступом, и запоры были высажены. Только плакали при этом нормандские женщины. Хоранд вошел в замок, неся знамя Тильды; за ним последовало множество воинов.

Так был взят замок, и плохо пришлось всем, бывшим там: множество бойцов принялось за грабеж.

— Где же слуги, отчего не несут они мешков для добычи? — спрашивал грозный Вате.

Много было разбито тут богатых покоев, принадлежавших женщинам, и доносились оттуда шум и крики. Одни избивали жителей, другие забирали добро. Говорят, столько добычи захватили они в замке, что два корабля не могли поднять всех дорогих шерстяных и шелковых тканей и всего награбленного ими серебра и золота. Сильно пострадали и все жители замка и окрестных селений: победители перебили множество мужчин и женщин и даже младенцев в колыбелях.

— Довольно уже отомстил ты, — закричал могучий Ирольт старому Вате, — ради Бога, оставь в покое малых сирот!

— Ты говоришь, как младенец, — отвечал старый Вате. — Неужели думаешь ты, что я поступил бы хорошо, оставив жить младенцев, плачущих теперь в колыбелях? Если дать им вырасти, то им еще меньше можно будет доверять, чем диким саксам.

Между тем кровь потоками струилась даже из женских покоев. В горе прибежала Ортруна к Кудруне — ждала она еще больших бед и, склонив перед нею голову, заговорила.

— Смилуйся надо мной, Кудруна! — молила она. — Если ты не заступишься за меня, твои друзья лишат меня жизни.

— Я спасу тебя, если это мне удастся, — отвечала ей Кудруна. — Стань здесь, поближе ко мне, со своими девушками и женщинами.

Послушалась Ортруна и стала около Кудруны со своими тридцатью тремя девушками. Вместе с женщинами стали под защиту Кудруны и шестьдесят два воина — иначе не избежать бы им смерти.

В ту же минуту, к ужасу их, появился Вате, скрежеща зубами, с длинной окладистой бородой и сверкающими глазами; весь он был в крови, от которой промокло даже его платье. Как ни обрадовалась Кудруна, но все же предпочла бы она, чтобы он подходил к ней не столь грозно. Однако она все-таки пошла к нему навстречу.

— Привет тебе, Вате! — сказала она. — Как же обрадовалась бы я тебе, если бы не погибло здесь от тебя столько народу!

— Благодарю тебя, благородная девушка, — отвечал Вате. — Не ты ли Кудруна, дочь Хильды, и кто эти женщины, что так теснятся к тебе?

— Вот это знатная Ортруна, — отвечала она, — ее, Вате, должен ты пощадить. Она и ее женщины страшно боятся тебя. А это вот девушки, привезенные воинами Людвига вместе со мною из земли хегелингов. Но ты весь в крови, не подходи же к нам слишком близко.

Вате пошел дальше и встретился наконец с Хервигом и Ортвином, королем Ортланда, с Ирольтом, Морунгом и Фруте из Дании. Много дел совершили они своим мечом и перебили много славных рыцарей.

Между тем прибежала к Кудруне молодая герцогиня Хергарда и стала просить ее заступничества, но Кудруна отвечала ей:

— Мало жалости выказывала ты к нам, когда мы здесь терпели нужду и горе, — теперь и мне нет дела до того, останешься ли ты жива или умрешь!

Прибежала к ней и злобная Херлинда и просила Кудруну принять и ее в число своих слуг.

— Защити нас, королева, от Вате и его воинов! — говорила она. — Все зависит от тебя, и если ты не заступишься за меня, я погибла!

— Приятно слышать мне, что пришла ты искать у меня защиты, — отвечала ей Кудруна. — Не следовало бы мне прощать тебе все то зло, которое ты мне сделала, но, так и быть, стань около меня между моими девушками!

Тем временем Вате продолжал разыскивать своих врагов и особенно хотелось ему найти злобную Херлинду. Еще раз грозно вошел он в зал.

— Выдай мне сейчас же Херлинду и ее друзей, — сказал он Кудруне, — она должна заплатить мне за то, что посылала тебя стирать, а также и за воинов, убитых у нас в тот раз дома.

— Их тут нет, — отвечала Кудруна.

Вате в гневе подошел ближе.

— Если ты сейчас же мне их не покажешь, — сказал он, — то все погибнут: и свои и чужие!

Видели девушки, что был он в сильнейшем гневе, и одна из них глазами указала ему на злобную ведьму.

— Скажи-ка мне, Херлинда, не хочешь ли ты добыть себе еще новых прачек? — спрашивал Вате, хватая ее за руку и выволакивая из толпы. — Помни, королева, — наши девушки не будут больше стирать тебе платья, — продолжал он, не помня себя от гнева, и, несмотря на ее слезы и мольбы, довелок ее до дверей зала и тут, схватив за волосы, отрубил ей голову. Все женщины в ужасе закричали. Но Вате опять вернулся к ним.

— Ну а где тут еще те, что приходятся ей сродни? Покажите-ка мне их! — продолжал он.

Со слезами сказала тогда ему Кудруна:

— Пощади тех, что стояли тут около меня, — у меня искали они безопасности и защиты: то благородная Ортруна и ее свита.

Одну только Ортруну и ее свиту и помиловал Вате, остальных же преследовал и убивал, несмотря на заступничество Кудруны.

Тем временем бой повсюду уже прекратился. Хервиг, весь еще в крови, пошел со своими воинами в зал Людвига. Там увидел он Кудруну, и

она ласково встретила его. Хервиг отстегнул меч, снял все вооружение и, черный от панциря и шлема, подошел к Кудруне. Из любви к ней в этот день не раз прошел он с мечом все поле битвы из конца в конец.

Потом пришел и Ортвин, король Ортланда. Ирольт и Морунг сняли кольчуги, чтобы прохладиться после битвы; потом, отложив оружие, и они подошли к женщинам. Легко стало тогда на душе у Кудруны.

И король мавров тоже был принят радушно, как и следовало после горячего дела.

Затем витязи стали совещаться, что им теперь делать. Раз удалось им захватить в свои руки такой славный замок, как Кассиана, то они могли бы подчинить себе и всю землю. Старый Вате советовал поджечь башни и дворец. Но против этого возражал Фруте из Тенеланда.

— Это невозможно, — говорил он, — здесь должна остаться Кудруна со своими девушками. Прикажите только вынести мертвых и смыть кровь со стен, чтобы вид их не удручал наших женщин. Замок этот крепок и надежен и нам же может еще послужить прибежищем. Но, во всяком случае, надо нам пройти с мечом и огнем всю землю Хартмута.

Фруте был мудрый советник, и решено было последовать его совету.

Потом стали обсуждать, что делать с пленными — Ортруной и бывшими при ней тридцатью девушками и шестьюдесятью двумя воинами.

— Я беру на себя заботу о девушках, — сказала Кудруна, — я обещала им мир и безопасность; но с воинами ты, Вате, можешь поступать как хочешь.

Тогда поручили Хоранду Кудруну, ее девушек и всех захваченных в замке пленных и отдали ему в полное распоряжение весь замок с его сорока башнями, шестьюдесятью обширными чертогами и тремя богатыми дворцами. На море у кораблей поставили стражу. Хартмута перевели назад в его замок и поместили там вместе с остальными пленными.

У ворот замка поставили стражу, приказав никого не пропускать туда. На случай защиты замка оставили там с датскими витязями тысячу отважных воинов.

Сам же Вате и отважный Фруте стремились еще изрубить немало щитов. Взяв с собою тридцать тысяч воинов, снова пустились они в путь, и земля Хартмута запылала со всех концов. Горько было пленному Хартмуту за своих верных людей.

Целых двадцать шесть замков успели взять друзья Хильды и более тысячи пленных, не считая огромной добычи, и знамя Хильды побывало во всех концах Нормандской земли. Наконец витязи вернулись к берегу моря — туда, где оставили они свои корабли.

На совете решено было поручить замок Кассиану двум витязям — Хоранду из Дании и Морунгу — и оставить при них тысячу отборных воинов, подчинив им остальные замки и всю землю Хартмута.

Потом, нагрузив корабли, хегелинги собрались в обратный путь, захватив с собою пленных женщин и пятьсот воинов, взятых вместе с Хартмутом. Просил было Хартмут освободить его и оставить на родине, но никто не согласился на это. Вате, пожалуй, и был готов не брать его с собою, а убить на месте, но Ортвин воспротивился — хотел он довести его невредимым в землю Хильды.

Наконец корабли тронулись в путь при громком пении тех, кому прежде приходилось тут плакать.

XXX

О ТОМ, КАК ПОСЛАЛИ ОНИ К ХИЛЬДЕ ПОСЛОВ

Радостно пустились в путь хегелинские воины и при первой возможности выслали вперед к королеве Хильде послов с доброю вестью.

Неизвестно, долго ли пробыли в пути послы, но наконец явились они к Хильде и обрадовали ее своими вестями.

— Много горя терпела я открыто и столько же скрывала, — сказала Хильда. — Но теперь все забыто, и хочу я щедро наградить вас за радостные вести.

— Не надо нам богатых даров, — отвечали послы, — наши корабли и без того уж переполнены золотом и серебром.

Много хлопот и дела было в Мателане. Все готовились к радостной встрече. Плотники сколачивали столы и скамьи для приема гостей; заготавливались разные напитки и яства. Наконец на море появились суда (го-воят, поход продолжался целый год), и корабль старого Вате вошел в гавань при звуках труб, флейт и литавр. Хильда со своею свитой сама встретила его на берегу. Но Хильда не узнала своей дочери, подходившей к ней в сопровождении, по крайней мере, тысячи девушек, и Ирольт за руку подвел ее к королеве Хильде; тут мать и дочь обнялись и забыли свое горе.

Радостно приветствовала Хильда Ирольта, а Вате благодарила за службу и обняла; также обняла она и Ортвина. Наконец явился и Хервиг,

ведя за руку Ортруну.

— Милая матушка, — сказала тогда Кудруна, — поцелуй эту благородную девушку: во время плена моего она одна всегда была готова услужить мне и оказать мне почет.

Но Хильда не хотела целовать Ортруну: ей казалось, что приличнее было бы убить ее, чтобы отомстить за все зло, причиненное ее родичами. Но Кудруна продолжала со слезами упрашивать свою мать, и Хильда наконец поцеловала Ортруну.

— Пусть получит она здесь награду за услуги, которые она там тебе оказала, — сказала она.

Затем, подведя к Хильде Хильдебургу, Кудруна просила щедро наградить ее за ее любовь и верность, и Хильда охотно обещала это.

Потом стали разгружать корабли и выносить на берег сокровища, вывезенные из нормандской земли.

К вечеру гости разошлись по приготовленным для них палаткам, разукрашенным золотом, и принялись за приготовленное для них угощение.

Целых пять дней отдыхали тут усталые путники, и все наперебой старались услужить им. Один только Хартмут со своими воинами терпел тяготы и горе: был он заключен в темницу и крепко скован цепями. Узнав о том, Кудруна позвала Ортруну и пошла с нею к королеве Хильде. Обе они стали просить королеву освободить Хартмута. Долго не соглашалась Хильда, но наконец позволила снять с Хартмута и его воинов цепи и предоставить им свободу, взяв с них слово, что они не совершат никакого вероломства и не станут пытаться бежать.

Между тем Хервиг со своими воинами подумывал уже о возвращении домой.

Узнала о том Хильда и стала упрашивать его отложить отъезд. Хервиг отказывался.

— Ты сама знаешь, госпожа, — говорил он ей, — как нетерпеливо стремятся воины домой после долгой отлучки. Мои не могут дожидаться минуты возвращения.

Но Хильда настаивала и убедила его наконец остаться, чтобы торжественно отпраздновать их с Кудруной свадьбу.

В Мателане все стали готовиться к великому торжеству и пиру.

В то же время Кудруна замыслила навсегда положить конец вражде между королями. Позвала она в свою комнату брата своего, Ортвина, и стала уговаривать его взять себе в жены благородную Ортруну. Долго не решался Ортвин, — как мог он положиться на любовь и преданность

Ортруны, когда отец ее был убит в битве с хегелингами? Стал он советоваться с королевой Хильдой, Хервигом и Фруте.

— Женись на ней, — сказал Фруте, — пора наконец загладить эту старую вражду, а для того чтобы достичь этого, надо выдать Хильдебург за короля Хартмута.

Этот совет поддержал и Хервиг.

Кудруна сама переговорила с Хильдебургой. Сначала Хильдебурга отказывалась выйти замуж за человека, который никогда о ней и не думал, но Кудруна убедила ее. Сказала она о том и Хартмуту, и Хартмут согласился с условием, что ему вернут все его земли и замки, а сестра его, Ортруна, выйдет замуж за Ортвина.

Для того чтобы еще прочнее скрепить мир, Кудруна устроила еще свадьбу: она убедила короля Хервига выдать замуж свою сестру за темнокожего мавританского короля. Таким образом, отпраздновали сразу четыре свадьбы.

XXXI

О ТОМ, КАК ЧЕТЫРЕ КОРОЛЯ ПРАЗДНОВАЛИ СВОЮ СВАДЬБУ В ЗЕМЛЕ ХИЛЬДЫ

Свадьбу королей пышно праздновали на морском берегу перед замком Мателана. Прекрасная Хильда щедро одарила гостей своих одеждами. Старый Вате, Ирольт и Фруте успели выказать все свое искусство в рыцарских играх. Много было тут поломанных копий, а от пыли, поднятой всадниками, стало темно, как ночью, и чтобы не пострадали от нее платья женщин, их убедили вернуться в замок и смотреть на игры из окон.

Странствующие скоморохи спешили похвастаться своим искусством, и каждый из них отличился чем мог. Турниры, игры и всякого рода забавы продолжались до четвертого дня. На четвертый день Хервиг стал щедро наделять гостей, певцов и скоморохов дарами, — говорят, было роздано им тут золота до тысячи фунтов, не считая одежд и коней.

Увидав это, Ортвин стал соперничать с ним в щедрости, а за ним стал раздавать одежды и коней и сам король Мавритании. Не отставал от них и Хартмут.

Скоро настал конец и празднествам. Хартмут собрался ехать домой с женой своей Хильдебургой. Королева Хильда милостиво простилась с ним и вместе с дочерью проводила Хильдебург далеко за ворота замка и дала Хартмуту провожатых на пути его сушей и морем. Кроме того, везли они с

собою нарядную дружину из пленных, которых отпустили с ними Ортвин и Хервиг. Так набралось у них более тысячи человек.

Прощаясь, женщины не раз целовались и обнимались и потом уже редко видели друг друга. Ортвин и Хервиг проводили их до самых кораблей. Ирольт должен был сопровождать их до самых их владений, чтобы сообщить Хоранду из Дании, на каких условиях Хартмут вернулся домой. Не могу сказать когда, и не знаю, рано ли то было или поздно, но, к радости путников, пришли они наконец к замку Кассиана. Ирольт сообщил Хоранду, остававшемуся в Нормандской земле, все, что было поручено ему сказать, и Хоранд сейчас же передал Хартмуту все его земли и замки, а затем вместе со своими друзьями поспешил как можно скорее вернуться к себе в Тенемарку.

XXXII

О ТОМ, КАК ОСТАЛЬНЫЕ КОРОЛИ РАЗЪЕХАЛИСЬ ПО СВОИМ ЗЕМЛЯМ

Хегелинги не удерживали больше гостей. С громкими криками проводили они в Альцабею сестру Хервига. Благополучно совершили они свой путь, и славные рыцари дорогой весело пели.

Ни одного из воинов Хервига не отпустила Хильда без подарка.

— Ну, теперь живи счастливо и беззаботно, — говорила Кудруна своей матери, — не горюй о павших воинах: вместо них мы будем усердно служить тебе. Положись на доброту Хервига.

— Милая дочь моя, — отвечала ей Хильда, — если хочешь ты оказать мне милость, то пусть послы твои по три раза в год приносят мне о тебе вести. Больше не о чем мне здесь тревожиться и горевать.

Кудруна обещала ей исполнить ее просьбу, а потом, одновременно и смеясь и плача, вышла она со своими девушками из замка Мателана, поминутно оглядываясь назад.

Тут подали ей и ее свите оседланных и разукрашенных коней.

Не без горя простилась Кудруна с Ортруной, и обе они сетовали на разлучавшую их судьбу. Ортруна благодарила Кудруну за то, что ее стараниями Хартмут получил назад свою нормандскую землю.

— Награди тебя Бог, Кудруна, — говорила она ей, — ты избавила меня навсегда от печали и заботы.

Благодарила она также и мать ее, Хильду, за то, что та согласилась на ее свадьбу с Ортвином и помогла ей стать королевой Ортланда.

Ортвин и Хервиг поклялись всегда и во всем помогать друг другу, чтобы им впредь с еще большею честью носить свой высокий сан и сообща преследовать и уничтожать своих врагов.

Сказание о Вольфдитрихе

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон

I

Вырос в Константинополе один молодой и славный король, отважный и сильный. Звали его Хугдитрихом. С ранней своей юности жил он богато и пышно и ради Господа Бога и своей собственной чести щедро раздавал лены и подарки. Был он худощав и невысок ростом, но притом хорошо сложен и строен, с длинными выющимися белокурыми волосами, падавшими ему на плечи и доходившими до пояса.

Отцом ему, как говорит нам книга, был король Греции Антциус. При дворе этого короля вырос и жил много лет один старый герцог — герцог Берхтунг, родом из Мерана.

Раз позвал его к себе король Антциус и сказал ему:

— Настало тебе время отплатить мне за всю мою заботу о тебе: поклянись мне исполнить то, чего я теперь от тебя потребую! Тебе поручаю я милого моего сына, Хугдитриха, а также и мою землю, и моих людей, — будь же им верным и надежным защитником и опорой. Смерть наступает меня, и должен я покинуть этот свет.

Печально стояли вокруг и слушали его рыцари и оруженосцы. Через несколько дней король умер. Герцог Берхтунг, как и следовало, тщательно позаботился о том, чтобы его похоронили соответственно его званию, а сына его, Хугдитриха, взял к себе.

Целых двенадцать лет заботился он о нем и воспитывал его. Наконец Хугдитрих сказал ему:

— Дорогой учитель мой, Берхтунг, пришла тебе наконец пора сослужить мне великую службу. Хочется мне найти себе прекрасную невесту. Сам ты знаешь, как я богат и знатен, сколько у меня людей и земель и как далеко простираются мои владения. Умри я теперь, — кому все это достанется?

Герцогу понравилась эта речь. Он сказал:

— Много объездил я далеких и близких земель, но нигде не встречал я девушки, достойной тебя: та прекрасна, да не царского рода; другая и царского рода, да некрасива. Потому-то и не могу я указать тебе девушку, которая годилась бы тебе здесь в жены, а подданным твоим в королевы.

Разослал тогда Хугдитрих послов во все свои земли, и съехалось к его двору много отважных бойцов.

— Посоветуйте мне, где бы найти мне невесту, — сказал он им.

— Пусть посоветует тебе твой учитель, — отвечали они ему, — один его совет стоит всех наших.

— Так дай же ты мне свой совет, дорогой учитель, и скажи по чести и совести, где бы мог я найти девушку, достойную занять здесь место моей супруги.

— Я открою это тебе, любимый государь, — отвечал ему герцог Берхтунг. — Есть в Салониках король по имени Вальгунт; жену его зовут прекрасной Либгардой, и есть у них дочка — девушка, красивее которой не бывало еще на свете. Имя ей — прекрасная Хильдебурга. Объезди, пожалуй, хоть все земли, — ты не найдешь ей подобной: ни одна королева и никакая девушка другого звания не могла бы с большею честью занять здесь место твоей супруги. Но живет она заключенная в башне: отец ее поклялся пока жив, никому не отдавать ее в жены, хотя бы сватался к ней сам император. Денно и ночью охраняет ее сторож; привратник стоит у двери в то время, как приносят ей пищу; прислуживает ей одна только молодая девушка. Так-то стерегут они королевну. Но что толку рассказывать тебе, государь, об этой красавице? Нечего тебе о ней и думать. Как ты ни ухищрайся, тебе ее не добыть!

Но Хугдитрих не захотел отказаться от мысли добыть себе в жены прекрасную королевну. Приказал он созвать лучших мастериц и стал учиться у них разным женским рукоделиям. Целый год учился он у них, пока не сравнялся с ними в искусстве. Потом научился он говорить женским голосом и отпустил себе волосы. Наконец оделся он в женское платье и пошел в нем в церковь, и все в Константинополе, знавшие его прежде, не узнавали его и спрашивали: кто же эта красавица?

Обрадовался Хугдитрих, убедившись, что стал неузнаваем, и еще более укрепился в своей надежде хитростью добыть невесту. «Лишь бы попасть мне в Салоники, а там уж я достигну своей цели», — думал Хугдитрих.

— Дорогой учитель, — сказал он Берхтунгу, — посоветуй мне теперь: как бы попасть мне в Салоники?

— Возьми с собой пятьдесят отважных рыцарей и четыреста оруженосцев да еще тридцать молодых девушек, одетых в нарядное платье, — отвечал ему герцог Берхтунг. — Возьми с собой свою роскошную палатку и, прибыв в Салоники, прикажи раскинуть ее на равнине перед городом и сядь в ней, надев на голову корону, и пусть слуги твои стоят вокруг тебя. Король поспешит послать к тебе, чтобы узнать, как и почему попал ты в его землю. Ты же отвечай, что ты — дочь константинопольского короля, изгнанная из Константинополя братом твоим, Хутдитрихом, за то, что ты отказалась выйти замуж за некрещеного язычника, за которого он хотел тебя выдать, и что теперь ты приехала в Салоники искать пристанища и защиты у короля, пока брат твой не смягчится и не призовет тебя к себе. Король позволит тебе остаться при его дворе. Ты оставишь при себе всего лишь троих из всей твоей свиты, остальных же отпустишь домой. Через год я сам приеду за тобой.

Обрадовался Хугдитрих и решил последовать совету Берхтунга. Переодетый женщиной, с пышной свитой подъехал он к Салоникам и на равнине перед городом раскинул свою палатку, над которой сверкали четыре карбункула. Люди смотрели и дивились незнакомым гостям. Король сейчас же послал одного из своих рыцарей разведать, кто были незнакомые гости и зачем приехали они в его землю.

Хугдитрих со своими рыцарями, как и подобало, вежливо принял королевского посла. Рыцарь же, взглянув на него, сказал:

— Откуда приехала ты, благородная королевна, и чего ты от нас желаешь?

На это Хугдитрих отвечал:

— Я, несчастная девушка, приехала к вам из Константинополя: меня изгнал брат мой, Хугдитрих, за то, что я отказалась выйти замуж за некрещеного язычника. Приехала я сюда искать защиты и милости у короля, — пусть он позволит мне остаться при его дворе, пока не смягчится гнев брата моего.

Вернулся рыцарь к королю Вальгунту и рассказал в чем дело, советуя в то же время принять девушку с честью, как подобает ее высокому роду, — недаром же дошла до нее молва о великодушии и доблести короля

Вальгунта и недаром же приехала она из такой дальней страны искать у него приюта и защиты.

Вальгунт сам вышел из своего замка навстречу Хутдитриху и радушно приветствовал его. Хугдитрих бросился к его ногам и повторил свою просьбу. Вальгунт поспешно поднял его и сказал:

— Не достоин я того, чтобы благородная константинопольская королева преклоняла передо мной колена. Оставайся здесь у меня со всею своею свитой, не заботясь ни о питье, ни о пище.

— Нет, благородный король, этого не должно быть. Меня проводил сюда герцог Берхтунг из Мерана со своими рыцарями. Он — доблестный князь и обладает обширными землями, и я должна отпустить его домой.

— Да, вот и Берхтунг, я узнаю его, он сам служил у меня целых три года, — сказал король.

Наделив Берхтунга и его свиту богатыми одеждами, Хугдитрих отпустил их домой, а сам остался в Салониках всего лишь с тремя спутниками.

Вальгунт, взяв гостью за руку, с почетом сам ввел ее в свой город; сама королева вышла к ней навстречу, а потом усадила ее на почетное место и стала расспрашивать о ее роде и имени. Приезжая отвечала, что зовут ее Хильдегундой.

Хильдегунда сейчас же принялась за работу и начала прясть с таким искусством, что при дворе Вальгунта не могли надивиться на ее пряжу: ничего подобного не бывало еще в той стране. Потом Хильдегунда принялась вышивать шелками и золотом разных вещей птиц, и так хорошо, что их можно было принять за живых. Видя такое искусство, королева сказала ей:

— Ты должна научить этому и моих молодых девушек. За это я всегда буду к тебе благосклонна и в награду одарю тебя серебром и золотом и обещаю исполнить все, чего ты ни пожелаешь.

Хильдегунда поблагодарила ее за обещание и охотно взялась обучить своему искусству ее девушек.

Целых полгода обучал Хугдитрих двух девушек из ее свиты всяким женским рукодельям. Он научил их изготавливать прекрасные белые широкие скатерти с изображениями разных птиц и зверей и даже целых приключений из охотничьей жизни.

— Кто это изготовил такое чудо? — спросил король Вальгунт, увидев в первый раз такую скатерть, и камергер его отвечал ему:

— Это все делает прекрасная Хильдегунда из греческой земли.

Итак, скоро все при дворе Вальгунта полюбили Хильдегунду за ее добрый нрав и искусство.

Наконец задумала гостя вышить золотом шапочку с двойными полями, небывалой красоты, и когда шапочка была готова, она собственноручно надела ее на голову королю Вальгунту и сказала:

— Хотелось бы мне, государь, чтобы надевал ты эту шапочку во время пышных празднеств при твоём дворе, — пусть гости твои, возвратясь домой, рассказывают всем, какой роскошный головной убор видели они на короле.

— Благодарю тебя, прекрасная девушка, — отвечал Вальгунт, — ты так почтила меня своей работой, что я готов исполнить всякую твою просьбу; говори же: чего ты желаешь?

— Если так, государь, — отвечала Хильдегунда, — то позволь твоей дочери спуститься ко мне со своей башни. Это будет мне лучшей наградой за мою работу.

— Благородная королева, желание твое будет исполнено, — отвечал Вальгунт. — Но ты могла потребовать от меня богатых даров — земель и людей, серебра и золота: все это охотно дал бы я тебе, если бы ты только пожелала.

Король Вальгунт разослал гонцов по всей своей земле, собирая к своему двору отважных рыцарей, герцогов и графов, и съехалось к нему множество славных гостей. В Троицын день дочь короля Вальгунта сошла со своей башни, и Хугдитрих, встречая ее, опустился перед ней на колена. Она же обняла его с ласковым приветом. Королева Либгарда, взяв их за руки, подвела их к богатой скамье и усадила рядом. Тут слуги стали подносить им кушанья и вина, и Хугдитрих подавал Хильдебурге кубок и резал ей хлеб. Часто поглядывала на них королева Либгарда и нашла, что гос-тъя ее была и обходительнее и учтивее ее дочери, и, нагнувшись к ней, шепнула ей на ухо:

— Бери с нее пример.

Во время пира один из знатных графов обратился к Вальгунту и сказал:

— Государь, кто это прислал тебе эту драгоценную шапочку? Это прекраснейший головной убор!

— Ее вышила мне одна прекрасная девушка, приехавшая сюда из Греции, которая находится теперь при моей дочери, — отвечал Вальгунт.

После пира Хильдебурга сказала своему отцу:

— Дорогой отец, окажи мне милость, позволь Хильдегунде поселиться в моей башне: пусть она научит меня всяким работам.

— Милая дочь моя, охотно исполню я твою просьбу, — отвечал Вальгунт. — За это я готов буду щедро наградить нашу гостью и с радостью наделю ее серебром и золотом и дам ей во владение много земель и людей.

— Нет, — отвечал Хугдитрих, — не надо мне от тебя никакой награды.

Так-то Хугдитрих получил возможность часто видаться с Хильдебургою, обучая ее разным рукоделиям, и долго ничем не выдавал себя. Наконец он открылся ей во всем:

— Я — Хугдитрих, константинопольский король, — сказал он ей, — и ради тебя предпринял столько трудов и опасностей: хочу я, чтобы стала ты моей женой и королевою в Константинополе.

Горько заплакала Хильдебурга.

— Если узнает о том мой отец, то мы оба погибли, — говорила она.

Но Хугдитрих ласково утешал и успокаивал ее, уговаривая тайно ото всех стать его женою, обещая со временем торжественно отпраздновать свою свадьбу в Константинополе.

Так прошло еще полгода, и герцог Берхтунг явился ко двору Вальгунта. Сам король вышел к нему навстречу.

— Государь, — сказал ему Берхтунг, — как поживает при твоём дворе благородная греческая королевна? Я приехал за нею. Король наш, Хугдитрих, сменил гнев свой на милость и приказал мне привезти ее домой.

— Не отпущу я ее от себя, — отвечал король Вальгунт, — я сделал ее подругой своей дочери, и при ней должна она оставаться всю жизнь.

— Позволь же мне все-таки повидаться с нею, — настаивал Берхтунг.

На другое утро Хугдитрих спустился с башни, чтобы повидаться с Берхтунгом, и, обнимая его, шепнул ему на ухо, что достиг того, чего желал, — добыл жену и, спасая свою жизнь, должен теперь поскорее уехать.

— Неохота мне отпускать тебя, благородная королевна, — сказал Вальгунт, — готов я наделить тебя землями и городами, лишь бы ты осталась здесь.

Но Хугдитрих опустился перед королем на колена и стал просить отпустить домой.

— Нечего делать, не могу я удерживать тебя против воли, — сказал наконец король Вальгунт.

На прощание Хильдебурга подарила Хугдитриху золотое кольцо.

— Носи его не снимая, — сказала она, — оно будет напоминать тебе обо мне.

Так вернулся Хугдитрих в свое королевство. Города свои и земли нашел он в полном благополучии и порядке; его подданные и слуги встретили его с радостью и почетом. Но все же невесело казалось ему в

Константинополе; уже целых полгода жил он там, и при взгляде на кольцо сердце его каждый раз сжималось от тоски по милой его жене.

Так же тосковала в Салониках и Хильдебурга.

Наконец наступил день, когда на рассвете родился у нее мальчик. Внимательно осмотрев ребенка, она заметила у него на спине между плеч красный крестик — знак, по которому она всегда могла узнать свое дитя, и передала его привратнику и сторожу, прося их тайно ото всех окрестить его. Привратник и сторож, опасаясь, как бы младенец не выдал себя криком, решились до ночи спрятать его за стеною замка в густом кустарнике. Так они и сделали.

Ребенок мирно спал в кустах, как вдруг появился волк, нередко приходивший сюда, чтобы поживиться курами.

Увидев ребенка, он схватил его в пасть и побежал с ним в лес, к своему логову в пещере высокой горы. Там ждала его волчица с четырьмя новорожденными волчатами. Старый волк положил ребенка около волчат, предполагая, что они его съедят, но они были еще так молоды, что даже и не тронули младенца.

На другой день король Вальгунт собрался на охоту и приметил волка, бродившего в кустах. Погнался он за ним со своими охотниками и настиг его в лесу у самого логова. Тут нашли они волчицу с четырьмя волчатами, а с ними — младенца.

Когда убили старых волков и вынесли на свет младенца, король Вальгунт приказал осмотреть, не найдется ли следа матери, которую волки, вероятно, растерзали. Но никакого признака присутствия женщины не оказалось. Между тем ребенок показался королю Вальгунту так мил и вместе с тем так жалок, что он закутал его в лучшее свое платье и пожелал собственноручно отвезти его в Салоники.

Прискакав на двор своего замка, он радостно крикнул своей жене:

— Посмотри-ка, какого ребенка нашел я на охоте!

И сейчас же стал подробно рассказывать ей о волках и волчатах.

— Дитя, вероятно, еще некрещено, — сказал король Вальгунт, — а потому я прикажу окрестить его и тщательно воспитаю его. Со временем из него выйдет доблестный муж.

При крещении Вальгунт назвал ребенка Вольфдитрихом.

Между тем Хильдебурга сильно беспокоилась, не видя сына, и все спрашивала о нем привратника и стража. Те сначала пытались было успокаивать ее, надеясь еще найти ребенка, но наконец вынуждены были признаться, что ребенок исчез. Тем временем весть о младенце, найденном у волков королем Вальгунтом, дошла и до Хильдебурги. В тревоге

приказала она принести к себе младенца, по знаку признала в нем своего сына и сейчас же во всем призналась матери. В тот же день вечером королева открыла тайну и своему мужу. Разгневался было король, но винить было некого: сам он был во всем виноват.

— Как же мне теперь быть? — сказал наконец король Вальгунт своим советникам. — Я поклялся, что никому не отдам в жены своей дочери, а вот она сама выбрала себе мужа. Могу ли я теперь считать себя свободным от клятвы ?

— Конечно, можешь, государь! — отвечали ему его советники. — Пошли же поскорей за Хугдитрихом и отпусти с ним свою дочь, благо достался ей в мужья такой могучий и славный король.

Обрадовался Хугдитрих, когда пришли к нему послы от Хильдебурги и отца ее короля Вальгунта. Подробно расспросив их обо всем и щедро одарив в награду за вести, Хугдитрих собрал пышную свиту и сам поехал за своею женою и сыном и с большим торжеством и пышностью привез их в Константинополь.

Восемь лет прожил Хугдитрих со своею женой и имел от нее еще двух сыновей. Вольфдитриха поручил он герцогу Берхтунгу. На восьмой год жена его умерла, и сам Хугдитрих недолго ее пережил.

II

Отец Вольфдитриха перед смертью призвал к себе трех своих сыновей и поделил между ними свои владения.

Константинополь отдал он Вольфдитриху.

Герцог Берхтунг после похорон короля взял с собой воспитанника своего, Вольфдитриха, и отвез его в свою землю. Вольфдитрих прожил у него пять лет и за это время обучился всем рыцарским наукам и искусствам. Тем временем братья его успели завладеть полученным им от отца наследством.

— Он незаконный сын, — говорили они, — и не может наследовать отцовских владений.

Узнав о том, герцог Берхтунг пошел к своему государю.

— Государь мой, Вольфдитрих, — сказал он ему, — теперь должен ты показать себя настоящим рыцарем: надо заставить братьев твоих вернуть тебе твою землю и твоих людей!

— Дорогой учитель, — отвечал ему Вольфдитрих, — скажи скорей, что мне делать? Ты ведь знаешь, что все зависит от тебя.

Прежде чем предпринять поход, герцог Берхтунг, дождавшись дня пятидесятницы, посвятил Вольфдитриха в рыцари.

— Есть у меня шестнадцать сыновей, — сказал герцог Берхтунг, — а кроме них, еще пятьсот отважных и доблестных рыцарей, и все они пойдут за тобой, а также и я сам со своими воинами.

Кинул Берхтунг клич по всей своей земле; собралось к нему четыре тысячи отважных воинов, и со всех них взял он клятву помочь Вольфдитриху вернуть себе свою землю.

Не теряя времени, пустились они в путь и, добравшись до моря, сели на корабли и через три недели высадились под Константинополем на зеленом лугу. Герцог Берхтунг позвал своих сыновей и приказал им, не входя в город, остаться тут и, как только затрубит он в рог, спешить к нему на помощь. Сам же герцог Берхтунг с Вольфдитрихом отправился во дворец к его братьям. Там все приветливо встречали герцога, но никто не обращал внимания на Вольфдитриха.

— Какое зло причинил вам мой господин? — спросил Берхтунг, придя наконец в зал, где сидели братья Вольфдитриха, молодые короли Бауте и Вакмут.

— Скажи-ка нам лучше, герцог Берхтунг, кого хочешь ты иметь государем? — спросил его один из братьев — Вакмут.

— Вольфдитриха, — отвечал верный слуга, — его поручил мне его отец. Ему должны вы вернуть его наследство.

— Вольфдитрих незаконный сын греческого короля и не может быть наследником, — сказал вероломный король Бауге. — Его нашли где-то в лесу вместе с волчатами. Оставь его и служи нам.

— Что там рассказываете вы мне о каких-то волках, рыскающих по лесу? Он храбрый боец и славный рыцарь. Отдайте ему то, что принадлежит ему по праву. Я ни за что не отступлюсь от этого дела.

— Милые мои братья, — заговорил тогда и Вольфдитрих, — сделайте так ради Бога и позвольте мне жить с вами. Возьмите себе половину приходящейся на мою долю земли и отдайте мне другую половину и город.

— Ты какой-то найденыш, а не законный сын нашего отца, и на твою долю не приходится никакого наследства, — крикнул в нетерпении Бауге, — убирайся-ка отсюда, пока цел!

— Жаль будет мне, если пропадут понапрасну все мои труды, — вступился Берхтунг. — Много лет заботился и пекся я о принце, и теперь он не останется здесь без помощи и защиты.

— Молчи, старина! — крикнул Бауге. — И так уж слишком долго позволяем мы тебе разговаривать здесь безнаказанно. Берегись, как бы не

приказал я по волоску выдрать всю твою бороду!

— Хотя вы мне и братья, — сказал тут Вольфдитрих, — но тот из вас, кто посмеет коснуться моего учи-теля, будет изрублен в куски моим мечом, или же я сам лишусь жизни!

Так не сдержал он своего гнева и чуть было не попал в беду. Короли выбежали из зала, а отважные воины, бывшие в замке, сейчас же схватились за оружие и поспешили застегнуть свои кольчуги. Конечно, они убили бы Вольфдитриха, если бы только удалось им до него добраться.

— Государь, — сказал ему Берхтунг, — охраняй только дверь и никого не пропускай ни в ту, ни в другую сторону, и тогда ты увидишь, что и у тебя тут есть слуга.

С этими словами герцог Берхтунг взял свой рог из червонного золота и принялся в него трубить. Услыхали его сыновья: сейчас же тронулись они с места и со всею своею дружиною направились к городским воротам. Страшный шум и крик поднялся в городе, и завязалась отчаянная битва. Целый день длилась она, и наконец все воины Берхтунга были убиты; оставались в живых только его сыновья да он сам с Вольфдитрихом.

— Надо нам уходить отсюда, — сказал Вольфдитрих, — все наши воины перебиты, остались в живых одни только твои сыновья, и я никогда не утешусь, если погибнет хоть один из них.

— Государь, — отвечал ему Берхтунг, — все мои сыновья должны еще послужить тебе. При каждом из них есть еще по сто бойцов, при мне же их целых двести.

Снова бросились они в битву. Шестеро сыновей Берхтунга были убиты, и в то время, как они падали мертвые, Берхтунг оглядывался только на своего короля. Тем временем Вольфдитрих был оттеснен от него в сторону: целых двести воинов отделяли его от его учителя. Испугался старик, не видя его, подумал он, что Вольфдитрих убит, и слезы потекли из его глаз.

— Вон там, вижу я, сверкает меч, — там стоит отважный воин, — видя его тревогу, сказал ему один из его сыновей.

Закинув щиты за спину, стремительно бросились они через поле битвы к тому месту, где видели они своего государя, и на пути своем положили запертво, по крайней мере, человек двести и нашли его среди груды тел сраженных им врагов. В ту самую минуту около него стоял какой-то заносчивый и могучий воин: мечом своим нанес он Вольфдитриху такой удар по шлему, что рассек его и глубоко поранил ему голову, так что Вольфдитрих без чувств повалился наземь.

Герцог Берхтунг бросился к нему на помощь и, подняв его, поспешил развязать ремни его шлема.

— Слава Богу, государь, что мы застали тебя еще в живых, — сказал он ему. — Ну, теперь, скажу я тебе, надо нам поскорее уходить отсюда: все наши воины перебиты, и если только греки разведают о том, — мы все погибли!

Пробившись к своим коням, витязи помчались во весь опор к зеленевшему вдаль лесу, надеясь скрыться там от многочисленных врагов, преследовавших их чуть не по пятам. Это им удалось, и наконец добрались они до зеленой лужайки на дне горной лощины и тут расположились на ночлег и отдых.

— Ложитесь спать, воины, — сказал Вольфдитрих, — на эту ночь я останусь на страже и буду охранять ваш покой.

Пробовали было возражать ему и Берхтунг, и сын его Хаке, но Вольфдитрих настоял на своем.

Берхтунг и сыновья его, утомленные тяжелым днем, заснули крепким сном, и в то время, как они спали, из лесу вышло какое-то огромное и страшное чудовище, с виду похожее на женщину. Оно шло на четвереньках, словно медведь.

— Что ты за чудовище, и какой черт принес тебя сюда? — воскликнул Вольфдитрих.

— Я не чудовище, — отвечала ему Шершавая Эльза. — Полюби меня, Вольфдитрих, и ты не будешь знать никаких забот: я дам тебе целое королевство и при нем обширные земли, и все они будут служить тебе, как твои верные подданные.

— Нет, не хочу я любить тебя, богатую ведьму, ищи себе мужа в преисподней, среди чертей!

Но Эльза, рассердившись, сейчас же одурманила его чарами и унесла из леса в какую-то совершенно неведомую ему страну. Придя в себя, Вольфдитрих бросился разыскивать своих товарищей, но дорога, по которой направлялся он в лес, надеясь найти их, благодаря волшебству Эльзы приводила его назад к ней же. Так, почти обезумев от горя, целый год бродил он по неведомой ему стране.

Между тем Берхтунг тщетно разыскивал повсюду своего господина. Наконец, отослав домой своих сыно-вей, Берхтунг один продолжал поиски. Добрался он и до владений Шершавой Эльзы и нашел ее в ее столице Трое. Но Эльза отказалась отвечать на его расспросы и показать ему его господина. Так Берхтунг, убитый горем, вернулся домой, полагая, что Вольфдитрих погиб.

Так прошел год. Шершавая Эльза несколько раз заговаривала с Вольфдитрихом, прося его полюбить ее, но Вольфдитрих всякий раз с гневом отказывался. Наконец через год он сказал ей:

— Если бы была ты красавица, то тогда, пожалуй, я полюбил бы тебя.

Взяла тогда его Эльза и привела на берег моря, села она с ним на корабль и увезла его за море в свое королевство. Там пошла она с ним на гору, где, как она знала, находился источник молодости; вода в нем была наполовину холодная, наполовину теплая. Поручив себя Богу, Эльза бросилась в источник. Так была она крещена: звали ее прежде Шершавой Эльзой, а теперь стали звать прекрасной Зигминой, потому что, выйдя из воды, стала она несказанной красавицей, а шершавая кожа, покрывавшая ее, осталась в источнике.

Весело зажил Вольфдитрих с прекрасной Зигминой, так весело, что даже и не вспоминал о своих ленниках, оставшихся в лесу. Раз ночью запало ему в голову, что должен он биться с Ортнитом, отважным воином, и сказал он жене своей, Зигмине:

— Дорогая жена моя, если любишь меня, то помоги мне в моем предприятии: хочу я сразиться с отважным Ортнитом.

— Но что же он сделал тебе, дорогой муж мой, и за что хочешь ты напасть на него?

— Я скажу тебе это, жена моя. Когда был я еще мальчиком, задумал он меня победить. Послал он тогда в землю отца моего двенадцать своих графов, наказав им потребовать от меня, чтобы я навсегда обязался платить ему дань со всех своих замков и земель. Я же велел ему ответить: когда я вырасту и сам стану взрослым человеком, я сам явлюсь к нему в Гарду, чтобы отнять у него его землю. Теперь я взрослый человек и хочу ехать к нему в Гарду отвоевывать у него его наследство. Если же удастся мне победить его, то я останусь его другом и товарищем. Вот в этом-то деле и должна ты помочь мне.

— Я так люблю тебя, — отвечала ему Зигмина, — что готова помочь тебе в этом деле и сделаю все, чтобы помешать императору Ортниту убить тебя.

Тогда приказала она снарядить ему великолепный корабль, разукрашенный перьями грифов, и велела взять на этот корабль его шелковую сорочку с семьюдесятью двумя складками, в которых были скрыты мощи святого Панкратья. Эта сорочка не раз спасала ему жизнь.

Неустрасимые воины подняли паруса и радостно пустились в путь по морским волнам. Достигнув берега, Вольфдитрих направился к Гарде и там под липою сошел с коня. На этой липе сидели птицы и пели. Никогда еще

не испытывал он такого наслаждения, как теперь, слушая эти звуки. Сначала пел соловей, а за ним и все другие птицы, каждая по-своему. Вольфдитрих с наслаждением слушал их, пока наконец не заснул под их пение.

В это время император Ортнит взойшел на зубчатую стену своего замка. Стоял он на стене со своею женой, прекрасной Либгардой, и сказала ему Либгарда:

— Видишь ли ты там, государь, этого отважного воина? Никогда еще не видала я, чтобы кто-нибудь решился так самовольно улежся здесь.

— Знай же, что я заставлю его заплатить за это жизнью! — воскликнул Ортнит. — Он разъезжает тут, точно вся земля здесь принадлежит ему. Много задору скрыто в его сердце.

Тут приказал он поскорее принести ему его броню и вооружился. Взяв большое древко от копья, пошел он к липе, под которою лежал Вольфдитрих, и ударил его им в грудь. В гневе вскочил Вольфдитрих на ноги.

— Если бы обладал ты благородной душой, то разбудил бы меня иначе. Твой вызов груб, и поступок твой не благороден! — воскликнул он.

— Тебе это не пройдет даром, и я вызываю тебя на бой, — сказал Ортнит. — Ты разъезжаешь здесь с таким видом, точно вся земля принадлежит уже тебе, а между тем до сих пор мне удалось защитить ее от посягательств многих отважных людей, да, конечно, и тебя заставлю оставить в покое мое царство.

— Ну, если ты благородный человек, то завяжи же ремни моего шлема. Я знаю, что ты так отважен, что не захочешь уклониться от битвы со мной. Много слышал я о твоей храбрости и сам приехал в эту землю, чтобы сразиться с тобой.

— Ну, хорошо, воинственный витязь, но знай, что бой этот будет для тебя не шутка.

Тут Ортнит собственноручно завязал ремни у шлема Вольфдитриха. В это время подошла к ним и благородная королева. Хотелось ей видеть, кто из них победит другого. Но витязи и не заметили ее присутствия. Схватив щиты, смело выступили они навстречу друг другу.

— Доблестный и отважный рыцарь, — заговорил император, когда они остановились, пристально наблюдая друг за другом, — скажи же мне свое имя, — тебе, конечно, нечего его стыдиться.

— То было бы трусостью, если бы я сейчас же стал хвастаться своим происхождением и раскрывать, кто был мой отец и какого я рода. Какая

тебе нужна об этом спрашивать? Ты только рассердил меня своим вопросом.

— Сдается мне, судя по твоей наружности, что ты король Вольфдитрих из дальней греческой земли. Приятно было мне слышать о тебе то, что я слышал.

— Ну, так защищайся же, Ортнит, — волк нападает на тебя!

Тут отважные воины схватились и начали битву; немало чудес совершил в ней и тот и другой. Каждый из них трижды повергал наземь своего противника. На четвертый раз Вольфдитрих тотчас же упал, но сейчас опять живо вскочил на ноги, потрясая звонким мечом.

— Защищайся, император Ортнит, — крикнул он, — не успеет еще день склониться к вечеру, как ты уже заплатишь мне за свой могучий удар.

Вольфдитрих, схватив свой меч обеими руками, неустрашимо бросился на императора и нанес ему такой удар по голове, что ошеломленный Ортнит повалился наземь и лежал без слов, ничего не видя и не слыша, а кровь потоком хлынула у него изо рта и из ушей. Видя это, императрица так и бросилась к своему супругу.

— Что сделала я тебе, господин мой, что ты причинил такой вред моему милому мужу? — говорила она Вольфдитриху. — Принеси, по крайней мере, воды, чтобы я могла напоить его!

— А где же тут вода? — спросил ее Вольфдитрих.

— Ступай вон к той липе, там недалеко от нее найдешь ты источник. Но торопись и скорей возвращайся на место боя, чтобы могла я напоить своего милого мужа. Сделай это ради меня!

— Государыня, я охотно сделаю то, о чем ты меня просишь, — отвечал ей Вольфдитрих.

Пошел Вольфдитрих в темный лес, разыскал там источник, шлемом своим почерпнул из него воды и вернулся к липе, вблизи которой нашел на

том же месте Ортнита и королеву. Взяла она у него воду и сейчас же напоила и освежила своего супруга.

Придя в себя, отважный Ортнит вежливо сказал Вольфдитриху:

— Если бы была на то твоя воля, то я охотно взял бы тебя себе в товарищи.

— Заверяю тебя честью, пока я жив, я всегда буду тебе товарищем, — отвечал ему Вольфдитрих.

Тут поклялись они друг другу в верности и с тех пор почти не расставались, пока смерть не разлучила их.

Вместе пошли они в замок, и королева встретила их там радушным приветствием.

Вольфдитрих остался в Гарде, и было ему там так хорошо, что он прожил целых полгода, ни разу не вспомнив о своей жене. Наконец сам Ортнит напомнил ему, что нехорошо делает он, покидая так надолго свою жену и свое королевство.

— Дурно поступал я, забывая так свою жену и свои земли, и теперь, конечно, пора уж мне ехать домой, — отвечал ему Вольфдитрих.

Поспешно простившись с королем Ортнитом, поехал он к берегу моря. Там нашел он жену свою, Зигмину: соскучилась она без него и поехала его разыскивать. Обрадовались они друг другу и вместе вернулись в старую Трою, к великому удовольствию всего своего двора.

Недель через шесть после возвращения своего в Трою Вольфдитрих поехал к одному большому озеру. Тут рассчитывал он поохотиться со своими собаками. Вместе с ним поехала и жена его, Зигмина, и в то время как Вольфдитрих разыскивал дичь, она оставалась в шелковой палатке, раскинутой для нее в лесу. Но вот раз Вольфдитрих, уже вволю наохотившись, вернулся было к ней отдохнуть, как вдруг увидел он пробежавшего лесом чудного зверя. Это был прекрасный олень с рогами, разукрашенными золотом; его подослал старый рыцарь Дразиан, соблазнившийся красотой королевы Зигмины.

— Не удерживай меня, моя милая, — сказал, завидя оленя, Вольфдитрих своей жене, — мне надо опять в лес на охоту.

Вместе с одним из своих охотников погнался он за оленем, оставив королеву одну в палатке. Тогда явился к ней старый рыцарь и увез ее с собою за море в свой прекрасный замок. Между тем Вольфдитрих долго и тщетно преследовал оленя и наконец, утомившись, бросил охоту и повернул назад. Уже поздно вечером вернулся он в палатку, нашел ее пустою и, нигде не находя своей жены, принялся громко жаловаться и плакать. Потом надел он платье пилигрима, взял в руки страннический

посох и отправился разыскивать свою жену. Прежде всего пошел он домой, чтобы узнать, не вернулась ли она без него или не знает ли там кто-нибудь о ее судьбе. Ничего тут не узнав, пересек он море на своем прекрасном корабле и, идя все выше и выше в горы, пришел наконец в Гарду, в прекрасный замок Ортнита. Никто не узнал его там, хотя все, конечно, были бы рады его приезду, и Вольфдитрих, не открывая, кто он, попросил у Ортнита позволения остаться в его замке.

— В этом я не откажу тебе, — сказал Ортнит и стал его расспрашивать о том, где он бывал и что видел.

— Не слыхал ли ты о человеке, которого зовут Вольфдитрихом? — спросил его наконец Ортнит.

— Много и далеко странствовал я по чужим краям, — отвечал странник, — но Вольфдитриха не знаю: я нигде не встречал его и никогда ничего о нем не слыхал.

Ортнит за руку повел его к себе и посадил с собою за стол. Молча поглядывала на него королева, да посмеивалась про себя: она сразу узнала отважного воина. Вечером, когда все легли спать, Либгарда вышла на двор замка. Пилигрим не ложился еще и прогуливался по двору. Сначала она издали наблюдала за ним, а потом подошла к нему.

— Я узнала тебя, Вольфдитрих, — сказала она ему, — почему явился ты к нам в таком виде? Не случилось ли с тобой какой-нибудь беды?

— Раз ты узнала меня, то я не скрою от тебя: большое горе постигло меня, — отвечал Вольфдитрих.

Либгарда побежала к Ортниту, разбудила его и сообщила ему радостную весть, что странник был не кто иной, как сам Вольфдитрих. Обрадовался император; поспешно оделся он и вышел на двор замка, чтобы достойно принять друга.

— Зачем не открыл ты мне своего имени? — говорил Вольфдитриху император. — Тебе нет позора в том, что я не узнал тебя. Поведай же мне теперь свое горе.

Тогда Вольфдитрих рассказал ему о похищении его жены и о том, как он уже целых полгода тщетно ищет ее повсюду.

— Если суждено мне еще долго вести такую жизнь, то я предпочел бы умереть, — добавил он.

— Я помогу тебе в твоей беде, — сказал ему император.

Доблестные витязи стали собираться в путь. Но тут Либгарда принялась громко жаловаться и плакать и проклинать тот день и час, когда увидела Вольфдитриха, — из-за него Ортнит готов был покинуть ее одну.

— Не беспокойся и не хлопочи из-за меня, — говорил Ортниту Вольфдитрих, — я один пойду разыскивать свою жену; отпусти же меня, друг мой Ортнит, и да хранит тебя здесь Господь!

— Нет, я поеду вместе с тобой, — отвечал ему Ортнит, — я помогу тебе найти твою жену, или же никто уж никогда не увидит меня веселым здесь, в Гарде.

Итак, пешком пустились они в путь и шли лесом и широкими полями, терпя нужду в питье и пище. На четвертый день к рассвету пришли они к домику одного лесничего; лесничий принял их приветливо и радушно.

— Вы не причинили мне никакой неприятности здесь, в лесу, — сказал он им, — а потому если пожелаете вы отдохнуть у меня, то я охотно приму вас и угощу чем могу, — хлебом, вином, курами и жареной дичью.

— Мы охотно отдохнем у тебя, — отвечал ему император Ортнит, — ты давно уже служишь мне верой и правдой, и за это должен я наградить тебя. Но теперь нам самим нужна твоя помощь.

Услыхав такой ответ, лесничий поспешил подать им все, что было у него в доме. Когда гости насытились, лесничий уговорил их лечь спать, и Ортнит скоро крепко заснул. Вольфдитрих же притворился только, будто собирается спать; выждав время, он встал и пошел к лесничему.

— Я теперь уйду, — сказал он ему, — а ты, смотри, не говори моему спутнику, куда я пошел, как бы он ни расспрашивал тебя: пусть отважный рыцарь вернется домой к своей жене.

Простившись с лесничим, пошел он узенькой тропинкой, которая привела его в густой еловый лес. Целых семь дней шел он лесом без питья и еды, питаясь лишь листьями да кореньями, которые находил он в лесу, да зеленой травой. Наконец начал он уже сильно уставать, и, подойдя к высокой скале, вблизи которой под липою бил ключ, он напился воды, подкрепился оказавшимися тут вкусными питательными кореньями и заснул.

Скала была очень высокая, с широкой плоской вершиной; на ней высился крепкий замок. Это был тот самый замок, где жила в плену у рыцаря Дразиана королева Зигмина. Случилось так, что как раз в это время подошла она к окну и сквозь чащу леса увидала странника, заснувшего около источника.

— Господин мой, — сказала она подошедшему к ней Дразиану, — если хочешь ты оказать мне милость, то прикажи позвать в замок вон того странника.

Дразиан сам пошел за Вольфдитрихом и разбудил его.

— Если хочешь воспользоваться удобным приютом, то я могу принять и накормить тебя, — сказал он ему.

— Мне это так необходимо, — отвечал Вольфдитрих, — что я готов вечно служить тому, кто даст мне вина и хлеба.

— Ну, так пойдем со мной, — сказал ему старый Дразиан.

Старый рыцарь повел его в замок и усадил у ярко пылавшего огня. Поместившись тут, гость поспешил внимательно оглядеться (он поступал так по привычке), увидел прекрасную занавесь и вдруг обрадовался: эта занавесь была похищена из его палатки в одно время с его женой. «Наконец-то достиг я цели!» — подумал он.

Вольфдитрих вскочил с своего места и стал рассматривать занавесь.

— Лучше бы тебе отдыхать у огня, чем осматривать комнату, — сказал ему старый Дразиан.

— Часто случается видеть много необыкновенного; так бывало и со мной, — возразил Вольфдитрих. — За время странствий моих по чужим землям пришлось мне видеть и слышать много нового и необычайного, о чем и не слыхивали еще в этой стране.

С этими словами Вольфдитрих снова уселся у огня и принялся беседовать с Дразианом, рассказывая ему о том, что случилось ему видеть на своем пути. Между тем в душе он чувствовал сильное нетерпение и едва мог дожждаться ужина.

Наконец стали громко сзывать всех к ужину, и в замке появилось множество карликов; вслед за ними вошла королева. Она ласково приветствовала Вольфдитриха, наклонив в знак приветствия голову, и приказала поместить странника за столом напротив себя. Когда же все уселись, она стала пристально разглядывать его и наконец спросила:

— Скажи мне, странник, далеко ли ты странствовал и не слыхал ли ты о человеке, которого зовут Вольфдитрихом ?

— Я нигде не встречал его, госпожа, — отвечал странник, — и мне трудно сказать тебе о нем что-нибудь верное, но слыхал я, что недавно в старой Трое один молодой король обвенчался с одной прекрасной знатной девушкой.

При этих словах королева заплакала, — глаза ее покраснели, и слезы ручьями потекли по ее лицу.

— Что ты сделал? — воскликнул старый Дразиан. — Ты огорчил королеву и за это должен заплатить своею жизнью!

— Нет, господин, — вступилась королева, — то было бы с твоей стороны вероломством. Я же готова даже стать твоей женой, лишь бы ты оставил в покое этого странника.

— Ну, хорошо, ради тебя я готов помиловать его, — отвечал Дразиан. Ужин кончился, и карлики разошлись.

В зале оставались только Дразиан, королева и Вольфдитрих. Видя, что и Дразиан собирается уйти и хочет увести с собою королеву, Вольфдитрих поспешно выхватил свой спрятанный в странническом посохе меч.

— Довольно уж жила она тут, — крикнул он, — теперь пора ей вернуться ко мне!

— Ну, так давай же биться из-за нее, и пусть достанется она тому из нас, кто одержит победу! — воскликнул старый Дразиан.

Вольфдитрих безмерно обрадовался такому предложению. По приказанию старого рыцаря сейчас же принесли три кольчуги.

— Я предоставляю тебе выбор, — возьми, какую хочешь, — сказал Вольфдитриху хозяин замка.

Одна из кольчуг была стара, с чересчур крупными звеньями, две же другие были совсем светлые, серебристые; но Вольфдитрих сейчас же схватил старую.

— Кто это надумил тебя? — с досадою спросил старик.

Поспешно вооружился Дразиан. Королева сама помогала Вольфдитриху вооружаться, сама завязывала ремни у его доспехов.

Наконец поединок начался. Пять раз сходились бойцы, и на шестой раз Вольфдитрих упал. Сейчас же сбежалось множество карликов с копьями и мечами, и все они бросились к Вольфдитриху, намереваясь убить его.

— Господи Боже мой, неужели ты меня покинешь? ! — воскликнула королева.

Вольфдитрих тоже обратился с молитвой к Богу и сейчас же почувствовал приток свежих сил. Быстро вскочил он на ноги, и добрый меч его зазвенел в его руке.

Высоко взмахнув им над головой, бросился он на рыцаря и нанес ему такой удар, что рассек его от плеча до пояса. Дразиан повалился наземь и тут же умер. Карлики перепугались, разбежались и попрятались по углам.

— Много зла причиняли мне эти карлики, — сказала королева.

— Они должны теперь искупить это, — отвечал Вольфдитрих и вслед за тем сам своей рукою поджег замок.

Когда замок сгорел и вместе с ним и карлики, Вольфдитрих с женою пустились в путь. Они повернули в еловый лес и пошли по узенькой тропинке и через пять дней пришли к тому самому лесничему, у которого ночевал Вольфдитрих. Но Ортнита тут уже не было. Расспросив лесничего, каким путем он пошел, Вольфдитрих и королева пошли в ту же сторону, надеясь нагнать его, и действительно скоро увидели Ортнита.

— Здравствуй, товарищ, — издали закричал ему Вольфдитрих, — я рад тебя видеть! Мне же удалось как нельзя лучше довести до конца свое дело. Мне жаль только, что ты все-таки разыскивал меня. Но скажи мне, отчего ты так почернел?

— Знай же, друг мой Вольфдитрих, — отвечал Ортнит, — что прежде чем нарушить данную тебе клятву, я чуть было сам не погиб. У подножия одной скалы встретил я огромного великана и долго бился с ним изо всех сил. Не раз нападал он на меня со своим каменным жезлом, но Господь Бог помог мне одержать над ним победу.

В этой высокой скале была пещера, которая была битком набита карликами и разным недобрым людом. Они жгли серу, вар и смолу. От этого-то дыму и стал Ортнит так мерен. Великан этот служил одному рыцарю, по имени Дразиан; ему же принадлежала и скала со всеми ее обитателями.

После этого отважные воины вернулись в Гарду и еще издали увидели на зубчатой стене королеву Либгарду. Здесь с нетерпением ждала она их уже много дней и сильно обрадовалась, увидев их на дороге. Целых

четырнадцать дней прогостил Вольфдитрих с Зигминой у Ортнита и наконец стал просить его отпустить их домой. Ортнит сначала не соглашался, но Вольфдитрих стоял на своем.

— Подумай только, — говорил он Ортниту, — долго ли пробыл ты в отсутствии, а уж и за это время накопилось немало беспорядков в твоём царстве. Каково же должно быть теперь в моём королевстве, где я не бывал вот уже почти год?

Делать нечего, Ортнит внял его словам и скрепя сердце отпустил его домой.

Переплыв море, Вольфдитрих и Зигмина прибыли наконец в старую Трою, где все встречали их с большою радостью. Но недолго пришлось Вольфдитриху наслаждаться миром и отдыхом: прекрасная королева Зигмина прожила с ним еще всего лишь полгода и по воле Божией умерла.

III

Вольфдитрих горько оплакивал свою жену и наконец на ее могиле возложил на себя крест и отправился ко Гробу Господню.

В море он был застигнут бурей, и ветром отнесло его корабль к какому-то незнакомому берегу. Так как буря не прекращалась, то Вольфдитрих вышел на берег, чтобы собраться с силами и отдохнуть; когда он вернулся на судно, то обнаружил, что корабельщик исчез, так что он был вынужден продолжать путь один. На корабле оставался только мальчик, правда, постигший уже искусство управлять парусами, но еще слишком слабый, чтобы одному справляться с ними, а потому Вольфдитрих сам помогал ему и в то же время учился у него.

Так в течение нескольких дней продолжали они свой путь вдвоем, как вдруг заметил их разбойничий сарацинский корабль и напал на них, осыпая их градом стрел и копий. Видя, что оборона невозможна, Вольфдитрих бросился в море, подплыл к неприятельскому кораблю, вскарабкался на него и в короткое время перебил всех, бывших на корабле, за исключением лишь одного сарацина, давшего ему обещание креститься. Сарацина этого звали Гере, а при крещении он получил имя Вернер и с тех пор всегда был самым верным спутником и боевым товарищем Вольфдитриха. Они продолжали путь свой уже втроем и высадились в Акконе, намереваясь пешком идти ко Гробу Господню. Но не успели они еще выйти из города, как их нагнали приютившие их немецкие монахи, прося их помочь им защититься от нападения, которым угрожал их ордену один могущественный сарацинский султан. И действительно, султан этот вскоре

напал на монастырь, но Вольфдитрих и монахи дали ему такой отпор, что он поспешил уйти и никогда уж больше не нападал на святую братию.

Паломники снова пустились в путь и благополучно шли целых семь дней, не встречая на своем пути никакого препятствия, как вдруг, уже под самым Иерусалимом, натолкнулись они на большое войско нехристей; от него отделился небольшой отряд и поскакал им навстречу. Вольфдитрих сейчас же ринулся в бой, но в то время как он сражался, один из нехристей убил за его спиною мальчика, с которым он не расставался с той поры, как ступил на корабль. Увидев это, Вольфдитрих в страшном гневе с такою яростью устремился на врагов, что перебил их всех до последнего, а вместе с ними и предводителя их Дельфиана.

Когда весть об этом распространилась, поднялись целые тысячи нехристей, чтобы отомстить Вольфдитриху, — убитый Дельфиан был родной племянник короля их, Мерциана. Но и такому войску стоило немало труда сладить с Вольфдитрихом и товарищем его, Вернером, и только после долгой и упорной битвы удалось им убить Вернера и взять в плен самого Вольфдитриха.

Связанного, привели они его к своему королю, и тот, встретив его грубой бранью, обещал вскоре его повесить. Но в то время как король на радостях пировал вместе с предводителями своего войска, один из сарацин, сам отважный воин, сжалился над пленным христианским витязем, которого, казалось, ждала такая бесславная смерть. Подошел он к Вольфдитриху и стал расспрашивать его, откуда он родом.

— Ну, скажи же мне, славный витязь, спасешься ли ты, если я дам тебе коня и оружие и выведу отсюда в открытое поле? — спросил наконец сарацин.

— Да, я, конечно, тогда спасусь, — отвечал Вольфдитрих.

Тогда сарацин привел ему коня, развязал ремни и, дав ему в руки оружие, вывел его на открытое место. Очутившись на свободе, Вольфдитрих поскакал во весь опор к Иерусалиму.

Случилось, что как раз в то самое время на зубчатой иерусалимской стене прогуливался один христианин. Взглянув в поле, увидел он всадника, а за ним сарацинское войско. По платью он признал во всаднике христианина и поспешил назад в крепость, где было в это время до тысячи христианских воинов. Сейчас же вооружились пятьсот человек и вышли из крепости в поле. При виде их Мерциан приказал трубить в свой военный рог, и язычники стали готовиться к бою. Скоро завязалась горячая битва. Много было тут разбитых щитов и мечей, много погибло сарацинских воинов. Вольфдитрих носился взад и вперед по полю битвы, нанося удары

направо и налево. Сам Мерциан едва успел бежать всего лишь с пятнадцатью своими воинами. Христиане тоже потеряли до двухсот человек. После битвы они вместе с Вольфдитрихом похоронили убитых.

Наконец достиг он Гроба Господня. Пробыв здесь недолгое время, собрался он в обратный путь. Напрасно упрашивали его жившие в Иерусалиме христиане остаться там для их защиты, — Вольфдитрих не согласился; еще раз помолился он у Гроба Господня и, распрощавшись со всеми, рано утром после обедни вышел из Иерусалима.

Долго пришлось ему странствовать, и много встретил он на пути своем разных приключений, но наконец добрался до земель, принадлежавших некогда его отцу. Тут дошла до него весть, что ленники его, оставленные им в Константинополе, — герцог Берхтунг с сыновьями — по приказанию братьев его, королей Бауге и Ваксмута, были посажены в темницу и терпели нужду и горе. Сильно огорчился Вольфдитрих, но не решился идти один в Константинополь, чтобы попытаться освободить их, — ведь не удалось же ему справиться с Бауге и Ваксмутом даже тогда, когда было у него много надежных помощников и большое войско. И решился Вольфдитрих отправиться прежде к королю Ортниту, чтобы попросить его помощи. Добыв корабль, отплыл он в Сицилию, а оттуда собрался ехать в лангобардскую землю. Но прежде чем выехать, пришлось ему испытать немало бед.

Едва успел он въехать в глубь острова, как уже пришлось ему биться с могучим великаном Вольдемаром, давно уже державшим в страхе и ужасе всех жителей этой местности. Однако Вольфдитриху удалось — таки убить его. Когда весть о том дошла до ближайшего города, принадлежавшего королю Марсильяну, король послал множество своих рыцарей, чтобы с почетом и честью проводить к его двору неожиданного избавителя. Но Вольфдитрих, еще издали завидев направлявшихся к нему всадников и приняв их сначала за врагов, стремительно напал на них. Убедившись же в своей ошибке, он с радостью согласился последовать за рыцарями в город. Король Марсильян со своею женою и дочерью приняли его радушно и ласково, и благодаря их заботам и попечениям Вольфдитрих мог наконец отдохнуть от своих тяжелых и опасных паломнических скитаний и морских странствий. Но, несмотря на все их просьбы, он не согласился долго гостить у них и скоро снова пустился в путь.

Через несколько дней пришел он в Тервис, где властитель той земли, король Вернер, давал великолепный пир в честь дочери своей Амии. Как раз в это время все бывшие при дворе гости были заняты игрой: принцесса повесила на древко копья кольцо, и тот, кто на всем скаку поддел бы его

своим копьем, должен был получить от нее в награду поцелуй. Вольфдитрих попросил у Вернера позволения принять участие в игре и, получив его, первый снял кольцо. За это рассердился на него граф Герман Тосканский и, зная, что у Вольфдитриха не было при себе ничего ценного, в насмешку вызвал его на состязание с условием, что побежденный уплатит победителю тысячу марок золотом. Вольфдитрих же, с своей стороны, вызвал было его на нешуточный поединок, на котором побежденный рисковал поплатиться жизнью. Видя, что дело принимает серьезный оборот, и опасаясь за жизнь графа Тосканского, король сам вступился в это дело и убедил Вольфдитриха принять вызов графа, с тем что дочь его, принцесса Амия, сама будет поручительницей за Вольфдитриха и, в случае проигрыша, сама выплатит за него тысячу марок. Когда же наступил день поединка, Амия сверх того взяла с графа клятву в том, что он ни в коем случае не позволит никому из своих людей прийти к нему на помощь. Недолго продолжался поединок, и скоро граф Герман лежал на земле, повергнутый могучею рукою Вольфдитриха. Видя это, люди графа, несмотря на его клятву, толпою напали на Вольфдитриха; но Вольфдитрих, положив копье поперек седла, стал так стремительно носиться среди нападавших, что многие из них, задетые копьем, попадали на землю; наконец сам король вступился в дело и водворил мир.

Вскоре после поединка Вольфдитрих собрался в дальнейший путь. Но тут прекрасная Амия, успевшая полюбить отважного воина, стала просить своего отца выдать ее за него замуж. Не очень-то было это по душе королю Вернеру, но, уступая просьбам дочери, пошел он к незнакомому рыцарю и, не зная даже его имени, предложил ему жениться на принцессе, обещая передать ему после своей смерти своих слуг и все свои земли. Но неведомый рыцарь, к удивлению его, отказался от его предложения.

— Покинул я в Греции одиннадцать верных моих ленников в большой беде и опасности, — сказал ему Вольфдитрих, — и если удастся мне освободить их, я вернусь с ними сюда, и тогда пусть дочь твоя, если пожелает, выберет себе в мужья любого из них: все они благородные графы и вполне достойны ее руки.

После этого Вольфдитрих уехал и вскоре прибыл в землю лангобардов. В то время было там пятнадцать разбойников, грабивших на дорогах людей; они жили в лесу и причиняли много вреда всем жителям этой местности. Отважный витязь Вольфдитрих поехал в этот лес один и выдержал там отчаянную борьбу. Говорят, что, завидя его, разбойники стали переговариваться:

— Вот подъезжает к нам рыцарь, — знайте, что панцирь его должен достаться мне, — сказал один.

— Что бы ни думал он о своей силе, он должен будет уступить мне своего коня, — сказал другой.

— Мне отдаст он свой шлем, — сказал третий.

— А я удовольствуюсь и мечом, — добавил четвертый.

Так заранее поделили они между собой все, что было при нем. Заметив их, витязь поскакал в лес вне себя от гнева, напал на разбойников и стал наносить им глубокие раны. Могучей рукою разбивал он на них крепкие шлемы и троих из них мертвыми поверг на землю. Не могли стерпеть этого разбойники, и все сразу стремительно напали на Вольфдитриха, и вышибли его из седла. Но Вольфдитрих вскочил на ноги и пеший продолжал борьбу. Плохо же пришлось тут тем, кто подворачивался ему под руку: все они поплатились своею жизнью.

Так кончилась отчаянная битва. Отважный Вольфдитрих одержал в ней верх.

— Ну вот, теперь все вы получили поровну, — сказал он с насмешкой и поехал прочь.

Вольфдитрих ехал своим путем-дорогою, никого ни о чем не расспрашивая, и никто ничего ему не рассказывал, но все люди, которых встречал он на дороге, казалось, были чем-то опечалены. Ничего не знал он о судьбе Ортнита, а между тем Ортнита не было уже в живых: он погиб в борьбе с одним из свирепых драконов, поселившихся в его владениях.

Раз рано утром выехал Вольфдитрих на узенькую тропинку, которая привела его в большой еловый лес, и был этот лес так част, что нигде не было видно ни полянки, ни просвета. На дворе стояла темная ночь, и Вольфдитрих издали слышал, как шумело и кипело озеро Гарда. До него доносилось постукивание сторожей и громкий плач и горестные жалобы королевы. Вольфдитрих поспешил туда, не дожидаясь рассвета. Сойдя с коня, под уздцы повел он его лесом и, приблизившись к замку, привязал, а сам взобрался на замковую стену. Оттуда услышал он ясно, что это плакала и жаловалась какая-то дама. Горько жаловалась она, и скорбь ее, видимо, была велика.

— Здесь, в Гарде, навсегда лишена я теперь всякой отрады, — говорила она. — Царь небесный, за что разлучил ты меня с моим мужем? Среди больших трудов и опасностей добыл он меня в земле нехристей, и все родные мои теперь чуждаются меня. Я была язычница, он же христианин, и я ради него сама пожелала креститься, а теперь я должна была потерять его!

— Умерь свой плач и свои жалобы, славная королева, — заговорил наконец с крепостной стены Вольфдитрих.

Стыдно стало благородной королеве, и она уже хотела было уйти к себе, но Вольфдитрих стал просить ее остаться.

— Скажи мне, о ком ты так горюешь и кто тот отважный воин, которого ты так оплакиваешь? — говорил Вольфдитрих.

Смутилась королева: пришла ей мысль, что сам ее повелитель, любимый муж ее Ортнит, вернулся и спрашивает так лишь для того, чтобы испытать ее.

— Ты ли это, господин мой? — воскликнула она. — Что сделала я, бедная, чтобы ты так испытывал меня? Откройся же скорее и избавь меня от скорби, великий император Ортнит! Здесь повседневно приходится мне терпеть такое горе, что скоро смерть покажется мне слаще жизни. Дело дошло до того, что один из слуг Ортнита требует меня себе в жены!

— Я не господин твой, а несчастный изгнанник, лишившийся своих земель и слуг и всего отцовского наследия. Видишь ли, тебе, госпожа, доверил я свое великое горе, но все же твое горе кажется мне больше моего. Скажи же мне, как это все случилось?

— Все здесь говорят, что господин мой умер. Я же знаю, что отсюда проводила я его хорошо вооруженного — собирался он сразиться с страшным драконом, и с тех пор я его не видела.

— Заехал я сюда, ища приключений, — отвечал ей Вольфдитрих, — понятны мне теперь твои жалобы и стоны, и я готов отомстить дракону за гибель твоего господина. Не могу я оставаться глух к твоим слезам.

— Не советую тебе браться за это, — отвечала королева, — супруг мой, император Ортнит, обладал силою двенадцати мужчин, и все-таки дракон унес его в свою пещеру. Остайся лучше тут, чтобы не пришлось мне оплакивать двоих.

— Этого не будет, королева, — сказал Вольфдитрих, — я поеду в лес и убью дракона или же сам погибну!

С этими словами Вольфдитрих отвязал коня и вскочил в седло, даже не продевая ноги в стремя. Со слезами смотрела на него королева Либгарда.

— Горе мне! — говорила она. — Это так похоже на моего господина!

Вольфдитрих же, поклонившись королеве, поспешно повернул назад в лес. Долго ехал Вольфдитрих берегом Эчи в горы по крутой дороге и наконец наткнулся на убитого человека и умирающую женщину. Вольфдитрих сошел с коня и подошел к женщине, надеясь помочь ей. От нее он узнал, что убитый был граф, ее супруг, и что убит он внезапно

напавшим на них драконом. Помочь женщине было уже нельзя, и она скоро умерла.

Вольфдитрих, исполнив христианский долг и похоронив их обоих, поехал дальше, все более и более углубляясь в горы, и приехал наконец на то место, где, как говорили, Ортнит заснул на пути и во время сна был застигнут драконом. Вольфдитрих тоже сильно устал и тоже решился прилечь тут, чтобы отдохнуть. Вскоре в лесу показался дракон. Верный конь Вольфдитриха, сорвавшись с привязи, пытался было разбудить своего господина, но, видя, что усилия его тщетны, сам бросился навстречу чудовищу, ударами копыт прогнал его назад в лес и сам погнался за ним.

Проснувшись, Вольфдитрих не нашел коня на том месте, где его оставил, и пошел осматривать местность. Наткнувшись на гигантские следы, отпечатавшиеся на песке, он пошел по ним в лес и вскоре набрел на своего коня, забрызганного кровью. Тут понял он, какой опасности он подвергался во время сна. Продолжая идти по следам, добрался он до пещеры дракона. Но самого дракона там не было, — он успел уже снова выйти на охоту; в пещере же были только его птенцы, и Вольфдитрих решил не трогать их, пока не убьет старого дракона. Но потом пришлось ему в том раскаяться.

Проехав еще немного, услышал он в лесной чаще такой шум и топот, какого никогда еще не приходилось ему слышать ни в одной битве; оказалось, что там происходила борьба дракона со львом: дракон напал на льва и хотел его растерзать. Вольфдитрих живо соскочил с коня и поспешил напасть на дракона, но после недолгой битвы меч его разлетелся в куски при ударе о твердый хребет чудовища; дракон же успел захватить обоих своих противников — льва пастью, а Вольфдитриха хвостом, и потащил их к себе домой, чтобы отдать на растерзание своим птенцам.

Птенцы сейчас же сожрали льва, но оказались не в силах укунуть одетого в доспехи человека, и принялись играть им, подбрасывая его туда—сюда, пока у него нехватило дух и он не лишился сознания.

Но вот наступил вечер и положил предел этой игре. Старый дракон заснул вместе со своими птенцами, и Вольфдитрих понемногу пришел в себя. Поднявшись на ноги, стал он обшаривать пещеру, служившую логовом драконам, и нашел наконец меч, в рукоятке которого светился крупный драгоценный камень. Это был меч «Роза» и принадлежал он Ортниту; тут же неподалеку лежали и останки самого Ортнита, заключенные в хорошо знакомую Вольфдитриху броню.

Как только утро засерело на небе, Вольфдитрих принялся рубить найденным мечом детенышей дракона и перебил их всех полусонных; но старый дракон проснулся—таки от шума, и Вольфдитриху опять пришлось вступить с ним в ожесточенную схватку.

Нелегко далась ему победа, но все же в конце концов он убил и старого дракона.

Покончив с чудовищем, Вольфдитрих отрезал языки у убитых драконов, похоронил тело Ортнита, а сам надел его вооружение и кольцо, бывшее у него на пальце.

Сев на своего верного коня, Вольфдитрих снова пустился в путь. Но скоро он потерял дорогу и долго блуждал среди диких и неприступных гор, пока не подъехал наконец к высокому замку. Это был замок Фалькениц; он принадлежал жестокому язычнику — королю Белиану. У Белиана была дочь Марпали, девушка необычайной красоты. Множество славных витязей приезжало к королю Белиану — привлекала их молва о красоте его дочери, но король Белиан всех их убивал и головы убитых выставлял на стенах своего замка. В то время как Вольфдитрих подъехал к замку, над стенами его насчитывалось до пятисот отсеченных голов, некогда принадлежавших славным витязям. Но Вольфдитрих так устал и проголодался, что тем не менее въехал во двор замка.

Король Белиан с дочерью видели, как въезжал он во двор, и оба вышли к нему навстречу и приняли его радушно и ласково. Молодая девушка усадила Вольфдитриха и стала с ним беседовать. Никогда еще ни один язычник и ни один христианин не нравился ей так, как Вольфдитрих.

— Скажи мне, славный витязь, как тебя зовут? — спросила она.

— Я — король Пильгерин из Трои, — отвечал ей Вольфдитрих.

Обрадовалась девушка, услышав это имя.

— Ну, значит, мне нечего тревожиться, — сказала она. — А я опасалась, уж не Вольфдитрих ли ты из Константинополя; отцу моему, Белиану, предсказано, что Вольфдитрих победит его в игре в метание ножей.

Король Белиан пригласил Вольфдитриха за свой стол, велел подать ему вина и еды.

— А завтра, — сказал он, — мы посмотрим, кто из нас искуснее в метании ножей.

Дочь Белиана пожалела прекрасного витязя и, желая спасти его, упростила отца не заставляя его состязаться с ним, если витязь согласится сегодня же стать ее мужем, и когда король Белиан, по обычаю своему, перед отходом ко сну подал гостю последний кубок, она сама опрокинула кубок и пролила вино, прежде чем Вольфдитрих успел прикоснуться к нему: то было чудодейственное питье, при помощи которого Белиан лишал своих противников силы и ловкости.

Но Вольфдитрих был христианин и не мог решиться жениться на язычнице, а потому ему все-таки пришлось состязаться в игре с королем.

На другой день утром язычники очертили на дворе круг и принесли две низенькие скамейки и шесть ножей. Каждый из соперников получил по скамейке и по три ножа.

— На беду твою Бог твой привел тебя сюда, — сказал язычник Вольфдитриху.

Бойцы разошлись по своим местам. Вольфдитрих не надеялся уже сохранить свою жизнь.

— Царь небесный, помоги мне уйти отсюда живым, — молился он. — Ты один только можешь меня спасти!

Белиан взял в руку первый нож.

— На этот раз береги свое темя! — сказал он, со злобою метнув нож в витязя, и срезал ему два завитка волос как раз на самой маковке.

— А теперь береги свои ноги, — сказал Белиан, беря другой нож.

Вольфдитрих подскочил на месте, и нож, пролетев между его ног, вонзился глубоко в землю.

— Кто научил тебя этому прыжку? — воскликнул Белиан. — Так прыгать умел на свете один только герцог Берхтунг. Уж не Вольфдитрих ли ты? Если так, то скажи прямо, и я сделаю тебя господином над моими замками, землями и людьми: Берхтунг был моим товарищем в течение целых тридцати двух лет, и ради него я готов даровать тебе жизнь.

— Никогда не знал я герцога Берхтунга, — спокойно отвечал ему неустрашимый витязь.

— Неужели Магомет покинет меня? — воскликнул Белиан. — Никогда еще не бывало со мною, чтобы я промахнулся два раза кряду.

— Берегись же, я намечу теперь прямо в сердце, — продолжал он, взяв третий нож.

Но он промахнулся и по третьему разу: Вольфдитрих и тут сумел уклониться от удара.

— Ну, теперь мой черед, — сказал Вольфдитрих, — берегись же! Первым ножом попаду я тебе или в правый глаз, или в левую ногу.

— Горе мне! — воскликнул язычник. — Как мне укрыться от такого удара? Помоги же мне, Магомет!

Вольфдитрих бросил первый нож. Сам смотрел он ему в глаз, а целил в ногу и прорезал ее насквозь.

— Вот видишь, я не дал промаха, — смеясь сказал он Белиану. — Как думаешь, кто научил меня этому?

— Теперь я вижу, что ты, должно быть, какой-нибудь знаменитый князь, — почтительно отвечал ему Белиан.

— Зовут меня Вольфдитрихом, и я твой враг.

— Как? Ты тот самый греческий король Вольфдитрих, которому суждено лишить меня жизни?! Пощади же и не убивай меня! — молился Белиан, — Я уступлю тебе все свое царство и отдам в жены свою дочь.

— Не нужно мне ни твоего царства, ни твоей дочери, — отвечал Вольфдитрих. — Сегодня должен ты заплатить мне за гибель стольких славных рыцарей. Тут дело идет о твоей жизни! Береги же на этот раз свое темя!

Вольфдитрих взял второй нож, злобно метнул его в язычника и пробил ему щит и темя.

Белиан закричал так громко, что вопль его отозвался во всем замке. Он громко призывал на помощь Магомета и укорял свою дочь, пролившую питье.

— Берегись, теперь намечу я тебе прямо в сердце! — сказал Вольфдитрих, берясь за третий нож.

И на этот раз не дал он промаха: прямо в сердце попал он язычнику. Белиан свалился со скамьи и тут же умер.

Победив таким образом Белиана, Вольфдитрих вскочил на коня, намереваясь как можно скорее уехать из этого места, но оказалось, что перед замком, где накануне еще простирался прекрасный луг, теперь бурлило глубокое озеро: это превращение совершила своими чарами дочь Белиана, Марпали.

«Ну, уж если суждено мне погибнуть здесь жертвой коварства и хитрости этой злой женщины, то пусть же и она умрет вместе со мною», — подумал Вольфдитрих и, вернувшись в замок, схватил девушку, несмотря на все ее сопротивление, и поехал с нею прямо к озеру. На этот раз оказалось, что через озеро был перекинут мост; Вольфдитрих поехал по этому мосту, но когда доехал он до середины, то мост сломался и обрушился и впереди и позади него, уцелели одни только сваи, поддерживавшие его коня. Пораженный неожиданностью, Вольфдитрих и не заметил, как выпустил из рук дочь Белиана; она же, вырвавшись на волю, превратилась в сороку и, как бы дразня его, полетела через озеро.

Тогда Вольфдитрих, вонзив шпоры в бока своего коня, принудил его спуститься прямо в пенящиеся волны, и, к удивлению его, воды, вместо того чтобы поглотить его, стали опускаться под ним все ниже и ниже, пока наконец не открылся на месте озера опять прекрасный зеленый луг, по которому рыцарь беспрепятственно направился в обратный путь.

После долгого и утомительного странствия Вольфдитрих вернулся в землю лангобардов и застал там общую радость и веселье: люди рассказывали друг другу, что нашелся славный рыцарь, который отплатил за смерть Ортнита и убил дракона. Но вскоре, к удивлению Вольфдитриха, дошла до него и другая весть: рыцарь, убивший дракона, находился будто бы в Гарде и в эту минуту праздновал свою свадьбу с Либгардой, так как она поклялась, узнав о смерти Ортнита, что выйдет замуж за того, кто отомстит за него, и обещала передать своему супругу корону и власть над всем государством.

Заторопился Вольфдитрих, услышав такие вести, и скакал во весь опор, пока поздно вечером не приехал в Гарду. Остановившись перед замком, оставил он своего усталого коня во рву, окружавшем стены, а сам прошел в ворота, несмотря на сопротивление слуг, не хотевших допустить в замок такого запыленного, неведомого им путника. В замке, как странник, потребовал он себе питья, и королева выслала ему свой собственный кубок, наполненный вином. Выпив вино, Вольфдитрих отослал кубок обратно королеве, опустив на дно его кольцо Ортнита.

В замке действительно праздновали свадьбу, и посреди нарядных гостей сидела королева Либгарда, а рядом с нею один знатный граф, бывший прежде слугою Ортнита и в котором теперь народ признал победителя дракона, потому что он привез в Гарду голову убитого чудовища. Увидев, что королева, взглянув на дно кубка, залилась слезами, граф было вскочил, чтобы наказать дерзкого, осмелившегося нарушить свадебное веселье, но Вольфдитрих сам стоял уже в дверях зала и громко крикнул:

— Ты ли это тот рыцарь, что убил дракона и в награду за подвиг должен получить руку королевы? Чем можешь ты это доказать?

Граф в гневе отвечал, что не намерен разговаривать с бродягами и ворами; но тут встала с своего места королева и громко возвестила, что незнакомец вернул ей кольцо Ортнита, а сам носит все его вооружение, и что сделать это мог только победитель дракона. Тогда граф приказал принести и показать всем головы драконов, но при виде их Вольфдитрих воскликнул:

— Смотрите сюда все, рыцари и дамы! Конечно, он победитель, потому что у него в руках головы драконов! Да только вот в чем чудо: все головы без языков, а этого с драконами еще не бывало. Или ты, может быть, где-нибудь бросил языки?

Граф не знал, что отвечать ему на такие речи, а Вольфдитрих продолжал громовым голосом:

— Ты — обманщик! Вот языки драконов: я сам вырезал их, когда после ужасной битвы убил чудовищ в их пещере и отомстил за смерть Ортнита. Ты же нашел лишь в лесу их безжизненные тела!

С этими словами он снял шлем, и королева радостно воскликнула:

— Вольфдитрих, неужели ты мой избавитель?

Граф же при виде его узнал в нем своего победителя в Тервисе и поспешил скрыться из замка.

После этого в замке весело и радостно отпраздновали свадьбу Вольфдитриха с королевой Либгардою.

Но недолго жил Вольфдитрих со своею женою, радуясь своему новому царству: скоро стал он грустить и задумываться, и никто не знал причины его печали. Наконец раз ночью, когда в замке все спали, королева Либгарда стала настойчиво расспрашивать его о причине его грусти, и он признался ей, что сильно печалила его судьба его одиннадцати ленников, покинутых им в Константинополе. Засмеялась королева Либгарда.

— Чтобы утешить тебя, я могу дать тебе вместо них одиннадцать тысяч самых лучших воинов, — сказала она.

Но Вольфдитрих не переставал горевать и жаловаться, и наконец она согласилась, хотя и неохотно, снарядить для него большое войско из своих лангобардов и предоставить ему идти с ним на Константинополь.

Поспешно окончив приготовления, войско село на корабли и после непродолжительного плавания благополучно высадилось на берег недалеко от Константинополя. Там Вольфдитрих привел в порядок свои войска и, поставив во главе их опытных предводителей, приказал им скрываться вблизи города, ожидая его зова. Сам же он накинул поверх кольчуги серое платье пилигримов и в таком виде поехал в город.

Поздно вечером подъехал он к крепостному рву и притаился под крепостною стеною. Недолго пролежал он тут, как услышал уже плач и горестные жалобы своих ленников. Все они громко жаловались на свою судьбу и призывали святую Деву себе на помощь.

— Перестаньте плакать и жаловаться все вместе на свою судьбу, — сказал потом старший из них, Гербранд, — будем лучше молить Господа, чтобы он смиловался над верным Вольфдитрихом.

— Вы, постоянно кружащиеся по крепостной стене, — заговорил Вольфдитрих из рва, — я слышу ваши горькие жалобы. Что дадите вы в награду тому, кто покажет вам Вольфдитриха целым и невредимым?

— Нет у нас никакого имущества, — отвечали они, — мы можем только плакаться на свою судьбу. Большую нужду терпим мы тут и молим Бога, чтобы Он всем нам послал скорее смерть. Много могли бы мы порассказать тебе о наших страданиях: мы закованы в цепи попарно и нам дают всего лишь по полхлеба на двоих да по глотку воды, и этим должны мы довольствоваться весь день.

— Слушайте же вы, странники по крепостной стене, — продолжал Вольфдитрих, — один пилигрим просит у вас четверть хлеба ради спасения самой близкой вам души, за которую обязаны вы раздавать милостыню.

— Если бы предложили мне поднять из гроба отца моего и мать, — отвечал ему Гербранд, — я и то не согласился бы отдать за это четверть хлеба. Только ради одной души решимся мы на это — ради души господина нашего, верного Вольфдитриха.

С этими словами они бросили ему со стены четверть хлеба и снова все вместе принялись жаловаться святой Деве на свою злую долю и на смерть своего отца, герцога Берхтунга, погибшего в темнице.

— Порадуйтесь же, странники по крепостной стене, — снова заговорил Вольфдитрих из своего рва, — радуйтесь, отважные витязи: скоро явится к вам верный Вольфдитрих!

— Ах, если бы дал Господь, чтобы был он жив и здоров, — отвечали узники, — то мы охотно согласились бы жить хотя бы на дне преисподней. Но его нет уже в живых, оттого-то и терпим мы такую муку!

— Радуйтесь же, странники по крепостной стене, — заговорил опять Вольфдитрих, — радуйтесь, славные витязи! Я сам — верный Вольфдитрих!

— Слава Господу нашему Иисусу Христу за то, что позволил он нам вновь увидеть своего господина, — воскликнули узники, все разом воздев руки к небу, и с этими словами они с такою поспешностью спрыгнули со стены в ров, что разорвались цепи, сковывавшие их по рукам.

Однако в городе успели уже все это заметить, и люди повсюду стали уже рассказывать, что вернулся Вольфдитрих. Доложили о том и братьям Вольфдитриха, Бауге и Ваксмуту, и не порадовались они этой вести. Приказали они своим воинам вооружиться и напали на стоявших под стеною одиннадцать витязей, из которых один только носил оружие. Но остальные десятеро не теряли времени даром: как только кто-нибудь из нападавших падал под ударами Вольфдитриха, один из безоружных надевал его доспехи и брал себе его оружие. Таким образом, у Вольфдитриха скоро оказалось десять надежных и хорошо вооруженных товарищей. Тем не менее, видя перед собою бесчисленную толпу врагов, Вольфдитрих приставил ко рту свой рог и принялся трубить с такой силой, что звуки его рога далеко разносились по горам и лесам. Услыхали его лангобарды и поспешили на помощь королю. Пospешили к нему на помощь и многие из жителей города, признавшие в нем своего законного государя, и скоро Вольфдитрих одержал полную победу над своими братьями.

Бауге и Вакмут были взяты в плен. Сыновья Берхтунга требовали немедленной их казни, но Вольфдитрих не согласился: он хотел живыми привезти их в Гарду и там уже казнить. Однако по возвращении его домой королева Либгарда встретила его братьев ласково и приветливо, точно самых близких и дорогих гостей. Видя это, Вольфдитрих рассердился.

— Тебе следовало бы так встретить моих верных ленников, а ведь это мои враги! — сказал он.

— Твои враги? — возразила королева. — Для меня они прежде всего твои братья и, следовательно, самые близкие мои родные, которых надлежит мне приветствовать первыми. После них я встречу столь же горячим приветом и твоих ленников.

Речь эта образумила Вольфдитриха, да и вражда сыновей Берхтунга к пленным королям успела тем временем остыть, и они тоже стали просить

Вольфдитриха помиловать бывших их притеснителей.

Вскоре по возвращении своем домой, в Гарду, Вольфдитрих в первый раз устроил при дворе своем великий пир и пригласил на него всех, кто когда-либо оказал ему помощь и содействие или выказал к нему доброе расположение. Между приглашенными был Вернер, владетель замка Тервис, со своею дочерью Амиею.

В Тервисе с удивлением узнали, что некогда гостивший там странствующий рыцарь оказался знаменитым греческим рыцарем и могущественным государем, и, получив приглашение, Вернер с дочерью поспешно снарядились в путь. По прибытии их в Гарду прекрасная Амия так понравилась Гербранду, старшему сыну Берхтунга, что он просил ее руки и вскоре женился на ней. Вольфдитрих дал им во владение замок Гарду, пограничный с вернеровской маркой. Через год родился у них сын, Хильдебранд, о котором впоследствии ходило много рассказов по всему свету.

Вольфдитрих щедро наградил землями и остальных сыновей своего воспитателя. По окончании празднеств и пиршеств все гости его, радостные и довольные, разъехались по домам.

Несколько лет Вольфдитрих жил счастливо и спокойно с любимою своею женою Либгардою; были у него дочь Сидрат и сын, которого он по деду назвал Хугдитрихом и отдал на воспитание Гербранду. У Гербранда, кроме Хильдебранда, было еще два сына, Нере и Эльзан, и красавица дочь Маргарита, родоначальница Вюльфингов.

Когда Хугдитриху исполнилось двенадцать лет, мать его умерла, и Вольфдитрих был так огорчен потерей любимой жены, что передал свою власть и царство сыну своему, Хугдитриху, а сам удалился в уединенный монастырь, стоявший на границе христианства и язычества, чтобы там в тишине и молитве ожидать конца своей жизни. Но вскоре один сарацинский король начал с христианами войну и стал притеснять монастырскую братию. Один из воинов этого сарацина, явившись в монастырь послом с объявлением войны, был поражен видом одного из монахов и, возвратившись к своему королю, так описал его, что все испугались; а когда он назвал его имя — Вольфдитрих, у нехристей пропала всякая охота продолжать войну. Но дело было сделано и отступить было поздно, а потому сарацины, сознавая опасность, стали отовсюду набирать себе новые войска.

Вольфдитрих, видя, что одному ему с монастырскою братиею не справиться с таким несметным врагом, дал знать о том в Гарду, и сын его Хугдитрих пришел к нему на помощь с огромным войском; вместе с ним

привели свои войска и сыновья Берхтунга и даже внук его, молодой Хильдебранд, тут в первый раз участвовал в походе.

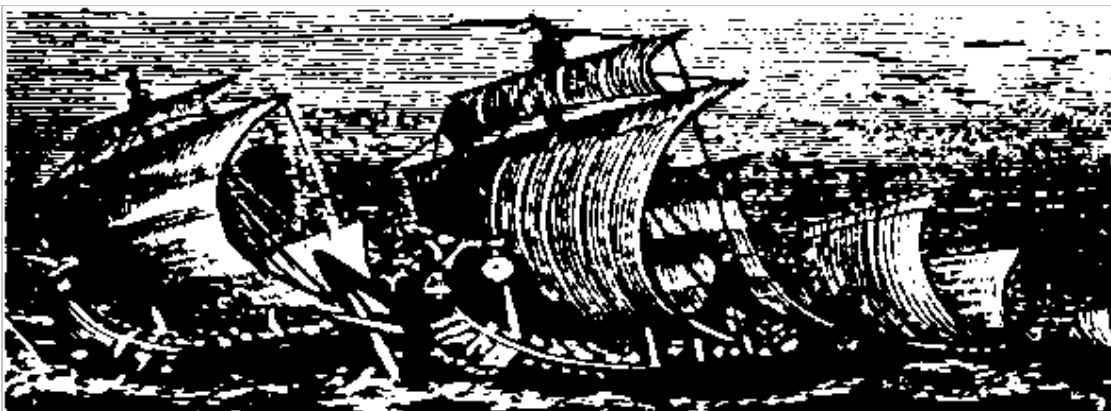
Когда же после блистательной победы все союзники Вольфдитриха вернулись домой, сам Вольфдитрих, чувствуя, что приближается его конец, пошел к настоятелю монастыря и просил его наложить на него какую-нибудь тяжелую епитимью во искупление его грехов и пролития крови. Набожный аббат приказал ему провести ночь в соборе, лежа на погребальных носилках, и не вставать с них, что бы с ним ни случилось. Вольфдитрих охотно согласился, и монахи поставили для него в монастыре погребальные носилки. С наступлением ночи привели они Вольфдитриха в собор, уложили на носилки и оставили одного.

И много же пришлось ему претерпеть в эту ночь! Все люди, когда-то убитые им, все, кому причинил он какое-либо зло, явились к нему, чтобы биться с ним; со всеми ними должен был он сражаться, не вставая с носилок, и борьба эта была тем ужаснее, что врагам его уже нечего было бояться смерти. За эту ночь волосы его стали белы как снег.

Сам дьявол приходил искушать его в эту ночь: он являлся ему в образе его самых близких друзей и родных и даже в образе любимой жены его, Либгарды, и искушение было так сильно, что Вольфдитрих чуть было не поднялся с носилок, но Господь сохранил его.

В эту же ночь Вольфдитрих умер, и Господь принял его душу. Перед смертью он пожертвовал большие земли монастырю, в котором провел остаток жизни, и ангелы перенесли к Богу его очищенную от греха душу.

Из сказаний о Дитрихе Бернском
Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон

БЕГСТВО ДИТРИХА

Если хотите вы послушать рассказа о чем-нибудь чудесном, то я могу сообщить вам великую новость. Не сердитесь на меня, если расскажу я вам правду об одном благородном, славном короле — звали его Дитвартом. Вся римская земля признавала его своим государем и служила ему всеми своими силами. Много доблестных витязей служило ему ради великой славы, какою пользовался он в своем царстве. Во всех далеких и близких землях славился он своею храбростью и отвагой, и в его собственной земле царствовали мир и согласие.

Так жил Дитварт целых тридцать лет, пока не достиг наконец вполне зрелого возраста. В то время в земле его нравы были очень строги и чисты, и юноши не приучались с ранних лет проводить время с женщинами или ухаживать за дамами, как это в моде теперь, в наше время. Оттого-то и люди в то время были добродетельнее и лучше, а вместе с тем и жилось им веселее.

Достигнув зрелого возраста, Дитварт приказал посвятить себя в рыцари вместе со многими другими молодыми людьми, а потом, приняв на себя управление своим царством, собрал он на совет своих ближайших и самых верных советников и сказал им:

— Вы видите, что достиг я уже зрелого возраста и пора мне теперь жениться; посоветуйте же, которую из молодых девушек выбрать мне себе в жены?

Долго молчали советники; наконец один из них заговорил:

— Вполне одобряем мы твоё намерение, но где найдем мы достойную тебя невесту?

— Все царства объездил я, — заговорил другой, — и много видал я добродетельных и прекрасных женщин, но ни одна из них не может сравняться в красоте и добродетели с дочерью короля Ладинера. Родина ее — страна Вестенмер, а зовут ее Минне. Дай Бог, чтобы удалось тебе добыть ее себе в жены, и я не думаю, чтобы кто-нибудь из твоих советников мог указать тебе более достойную невесту.

Все остальные советники подтвердили его слова, и Дитварт, выбрав благородных и знатных послов, послал их своими сватами в землю короля Ладинера.

Одного из послов его звали Штархер, второго — Арнольд, третьего — Эревин, а четвертого — Бальдевин. Дитварт щедро снабдил их всем нужным для дальнего пути и дал им крепкий корабль и надежных корабельщиков. С плачем проводили послов их друзья и родственники, да и сам король сильно тревожился за их участь и пролил немало слез, прощаясь с ними, и долго провожал взглядом их корабль.

Послы же благополучно плыли себе да плыли, пока наконец, на одиннадцатый день, не прибыли они в страну Вестенмер. Перед ними возвышался замок Ладинера, Валданис, и корабельщики при входе в гавань начали понемногу убирать паруса. Увидали их из замка рыцари и дамы и выбежали на зубчатые крепостные стены, чтобы взглянуть на них.

— Хотелось бы мне узнать, что это за люди, — сказал король Ладинер, — послы ли это чьи-нибудь или же просто купцы?

Между тем послы вошли в гавань. Корабельщики бросили якорь, и гости высадились на берег. Усевшись на побережье, приказали они выгружать из корабля все привезенное ими добро — роскошные бархатные одежды и лучшие шелка из далекой языческой страны. Много было у них запасено всяких хороших вещей. Нарядившись вместе со своими спутниками в дорогие красивые одежды, верхом на прекрасных конях поехали они в замок. В это время солнце готовилось уже спуститься на покой. Хозяева замка и их свита поспешили выбежать к воротам, чтобы достойно принять таких знатных гостей. Сбежались навстречу гостям и горожане, которым не терпелось разузнать в чем дело.

Послов привели к королю и, получив от него разрешение изложить цель их приезда, Эревин сказал:

— Король римского царства шлет тебе свой поклон и просит тебя отдать ему в жены твою дочь.

— Я не прочь выдать за него свою дочь, — отвечал король Ладинер. — Но если хочет он получить ее себе в жены, то пусть приедет сам и сам посватается к ней. Я буду ждать его к себе будущим летом. Да скажите ему

еще, что у меня всего только двое детей: эта дочь да сын; они наследуют после меня мое царство и все мое достояние.

С таким-то ответом, угостив послов и оделив их дарами, король Ладинер отпустил их в обратный путь.

Едва успели они, прибыв на родину, войти в гавань, как уже со всех концов стал сбегаться к ним народ, горя любопытством и торопясь узнать, какие новости привезли они с собой. Но послы, едва лишь передохнув, сели на коней и поспешили в Рим, где в то время находился король, с нетерпением ожидавший их возвращения.

— Государь, — еще издали крикнул, увидев его, Эревин, — ты можешь порадоваться: все идет хорошо и согласно твоим желаниям. Король Вестенмера шлет тебе свой поклон и приглашает тебя приехать к нему, если тебе угодно, чтобы дочь его стала твоей супругой.

Дитварт приказал сейчас же оснастить корабли и стал готовить себе блестящую свиту. С наступлением лучшего времени года — мая месяца — пустились они по морю в путь и надеялись скоро достичь берега. Но не то было суждено им судьбой, и прежде чем кончилось их странствие, многие из них должны были лишиться жизни.

Не успели они пробыть и восьми дней в пути, как поднялась страшная буря; ветром отнесло их, несмотря на все их усилия, далеко в сторону и прибило к одному острову. Король приказал бросить якорь и убрать паруса. Путники сейчас же вышли на берег. Случилось так, что как раз в это время пробегал тем местом ужасный дракон, извергавший при дыхании пламя. Голос его гулом отзывался на берегу.

— Если сам Господь не придет к нам на помощь, — мы погибли! — сказал король своим спутникам.

Сейчас же приказал он достать с корабля щиты и оружие и приготовился сразиться с чудовищем. Тем не менее слышали мы, что первый, выступивший против него рыцарь, Тибальд добрый, погиб, спаленный пламенем, извергнутым на него драконом.

Тем временем успел подготовиться к битве и сам король с сорока своими воинами. Все они по очереди стали нападать на чудовище, но, поверьте, целых тридцать человек погибли один за другим. Видя такую беду, король кликнул к себе на помощь всех своих людей, и сбежались они с луками и стрелами, с мечами и копьями и принялись нападать на чудовище — кто с чем был и кто как мог. Дракон защищался отчаянно, и даже самому королю пришлось было совсем плохо. Однако, видя грозящую беду, пришел он в такой гнев, что сам себя не помнил от ярости. Схватив копье, бросился он к чудовищу и нанес ему глубокую рану. Дракон заревел

и стал извергать из своей пасти на короля смрад и пламя, и огонь был так силен, что даже панцирь на короле воспламенился. Король не потерял присутствия духа: стремглав побежал он к морю и погрузился в морские волны. Охладившись немного, он выскочил на берег и снова напал на дракона. Долго продолжалась между ними ожесточенная борьба, — то тот, казалось, одолевал, то другой, но кончилось дело все-таки тем, что Дитварт нанес чудовищу такой удар, что оно с воем побежало назад в лес и скоро мертвое упало на землю. Но и король, обессилев от битвы, упал и долго лежал без сознания; в таком виде слуги перенесли его на корабль, не надеясь уже на его жизнь.

Однако, когда после трехдневного пути завидели они замок Валданис, Дитварт так обрадовался, что радость вернула ему силы и он вскочил на ноги как ни в чем не бывало.

Тут все обошлось благополучно: король Ладинер выдал за Дитварта свою дочь, и народ радостно приветствовал новобрачных по приезде их в римское царство. Долго и счастливо жили они, но из детей их остался в живых один лишь сын, Зигегер, наследовавший царство после своего отца, когда тот умер от старости.

Зигегер женился на Амельгарде, дочери короля Нормандии. У них было двое детей; дочь их звали Зиглиндой; она вышла замуж за Зигмунда Нидерландского и была матерью могучего Зигфрида, которого убил Хаген; у Зигфрида был сын Ортнит; о нем рассказывают много чудесного. Он женился на дочери одного языческого короля, и этот злой язычник послал в его землю свирепых драконов, которые там все опустошили и наконец лишили жизни и самого короля. Оставшаяся после него вдова обещала свою руку тому, кто отомстит драконам за гибель ее мужа. Это сделал Вольфдитрих, могучий греческий витязь, и королева сдержала свое слово и вышла за него замуж. У них родился сын Хутдитрих, он женился на Зигмине Французской. После его смерти владения его перешли к сыну его, Амелунгу.

У Амелунга было три сына, сильно отличавшиеся друг от друга характером: двое из них, Дитгер и Дитмар, были славные и доблестные витязи, третий же сын был исполнен злобы и коварства. Это был вероломный Эрменрих, и на свете не бывало человека хуже его.

Умирая, Амелунг поровну разделил свои владения между своими тремя сыновьями, но, к несчастью, добрые сыновья его умерли вскоре после него и остался в живых один только вероломный Эрменрих.

Дитгер завещал свои владения двум своим сыновьям, молодым Гарлунгам, которых воспитывал верный и преданный им Экегард. Но едва

успел умереть их отец, как коварный Эрменрих, захватив в плен молодых принцев, приказал их повесить. Так поступил он по совету двух злобных товарищей своих, Сибех и Рибштейна; по их же советам и наущениям совершил он немало и других дурных дел.

Дитмар, умирая, передал свои владения сыновьям своим, Дитриху и Дитгеру. Дитгер был еще совсем дитя, но Дитрих под руководством старого воспитателя своего, витязя Хильдебранда, успел уже превратиться в сильного и прекрасного юношу, искусно владевшего оружием. Берн^[14] был главным городом в его земле.

Раз Сибех сказал своему господину:

— Теперь принадлежат тебе и земли Гарлунгов, но ты не можешь быть спокоен за свои владения, пока жив могучий Дитрих Бернский, и ты постоянно должен опасаться, как бы он не вздумал вдруг явиться к тебе сюда с большим войском.

— Благодарю тебя за совет, — отвечал ему король, — но было бы еще лучше, если бы ты сказал мне, каким образом удастся мне захватить его в свои руки, потому что с ним не так легко сладить, как с Гарлунгами.

— Государь, — заговорил тогда Сибех, — пошли в Берн посла, и пусть он скажет твоему племяннику, что ты раскаиваешься в гибели молодых Гарлунгов и отправляешься в Святую землю, чтобы поклониться Гробу Господню и замолить там свой грех, и просишь Дитриха охранять твои владения во время твоего отсутствия. Поверь, он сейчас же придет к тебе. А если бы он не приехал, собери войско и постарайся захватить его в его собственной земле.

Подивился король такому хитрому плану, но решил последовать ему и послал за графом Рандольтом из Анконы, чтобы отправить его послом в Берн. Когда приехал граф, Сибех открыл ему свой коварный план, наказав сохранять все услышанное в величайшей тайне. Граф молча выслушал его, но в душе затаил иное.

Так покинул он двор Эрменриха и поехал в Равенну, где находились преданные слуги Дитриха, Сабен и Фридрих. Предупредив их обо всем, посоветовал он им поскорее вооружиться и быть наготове, чтобы отразить нападение Эрменриха. Затем посол пустился в дальнейший путь и не останавливался ни на один день, пока не приехал в город Берн. Тут он сейчас же явился ко двору Дитриха прямо в его зал. В это время собралось около молодого короля много рыцарей и дам. Обрадовался Дитрих, увидев посла.

— Благослови тебя Бог, Рандольт, я поистине всегда рад тебя видеть, — приветствовал его витязь Хильдебранд. — Поведай нам, принес ли ты

нам какие—нибудь вести, или же вообще скажи, как ты поживаешь!

— Я явился к вам с вестями, — отвечал Рандольт.

Тогда приказали выйти вон из зала всем, кроме самых близких и доверенных людей, и Рандольт повел такую речь:

— Просит тебя дядя твой, Эрменрих, приехать к нему, как только тебе будет можно, и никак не откладывать поездки дальше, чем на утро. Теперь же скажу я тебе без утайки: когда бы и как бы ты туда ни приехал, ты потеряешь там и свое достояние, и жизнь. Лучше совсем отказаться тебе от этой поездки, чем обрести в ней смерть. То было бы безутешное горе для всех твоих людей. Оставайся здесь, сын Дитмара! Я сказал тебе всю правду без утайки. Кликни же клич по всей своей земле и собери побольше воинов в своих крепостях, — ты ведь знаешь теперь, что тебя ожидает предательство и измена. Да сохранит тебя Господь! Я же, с твоего милостивого разрешения, поеду домой в свою землю, и, поверь мне, на меня ты смело можешь положиться: ради тебя готов я пожертвовать своими воинами, достоянием, женой и даже собственной жизнью.

Посол уехал и, не останавливаясь на пути, приехал прямо к Эрменриху и сейчас же доложил ему то, о чем в Берне не было и помину.

— Государь, — сказал он, — я передал Дитриху твои слова, и теперь поступай, как тебе будет угодно. Отныне вы — чужие друг другу: он не приедет.

Великая беда и горе постигли тут Дитриха, и вероломство было их причиной. Это было первое горе, которое познал он прежде, чем успел достичь полной возмужалости. Эрменрих предлагал свое золото каждому витязю и щедро осыпал дарами тех, кто соглашался служить ему за плату. Так собрал он большое войско и сейчас же пошел с ним туда, где наверняка ждала его слава, — в герцогство Сполето. Много вреда причинил он тут. В марке Анкона опустошил он земли, разорил людей и приказал все спалить пожаром. Недолго оставался он и тут и пошел дальше, повсюду неся с собою грабежи и пожары. Никому не было пощады, ни знатным, ни малым, ни богатым, ни бедным, ни врагам, ни купцам, ни другим заезжим людям: всем приходилось туго от измены Эрменриха племяннику своему, Дитриху. Но Эрменрих о том и не думал и продолжал разорять огнем и мечом одну землю за другою. Так, не зная стыда, захватил он все римское царство, распрос—транив пожары до самого Милана, и не задумываясь избивал мужчин и женщин. Со временем Господь наказал его за это, но тогда повсюду стояли вопли и плач, и только и шли толки об этой обиде и угнетении. Но король Дитрих ничего еще не слышал о бедствиях, постигавших его людей.

Но вот в Равенне герцог Сабен узнал, что Эрменрих с войском стоит перед городом Миланом. К сожалению, было эта правда и никто не спасся от его руки. Говорят, Эрменрих дал клятву, что он не остановится на своем пути, пока не возьмет Берна.

Дитрих узнал обо всем от Фолькнанта, которого поспешил послать к нему с вестями герцог Сабен. Сначала Хильдебранд не хотел и верить, что Эрменрих успел собрать такое большое войско, но Фолькнант утверждал, что при нем было до восьмидесяти тысяч воинов, и умолял его и Дитриха поскорее сзывать к себе на помощь друзей.

— Не надо только торопиться и действовать опрометчиво, — отвечал Хильдебранд. — Тогда мы соберем такую силу, что Эрменриху придется плохо.

В то время как они так совещались, пришла весть, что к Берну подходило какое-то чужое войско. Дитрих думал уже, что то были враги, и приказал готовиться к защите города, но тут во двор его замка въехало двое всем хорошо известных рыцарей: то были Хельмшарт и могучий Вольфгарт. Приехали они с вестью, что могучее войско, подходившее к городу, состояло из надежных и преданных Дитриху друзей; они собрались к нему на помощь, как только узнали о вероломстве Эрменриха.

Тем временем прибывшие воины вошли в город и были там радушно приняты. Но не пришлось им долго отдыхать: враги были уже близко.

Дитрих объявил, что он намерен выйти со своим войском из города и напасть на Эрменриха, и при этой вести во всем городе поднялся плач и сетования: то матери и жены оплакивали своих сыновей и мужей, отправлявшихся на битву и, может быть, на верную смерть. Наконец сам король Дитрих вышел к толпившемуся народу и сказал: «Если есть здесь хоть кто-нибудь, кого я обидел или кому я причинил зло, то пусть они простят меня за то ради Господа Бога; не знаю, придется ли еще нам с вами свидеться». При этих словах плач и сетования только усилились, и все воскликнули как один: «Да сохранит тебя Господь! Ты никогда не причинял нам никакого зла!»

Стояла глухая ночь, когда Дитрих со своими воинами слышали вдали глухой шум от подходившего неприятельского войска. Хильдебранд посоветовал выслать дозорных, чтобы разведать, как велики неприятельские силы. Дитрих послал самого старика Хильдебранда и с ним Фолькнанта, Эревина и Хельмшарта; но не рады были они тому, что увидели.

— Государь, — сказали они, возвратясь к Дитриху, — враги чересчур многочисленны, и тебе их не одолеть. Вернись в город и придумай что—

нибудь другое.

— О возвращении не может быть и речи, — воскликнул пылкий Вольфгарт. — Мы должны сами напасть на них, витязи, хотя бы их было там до шестидесяти против одного из нас!

Дитрих же молча взял в руки знамя.

Воины тронулись, и в то время как они продвигались вперед, к Дитриху тихонько подъехал рыцарь; это был Гунольт. Он прокрался в лагерь Эрменриха и привез оттуда отрадное известие: все воины спали там глубоким сном. Дитрих решил сейчас же дать битву; воины пришпорили коней и с обнаженными мечами и военным кличем Дитриха бросились вперед.

Всполошились люди Эрменриха, заслышав возгласы и топот коней.

— К оружию! На коня! — кричали они спросонок.

Но почти никто из них не успел приготовиться к обороне, когда воины Дитриха ворвались в их лагерь. Не потерялся Ринольд Миланский: с горсткой своих воинов отважно встретил он Вольфгарта. Но это была последняя его битва: Вольфгарт ударом меча рассек ему шлем и череп. Вслед за Ринольдом встретил Вольфгарта Хейме со своими рыцарями, но и для них стычка оказалась столь же неудачной, и они потеряли многих воинов.

После этой последней и неудачной попытки Эрменрих бежал с поля битвы, покрытого телами его воинов. Воины же Дитриха захватили много пленных и в том числе даже сына самого Эрменриха, Фридриха.

Радостно встретили Дитриха в Берне, когда вернулся он туда после победы. Но сам король был печален: он знал, что не хватит у него сокровищ, чтобы наградить помогавших ему воинов так щедро, как он обещал. И знал он также, что если он теперь не сдержит своего слова, то впредь уже никто из них не придет к нему на помощь. Но Хильдебранд утешил его.

— Государь, — сказал он ему, — если твоего золота не хватит тебе, то возьми у меня, сколько пожелаешь.

— Возьми и у меня, — сказал Бертрам фон Пола, — у меня, в моем городе, накоплено много золота и драгоценностей, и я прикажу доставить их сюда.

Так помогли они ему в нужде. Дитрих отобрал и вооружил достаточное число надежных воинов, чтобы охранять на пути золото и драгоценности, так как дороги были еще далеко не безопасны. Сам Хильдебранд должен был везти сокровище, а с ним Вольфгарт и Дитлейб из Штейера и сам Бертрам из Пола.

Но тут-то и постигла их настоящая беда. Да будет проклята эта поездка! В глубокую печаль повергла она всю римскую землю и стала причиной безутешных слез и горьких жалоб. Из-за нее Дитрих Бернский утратил свою честь и лишился своих земель и имущества.

Эрменрих узнал-таки о том, что славные рыцари поехали за сокровищами. Тайно призвал он к себе пятьсот лучших своих воинов и стал с ними совещаться.

— Выезжайте вперед на дорогу, — сказал им Эрменрих, — и засядьте там в засаде. Когда же завидите вы воинов Дитриха, немедленно нападите на них и захватите сокровище. Захватите в плен и самих витязей и приведите их сюда.

Витязи пустились в путь, и во главе их стал Витеге. День и ночь поспешно ехали они, пока не прибыли в Полу, где и отняли сокровища.

Как рассказывает нам книга, сам дьявол приготовил для них место для засады около города. Тут спрятались они так ловко, что их никто и не приметил.

В это время послы Дитриха взяли золото, чтобы везти его в Берн через Истрию, и, навьючив коней, сейчас же покинули город и пустились в обратный путь. Без забот и хлопот ехали они три дня и на четвертое утро, как сказывали мне, подошли они к крепости Мунтигель. Здесь хотели они отдохнуть после утомительного пути и приказали развьючить коней.

Ниоткуда не ждали они никакой беды и решились развести в поле большой костер.

Но тут-то и начинается история. Не успели они снять вьюков с коней, как вдруг появились их враги, точно сам дьявол подослал их как раз в эту минуту.

Что толку в запоздалых сожалениях и слезах? Бернские воины, отложив в сторону оружие, расположились на лугу, и в это время внезапно напали на них воины Эрменриха и принялись избивать их. Много полегло их тут на месте; те же, что остались в живых, были взяты в плен. Один только Дитлейб из Штейера успел бежать и принес Дитриху известие о гибели его воинов.

Пленных отвели в Мантую к Эрменриху, и Эрменрих сказал им:

— Пришел вам конец: я прикажу всех вас повесить.

— Подумай прежде о том, сколько твоих воинов находится в руках Дитриха и между ними сын твой, Фридрих, — отвечал ему Хильдебранд.

— Об этом я мало забочусь! — воскликнул король. — Лишь бы удалось мне хорошенько отплатить вам за мой позор, когда благодаря вам пришлось мне тайком покинуть поле битвы.

— Ну, поступай как хочешь, — сказал Хильдебранд, — но, во всяком случае, можешь же ты настолько отсрочить нашу казнь, чтобы успели мы дать знать о нашей беде Дитриху в Берн; я уверен, что он предложит тебе за нас большой выкуп.

Заманчивой показалась такая мысль алчному Эрменриху, и подумал он, что, может быть, удастся ему без труда выкупить у Дитриха наследие его отца.

— Хорошо, — сказал он Хильдебранду, — если отдаст он мне добровольно Берн и Равенну да еще Рим, Полу, Милан и все, что он имеет, то, может быть, я и отпущу вас на свободу; иначе же никто из вас не уйдет отсюда живым.

Тем временем приехал к Эрменриху посол от Дитриха. Это был Дитлейб, успевший бежать от воинов Эрменриха. Дитрих поручил ему спросить у Эрменриха, какой выкуп согласится он взять за пленных бернских воинов.

Не успел еще он прийти в себя от удивления, выслушав непомерные требования Эрменриха, как вдруг выступил вперед один старый, грозный воин Эрменриха, Вате, и сказал:

— Итак, ты тот самый Дитлейб, о котором рассказывают столько чудес? Хотелось бы мне помериться с тобою силою в битве!

— Что же? Если хочешь, то хоть сейчас! — воскликнул Дитлейб.

Но на этот раз не удалось им сразиться и пришлось отложить битву до будущего времени: Эрменрих торопил посла и сейчас же отправил его в обратный путь в Берн.

С грустью выслушал Дитрих, какие непомерные требования предъявил ему его дядя; казалось, он предпочел бы смерть такому позору. Бывшие при нем воины тоже советовали ему предоставить пленных бернских витязей их судьбе: лучше пожертвовать частью воинов, чем погубить всю страну. Но не решился Дитрих последовать их совету.

— Если бы принадлежали мне все земли на свете, — говорил он, — я и то скорее согласился бы лишиться их, чем покинуть в нужде верных моих воинов. Кто из вас согласен быть послом моим к Эрменриху и возвестить ему мою волю? Я согласен отпустить на волю всех захваченных нами пленных и отдать ему все свои земли, лишь бы он вернул мне моих верных воинов.

Послом к Эрменриху пошел Юбарт из Латерана.

Безмерно обрадовался Эрменрих, получив от Дитриха такой ответ, и еще более возликовал он, встретив своих воинов, отпущенных Дитрихом на волю, и с ними сына своего Фридриха.

Уверившись, что Дитрих не станет уж ему противостоять, Эрменрих пошел на Берн, все разоряя и сжигая на своем пути. С горем слушал Дитрих рассказы о жестокостях Эрменриха, но никто не мог придумать никакого способа, чтобы избавиться от этой беды. Тем временем бернские витязи снаряжались к отъезду: никто из них не хотел покинуть своего короля, и все они решились лучше сопровождать его на чужбину, чем оставаться дома и смотреть на горе и бедствия, постигшие их земли. Но Дитрих все-таки еще раз попытался умиловить своего алчного дядю: он сам вышел к нему навстречу, упал ему в ноги и умолял его оставить ему хотя бы только родной его город Берн. Но Эрменрих остался глух к его мольбам.

— Скорее убирайся прочь с моих глаз! — отвечал ему Эрменрих. — Потому что, если попадешься ты мне в руки, не спасут тебя от смерти ни золото, ни серебро, и я прикажу повесить тебя на первом же дереве.

— Ну так дай мне сейчас же уехать отсюда с моими воинами! — сказал Дитрих.

— Ха, ха, — засмеялся Эрменрих, — уехать? Нет, ты уйдешь отсюда пешком, и я не мешаю последовать твоему примеру всем, кто пожелает.

Так Дитрих должен был покинуть наследство, полученное им от отца, и уйти пешком из города, в котором он вырос. Долго слышал он за собой горькие жалобы и рыдания женщин и детей, мужья и отцы которых решились сопровождать в изгнание своего короля. Но это было еще не все. Увидев, что из города уходят только мужчины, Эрменрих рассердился.

— Вон из города все, кто был предан Дитриху! Прогнать также и женщин и детей! Пусть и они уйдут пешком вслед за своим королем! — кричал он в гневе.

Увидел Дитрих женщин и детей, выходивших из города, и впереди всех Уту, жену Хильдебранда, и сказал:

— Никогда уж никто не увидит улыбки на моем лице. Об одном только молю я Бога: да дарует Он мне настолько жизни, чтобы успел я отомстить за это злодейство тому, кто в нем повинен.

Но недолго торжествовал Эрменрих. Не успели изгнанники пройти несколько миль, как встретили они толпу всадников; то были Экеварт и Амелот, возвращавшиеся из удачного похода: со своим войском напали они на врагов и взяли Гарду и теперь попали как раз вовремя, чтобы принять на свое попечение изгнанных из города женщин и детей и тем дать возможность Дитриху поскорее скрыться от Эрменриха.

Бернские воины прошли через Истрию и переправились через горы. Когда же пришли они в Гран, Дитрих вполне предался своему горю; глядя на своих истомленных товарищей (их было у него пятьдесят), он ломал руки и горестно восклицал:

— О горе нам, изгнанникам, куда денемся мы теперь? Нет у нас ни золота, ни имущества, и никто не согласится принять нас к себе!

Тщетно старый Хильдебранд пытался утешать его: горе Дитриха не знало пределов.

На ночь они нашли себе приют в доме одного купца. Проснувшись на другое утро, Хильдебранд увидел проезжавшего по дороге посла и спросил его, откуда он ехал.

— Из Этцельнбурга, — отвечал посол. — Сегодня проедет тут королева Хельха, а с нею маркграф Рюдигер.

Обрадовался старик такой вести.

Случилось так, что королеву Хельху кроме маркграфа Рюдигера сопровождали еще верный воспитатель Гарлунгов, Экегард, и Дитлейб из Штейера: оба они, спасаясь от ярости Эрменриха, бежали в землю гуннов. Дитрих хотел было спрятаться от них, но Экегард его узнал и поспешил войти вслед за ним в дом, чтобы приветствовать его. И как же обрадовался ему Дитрих и его спутники! Пока они обменивались радостными приветствиями и вопросами, вошел в дом и маркграф Рюдигер. Обменявшись и с ним приветствиями, Дитрих, среди слез и вздохов, рассказал ему свою печальную повесть о том, как он, чтобы спасти своих воинов, вынужден был покинуть свой город. Выслушав его, маркграф Рюдигер настоял на том, чтобы они позволили ему на свои средства одеть их, вооружить и снабдить конями. Потом поспешил он к королеве и рассказал ей, как могучий Дитрих утратил свои земли. Сильно огорчилась королева этой вестью и, узнав, что сам Дитрих был в ту минуту в Гране, она поспешила послать к нему маркграфа Рюдигера, приказав привести к ней его самого и его товарищей.

Так попал Дитрих в землю гуннов и много лет жил он там, снедаемый тоской и печалью. Хотя королева и принимала его радушно, а король Этцель пригласил его в свой замок и обходился с ним ласково и приветливо, но ничто не могло облегчить скорби Дитриха и вознаградить его за утраченное счастье. Наконец, чтобы утешить его, король гуннов обещал ему снарядить для него войско, чтобы с его помощью он мог наказать своего врага. Однако долго еще пришлось бы ждать, пока Этцель успел собрать такое войско.

Но вот однажды прискакал к Этцелю во двор всадник. Двенадцать дней и двенадцать ночей скакал он без отдыха, торопясь обрадовать Дитриха своею вестью. Первый увидал его Рюдигер и сейчас же узнал: был то Амелот из Гарды. Никому, кроме Дитриха, не хотел он сказать, зачем он приехал: ему первому хотел он сообщить свою новость.

— Государь, — крикнул он ему, когда Дитрих вышел к нему навстречу, — я привез тебе радостные вести: мы взяли назад Берн и еще Боцен, Иннталь и еще кое-какие земли; теперь пора тебе вернуться домой!

Тут Амелот подробно рассказал все как было.

— Случилось раз, что Эрменрих уехал из Берна, где он всегда находился. Я узнал об этом и, подняв боевое знамя Эрменриха, поехал туда со своими воинами. Никто не остановил нас у городских ворот, потому что все приняли нас за воинов Эрменриха и думали, что это он сам отослал нас

назад. Так проникли мы в город и перебили всех бывших там воинов. Теперь Альфарт со своим войском охраняет город.

Весело снарядился Дитрих в обратный путь; с ним поехало много славных витязей — не только его собственных, но также и гуннов. Нежданные, приехали они в Берн. Весть о случившемся успела тем временем дойти и до Эрменриха. Города один за другим отпадали от него и переходили на сторону их законного государя, и Эрменрих поспешно снарядил большое войско, чтобы положить этому предел. Первым из таких городов был Милан. Тут Тидас собрал вокруг себя преданных Дитриху людей и послал к нему с этою вестью витязя Фолькнанта. В то же время сообщал он ему, что Эрменрих подходил к городу, опустошая и разоряя на своем пути всю страну.

Нельзя было медлить. Немного еще воинов собралось вокруг Дитриха, но сильное войско гуннов шло уже ему на помощь, — эту весть привез ему посол от королевы Хельхи.

На другой день огромное войско подошло к городу. При виде его никто не мог решить, друзья это или же враги; но когда подошло оно ближе, бернцы с радостью узнали во главе его маркграфа Рюдигера. Это всем придало духу. Между тем из Милана опять прискакал гонец и настойчиво просил о помощи, потому что враги осадили уже город и великая беда грозила бы всем, если бы город сдался.

Снарядившись, войска сейчас же подняли знамена и двинулись к Милану; но, не доходя до города, Дитрих собрал военный совет из своих воинов и предводителей гуннов.

— Вряд ли безопасно нам встречаться с врагом в открытом бою, — сказал он, — нас для этого еще слишком мало. А потому я советую отделить отряд и послать его на разведку: надо нам постараться застигнуть неприятеля врасплох.

Все согласились с ним, и Хильдебранд с частью надежных воинов отправился вперед.

В то время как Хильдебранд со своими воинами издали разглядывал войско Эрменриха, с той стороны тоже отделились два витязя со значительным числом воинов, чтобы, в свою очередь, разведать кое-что о войске бернцев. Витязи эти были Витеге и Хейме: всегда были они рады случаю причинить вред Дитриху.

Но Хильдебранд проведал об их замыслах и поспешил вернуться назад, чтобы предупредить своего господина о грозившей ему опасности. Громадный перевес числа врагов внушил ему такие опасения, что он советовал Дитриху скорее удалиться, чтобы избежать битвы. Досадно

показалось это Вольфгарту, горячо прервал он Хильдебранда и заявил, что сам он видел один немногочисленный отряд, и тут только рассказал о Витеге и Хейме. Надо было не медля отвлечь опасность. Дитрих отделил значительную часть своих воинов, чтобы они, засев в засаде, поджидали неприятеля. Едва успели они это исполнить, как пришли уже новые вести: Альфарт, в свою очередь, ходил на разведку и высмотрел место, откуда с успехом можно было напасть на неприятеля. Туда послали второй отряд. Остальное же войско осталось на прежнем месте. Ночью началась резня. Нерадостно было пробуждение воинов Эрменриха: Хейме и Витеге не верили своим глазам, наткнувшись на более многочисленного неприятеля, но защищались, как подобало отважным воинам. Осада и битва продолжались до утра. Все поле было пропитано кровью. Обе стороны сражались с отчаянною храбростью. Повсюду слышались стоны и вздохи. Вся трава покраснела от крови убитых. Много погибло тогда славных воинов.

Немногие из воинов Эрменриха защищались так, как Штритгер из Тосканы, Туриан из Сполето и славный Хейме. Эти прославленные князья вели за собою шесть тысяч воинов, ожесточенно отстаивавших поле битвы. Много вреда причинили они Дитриху. Даже панцири были разбиты в этой битве, и пар от разгоряченных тел стлался по воздуху, точно дым над загоравшимся лесом. Недаром получали воины плату от своих господ: полегли они за них костями, служа им верой и правдой. Пусть никогда не смоеется позор с имени Эрменриха, виновника стольких бедствий.

Время клонилось уже к полудню. К Дитриху в это время подошел из Милана славный Тидас со своими двенадцатью тысячами воинов. Эрменрих вовремя увидал их и обратился в бегство. Но он бежал один: все его воины были или перебиты, или так тяжело ранены, что не могли двинуться с места. В те времена, как говорят, считали, что Эрменрих потерял тут до шестидесяти пяти тысяч человек.

Немало воинов потеряли и бернцы. Особенно же сожалели они об одном — о Дитлейбе из Штейера, которого давно уже никто не видел. Но в то время как его разыскивали, прискакал всадник и крикнул:

— Если хотите вы видеть самый упорный бой, когда-либо бывавший на свете, то поспешите спуститься в лощину: там бьется Дитлейб из Штейера с Вате, вызвавшим его на поединок, когда Дитлейб ездил послом ко двору Эрменриха!

Все поспешили в лощину и действительно застали там обоих бойцов: но никто не посмел вступить в битву: бойцы сами должны были решить этот спор к чести того или другого. Только словами лишь ободрял то

Дитрих, то Вольфгарт утомленного Дитлейба, пока наконец не нанес он своему противнику такого удара мечом, что рассек ему шлем и череп; зато же и сам он, в свою очередь, получил такой удар, от которого повалился наземь. Но Дитлейб вскоре оправился и вскочил на ноги, чтобы снова сразиться с врагом, но тот был уже мертв.

Как ни рад был Дитрих победе, но все же печалило его то, что, Эрменриху опять удалось бежать: всем было ведомо, что, пока был он жив, при своих несметных богатствах он всегда мог собрать новое войско и опять напасть на своего племянника. Но никто не знал, где он скрывался, и все старались всеми силами открыть его убежище. Наконец это им удалось: узнали, что он бежал в Равенну и уже привлек к себе кое-каких воинов и между ними своих зловерных советников, Сибех и Рибштейна. Пылая гневом, Дитрих Бернский поспешил к Равенне и окружил город. На другое утро пошел он на приступ, но воины, бывшие в городе, отчаянно защищались: Эрменрих обманул их ложной вестью, будто бы наутро должно было прийти к нему на помощь большое войско. Но ночью обманщик сам тайно бежал из Равенны в Болонью вместе со своими сообщниками.

Наутро воины Эрменриха, не видя ни обещанного войска, ни его самого, вышли к Дитриху и сдались ему. Он простил им весь вред, который они ему причинили, и вернулся в Милан, потому что Эрменрих бежал так далеко, что не было возможности его преследовать.

Новая забота удручала опять Дитриха — снова не знал он, чем заплатить жалованье верным своим воинам: не было у него ни золота, ни серебра. Но на этот раз дело скоро уладилось.

В битве с Эрменрихом Дитриху удалось захватить в плен многих знатных воинов, и не было сомнения, что Эрменрих внесет за них выкуп золотом. А потому Дитрих решил отдать каждому из своих воинов по несколько пленных: выкупные деньги должны были послужить им платою за их службу. Потом послал он к Эрменриху, предлагая ему выкупить пленных. Недолго думая, Эрменрих сейчас же выслал за них богатый выкуп. Пленников отпустили на свободу за исключением лишь одного, которого Дитрих непременно пожелать удержать. Это был Витеге, прежде много лет служивший верой и правдой самому Дитриху, но потом польстившийся на золото Эрменриха. Воины Дитриха посоветовали ему попытаться снова привлечь его на свою сторону и дать ему лен. Дитрих так и сделал и отдал ему Равенну, но прежде взял с него торжественную клятву никогда более не изменять ему. В знак своей милости Дитрих подарил ему

прекрасного коня, Шемминга. К несчастью, Дитрих не предчувствовал того, что должно было потом случиться.

Тидас остался охранять Милан, Амелот — Гарду; Берн был поручен неустрашимому Эльзану. Сам же Дитрих вернулся с войском гуннов к королю Этцелю и его супруге, чтобы поблагодарить их за помощь.

В Этцельнбурге встретили их с большою радостью, и Этцель устроил великолепные пиры и празднества в честь амелунгских воинов.

Так прошло некоторое время, и Этцель сказал Дитриху:

— Теперь ты достиг уже вполне зрелого возраста, и пора тебе выбрать себе жену, да и королевству твоему нужна королева.

— Это невозможно, — отвечал Дитрих, — земли мои, к сожалению, так опустошены и разорены, что я не в состоянии содержать двор.

— Об этом не заботься, — сказала королева Хельха, — я думаю, что тебе следует жениться на дочери моей сестры, на прекрасной Геррате, а она настолько богата, что тебе не будет нужды в иных сокровищах.

Испугался Дитрих, — не ожидал он, что умный и хитрый король гуннов вздумает таким способом привязать его к себе.

— Должен я прежде спросить совета у моих товарищей, — сказал он, немного подумав, — я поступлю так, как они мне присоветуют.

После этого разговора Дитрих пошел к своим друзьям; они сидели все вместе, и с ними был и Рюдигер. Дитрих сообщил им о желании короля.

— Подумай хорошенько, прежде чем сказать «нет», — сказал ему Рюдигер. — Без войска Этцеля тебе не удержать за собой своих земель.

То же думал и Хильдебранд, и Дитрих наконец со вздохом сказал:

— Ну, значит, надо решаться: чего нельзя избежать, того не стоит и откладывать.

На другой день Этцель задал большой пир. Когда собрались все гости, Рюдигер поднялся со своего места и подошел к королеве.

— Благородная королева, — сказал он, — король Берна просит себе в жены твою племянницу.

Обрадовалась Хельха, и Этцель сейчас же обручил Дитриха и Геррату; Хельха подарила невесте много золота и драгоценностей и еще Зибенбюрген, ее собственное отцовское наследие.

Все при дворе гуннов радовались и ликовали по поводу этого события; один только Дитрих был не в духе и рад был покинуть праздник, когда ему вдруг доложили, что приехал Экеварт по поручению Амелота из Гарды и привез ему какие-то важные вести. Но каково же было его отчаяние, когда услышал он страшную новость: Витеге сложил с себя полномочия и

передал Эрменриху Равенну, где были тогда умерщвлены все — мужчины, женщины и дети.

Глубокая печаль и тоска овладели Дитрихом при этом известии. Между тем все, бывшие на свадьбе, недоумевали и удивлялись тому, что Дитрих вдруг исчез и больше не показывается. Наконец печальные вести дошли и до Этцеля. Сначала Этцель никак не мог понять в чем дело, но когда Дитрих сам еще раз рассказал ему, как все произошло, король гуннов пришел в страшный гнев и сейчас же поклялся помогать Дитриху против кого бы то ни было.

С той минуты все словно забыли о свадьбе, и только и было речи, что об оружии да битвах. Когда общее волнение несколько улеглось, Этцель спросил, где стоял со своим войском Эрменрих и вообще было ли у него какое-нибудь войско.

— Государь, — заговорил Экеварт, — около Сполето я сам видел его войско, и, уверяю тебя, оно так велико, что я только удивляюсь, как удалось ему собрать такие силы.

— Чему же ты удивляешься? — возразил Дитрих. — Ведь недаром же завладел он сокровищами Гарлунгов и моего отца, Дитмара; обладая такими богатствами двух королей, нечего задумываться, откуда взять воинов.

— Пусть обладает он этими сокровищами, — перебил их Этцель, — на этот раз они ему не помогут. Войско, которое я вышлю против него, покажет ему его место.

После этих переговоров Этцель кликнул клич по всем своим землям. Хельха же дала Дитриху много золота и драгоценностей, чтобы ему было чем награждать своих товарищей.

— Пусть они неизменно преданы тебе, — говорила она, — но все же будет лучше, если и они получают свою награду. Пожалуй, ведь и они окажутся непокорны, если тебе нечего будет давать им.

Князьям подобает награждать верных своих воинов, потому что тому, кому нужны люди для войны, мало толку в подневольных слугах и лучше, чтобы служили ему по доброй воле. Нынче же слушаются лишь по принуждению, и князья, которые должны бы прилагать все усилия, чтобы помогать своим рыцарям, скорее стараются погубить их.

Но пора вернуться к рассказу о Дитрихе.

Еще раз витязи Дитриха простились с гуннами и поехали в Гран, где собиралось войско. Сам Этцель выехал их провожать. Из Грана войско двинулось вперед через Истрию, а Этцель вернулся назад в свой замок.

Жители Полы вместе с оставленными там Эрменрихом воинами сами вышли навстречу гуннскому войску и подчинились Дитриху, и Дитрих простил им их измену.

В Падуе засел с большими силами сын Эрменриха, Фридрих, и надеялся завлечь воинов Дитриха в неблагоприятные битвы, но им до времени было строго наказано избегать встречи с врагом. Один только Вольфгарт тайно пробрался вперед с небольшим отрядом и напал на врагов. Ему посчастливилось, и Фридрих, понеся большой урон, должен был бежать, оставив победителям значительное число пленных и между ними сына Сибех, которого Вольфгарт сейчас же приказал повесить перед городскими стенами.

Страшное зрелище открывалось перед воинами, когда шли они по опустошенной стране; в Равенне же тела женщин и детей, перебитых Эрменрихом, валялись на улицах без погребения. Дитрих приказал их похоронить и, не найдя здесь врага, двинулся дальше, потому что он слышал, что Эрменрих засел в Болонье. И тут действительно увидели они большое войско.

При виде врага войско гуннов остановилось, и Дитрих собрал военный совет. На совете Рюдигер сказал:

— Я предлагаю разделить войско пополам: одна его часть обойдет врага и станет у него с тылу, другая же часть останется здесь. Завтра же на рассвете мы смело и бодро начнем битву.

Так и сделали. Дитрих сам стал во главе той части войска, что должна была обойти врагов с тылу; начальство же над остальным войском передал он Дитлейбу из Штейера.

С дикими криками и громким ревом рогов бернские воины ворвались в ряды своих противников, не успевших в такой ранний час приготовиться к битве. С такою же стремительностью бросился вперед и Дитлейб и, прорвавшись через неприятельские ряды, скоро встретился с Дитрихом. Тут оба они повернули назад и стали рубить направо и налево, прокладывая себе во все стороны дорогу в толпе врагов.

Целый день продолжалась страшная резня; с наступлением вечера Дитрих хотел было объявить перемирие, но Вольфгарт отсоветовал ему: это только дало бы врагам время собраться с силами. Итак, бой продолжался и ночью, и когда снова появилось на небе солнце, на поле битвы все еще бились кое-где разрозненные кучки. С рассветом многие воины, прекратившие битву от усталости и изнеможения, вернулись на поле сражения, и еще много пало тут отважных и доблестных витязей.

Так было разбито и второе войско Эрменриха, и этот бесстыдный зачинщик всех междоусобий и бедствий опять бежал с поля битвы. Вместе с ним спаслось немало славных и отважных бойцов, но также и совет-ники его, Сибех и Рибштейн. За ними погнались с безумной стремительностью

воины Дитриха и впереди всех Экегарт, но все же не успели они помешать Эрменриху, Сибех и большинству беглецов укрыться в Болонье; однако Экегарту удалось—таки нагнать Рибштейна, и он отсек ему голову в награду за убийство Гарлунгов.

Теперь победителям предстояло тяжелое и печальное дело: похоронить мертвых и подобрать раненых. Все поле битвы, насколько хватало глаз, было покрыто человеческими телами. Много пало тут и знатных рыцарей, и между ними Экегарт, Амелот, Хельмшарт и Юбарт. Но особенно горько стало Дитриху, когда увидал он тело молодого Альфарта. Со слезами поцеловал он его в уста и воскликнул:

— О горе мне, верный мой воин! Вечно будут оплакивать тебя дамы, слушая рассказы о твоих подвигах!

Громко рыдали и жаловались воины и друзья убитых, когда погребали мертвых: одни ломали руки, другие рвали на себе волосы, те падали наземь и лежали как мертвые или же били себя в грудь в то время как опускали в могилу их отца или сына. И все они почти ослепли от слез.

После погребения мертвых Дитрих в глубокой печали покинул поле битвы и поехал со своими воинами прямо к городу Милану. Там просил он Рюдигера и всех слуг Этцеля сделать ему одолжение — остаться на время и хорошенько отдохнуть. Тут пробыли они целых восемь дней, и слуги Дитриха наперебой спешили служить им и ухаживать за ними.

Дитрих оставил свои войска в Берне и Милане и сейчас же покинул римское царство. Гарду передал он отважному Экегарту, а сам вместе с маркграфом Рюдигером поехал к гуннам. Гонцы их спешили вперед в Этцельнбург. Они несли Этцелю и добрые, и злые вести и рассказали ему обо всем, что было там и хорошего и дурного.

В это время подъехал и сам Дитрих Бернский. Этцель с супругою своею, Хельхой, вышел к нему навстречу. Рад был Этцель Дитриху и засыпал его вопросами, и Дитрих подробно рассказывал ему все как было и просил знатную королеву вместе с ним оплакать его воинов, павших в бою. Королева Хельха исполнила его просьбу.

Тут и конец этой песне.

БИТВА ПРИ РАВЕННЕ

Если хотите вы послушать старинные рассказы о чудесных подвигах славных витязей, то надо вам помолчать, и я расскажу вам о великом походе и о том, как потом бернский витязь защитил свою землю от короля Эрменриха. Король этот задумал силою присвоить себе римские земли:

Падую, Гарду, Берн, — всем этим хотел он владеть один. Потому-то и поступил он так, как сказано. Королю Дитриху причинил он большое горе: грабежом и пожаром опустошил он его землю. Король римского царства, поверьте мне, после того набега^[15] всего лишь год один прожил еще в земле гуннов. Воины его, оставшиеся там, приготовили ему много горя.

До того времени, как я слышал, с уст его никогда еще не срывалось ни одно дружелюбное слово об Эрменрихе. С огорчением видела щедрая, знатная Хельха, что король Дитрих не переставал проливать горькие, обильные слезы.

— Очень хотелось бы мне знать, о чем это так глубоко скорбит король Дитрих, — говорила щедрая Хельха, — быть может, я могла бы утешить его в его скорби.

Позвала она к себе маркграфа Рюдигера и попросила его сходить к Дитриху и узнать, не обидел ли его кто-нибудь в гуннской земле.

— Все еще оплакиваю я моих витязей, которых потерял я в битве, — отвечал Дитрих на расспросы Рюдигера, — теперь же еще вдвойне печалит меня то, что Эрменрих опять опустошил мои земли и я не мог помешать ему в этом.

— Если об этом только скорбишь ты, — отвечал ему Рюдигер, — то утешься: Этцель решил весною снарядить для тебя новое войско.

Так желал король Этцель, и многие славные витязи обещали участвовать в походе. Но королева напомнила, что до похода Дитриху следовало еще обвенчаться с ее племянницей. Бернский витязь готов был охотно исполнить ее желание, а потому поспешно отпраздновали свадьбу.

В ту же ночь приснился Гельхе зловеший сон: приснилось ей, что свирепый дракон прилетел к ней в комнату, схватил обоих ее сыновей и растерзал их. От ужаса она проснулась.

Через несколько недель после свадьбы войско было готово к выступлению. Тогда сыновья Этцеля, Орт и Тарф, пошли к своему отцу и стали просить его позволить им принять участие в походе, хотя бы и не участвуя в битвах: для этого, знали они, они были еще слишком молоды. И Этцель и Хельха не соглашались на это, но сыновья просили неотступно, а Дитрих поклялся, что сам будет порукою за жизнь молодых князей, и король гуннов наконец не устоял и согласился, тем более что и сам Дитрих намеревался в первый раз взять с собою в поход младшего своего брата, Дитгера.

Когда войско перевалило через горы, Дитрих узнал, что враг его расположился у Равенны; войско направилось туда, но на пути у них была Падуя, занятая воинами Эрменриха. Тут произошла коротенькая стычка, и войско продолжало свой путь на Берн. Получив известие, что сильное вражеское войско стояло недалеко от этого города, Дитлейб посоветовал оставить позади трех молодых князей, а Рюдигер предложил поручить их престарелому Эльзану. Так и сделали, и Эльзан дал Дитриху торжественную клятву никогда не выпускать юношей из-под своего надзора.

Итак, Дитрих спокойно пошел дальше на Равенну. Но едва успел он отойти со своим войском, как молодые князья начали приставать к Эльзану с неотступными просьбами позволить им выехать хоть немного за город: в городе, казалось им, было так пустынно и скучно.

— Ну, досталось бы мне, если бы узнал о том король мой, Дитрих, — отвечал старик, — и если бы с вами даже не приключилось ничего худого, так и то он был бы страшно разгневан. Я знаю его хорошо, и знаю, что значит его гнев. Одним словом, этого не будет.

— Полно, дорогой Эльзан, — заговорили они в один голос, — ведь мы же вовсе не собираемся догонять войско, а хотим только посмотреть окрестности. Что же касается Дитриха, то мы беремся сами уладить с ним это дело; да и кто расскажет ему об этом?

Старик только покачивал своей седою головой; но молодежь настойчива и неотступна: молодые князья так долго упрашивали его, что он наконец согласился, но решил и сам ехать вместе с ними.

Три юных товарища стремительно бросились к воротам, и не успел старик расправить хорошенько свои члены, как они были уже за городом. Эльзан, выехав вслед за ними из городских ворот, сразу же потерял их из

виду; стал он их громко звать, но никто не отвечал на его голос; как безумный принялся он скакать во все стороны, но тщетно: густой туман спускался на поля и закрывал всю окрестность. Эльзан не знал, что делать и где искать ему своих питомцев: он не мог себе и представить, куда они делись.

Теперь послушайте, какие удивительные вещи я вам расскажу об этих юных, но могучих королевичах. Злая доля направила их на неверный путь, который привел их в Равенну: лютая беда приключилась тут с ними, и они погибли от руки вероломного Витеге.

Благородные молодые князья вскоре должны были остановиться: они заблудились. К их несчастью, ночь уже сильно надвигалась, и пришлось им заночевать в поле. Рано утром выехали они на прекрасный широкий луг. Слушайте только внимательнее. Тут сошли они со своих коней — король Дитгер и оба сына королевы Хельхи — и заботливо стали совещаться.

— Господи, Боже! Где же это мы теперь? — говорили они.

— По чести сказать, я и сам того не знаю, — говорил Дитгер, — мы заблудились, и наш собственный рассудок плохо нами руководил.

Тем временем понемножку рассвело, туман начал подниматься, и весело засияло солнце.

— Весело станет, как посмотришь на такую красоту! — сказал Тарф.

— Великий Боже! — воскликнул тут же и Орт. — Как же прекрасна эта страна! Короли Берна, вы, право, могли бы охотно поселиться здесь хоть навсегда!

В это время, как сказывали мне, юноши увидели проезжавшего там могучего Витеге. Он подъехал к ним очень близко. Завидев его, они говорили друг другу:

— Великий Боже, кто бы мог быть этот богатырь, что стоит там с таким воинственным видом? А что, товарищи, не поехать ли нам к нему навстречу? Судя по всему, он, кажется, желает вступить с нами в битву.

Увидел его и приветливый юный Дитгер; стал он потихоньку вздыхать, и взгляд его затуманился.

— Может статься, ждет меня беда, — сказал он, — тот воин, что стоит там, на поляне, причинил уж мне много зла. Охотно отомстил бы я ему, если бы мог. Что же еще могу я сказать?

— Теперь уж действительно прошу я тебя, — заговорил Орт, — скажи мне, дорогой Дитгер, кто этот статный рыцарь? Если ты назовешь нам его, то он не уйдет от нас живым: мы все нападем на него.

С горем отвечал Дитгер своим товарищам:

— Зовут его Витеге. Ах, если бы мог он найти тут смерть от моей руки!

— Недаром же мы молодые витязи, — воскликнул Тарф, — надо нам напасть на дерзкого и изрубить в щепы его щит! Мы будем биться с ним, если он посмеет ожидать нас здесь, на поляне.

Громко окликнул юношей Витеге и бесстрашно сказал им:

— Скажите мне, славные витязи, не из свиты ли вы Дитриха Бернского?

— Это ты скоро узнаешь, — отвечал Дитгер. — Где был твой разум, когда вздумал ты продать нашу землю? За это должен ты теперь поплатиться своею честью и жизнью.

— Ты говоришь как дитя, — возразил Витеге, — что тебе за дело до римского царства? Возвращайтесь—ка назад в землю гуннов, да не делайте мне больше попреков, а то не видать вам даже и гуннской земли.

— Вероломный трус! Как смеешь ты так открыто поносить благородных королей? За это должен ты поплатиться!

Не умудренные опытом, вскочили они на своих коней: трусость была им незнакома. Стали они спускаться вниз по тропинке, по краю глубокой пропасти, и обнажили свои острые мечи. О, горе! Гибель приближалась к ним! На Витеге напали они с обнаженными мечами в руках.

Завидев скакавших к нему юношей, могучий Витеге покрепче подтянул подпругу своего коня, и не много потребовалось ему на то времени. Потом в гневе быстро вскочил он в седло и думал про себя: «Ни за что не обращусь я в бегство и уж лучше расстанусь с жизнью».

Тут прищепил он своего коня Шемминга и двинулся вперед.

Обнажив меч и ловко фехтуя, словно опытный боец, Тарф первый напал на витязя. Славный Витеге пустил в него свое острое копье и, как слышал я, попал молодому князю прямо в грудь. Много сохранилось рассказов о том, как хорошо бился юный король Тарф. Как ни был силен славный Витеге, какие чудеса ни рассказывают о нем, но молодой Тарф, сын королевы Хельхи, все же нанес ему в этот раз две глубокие раны. Сильная боль от этих ран разозлила Витеге. Выхватил он из ножен меч свой, Мимминг, и напал на Тарфа. Правду говорят, — равно искусно и отважно бились оба витязя, но все же под конец молодой король гуннов был мертвый повергнут на землю. Но прежде, чем упасть, одним могучим ударом выбил он Витеге из седла.

Полный гнева, королевич Орт поскакал к месту битвы, но не на счастье себе. Сильный Витеге успел уже снова вскочить на коня своего

Шемминга и с обнаженным мечом готовился встретить Орта. Орт стремительно напал на него, и тут-то завязалась битва.

Видя, что не удастся ему отразить нападение, неустрашимый Витеге с гневом сказал юноше:

— Безрассудно, как дитя, поступил ты сегодня, князь гуннов! Поверь мне, неохота мне убивать тебя. Опасаюсь я бернского короля, которому отданы вы под охрану. Если бы был ты благоразумнее, то, конечно, постарался бы избежать встречи со мной.

— Поверь, убийца, ты должен теперь умереть! — отвечал Орт. — Ты должен искупить теперь смерть моего брата! Сегодня ждет тебя гибель.

— Нет, могучий король. Укроти свой гнев и подумай о том, что пусть уж лучше будет разmozжен один череп, чем всем вам гибнуть друг за другом. Оставайся лучше жить на славу твоему отцу.

— Бесстыдный человек! На что же я, по-твоему, годен? Ты лишил меня товарища моей юности, и в жизни остается мне одно лишь горе.

Обеими руками взмахнул он над головой своим мечом, и витязи поскакали навстречу друг другу, и скоро шлемы их зазвенели под могучими ударами мечей. Долго длился бой, и юный Орт нанес Витеге три раны. Но все было тщетно: Этцелю суждено было потерять обоих сыновей.

— Пока еще все может кончиться благополучно, — снова заговорил Витеге, — позже это уже будет невозможно, и я, конечно, убью тебя. Потом, может быть, и сам пожалею, да что в том толку?

— Нет, ты от меня не уйдешь, вероломный человек! — кричал Орт. — Ты должен заплатить мне тут же, на месте, за гибель моего брата!

Тем временем и Дитгер успел сесть на своего коня и во весь опор скакал к месту битвы. Молодые королевичи вдвоем напали на Витеге. Они напали на него с тылу и спереди. Никогда еще не сыпались так на него быстрые удары мечей. Витеге совсем разъярился от гнева, и пришлось поплатиться за то молодому королю гуннов: славным мечом своим Витеге нанес ему такой удар, что рассек ему пополам весь череп, и Орт мертвый повалился наземь. Великий был это грех! Оба сына королевы Хельхи бездыханные лежали на лугу.

Сильно опечалился Дитгер Римский. Взял он в руку меч и неустрашимо напал на Витеге. Но Витеге грозно отражал его удары. Пока длился бой, бойцы все более и более приходили в ярость. Никогда еще не испытывал Дитгер такого горя, как при виде своих убитых королей, и кровь выступила у него из глаз вместо слез.

Благородные и отважные витязи бросили коней и бились пешие. Громко звенели их мечи, и глаза их метали пламя. Долго длился бой, и день

начал уже клониться к вечеру. Как ни юн был Дитгер, но все же нанес он Витеге четыре глубоких раны. Почувствовав сильную боль, Витеге бросил на землю щит и, подняв свой меч обеими руками, бросился на Дитгера и сразу рассек ему надвое все туловище. Это был самый превосходный удар, отделивший сразу печень от сердца.

О горе, каким позором покрыл себя при этом Витеге! Дитгер, король римский, умирая, сказал:

— Увы, брат Дитрих, тебя, конечно, уж никогда я не увижу!

Горько заплакал при этих словах вероломный Витеге. Он стал покрывать поцелуями раны Дитгера и говорил:

— Клянусь Богом, я с радостью умер бы сам, лишь бы вернуть тебя к жизни! Теперь нет для меня такой страны, где бы мог я укрыться от гнева Дитриха.

Наконец решился он уехать и уже подошел было к коню своему, Шеммингу, но тут силы покинули его, и он вынужден был лечь тут же на лугу.

Дитрих Бернский, направившись со своим войском к Равенне, скоро нашел войско Эрменриха. Войско это было велико и сильно, но все же Дитрих и гунны победили его в первый же день битвы. На другой день воины Эрменриха разбежались в разные стороны, покинув на поле битвы своих мертвых, но и гунны тоже потерпели сильный урон.

В тот же день вечером, когда победители отдыхали от тяжких трудов, Дитрих вдруг увидал подъезжавшего к ним Эльзана, и предчувствие чего-то недоброго овладело им.

— Ну, как поживают молодые гуннские князья и мой брат?

— Государь, я этого не знаю, — печально отвечал ему Эльзан, — они скрылись у меня из глаз, но, я надеюсь, с ними не случилось ничего дурного.

Но плохо верил он сам тому, что говорил. Дитрих же Бернский, несмотря на всю усталость своих воинов, приказал им сейчас же отправиться разыскивать пропавших.

В это время прискакал Гельфрих. Сначала он лишился чувств от горя, а потом сказал Дитриху слабым, беззвучным голосом:

— Разве вы не знаете, что случилось? Там в поле лежат убитые молодые короли и вместе с ними брат твой, Дитгер!

Ни слова не произнес Дитрих, но мигом вскочил на коня и поскакал в ту сторону, куда указывал Гельфрих. Там, недалеко от Равенны, нашел он на песке убитых королей и в горе бросился на их тела. Вокруг него столпились его верные воины. Долго лежал он молча, потом разразился он

отчаянными жалобами, проклинал свою судьбу и призывал себе смерть. Затем вспомнил он об Этцеле и Хельхе, разом лишившихся обоих сыновей и которые, конечно, должны были проклясть его, как убийцу, потому что он поручился им за жизнь их детей. Наконец задумался он и о своей собственной судьбе: теперь уж навсегда утратил он благосклонность короля гуннов, а без его помощи не удастся ему уберечь свою землю от посягательств Эрменриха. В этом он успел уж не раз убедиться на деле.

Когда же миновал первый взрыв его горя, вспомнил он об убийце и поклялся отомстить ему. Снова бросился он к трупам сыновей Хельхи и стал внимательно осматривать раны.

— Теперь знаю я, кто это сделал, — воскликнул он в бешенстве, — мне знаком меч Мимминг! Проклятый злодей! Если бы был он теперь здесь, я положил бы предел его злодеяниям!

Тут только вспомнил Дитрих, что он потерял и своего собственного брата, и чуть было опять не позабыл все от горя. Но тут вдруг послышались яростные крики: Витеге, не успев собраться с силами, все еще лежал неподалеку на земле, но, увидев грозившую ему опасность, вдруг поднялся и вскочил на коня.

— Скорее! На коня, король Берна! — кричали его воины. — Вот скачет тот, кто совершил эти убийства!

Дитрих мигом забыл свои жалобы и слезы; полный гнева, вскочил он на коня и поскакал за беглецом. Многие из бернцев и гуннов раньше уже пустились догонять Витеге, но всех их опередил Дитрих.

Мчался Витеге по широкому лугу, а вместе с ним дядя его, Ринольд, — не хотел он покинуть его в неминуемой беде.

— Стой, Витеге! — кричал ему вслед Дитрих Бернский. — Если ты мужчина и воин, то остановись и дай мне ответ в том, что ты сделал!

Но Витеге, не внемля его словам, скакал вперед как безумный.

— Расскажи же мне, что сделали тебе молодые князья? За что ты их убил? — продолжал Дитрих. — Скажи, храбро ли они защищались? Да остановись же! Подумай, я устал и выбился из сил, а если бы ты убил меня, какую стяжал бы ты себе славу! Ты получил бы и Берн, и Милан, и даже Рим в придачу, — король твой, конечно, отдал бы тебе их в награду!

Видя, что Витеге, не слушая, продолжает скакать вперед, Ринольд сказал ему:

— Право, это позор, что мы так убегаем. Какой вред может причинить нам этот человек один?

— Нет, дядя, — отвечал Витеге, — мы погибли, если мы остановимся.

— Ты — трус! — воскликнул Ринольд, — Будь что будет, я остановлюсь!

— Так оставайся же, если хочешь, — отвечал Витеге. — Жаль мне потерять тебя, но делать нечего!

Дальше поскакал Витеге; Ринольд же соскочил с коня, чтобы подтянуть подпругу, а потом снова сел на него и во весь опор понесся навстречу Дитриху и ударил его копьем прямо в панцирь. У Дитриха не было ни копья, ни шлема, ни щита, но он выхватил из ножен меч и одним ударом рассек Ринольду шлем и череп.

Тем временем Витеге далеко ускакал по ровному полю, но это не спасло его от гнева Дитриха. Бернский витязь скоро снова нагнал его и осыпал насмешками, издеваясь над его трусостью, мешавшей ему отомстить за смерть своего дяди. Он был уже так близко к Витеге, что между ними оставалось пространство всего лишь на длину коня. Вот Витеге доскакал уже до моря, и Дитрих совсем было настиг его, как вдруг в одно мгновение Витеге исчез у него из глаз: одна русалка сжалилась над бедным витязем и увлекла его к себе на дно моря вместе с его конем. Там покоится он и теперь, сокрытый морскою пучиной, и отдыхает от поединков и битв.

Дитрих в пылу преследования и не заметил, как конь его вступил в воду, и опомнился только тогда, когда холодные волны доходили ему до груди; тут только понял он, что ненавистный враг навсегда избег его мести.

Делать нечего, повернул он коня и медленно поехал назад, туда, где воины его все еще печально толпились вокруг убитых королевичей.

— Что толку в долгих жалобах? — сказал наконец Гельфрих. — Надо нам вернуться да подумать о том, что предстоит нам теперь делать.

Но Дитриха лишь силою можно было увести с этого места.

Между тем король Эрменрих бежал в Равенну и приказал тщательно охранять город. У городских ворот снова разгорелся бой, но Дитриху с его воинами опять удалось оттеснить толпу врагов, и они, желая укрыться за городскими стенами, теснились к воротам. Но когда ворота открылись, чтобы пропустить отступавших воинов, вместе с ними проникли в город товарищи Дитриха, и на всех улицах завязалась битва и продолжалась до самой ночи.

В полночь отворились самые дальние ворота города, и из них выехал рыцарь, один, безо всякой свиты. Это был Эрменрих. В минуту крайней опасности покинул он своих воинов, отплатив им черной неблагодарностью за все их труды и верную службу.

Скоро весь город вспыхнул ярким пламенем, в котором с треском рушились дома и башни.

Когда все затихло и войска Дитриха стали потихоньку возвращаться на родину, герцог Рюдигер собрался ехать домой в землю гуннов.

— Не решаюсь я ехать с тобою, — сказал ему Дитрих, — слишком уж много горя пришлось пережить по моей вине королю Этцелю и супруге его, королеве Хельхе, и у меня не хватит духу смотреть на их скорбь. Скажи им правду и расскажи все как было, а потом дай мне знать, как перенесут при гуннском дворе эти скорбные вести.

Раз стояла королева Хельха со своими женщинами в саду, любуясь прекрасными цветами, и вдруг увидала она, что прибежала пара благородных коней, и смутилась духом.

— Что же это со мною? — сказала она. — Не те ли это кони, на которых пустились в путь в землю Дитриха мои сыновья? А вот подъезжает и Рюдигер со своими товарищами. Возвращаются все, кого мы послали в этот поход, только сыновей своих я не вижу. Скажи же, Рюдигер, что это значит? Что случилось?

Но видя, что Рюдигер в слезах молча ломает руки, она поняла, что случилось, и без чувств упала на землю; потом, придя в себя, она закричала маркграфу пронзительным голосом:

— Не издевайся надо мною, расскажи скорее, где мои сыновья!

— Не стану я скрывать от тебя истины, ведь рано или поздно ты все равно ее узнаешь, — отвечал ей Рюдигер, — оба сына твои убиты и лежат теперь в чистом поле недалеко от Равенны.

В полном отчаянии королева стала убиваться и плакать по погибшим, и никто не мог ее утешить. Когда же подошла к ней Геррата, супруга Дитриха, она стала с гневом гнать ее от себя.

— Прочь с моих глаз! — кричала она. — Да будет проклят день, когда я приняла так благосклонно твоего мужа, да будет проклят час, когда я в первый раз увидела его!

— Напрасно обвиняешь ты Дитриха Бернского, — заговорил маркграф, — он не повинен в смерти твоих сыновей: я знаю, что он сам охотно умер бы, если бы мог вернуть к жизни твоих детей. Послушай, я расскажу тебе то, чему сам был свидетель. Не только Орт и Тарф лежат теперь в чистом поле близ Равенны, лежит там и собственный брат Дитриха, молодой Дитгер: и он убит вместе с ними. Увидев их всех троих распростертыми на земле, Дитрих и не подумал о своем брате и оплакивал только твоих сыновей. Он бросился на их тела и целовал их раны; в отчаянии он рвал на себе волосы и царапал кожу. Никогда не забуду я его плача! И плакал он не по брату, а по твоим сыновьям.

Рассказ Рюдигера смягчил несчастную королеву, и она пожалела, что сгоряча прокляла Дитриха.

— Поезжай к нему, — сказала она Рюдигеру, — скажи ему, что я его простила: я готова опять видеть его и снова буду к нему так же милостива,

как и в первый год, когда я узнала его.

В это время подошел король Этцель, ласково приветствовал маркграфа и стал было расспрашивать об исходе войны и о своих сыновьях, но, увидев печальные лица, отшатнулся в ужасе.

— Что случилось с моими сыновьями? — воскликнул он, дрожа от страха.

И от него также не утаили правды.

— Горе мне! — воскликнул он в гневе. — Это вина тех, кто убедил меня доверить сыновей вероломному Дитриху. Это он предал их!

— Несправедливо обвиняешь ты его, — сказал Рюдигер. — Их убил Витеге, в то время как мы бились с Эрменрихом. Дитрих поручил их старому Эльзану и сложил бы свою голову за то, что не уберег их.

Узнав затем, как Дитрих горевал и плакал о молодых королевичах, забывая о своем собственном брате, и Этцель тоже смягчился и простил Дитриху его невольную вину. Но долго еще пришлось уговаривать его воином, пока не согласился он наконец исполнить желание королевы и вернуть Дитриха к своему двору.

— Раз вы считаете его невиновным, я охотно исполню желание жены моей Хельхи, — сказал он наконец Рюдигеру, — поезжай к нему и скажи ему, что я вернул ему свою милость.

Обрадовался Рюдигер, что мог привезти Дитриху такие вести, и поспешно пустился в путь. В Берне застал он Дитриха и возвестил ему прощение от имени короля гуннов. Так, после тяжкого горя и уныния, Дитрих снова познал радость.

Получив такие вести, витязь поехал в землю гуннов в сопровождении Рюдигера.

Все воины Этцеля, и старые и молодые, собрались встретить его. Дитрих вошел в зал, но король Этцель обошелся с ним холодно и нерадушно. Дитрих же, подойдя к нему, склонил голову к его ногам, и это совсем растрогало королеву Хельху. Она не могла смотреть на него без жалости и залилась слезами.

— Благородный и могучий король, — сказал Этцелю Дитрих Бернский, — вымести на мне свое горе и смерть твоих любимых сыновей! Возьми мою жизнь!

Этцель поднял его и, прижимая его к своей груди, сказал ему:

— Я прощаю тебе все горе, какое ты причинил мне, и не считаю тебя виновным в смерти моих сыновей.

— Благодарю, государь, — отвечал Дитрих, — я сумею оценить великое твое ко мне доверие. Поверь мне, — я погибну или же отомщу за

твоих сыновей.

Так получил Дитрих прощение короля Этцеля и королевы Хельхи, и рад он был, что простили они ему его вину. На том кончается эта повесть.

СМЕРТЬ ЭРМЕНРИХА

Хотя и хорошо жилось Дитриху в земле гуннов, но все же часто задумывался он о том, сколько вреда и позора причинял ему всегда дядя его Эрменрих. Но нигде не удавалось ему захватить открытою силой этого хитрого и лукавого князя, и задумал и он тоже прибегнуть к уловке. С немногими спутниками вернулся он тайно в Берн и тут узнал от супруги Хильдебранда, Уты, что Эрменрих находился в это время в одном из своих замков, имея при себе всего лишь триста пятьдесят воинов.

Темной ночью вышел Дитрих из Берна, взяв с собой всего лишь одиннадцать воинов. Когда они почти уже пришли к замку Эрменриха, увидали они на дороге виселицу: король Эрменрих приготовил ее для своего племянника на случай, если он попадется ему в руки. Вид этой виселицы только удвоил гнев Дитриха, и он скоро стал яростно и буйно стучаться в ворота замка.

— Чего вам надо? — окликнул их из-за ворот привратник.

— Хотим мы спросить у твоего господина, для кого это приготовлена там на дороге виселица, — отвечали ему стучавшиеся в ворота пришельцы.

Узнав, что сам Дитрих всего лишь с несколькими спутниками стоит у ворот его замка, Эрменрих решил, что наступила самая благоприятная минута, чтобы погубить его вместе с его товарищами, и, понадеявшись на себя, приказал отворить ворота. Но едва успели исполнить его приказание, как Дитрих и его спутники, ворвавшись в замок, принялись избивать всех, кто ни попадался им под руку, и так перебили они более трехсот человек, пока не добрались до самого короля. Тот, ошеломленный этим внезапным и жестоким побоищем, не успел подумать о бегстве и был сражен первым же могучим ударом самого Дитриха.

notes

Примечания

1

Chantecler можно перевести по-русски как звонкоголосый.

В переводе: гадкая нора

Percehaie можно перевести — Пролаз; Malebranche — Худое Отродье.

Messer — мессер — титул, даваемый в судебных актах знатым людям.

Аттилы.

В Австрии.

Т. е. Веронский.

Амелунги — потомки остготского короля Амолы, в народных преданиях люди Дитриха.

Испанский или Аквитанский.

Дитриху.

С паломниками.

Рыцарские обычаи не позволяли рыцарям являться к дамам вооруженными.

Wulpensand — остров в устье Шельды.

Теперь — Верона.

Последнего, описанного в бегстве Дитриха.